

$P_{\delta} \frac{21}{15}$

1903 № 3

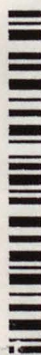

2015595715

Вестник Знания

СОДЕРЖАНИЕ № 3.

А. Радцигъ. Новый русский таможенный тарифъ.

С. И. Васюковъ. Картинки и впечатлѣнія сѣвера.

Проф. М. Лебъ. Жизненные явленія безъ жизненной силы.

Проф. Б. Н. Ивановскій. Мотивы поэзии Некрасова.

Проф. А. А. Исаевъ. По вопросу о колоніяхъ.

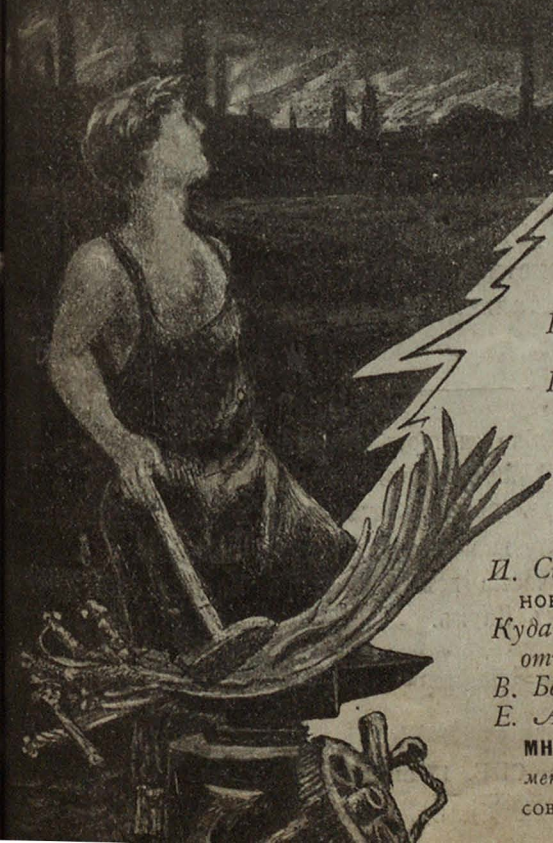
Анри Беранже. Геній. Драма въ 3 актахъ. II актъ. Пер. Окнерузомъ.

И. Стародубъ. Естественный подборъ въ новомъ трудѣ Вейсмана.

Куда ведетъ насъ наука и чего намъ ожидать отъ нея.

В. Бельше. Сонъ Кеплера.

Е. Аничковъ. Новые образы и старыя мнѣнія. „На днѣ“ Максима Горькаго и современная драма. — I. Возрожденіе трагизма въ современной драмѣ. — „Нора“ на нѣмецкой

сценѣ въ 1882 г.— „Дама съ камеліями“ или „Элиза Гонкура“— II. О скудѣ жизни и о театрѣ Станиславскаго.—Символизмъ и тенденція.— Отъ „Мѣшанъ“ обратно къ „бывшимъ людямъ“.— II. Развитие дѣйствія въ драмѣ „На днѣ“.—Участіе въ немъ „утѣшительной лжи“ Луки.— Значеніе въ ней четвертаго акта.— Кто герои пьесы?— Мировоззрѣніе „голаго человѣка“ и теорія трагизма Шопенгауэра.— IV. „Картины“, „сцены или „трагедія“?— Нитишеанство Сатина и исканіе смысла жизни.

Изъ литературы и жизни. I. Густавъ Гейерстамъ — пѣвецъ супружества. — II. Нитише—новый Ла-Рашфуко.— III Гете и Нитише.— IV. Лига женщинъ, „равнодушныхъ къ мужчинамъ“.— V Пессимистическое теченіе въ современной японской литературѣ.

Вопросы народнаго образованія и—библіографія. А. А. Николаевъ.

Ближайшія задачи народно-популярной литературы. Л. Клейнборгъ. Съездъ представителей учительскихъ обществъ. Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и самообразованія: Сергѣй Мечъ. Альпы. Австралія и Тасманія. Гренландія. Кавказъ. Палестина и Аравія. Сахара и Ниль. Финляндія. А. А. Н. Библіотека для дѣтей и юношества, подъ ред. Горбунова-Посадова.— М. Богдановъ. Скворецъ и воробей. Бѣдные звѣрьки; ужъ и жаба. Ласточка. Бѣдный звѣрекъ — летучая мышь. Мышка. Изъ жизни птицъ. Пасхальное яйцо. Какъ люди научились разводить рыбъ. И. О. А-свъ.

Библіографія. А. Измайловъ. „Рыбье слово“. Повѣсти и рассказы. П. Буки. — L'idée d'évolution dans la nature et dans l'histoire par G. Richard. R. S. и В. Б. Энциклопедія промышленныхъ знаній. М. З.

Научная хроника. Новыя изобрѣтенія въ области электротехники, инженер-наго искусства и техники. Новое изобрѣтеніе въ области телефоніи.— Безпроводочный телефонъ — Система безпроводочнаго телеграфированія Попль-Бранли.— Новая рентгеновская трубка.— Дактилостиль.— Желѣзная дорога между Европой и Америкой.— Физика, химія, метеорологія. Фосфоръ въ метеоритѣ.— Телеграфныя проволоки и предсказаніе погоды.—Періодическія явленія въ неорганизованной матеріи.— Біологія, медицина. Новѣйшія изслѣдованія живучести сердца.— Дѣйствіе вольтовой дуги, какъ средство противъ плѣшивости.— Роль гипнотизма въ медицинѣ.

Отвѣты подписчикамъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.

Объявленія.

Приложенія къ № 3: 1. „Общедоступный Университетъ“—Атмосфера I.— 2. „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“—Руководство для собиранія коллекцій и наблюденій природы. 3. Читальня „Вѣстника Знанія“—Гюдри-Мено. Женщина.

Редакція «Вѣстника Знанія» считаетъ возможнымъ сообщить читателямъ, что проф. Максимъ Максимовичъ Новалевскій обѣщалъ намъ въ очень недалекомъ будущемъ прислать статью по одному изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ избирательнаго права. Такимъ образомъ въ «Вѣстникѣ Знанія» принимаютъ участіе всѣ профессора Парижской Русской Высшей Школы Общественныхъ Наукъ.

№ 3.

1903.

Вѣстникъ Знанія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

и

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ

ПРИЛОЖЕНІЯМИ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

1903.

№ 3.

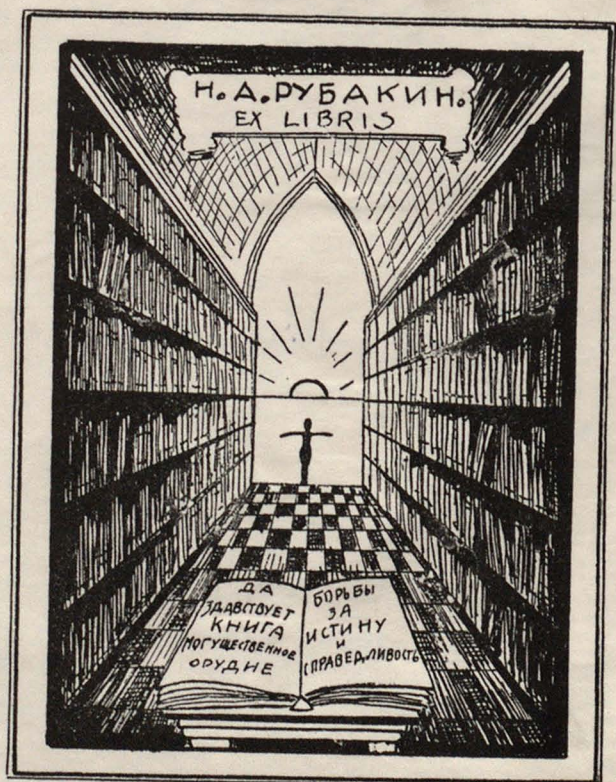
Вестник

С. ПЕТЕРБУРГ
ПЕЧАТНЯ
А. П. ЛЕВЧЕНКО

h-3126-48

Дозв. ценз. СПб. 11 апрѣля 1903 г.

„Съверная Электрпечатня“ Эд. Эд. Новицкаго. Гороховая, 36

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
--------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------

12

25

16/1-100000

1952

3

85

А. А. Радцигъ.

Новый русскій таможенный тарифъ.

Изъ объяснительной записки ¹⁾ къ опубликованному въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» новому общему таможенному тарифу по европейской границѣ видно, что «ближайшимъ поводомъ къ его составленію послужило приближеніе срока, съ котораго могли бы послѣдовать прекращеніе дѣйствія тарифныхъ договоровъ Россіи съ иностранными государствами».

Сейчасъ въ Россіи дѣйствуютъ два тарифа: общій и конвенціонный. Послѣдній объемлетъ собою закрѣпленныя по договорамъ ставки общаго тарифа, частью пониженныя, частью неизмѣненныя. Общій тарифъ примѣняется къ той части, которой не коснулись договоры съ иностранными государствами. Съ 18/31 декабря минувшаго года каждая изъ договорившихся сторонъ можетъ въ любой день заявить о желаніи прекратить дѣйствіе соглашенія, послѣ чего черезъ годъ оно утрачиваетъ обязательную силу. До опубликованія новаго русскаго тарифа (13 января) ни съ какой стороны (кроме Болгаріи) не послѣдовало такого заявленія, а потому введеніе въ дѣйствіе новаго таможеннаго тарифа въ части, долженствующей замѣнить теперешній конвенціонный тарифъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ послѣдовать ранѣе, чѣмъ черезъ годъ, считая отнынѣ.

Имѣя вышесказанное въ виду, взглянемъ на то, какія измѣненія введены въ новомъ таможенномъ тарифѣ.

Послѣднее возвышеніе пошлинъ имѣло мѣсто въ 1900 г., т. е. три года тому назадъ, и относилось къ тѣмъ товарамъ, которыхъ не коснулись договоры. Новый таможенный тарифъ вводитъ нѣкоторыя измѣненія покровительственнаго характера въ общій тарифъ, но главнымъ образомъ въ ту его часть, которая содержитъ закрѣпленныя ставки конвенціоннаго тарифа ²⁾.

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ № 12, 1903 года

²⁾ „Общій таможенный тарифъ по Европ. границѣ“. Изд. Департ. Тамож. сборовъ. С.-Петербургъ, 1894 г., и „Общій таможенный тарифъ по Европейской границѣ“, Высочайше утвержденный 13 января 1903 года.

Въ покровительственныхъ цѣляхъ въ 1900 г. была возвышена пошлина на муку съ 30 на 45 коп. съ пуда, въ тѣхъ же цѣляхъ сейчасъ крупа выдѣлена въ особую категорію, и для крупы, приготовленной одной лишь механической обработкой, установлена пошлина въ 60 коп. съ пуда, для всякой-же другой крупы—1 р. 50 коп. съ пуда.

По конвенціонному тарифу 1894 г. мука картофельная была обложена пошлиной въ 90 коп. за пудъ, крахмалъ въ 1 р. 72½ коп., по новому тарифу пошлина на муку картофельную и крахмалъ возвышена до 2 р. 10 коп. съ пуда.

По тарифу 1894 г., овощи простые огородные, были допущены къ беспошлинному привозу, на овощи соленые и моченые пошлина была 37½ коп. съ пуда, на овощи всякіе, заготовленные въ прокъ, а также на цикорій, пошлина была 60 коп. съ пуда; по новому тарифу простые овощи обложены пошлиной въ 30 коп., соленые и моченые въ 40 коп., заготовленные въ прокъ—въ 90 коп., а цикорій—1 р. съ пуда. Точно такъ же возвышены пошлины на фрукты и ягоды свѣжіе съ 90 коп. на 1 р. 80 коп. съ пуда, на виноградъ свѣжій—съ 2 р. 40 коп. на 3 р. 60 коп.

На апельсины и лимоны пошлины были возвышены въ 1900 г. до 1 р. 57½ коп. и оставлены въ новомъ тарифѣ безъ измѣненія.

Возвышенныя въ 1900 г. пошлины на каперцы, оливки, маслины, анисъ, тминъ, орѣхи всякіе, миндаль и фисташки въ новомъ тарифѣ оставлены безъ измѣненій.

Конвенціонныя пошлины на паштеты и припасы всякіе возвышены съ 6 р. 37½ коп. до 10 руб. съ пуда. На трюфели, кофе, какао—пошлины были возвышены въ 1900 г. и въ новомъ тарифѣ оставлены безъ измѣненій.

Вообще, измѣненія, введенныя въ тарифъ въ 1900 г. были такъ значительны, что для дальнѣйшаго возвышенія пошлинъ, за исключеніемъ конвенціонныхъ, не могло быть основаній. Что касается до послѣднихъ, то измѣненія въ нѣкоторыхъ статьяхъ очень значительны. Такъ, по конвенціонному тарифу, пошлина на хмѣль была 5 р. 25 коп. съ пуда, сейчасъ вводится пошлина въ 15 р. съ пуда.

Мы привели нѣсколько примѣровъ измѣненія пошлинъ, которыми и ограничимся, считая излишнимъ приводить всѣ тарифныя ставки, но полагаемъ необходимымъ высказать здѣсь по поводу нашего таможеннаго тарифа слѣдующія соображенія.

Нашъ тарифъ 1891 г. былъ уже настолько высокъ, что, казалось, въ смыслѣ возвышенія пошлинъ дальше идти ужъ было некуда, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ, и въ особенности въ 1900 г., очень многія пошлины были возвышены на 10, 20, 30 и 50% сравни-

тельно съ прежними ставками. Возвышеніе пошлинъ въ 1900 г. не могло коснуться пошлинъ, закрѣпленныхъ торговыми договорами; теперь новымъ тарифомъ возвышаются и эти пошлины, при чемъ по нѣкоторымъ товарамъ по западно-сухопутной границѣ вводятся высшія пошлины сравнительно съ пошлинами на привозные моремъ товары.

Просматривая новый германскій тарифъ отъ 25 декабря 1902 г. ³⁾, мы не встрѣтили въ немъ ни одной дифференціальной пошлины, которая одинакова по всѣмъ границамъ, и поэтому мы полагаемъ, что введеніе у насъ возвышенныхъ пошлинъ по западно-сухопутной границѣ можетъ легко повести къ таможеннымъ недоразумѣніямъ съ Германіей.

Въ 1887 г. были введены по западно-сухопутной границѣ возвышенныя пошлины на хлопокъ и чугунъ. Эти пошлины намъ при заключеніи договора съ Германіей пришлось отмѣнить, и то же самое должно случиться и въ настоящее время, потому что нѣмцамъ, очевидно, не выгодно, чтобъ ихъ издѣлія были обложены высшей пошлиной, чѣмъ издѣлія, прибывающія къ намъ моремъ изъ Англіи.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь пошлины на нѣкоторые товары при привозахъ по западно-сухопутной границѣ и моремъ.

Пошлины въ копѣйкахъ съ пуда.

Моремъ.

По западно-сухопутной границѣ.

Каменный уголь	1½ коп.	3 коп.
Коксъ	2¼ »	4½ »
Чугунъ	45 »	52½ »
Желѣзо сортовое и рельсы . . .	90 »	108 »
Жестъ	265 »	318 »
Сталь	90 »	108 »
Издѣлія изъ мѣди	1.370 »	1.644 »
Чугунъ въ дѣлѣ	112½ »	135 »
Чугунная посуда, эмалированная	150 »	180 »
Желѣзные и стальные издѣлія	255 »	306 »
Жестяные издѣлія	500—900 »	600—1080 »
Издѣлія изъ олова	195 »	234 »
Вѣсы	600 »	720 »
Войлоки и войлочные матеріи	90 »	108 » 4)
Шерстяныя матеріи	225 »	270 » 4)

³⁾ „Deutsches Handels-Archiv“ Januar, 1903.

⁴⁾ Эти пошлины значатся съ фунта.

Мы ограничимся приведеннымъ спискомъ товаровъ, которые по западно-сухопутной границѣ обложены высшей пошлиной, чѣмъ по морской, но списокъ этотъ далеко не полонъ.

По нашему глубокому убѣжденію нѣмцы при заключеніи съ нами торговаго договора настоятъ на томъ, чтобы наши пошлины были одинаковы по всѣмъ границамъ.

Для насъ важны не размѣры германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, а то, чтобы онѣ были одинаковы для всѣхъ странъ, доставляющихъ въ Германію хлѣбъ. Если бы съ американскаго или румынскаго хлѣба нѣмцы вимали низшую пошлину, чѣмъ съ нашего хлѣба, то это было-бы для насъ убыточнымъ, какъ могли-бы оказаться убыточными для нѣмцевъ наши пошлины по западно-сухопутной границѣ на чугуны, желѣзо и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, разница въ 20% на пошлинѣ настолько значительна, что привозы всѣхъ товаровъ, обложенныхъ по сухопутной границѣ высшей пошлиной, сдѣлались-бы невозможными.

Нѣмцы въ своемъ тарифномъ законѣ отъ 25 декабря 1902 г. предусмотрѣли подобный случай, и § 10 этого закона въ случаяхъ примѣненія къ нѣмецкимъ товарамъ дифференціальныхъ пошлинъ разрѣшается возвышеніе нѣмецкаго тарифа на 50%.

Въ виду сказаннаго намъ кажется, что не слѣдовало-бы вводить по западно-сухопутной границѣ, возвышенныхъ пошлинъ, которыя все равно будутъ отмѣнены.

Нашъ таможенный тарифъ такъ страшно высокъ, что если о чемъ-либо слѣдуетъ думать, то лишь о пониженіи теперешнихъ обременительныхъ пошлинъ.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цѣны нѣкоторыхъ товаровъ у насъ и въ иностранныхъ государствахъ. Изъ сравненія цѣны выяснится, насколько искусственно удорожается у насъ жизнь.

Такъ, напр., въ 1901 г. *) кофе санто въ Петербургѣ въ въ среднемъ стоилъ по 12 р. 76 к. за пудъ, въ Лондонѣ тотъ же сортъ стоилъ 4 р. 99 к. (наша пошлина составляетъ 5 р. 85 к. съ пуда). Какао, стоившее въ Одессѣ 20 р. 90 к. за пудъ, въ Лондонѣ стоило не дороже 10 р. 67 к. (пошлина 6 р. 75 к.). Оптовая цѣна чернаго чая въ Петербургѣ была 57 р. 60 к. за пудъ, въ Лондонѣ средній конго стоилъ 10 р. 32 к., а лучшій 26 р. 60 к. (пошлина 31 р. 50 к.). Рисъ рангунъ въ Петербургѣ стоилъ 2 р. 82 к. за пудъ, въ Лондонѣ 1 р. 1 к. (пошлина 1 р. 5 к.). Гвоздика въ Петербургѣ стоила 13 р. 78 к. за пудъ, въ Лондонѣ 7 р. 20 к. (пошлина 6 р. 75 к.). Цѣна имбиря въ

*) Сводъ товарныхъ цѣнъ на русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1901 годъ. С.-Петербургъ 1902.

Петербургъ была 13 р. 50 к., въ Лондонѣ 5 р. 29 к. (пошлина 6 р. 75 к.). Черный перецъ, стоившій въ Петербургѣ 16 р. 30 к. за пудъ, въ Лондонѣ продавался по 8 р. 64 к. (пошлина 6 р. 75 к. за пудъ). Цѣна бочки норвежскихъ сельдей на мѣстѣ не дороже 10 р., а пошлина на нихъ у насъ 6 руб. съ 10 пудоваго боченка ($60\frac{3}{4}$ к. съ пуда).

На сырые продукты цѣны у насъ также очень высоки, вслѣдствіе чего фабрикація всѣхъ товаровъ удорожается въ страшной степени. Такъ напр., бура кристаллическая стоила въ 1901 г. въ Петербургѣ 4 р. 48 к. за пудъ, въ Лондонѣ 2 р. 48 к. (наша пошлина 1 р. 80 к. съ пуда); купоросъ мѣдный стоилъ въ Петербургѣ 4 р. 98 к. за пудъ, въ Лондонѣ 3 р. 47 к. (пошлина 1 р. 20 к.), сода кристаллическая стоила въ Петербургѣ 83,5 к. въ Лондонѣ 48,6 к. за пудъ (пошлина $90\frac{3}{4}$ к. съ пуда), сода каустическая стоила въ Петербургѣ 2 р. 73 к., въ Лондонѣ 1 р. 66 к. за пудъ (пошлина 1 р. 35 к. съ пуда), хлорная известь стоила въ Петербургѣ 2 р. 35 к., въ Гамбургѣ 1 р. 2 к. (пошлина 1 р. $15\frac{1}{2}$ к.).

Хлопокъ, шерсть, джута, пряжа изъ этихъ матеріаловъ и издѣлія обложены прямо запретительными пошлинами, причемъ введенная съ 1900 г. пошлина на хлопокъ такъ высока, что бумагопрядильщики 2 года не могли работать съ пользой, такъ какъ не было возможности поднять цѣну на пряжу и миткали.

Русскіе товары, какъ напр. керосинъ и сахаръ, были ужасно дороги благодаря акцизамъ на нихъ. Такъ керосинъ въ бочкахъ въ 1901 г. стоилъ въ Петербургѣ 1 р. 44 к. за пудъ, въ Лондонѣ 1 р. 3 к., сахарный песокъ стоилъ въ Кіевѣ 4 р. 46 к. для мѣстнаго потребленія и 1 р. 28 к. для экспорта.

Благодаря высокимъ пошлинамъ такіе товары, какъ мука пшеничная и сало, стоили у насъ дороже, чѣмъ въ Лондонѣ. Такъ въ Петербургѣ цѣна муки пшеничной въ 1901 г. была 1 р. 85 к. до 1 р. 95 к. за пудъ, въ Лондонѣ высшій сортъ муки стоилъ 1 р. 83 к., а привозная венгерская 1 р. 73 к. за пудъ. Сало въ Петербургѣ стоило 5 р. 87 к., въ Лондонѣ 4 р. 31 к. за пудъ. Свѣчи стеариновыя продавались у насъ по 10 р. за пудъ, въ Лондонѣ по 6 рублей.

Изъ приведенныхъ выше цѣнъ на разные товары у насъ и за границей было видно, насколько теперешній таможенный тарифъ удорожалъ жизнь русскаго обывателя. За многіе товары приходилось платить двойныя цѣны, почему требованіе на нихъ было ограничено и торговые обороты падали.

Усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ въ послѣднее время должна была вызвать громадный ростъ промышленности, какъ это было, напр., въ 80-хъ годахъ въ Америкѣ, а вмѣсто

того многія отрасли промышленности, вслѣдствіе отсутствія покупателей, переживаютъ кризисъ; очевидно, что слишкомъ высокія пошлины не были нужны фабрикантамъ и заводчикамъ, такъ какъ они не могли ихъ использовать полностью.

Пошлины, подобныя тѣмъ, какія существуютъ у насъ, напр., а хлопчато-бумажныя издѣлія, фабрикантамъ этихъ издѣлій не нужны, и, стало быть, нѣтъ никакого основанія ихъ и удерживать.

Новый таможенный тарифъ, если-бы пошлины по договорамъ съ разными государствами не были понижены, будетъ еще обременительнѣй для населенія, чѣмъ тарифъ 1891 г., потому что покупательная способность населенія уже ослабла.

На многіе товары, вслѣдствіе слишкомъ высокихъ пошлинъ русскіе потребители переплачиваютъ громадныя суммы денегъ, начиная съ 1877 г., а теперешній тарифъ, если будетъ введенъ въ дѣйствіе, грозитъ продлить это тяжелое время еще на новыя 10 лѣтъ.

Въ защищенныхъ пошлинами промышленностяхъ въ Россіи едва-ли работаетъ больше 2 милл. лицъ, причемъ, вслѣдствіе общей дороговизны всѣхъ предметовъ потребленія, положеніе фабричнаго населенія также не представляется завиднымъ.

Наши вывозы не могутъ быть значительны вслѣдствіе низкой производительности населенія, а пониженіе производительности есть послѣдствіе общей дороговизны, и вотъ въ виду подобнаго положенія можно съ увѣренностью предсказать, что тарифъ 13 янв. 1903 г., если онъ вступитъ въ силу, повлечетъ за собой дальнѣйшее сокращеніе торговли.

Когда-то мы вывозили сало, мясо, кожи и т. д. въ большихъ количествахъ. Вывозы этихъ товаровъ сейчасъ сократились, потому что слишкомъ высокія ввозныя пошлины понизили нашу внѣшнюю торговлю, на душу населенія. Сейчасъ обороты по внѣшней торговлѣ, по привозамъ и вывозамъ, не превышаютъ 10 руб. на душу, и надо предполагать, что наши торговые обороты, при новомъ таможенномъ тарифѣ, еще понизятся.

Постройка Сибирской желѣзной дороги истребовала громадныхъ жертвъ со стороны населенія, и можно было надѣяться, что при пониженіи провозной платы хотя-бы чай у насъ подешевѣетъ. Къ сожалѣнію, пониженіе провозной платы вызвало возвышеніе пошлины на чай по сухопутной китайской границѣ, почему цѣна чая и осталась безъ измѣненія.

Крайне прискорбно, что почти всѣ измѣненія, которыя были введены въ нашемъ новомъ таможенномъ тарифѣ, сдѣланы въ смыслѣ повышенія пошлинъ; точно такъ же можно лишь пожалѣть, что многія пошлины по западно-сухопутной границѣ были

установлены въ высшемъ размѣрѣ сравнительно съ тарифомъ по привозу товаровъ моремъ.

Возвышеніе пошлинъ по западно-сухопутной границѣ обязательно вызоветъ протестъ со стороны Германіи, а таможенная война съ этимъ государствомъ совершенно не желательна.

Антонъ Радцигъ.

С. И. Васюковъ.

Картинки и впечатлѣнія сѣвера.

Блестящъ, полонъ яркихъ, густыхъ красокъ Югъ! Пышна и роскошна тамъ природа, величава растительность и разнообразны впечатлѣнія.

Но и Сѣверъ имѣетъ свои прелести, свои красоты!. Краски Сѣвера блѣднѣе, но въ этой блѣдности порой столько тонкихъ, нѣжныхъ штриховъ, что бываетъ трудно оторваться отъ картинъ сѣвернаго пейзажа, въ особенности при закатѣ солнца, даже зимой.

На совершенно свѣтломъ, бѣлесоватомъ небѣ протянулись тонкія полосы свѣтло-оранжеваго и нѣжнаго фіолетоваго цвѣтовъ.. Небольшое перистое облако, попавшее въ это освѣщеніе заката, дивно хорошо!

Даль, суровая тишина и дремучій хвойный лѣсъ производятъ хотя нѣсколько угрюмое, но торжественное впечатлѣніе.

Дальній Сѣверъ манитъ, влечетъ къ себѣ своей таинственностью и блѣдно-розовымъ освѣщеніемъ.

Тамъ красота, тамъ неизвѣстность, тамъ сѣверный полюсъ....

Сколько смѣлыхъ людей стремилося проникнуть, достигнуть полюса.. Вспомните!..

Своеобразны, иные, нежели на Югѣ, по характеру и привычкамъ люди Сѣвера..

Въ самомъ дѣлѣ, природа кладетъ свою печать на окружающую жизнь.. Эти дремучіе, хвойные лѣса, эта непроходимая тайга, мрачныя сосны, да печальныя ели развѣ можно сравнить съ живыми берегами моря и разнообразными вершинами горъ?. Нѣтъ, на Сѣверѣ красота угрюмая, задумчивая и суровая. Нѣжно только небо, да ярче, будто, блещутъ звѣзды и тише на Сѣверѣ: меньше звуковъ и движенія.

Начну не съ крайняго Сѣвера, расскажу о своихъ впечатлѣніяхъ въ Финляндіи.

Изящный, прибранный, вычищенный пароходъ „Нордкюстенъ“ легко и плавно шелъ по Финскому заливу... По сторонамъ синѣли берега, покрытые лѣсомъ, вдали за нами утопалъ въ дыму Петербургъ.

Погода была чудная, тихая. Море, словно грѣясь на солнцѣ, едва замѣтно играло легкою зыбью. Никто не уходилъ въ каюты. Всѣ пассажиры находились на палубѣ, кто съ биноклемъ, кто со стаканомъ чая и всѣ повидимому были подъ вліяніемъ тихаго покоя, который овладѣлъ нами здѣсь послѣ суеты и грохота столичнаго.

Здѣсь было тихо, совершенно тихо.

Мы отдыхали, и намъ было хорошо. Незнакомые люди улыбались другъ другу и обращались съ вопросами, разговаривали. Вообще, въ путешествіяхъ народъ проще, искреннѣе, а особенно на морѣ..

Многолюдный, дымный городъ скрывался изъ глазъ и это было пріятно: вспоминалось, какъ еще недавно въ пыли, среди грохота экипажей и непрерывнаго движенія кружилась голова и неровно дышала грудь.

Но здѣсь привольно, хорошо! Вокругъ меня все сдержанныя, но пріятныя лица. Повидимому они умѣютъ отдыхать, любоваться природой и ласковымъ моремъ.

Прошло часа два.

Теперь уже не видно Петербурга, чуть-чуть замѣтны его берега, а впереди на горизонтѣ выступаютъ неясныя очертанія.

— Что тамъ? спрашиваю я сосѣда.

— Это показывается островъ Готландъ, отвѣчалъ онъ. Большой островъ, населенный..

— Много живетъ тамъ народа?

— Пятьсотъ, а то и болѣе, душъ.

Разговорились. Мой спутникъ, оказалось, профессоръ Гельсингфорскаго университета, человѣкъ пожилой, русскій, но родившійся въ Финляндіи.

Неправильныя линія острова постепенно выступали передъ нами. Уже замѣтно обрисовывались высокія скалы и отвислые берега.

— Чѣмъ занимаются жители?

— На этомъ островѣ жители народъ бѣдный, рассказывалъ профессоръ, сѣютъ ячмень, картофель, которые не особенно рождаются.. Земля мало удобная, каменистая.. Больше, конечно, занимаются рыболовствомъ—это исконный промыселъ финновъ.. Наловленную рыбу везутъ въ Петербургъ или въ Гельсингфорсъ, тамъ продаютъ, покупаютъ хлѣба и то, что нужно, и на своихъ парусныхъ лодкахъ плывутъ обратно домой на островъ.. Житье плохое, да и къ тому же опасное.. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, поплавать по заливу въ лодочкѣ, да зимой или осенью, когда постоянныя бури!.. Но островитянину дѣлать нечего.. когда вышелъ весь хлѣбъ, когда дѣтямъ ѣсть нечего,—иди въ море, хоть въ бурю, но иди!.. И идутъ, хотя нѣкоторые погибаютъ!..

Профессоръ тихо засмѣялся.

— А дайте возможность, продолжалъ онъ, этому жителю почти пустыннаго острова поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, въ лучшихъ условіяхъ, на материкѣ.. Ни за что!.. Да-съ, ни за что не промѣняетъ своей полной тревоги и неизвѣстности жизни на спокойное и опредѣленное существованіе. Право, удивительно, какъ это люди привязаны къ роднымъ скаламъ и камнямъ!.. Ничего не подѣлаешь—это ихъ родина,

угрюмая, холодная, но свободная. Впрочемъ, на другихъ шхерахъ живутъ лучше, богаче, въ особенности ближе къ Гельсингфору и Або, но характеръ народа одинаковый, такіе же смѣлые, независимые люди и превосходные моряки!

— Шхерами вы называете острова по заливу?

— Да, острова, покрытые лѣсомъ, обыкновенно хвойнымъ. Берега Финляндіи всѣ усыяны шхерами, вотъ вы скоро увидите... Совѣтую познакомиться, обратить вниманіе на жителей шхеръ. Народъ, вполне сохранившій свою оригинальность. Вы рѣдко встрѣтите такую честность и вмѣстѣ съ тѣмъ такую привязанность къ морю. Я какъ-то былъ на одномъ островѣ. Бѣдность страшная, рыба, да картофель, который еще въ тотъ годъ родился плохо, но унынія нѣтъ, ни этой, знаете, зависти. А гордость кака-то, увѣренность. „Пойди“,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ—„и обойди всѣ тюрьмы Финляндіи и найди хоть одного изъ насъ островитянъ, посаженнаго за кражу. За убійство.. да! Такіе есть, но чтобы взять чужое.. нѣтъ! У насъ это не въ обычаѣ..“

Гордый и хорошій народъ, только суровый.. Вѣдь и жизнь не сладкая.. Не правда ли?

Я поспѣшилъ согласиться.

— Это на шхерахъ, замѣтилъ я, а въ городахъ, я думаю, то же самое, что и у насъ...

— Ну, нѣтъ, возразилъ старикъ. У насъ заработки хорошіе и рабочіе все-таки нѣсколько образованные.

„Все это очень любопытно!“ думалъ я, когда пароходъ миновалъ мрачный и каменистый островъ, и мы приближались къ Гельсингфору.

Теперь мы шли шхерами. Справа, слѣва, впереди — все острова, разнообразныя по пространству и берегамъ, но однообразныя по своей растительности. Ель, сосна преобладаютъ на шхерахъ и придаютъ имъ характеръ и колоритъ. Угрюмая, здоровая и спокойная природа. Чудный ароматный воздухъ, тихія воды и причудливые берега. То здѣсь, то тамъ покажутся сѣрыя гранитныя твердыни, выдвинутыя къ самому морю сѣдой, покрытый мхомъ утесъ—великанъ, и снова вѣчно зеленый лѣсъ плотной стѣной закрываетъ островъ, на которомъ можетъ быть теперь идти работа, но вамъ ничего не видно. Вотъ мелькнули хаты островитянъ, и снова плотная ель. По берегамъ развѣшаны сѣти, группами сидятъ рыболовы, мимо, навстрѣчу пароходу, несутся легкія парусныя лодки.

Странное дѣло!.. на нѣкоторыхъ лодкахъ я не видалъ никого, кромѣ дѣтей, маленькихъ мальчугановъ, махающихъ своими шляпами нашему пароходу. Смѣлыя дѣти!..

Гуще и гуще пошли шхеры, проходы между ними совсѣмъ узкіе, пароходъ идетъ близко отъ береговъ. Направо, налѣво все завороты, глазъ теряется среди лѣса и безчисленныхъ проливовъ.

Но вотъ шире заливъ, отступили шхеры, вдали показался городъ. Заблестѣли верхушки церквей, красиво выдѣляется при вечернемъ освѣщеніи лютеранская церковь въ строго готическомъ стилѣ, широко раскинулся на самомъ высокомъ мѣстѣ города (лютеранскій) соборъ, и угрюмо выглядывать темноокрасныя зданія крѣпости Свеаборга.

Ближе и ближе, раскинулся городъ, словно широкой лентой окруженный зелеными парками. Въ гавани пестрѣютъ суда и пароходы, разнообразныя флаги колеблютъ вѣтеръ, и безчисленное множество лодокъ скользятъ по всѣмъ направленіямъ бухты. Все каменные, красивыя зданія, гранитныя стѣны, съ палубы парохода уже видны движеніе и суeta въ городѣ.

Превосходная пристань, просторныя склады и рельсы желѣзнодорожнаго пути, огибающаго весь городъ. Передача съ парохода товара въ вагоны самая удобная, всего какихъ-нибудь десять шаговъ и только!

Бойкая веселая „шведка“ въ пролеткѣ на резиновыхъ шинахъ быстро подкатила къ гостиницѣ, изъ которой черезъ полчаса я вышелъ, чтобы познакомиться съ городомъ.

Я не буду подробно описывать внѣшность Гельсингфорса, это немного скучно, но только скажу, что такого опрятнаго, чистаго и кокетливаго города внутри Россіи нѣтъ. Гельсингфорсъ—это сама аккуратность, порядокъ и чистота. Право, не сразу бросишь окурокъ папиросы на эспланадѣ широкаго бульвара, гдѣ выметено, вычищено, какъ въ саду самага страстнаго любителя.

Народа много, а еще больше дѣтей.

Я остановился у памятника народнаго поэта Рунеберга (поэта такого же по характеру, какъ нашъ русскій Н. А. Некрасовъ). На высокомъ гранитномъ пьедесталѣ съ непокрытой головой, съ правой рукой, заложеной за бортъ сюртука, стоитъ въ простой и благородной позѣ поэтъ со взоромъ, обращеннымъ къ морю.

Строги, задумчивы черты Рунеберга. художественно исполнена подъ нимъ фигура женщины (Финляндія) со скрижалями его чудныхъ, искреннихъ пѣсень. Но съ какою роскошью и изяществомъ убранъ памятникъ: прекрасныя, стройныя пальмы, отъ которыхъ концентрическими кругами пестрѣютъ всякіе цвѣты, замыкающіеся кустами розъ.

Да, чтутъ финляндцы своихъ поэтовъ! Черезъ каждыя двѣ недѣли мѣняются цвѣты и высаживаются свѣжіе.

Я долго сидѣлъ около памятника, — не хотѣлось уходить отъ такого изящнаго и поэтическаго уголка. Есть и другой, не менѣе роскошный памятникъ въ Гельсингфорсѣ. На Сенатской площади, гдѣ другъ противъ друга высятся огромныя величественныя зданія сената и университета, на площади, отъ которой идетъ широкая изъ гранита лѣстница къ собору, сооруженъ памятникъ Александру II. Полная величія фигура Императора исполнена прекрасно, на пьедесталѣ художникомъ также хорошо изображены фигуры земледѣльцевъ - финновъ съ серпами и полными колосьями уродившагося хлѣба..

„Урожай хлѣба“, какъ и у нашихъ крестьянъ, завѣтная дума земледѣльцевъ - финновъ, но годъ на годъ не приходится, и часто эта сѣверная, лѣсная, да каменистая страна переживаетъ трудныя годы, когда лѣбъ замѣняетъ древесная кора.

Въ Гельсингфорсѣ уличная жизнь лѣтомъ очень развита. Благодаря обилію воды, богатству растительности, городъ представляется большимъ дачнымъ мѣстомъ. Только каменные трехэтажныя дома заставляютъ думать, что вы въ городѣ.

Горожанинъ за дешевую плату можетъ черезъ 10 минутъ попасть въ совершенно другую обстановку и быть въ „самой настоящей природѣ“. Конно-железная дорога за 6 к. везетъ васъ въ паркъ: въ Брунсъ или Дюргордтъ. Особенно хорошъ, тѣмнѣе и обширенъ послѣдній. Съ его высокихъ гранитныхъ скалъ виденъ весь городъ. Какъ красивы заливы и бухты, изрѣзывающіе края Гельсингфорса.

Въ каждомъ паркѣ по ресторану, а въ Брунсъ-паркѣ — музыка и открытая сцена.

Но лучшая прогулка по островамъ, изъ которыхъ больше посѣщаются Хохъ-холмъ и Фелисенъ. Первый ближе, и за 4 к. (10 пенни) небольшой пароходъ черезъ пять минутъ доставляетъ пассажировъ изъ города.

Семьи съ дѣтьми иногда цѣлые дни проводятъ на островѣ, запасаясь провизіей. На островѣ звѣринецъ: медвѣди, волки, выдры, барсуки и очень много птицъ. Все это интересно, особенно для дѣтей, а воздухъ чудный, и въ самое жаркое время прохладно.

Фелисенъ въ праздничные дни представляетъ собой чрезвычайную пеструю и живописную картину.

Съ самаго ранняго утра по направленію этого острова движется множество лодокъ, парусныхъ и весельныхъ. Это на лоно природы тронулся рабочій народъ. Женщины, дѣти, старые и молодые работники, одѣтые по праздничному, мужчины въ приличныхъ парахъ и крахмальныхъ рубашкахъ, съ цвѣтами на шляпахъ или въ петлицахъ пиджаковъ, весело и дружно спѣшать провести время на красивой лужайкѣ среди зеленого лѣса.

Хорошо послѣ душной и шумной мастерской или фабрики отдохнуть среди жены и дѣтей и такихъ же семей товарищей!

Любопытныя группы! Въ одномъ мѣстѣ на разведенномъ кострѣ готовить обѣдъ, въ другомъ кучка рабочихъ поетъ пѣсни. Гдѣ-то играетъ музыка, дѣти взапуски рѣзвятся на волѣ.

Въ ресторанѣ тоже оживленіе: здѣсь пируютъ холостяки, молодежь.

Все прилично, чинно и стройно. Никогда не бываетъ ни ссоръ, ни непріятностей, и ни одного полицейскаго, а рабочихъ собираются тысячи.

Вечеръ всегда оканчивается танцами. Веселье здоровое, искреннее, которое и на посторонняго зрителя оказываетъ бодрящее впечатлѣніе.

Въ будніе дни тихо и мало народа на островѣ, но какой ароматный (все сосны) воздухъ и какая чистота и порядокъ на этомъ народномъ островѣ!

По пути къ острову Фелисену пароходъ очень часто останавливается на островахъ, заходитъ недалеко въ сторону. На этихъ островахъ живутъ дачники. Здѣшнія мѣста такъ хороши, жить такъ дешево и удобно, что сюда на лѣто поселяются даже изъ Петербурга.

Такіе люди, проживъ одно, два лѣта, уже не покидаютъ дачныхъ мѣстъ Финляндіи и относятся тепло и хорошо къ честнымъ и трудолюбивымъ финнамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, постройте на островѣ деревянную дачу, или наймите уже готовое помѣщеніе, сдѣлайте мостокъ, поставьте

деревянный аншлагъ и къ вамъ станетъ, когда дадите условный знакъ, заходите пароходъ.

Сообщеніе съ городомъ постоянное, удобное и очень дешевое. На нѣкоторыхъ сравнительно большихъ островахъ, по нѣскольку дачъ, большею частью меблированныхъ и со всеми удобствами.

А какъ же доставать провизію?

Очень просто. Провизія заказывается въ городѣ, торговцы согласно вашего адреса приносятъ рано утромъ на соответственный пароходъ, который доставляетъ и выгружаетъ провизію на маленькой пристани, и дѣло съ концемъ.

Кому адресованы вещи, — тѣ придутъ и возьмутъ.

И просто и удобно!

Мнѣ нравится отношеніе финляндцевъ къ животнымъ. Какія сытыя, веселыя лошади у извозчиковъ. Видно, что кнутъ рѣдко похаживаетъ по ихъ спинамъ. Я не видалъ, чтобы „ломовые“ накладывали на повозки (двухколесныя) слишкомъ много тяжести. Лошадь не надывается, она весела и сильна и долго служитъ своему хозяину.

Въ Финляндіи сохранилась крѣпкая порода «шведокъ».

Взамѣнъ картинъ на нашихъ петербургскихъ улицахъ, когда худая, со впалыми боками и искривленными ногами, лошадь надывается и не въ состояніи сдвинуть съ мѣста неуклюжаго воза, и когда животное стегаютъ кнутомъ и даже палкой, въ Гельсингфорсѣ спокойно, помахивая весело головой, везетъ товаръ шведка; хозяинъ шагаетъ возлѣ и, вытаскивая изъ-за пазухи хлѣбъ, кормитъ своего товарища по работѣ.

Право, пріятно смотрѣть на такія отношенія.

Лѣтомъ у извозчиковъ гривы лошадей непременно убраны цвѣтами, которые приспособлены и къ дугамъ.

Финляндская двухколесная повозка значительно меньше русской, она имѣетъ рессоры, полокъ и стѣнки по бокамъ, что даетъ возможность класть товаръ высоко, не безпокоясь, чтобы онъ могъ разсыпаться.

Упряжь легкая и красивая, ничего нѣтъ неуклюжаго. Для товарнаго движенія открыты все улицы во всякое время; это не нарушаетъ общей гармоніи уличной жизни и даже дополняетъ живую и дѣятельную картину города.

Однажды, я встрѣтилъ настоящую деревенскую нашу телѣгу, длинную, нелѣпую и человѣка въ картузѣ. Человѣкъ хлесталъ кнутомъ худую лошадь. Я былъ удивленъ роднымъ зрѣлищемъ и спросилъ: кто это? — „Русскій огородникъ“.

Въ окрестностяхъ Гельсингфорса давно поселились ярославскіе огородники и превосходно ведутъ свои дѣла: финляндцы не могутъ конкурировать съ ними, но огородники сохранили вполне свои привычки, свою телѣгу и сбрую и не берегутъ своихъ лошадей.

Финны, наоборотъ, берегутъ не только свои силы, но и силы своихъ животныхъ, что и гуманно, и практично.

— Лучше финскаго работника не найти, — говорилъ мнѣ морской инженеръ, — русскому не сдѣлать такъ красиво и тонко работу, только эта работа будетъ продолжительна. Русскій вдвое скорѣй сработаетъ, но не такъ аккуратно и не такъ прочно!

Мнѣ въ этомъ не разъ приходилось убѣждаться. Долго не несла бѣлья прачка. Наконецъ, появилась. Я сталъ просить въ слѣдующій разъ не задерживать и доставлять скорѣй.

— Нѣтъ, спѣшить я не стану.. какъ хотите.. такъ скоро работать нельзя! плохая будетъ работа!

Сказано это было рѣшительно.

И такъ во всемъ: медленно, чисто и аккуратно!

На улицахъ чистота и порядокъ, но вы не видите, кто и когда все это дѣлаетъ. Улицы убраны, дорожки на бульварахъ расчищены, трава и цвѣты политы рано, рано, когда жители еще спать.

Весь день городъ сохраняетъ приличный видъ! Воздухъ въ городѣ прекрасный, оживленіе, по вечерамъ гремитъ музыка, много гуляющихъ, столики въ ресторанахъ и около всѣ заняты.

Хорошо, очень хорошо пожить въ Гельсингфорсѣ, а еще лучше лѣтомъ въ его окрестностяхъ; особенно хорошо и полезно тому, кому нужно отдохнуть и успокоить свои нервы. Финляндія—это огромная натуральная лѣчебница для нервныхъ больныхъ. Спокойствіе, порядокъ, гигантскія сосны, гранитъ, красивыя ели, разнообразные заливы, спокойные, смѣлые люди — вотъ постоянная картина, которая не волнуетъ васъ, не трогаетъ и не беспокоитъ нервовъ, и вы привыкаете къ этому тихому сѣверному покою.

У Финляндіи свои красоты, хотя суровыя, но покойныя, навѣвающія необыкновенно хорошее настроеніе духа.

Вѣковымъ опытомъ приспособлено, чтобы всѣмъ было удобно и каждому въ особенности. Конечно борьба существуетъ, какъ вездѣ, на почвѣ экономической.. Стачки и митинги совершаются спокойно, безъ шума и рѣзкости. Мнѣ приходилось присутствовать на митингахъ—это какія-то дружескія бесѣды рабочихъ между собою. Кстати о рабочихъ.

Въ праздничные, нерабочіе дни ихъ нельзя отличить вообще отъ культурныхъ людей: приличная одежда, котелокъ-шляпа, чистые воротнички крахмальной сорочки. Прибавьте къ этому трость, серьезное, умное лицо, немного, впрочемъ, усталое, и, вотъ, вамъ портретъ финскаго рабочаго.

Одно только выдастъ рабочихъ: они обыкновенно держатся группами, рѣдко въ одиночку, и самые молодые изъ нихъ бываютъ чересчуръ общительны, что не принято въ обществѣ сѣверныхъ джентльменовъ.

Впрочемъ, широкое народное образованіе давно характеризуетъ Финляндію. Когда вы идете по улицамъ города и увидите красивое 2-хъэтажное зданіе изящной архитектуры съ громадными окнами и выпуклыми стеклами,—то не спрашивайте—это училище!

Лучшія зданія въ Гельсингфорсѣ—общественныя и, главнымъ образомъ, народнаго образованія. Финляндцы не жалѣютъ денегъ на образованіе своего молодого поколѣнія, а результаты показываетъ сама жизнь, ея стройное и сознательное теченіе.

Каждый рабочій читаетъ газету и прекрасно знаетъ, что дѣлается не только у него на родинѣ, но и въ цѣломъ мірѣ. Длинное деревянное зданіе около студенческаго дома по вечерамъ полно рабочаго люда. Войдите туда, и васъ удивитъ порядокъ и

спокойствіе, которые царятъ въ этихъ простыхъ комнатахъ клуба рабочихъ. Одни читаютъ газеты, другіе группами ведутъ разговоры, никто не мѣшаетъ другъ другу, каждый занятъ своимъ дѣломъ.

Не скрою, мнѣ часто приходили на умъ печальныя картины родныхъ городовъ. Лѣтомъ—босые, въ грязной рубахѣ, съ непокрытой головой фабричныя рабочіе, съ ихъ нервными лицами и безпокойно пугливыми взорами. Мнѣ вспоминались каменщики, землекопы, послѣ работъ крѣпко спящіе на сырой землѣ или голыхъ камняхъ городскихъ улицъ. Нашъ глазъ привыкъ, приглядѣлся ко всему этому, и намъ, пожалуй, странно не видѣть у другихъ нищету и бѣдность.

Въ Гельсингфорсѣ вы не встрѣтите ни одного нищаго, а босого, оборваннаго рабочаго никогда. Одни только уличныя дѣти не стѣняются костюмами и обувью. Но это только маленькія дѣти. Если же мальчикъ идетъ въ школу или находится при работѣ—онъ одѣтъ прилично. Очень маленькіе, лѣтъ 12, мальчики служатъ, напримѣръ, въ форрейторахъ конной дороги. Ихъ костюмъ не только удобенъ, но и вполне приличенъ. Отличная куртка тонкаго сукна, зашнурованные штиблеты, особаго рода чулки,—вообще костюмъ, приспособленный для верховой ѣзды. Мальчикъ этотъ серьезенъ, важенъ и исполнительенъ, онъ уже чувствуетъ себя работникомъ и гражданиномъ. Онъ непременно грамотенъ и прошелъ хотя первый курсъ школы.

Вообще, дѣти въ Финляндіи держатъ себя очень самостоятельно. Воспитаніе ихъ лежитъ всецѣло на женщинахъ, впрочемъ, не допускающихъ ни изнѣженности, ни капризовъ. Рано ребенокъ привыкаетъ и къ волѣ и къ выносливости. Къ богатому или бѣдному классу принадлежитъ мать, она никогда не станетъ укутывать и наряжать своихъ дѣтей, правила „не спускать глазъ“ со своего ребенка здѣсь не существуетъ, и вы удивитесь, если въ дождь и холодъ увидите легко одѣтыхъ дѣтей, весело, безъ всякаго надзора, играющихъ въ скверахъ или на бульварахъ, или пару маленькихъ карапузовъ, разгуливающихъ въ лодкѣ по заливу. Мимо нихъ снуютъ пароходы, нерѣдко волна покачиваетъ маленькихъ моряковъ, которые весело смѣются и своими маленькими рученками понемногу, съ трудомъ, но правятъ лодкой.

Это непременно будущіе моряки!

— Какъ можно такихъ дѣтей пускать однихъ въ лодкѣ?—спросилъ я финляндца.

Онъ засмѣялся.

— По заливамъ ничего.. не опасно.. это не открытое море!..

— Еще бы! — подумалъ я, продолжая съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣть на сравнительно большую лодку съ двумя крохотными героями.

Въ Финляндіи лѣтомъ вы встрѣтите дѣтей повсюду: на островахъ, въ паркахъ, на набережной, на бульварахъ и скверахъ. Вездѣ слышится ихъ дѣтскій смѣхъ и видны оживленные лица. Они играютъ по дорожкамъ скверовъ, но на красиво подстриженную и политую траву дѣти не ступаютъ ногой — это запрещено. Въ каждомъ скверѣ поставленъ столбъ съ надписью на трехъ языкахъ (шведскомъ, финскомъ и русскомъ): „40 марокъ штрафа“, и ничего больше.

Не безпокойтесь, финляндецъ, даже маленькій, штрафа не заплатить, другими словами, правила или распоряженія не нарушить. Вы не думайте, что надзоръ за этимъ исполненіемъ какой-нибудь особенный. Ничуть!.. Одного этого столба съ надписью совершенно достаточно, чтобы даже дѣти не помяли травы или цвѣтовъ. Такъ сильно и такъ рано развивается у финляндцевъ уваженіе къ законнымъ распоряженіямъ городскихъ властей. Сколько я ни наблюдалъ, никогда ребенокъ не забѣгалъ на запретную шелковистую зеленую траву.

Это, право, характерно!

Характерная черта финляндцевъ — неприкосновенность и уваженіе къ чужой собственности — сохранилась не только на шхерахъ, но и въ городахъ.

Воровство въ Финляндіи, дѣйствительно, рѣдко, и, кромѣ того, виновные необыкновенно быстро обнаруживаются. Человѣку, „не чистому на руку“, положительно плохо въ Финляндіи.

„У насъ“, — говорилъ мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ житель Гельсингфорса, — больше всего ненавидятъ и презираютъ „ворователей“, кто бы они ни были — все равно! О, нѣтъ хуже людей, какъ „ворователи“!..

„Ужъ чего нѣтъ въ Финляндіи, такъ это воровства! надо правду говорить“ — рассказывалъ мнѣ отставной полковникъ, долго служившій въ Финляндіи и теперь не желающій покинуть страны. „Чужого не возьмутъ! Что бы о нихъ ни говорили, но народъ честный, безусловно честный! Сколько у насъ перебывало прислуги, и всегда все цѣло. Булавки не возьмутъ безъ спроса. Бывало, и не разъ бывало, уйдемъ всѣ, а квартира остается незапертою, и... ничего! Да, насчетъ этого спокойно, хорошо жить въ Финляндіи“.

Положительно всѣ говорятъ о честности финляндцевъ!

Мнѣ лично по этому поводу приходилось наблюдать любопытныя вещи.

Встрѣчаются на улицѣ и вступаютъ въ бесѣду два финляндца, у одного изъ которыхъ мѣшокъ съ какими-то предметами. Поговоривъ, идутъ въ ближайшій ресторанъ, а мѣшокъ остается на улицѣ.

Сколько можно видѣть по пристани лодокъ, нагруженныхъ разною снѣдью, рыбой, яйцами и проч. Покачиваются у берега лодки, а хозяевъ нѣтъ, и никакихъ сторожей не полагается. А, чего, кажется, проще? — пришелъ, взялъ и ушелъ.

Очень интересно тоже рано утромъ побывать на дачной пристани. Вотъ подошелъ пароходикъ, матросъ вышелъ и положилъ на берегъ разные предметы, — здѣсь и мясо, и книги, и газеты, женская шляпка, и овощи и т. п. Пароходъ ушелъ. Просыпаются дачники, идутъ къ пристани и берутъ каждый, что ему принадлежитъ, что онъ вчера заказалъ въ городѣ.

Все это очень просто и безъ хлопотъ!

Относительно торговли и торговцевъ въ Гельсингфорсѣ приходится отмѣтить ихъ честность и серьезность. Въ магазинѣ съ вами не станутъ любовно разговаривать (на жаргонѣ нашихъ торговцевъ „заговаривать зубы“), а покажутъ то, что нужно, и назначать цѣну. Покупайте или уходите: вы не увидите на лицѣ торговца улыбки: оно важно и дѣловито! Магазиновъ и лавокъ

въ городѣ много и товаръ хорошій. Торгуютъ и русскіе; имѣются фирмы Поповыхъ, Перлова и др.

Въ Гельсингфорсѣ находится очень большой пивоваренный заводъ, принадлежащій русскому съ истинно-русскою фамиліей. Это одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ городѣ.

Финляндцы сходятся съ русскими кунцами и промышленниками и, странно, другъ другомъ не нахвалятся. Обыкновенно, русскіе мѣстные купцы женятся на финляндскихъ дѣвушкахъ и такимъ образомъ укрѣпляютъ свои связи съ мѣстными жителями. Торговля и вообще коммерческое дѣло поставлены въ Финляндіи широко и устойчиво; о банкротствахъ и разныхъ крахахъ не слышно. Въ финляндскіе порты заходятъ суда изъ странъ всего свѣта.

Дѣятельность и оживленіе лѣтомъ на пристани Гельсингфорса постоянныя. Вы увидите здѣсь и легкіе нѣмецкіе и шведскіе пароходы, и огромныя океанскія, американскія и англійскія суда; флегматичные голландцы и англичане, живые, быстрые итальянцы и испанцы, разнохарактерные типы и лица, различный говоръ—все это дополняетъ живую картину пристани.

Прибавьте къ этому базаръ, превосходное зданіе крытаго рынка, открытую, на вольномъ воздухѣ, столовую для рабочихъ! Здѣсь столько жизни, столько живого интереса, что подолгу, бывало, стоишь, стоишь въ укромномъ мѣстечкѣ и не хочется разставаться съ проходящими впечатлѣніями.

По возвращеніи изъ Гельсингфорса мнѣ приходилось слышать отъ русскихъ заводчиковъ и коммерсантовъ самые лестные отзывы о финнахъ и шведахъ, про которыхъ они говорили: „много лѣтъ мы имѣемъ дѣла съ Финляндіей, и никогда не было никакихъ недоразумѣній. Вѣрный и серьезный народъ!“ Именно, серьезный и солидный народъ! Сѣверъ, собственно дикій Сѣверъ, страна озеръ и гранита, и холодное, тоже сѣверное море, наложили тоже печать на характеръ народа. Исторія культурной борьбы крайне поучительна въ этой сравнительно бѣдной, но свободной странѣ. Я не касаюсь теперь соціального устройства страны. Теперь моя цѣль—это бѣглыя замѣтки чисто внѣшняго свойства, замѣтки туриста о странѣ и о народѣ, мало извѣстномъ намъ, русскимъ.

Гельсингфорсъ—столица Финляндіи, почему я и остановился на этомъ городѣ; другіе города то же самое въ миниатюрѣ. Та же энергія и оживленность, это первыя ваши впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, финляндцы такъ привыкли къ общественности и къ своему суровому климату, они такъ закалены и приспособились къ послѣднему, что никакая погода, кромѣ только бури, не удержитъ финляндца дома, онъ непременно долженъ побывать тамъ и тамъ, долженъ увидаться съ тѣмъ и другимъ, поговорить и обмѣняться мыслями. Финляндецъ всегда живетъ, т. е. интересуется общественною жизнью и ея событіями, въ которыхъ онъ постоянно участвуетъ, какъ совершенно сознательный членъ этого организма. Онъ не скоръ на рѣшенія и выводы, онъ не многорѣчивъ, но упоренъ и послѣдователенъ. Съ дѣтства онъ привыкъ къ самостоятельности и дорожитъ ею и уважаетъ ее въ другомъ человѣкѣ. Между прочимъ, эта дѣловитость и самостоятельность прекрасно высказываются по отношенію еврейскаго

вопроса. Финляндія тоже принадлежит къ странамъ, въ которыхъ евреи не имѣютъ права свободнаго жительства. Въ Финляндіи могутъ жить только тѣ евреи, которые въ странѣ отбывали воинскую повинность. Но разъ право такое дано, то оно дано вполне, безъ всякихъ ограниченій, и еврей, имѣющій право жить въ Финляндіи, совершенно такой-же гражданинъ, какъ и сами финляндцы. Къ нему относятся хорошо, безъ всякой расовой вражды, и еврей живетъ и трудится спокойно, безъ страха какиихъ-либо неожиданностей и сюрпризовъ. И что-же? еврей богатыхъ въ Гельсингфорсѣ нѣтъ. Это въ большинствѣ случаевъ ремесленники и мелкіе торговцы, преимущественно готовымъ платьемъ, которое они продаютъ баснословно дешево. У нихъ, конечно, своя община, синагога и въ настоящее время кладбище; дѣти ихъ учатся въ финляндскихъ народныхъ школахъ. О какой бы то ни было еврейской эксплуатаціи въ Финляндіи смѣшно и слышать. Эксплуатація, конечно, имѣется, но она общая, европейская.

Разная мелочная торговля въ рукахъ финновъ и даже русскихъ. Въ виноторговлѣ евреи тоже не принимаютъ участія. Вообще еврейскій элементъ въ Финляндіи мало или почти незамѣтенъ и онъ подходитъ къ общему впечатлѣнію и тону.

Въ Гельсингфорсѣ каждая большая площадь вмѣстѣ съ тѣмъ торговое мѣсто. Торгуютъ обыкновенно женщины предметами для народа. Въ палаткахъ развѣшаны костюмы лѣтніе, дешевые, блузы для рабочихъ, бѣлье и проч. Все это очень дешево и крайне прочно сшито изъ мѣстнаго, ручной работы, матеріала. Другая площадь занята посудною торговлей. Имѣется небольшое мѣстечко, извѣстное подъ именемъ еврейскаго базара, гдѣ происходитъ торговля старыми вещами, мебелью, картинами и проч. Это мѣсто въ родѣ нашей „Сухаревки“, только въ маленькомъ видѣ.

Торговля на площади происходитъ до восьми часовъ вечера, послѣ чего товары укладываются, палатки снимаются, все мѣсто тщательно вычищается, и человѣку, пришедшему сюда въ девять часовъ, никогда бы не могло придти въ голову, что часъ тому назадъ здѣсь былъ рынокъ: такъ чиста площадь, такъ аккуратно она убрана. Замѣчательный порядокъ не только характеризуетъ чистоту города, но составляетъ существенную особенность всѣхъ финляндскихъ учреждений. Войдите въ какое угодно присутственное и общественное мѣсто: (въ полицію, въ магистратъ, на почту, въ банкъ),—порядокъ замѣчательный и никогда задержки. Если приходится подождать, вамъ предлагаютъ газеты.

Финляндцы хотя и много пьютъ, но пьяныхъ почти не встрѣчаешь въ городѣ. О всевозможнаго рода вертепахъ, трактирахъ и портерныхъ съ удушливо-промоглымъ воздухомъ, грязныхъ и шумныхъ, въ Финляндіи не имѣютъ никакого понятія. Самый мелкій и дешевый ресторанъ (ужинъ съ водкой стоитъ двадцать копѣекъ) блеститъ чистотой и удобствами. Даже въ такомъ ресторанѣ найдется къ услугамъ посѣтителей піанино, на которомъ играютъ тѣ, кто умѣетъ и имѣетъ желаніе. Вообще по своей уютности дешевые рестораны напоминаютъ отчасти семейные дома, такъ тамъ просто и спокойно. Рѣдко услышишь ссоры; прислуга женская и очень расторопная. Кстати сказать,—при-

слугою въ Финляндіи не нахвалятся даже и русскіе: исполнительна, аккуратна и честна и съ собственнымъ своимъ достоинствомъ.

Финны народъ музыкальный, страстно любящій музыку и пѣніе; кромѣ того склонный, вообще, къ поэзій. Прекрасное, изящное зданіе музея въ Гельсингфорсѣ хранитъ много цѣнныхъ произведеній художественнаго творчества финляндцевъ. Скажу нѣсколько словъ о живописи.

Она положительно оригинальна, какъ своеобразная мрачная красота финской природы. Удачнѣе всего жанръ и пейзажъ. Имѣются удивительные по красотѣ и правдѣ художественные уголки. Море, гранитъ и хвойный лѣсъ удаются художникамъ превосходно. Хороши тоже картины внутреннего быта финляндцевъ. Небогатая, но чистая хата рыбаковъ, сѣти, разныя рыболовныя принадлежности и энергичныя лица и старыхъ и молодыхъ крестьянъ. Даже въ играющихъ здѣсь же дѣтяхъ видна какая-то мужественная суровость. Но гранитъ и берегъ моря—это одна прелесть, а мокрый отъ волнъ гранитъ даетъ полнѣйшую иллюзію. Общее впечатлѣніе отъ картинной галлерей получается спокойно-грустное, и вы долго находитесь подъ вліяніемъ сценъ и картинъ борьбы съ суровою природою этихъ энергически-спокойныхъ, но подернутыхъ тихою грустью лицъ.

Или солнце сѣвера не даетъ веселыхъ и живыхъ красокъ и не бодритъ суровой фигуры финна?

А еще болѣе дальній Сѣверъ и угрюмый лѣсъ и гранитъ, среди которыхъ живетъ и добываетъ хлѣбъ финскій крестьянинъ? Такой жанръ вы найдете въ галлерей, а также узнаете о «дѣтяхъ деревни» по чуднымъ пѣснямъ любимаго финляндскаго поэта Рунеберга. Да, много силы, выдержанности и любви къ родинѣ нужно имѣть, чтобы создать такую крѣпкую культуру, которой вправѣ гордиться финляндцы!

Обратно въ Петербургъ я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Порядокъ замѣчательный и чистота удивительная. Ни на вокзалѣ, ни въ вагонѣ нѣтъ ни шума, ни безтолковой суеты. Правда, спѣшать пассажиры взять билеты и усѣсться, но все это дѣлается ровно, послѣдовательно. Кромѣ того, каждый финляндецъ прекрасно знаетъ, что безъ мѣста онъ не останется. Поѣздъ сопровождаетъ оберъ-кондукторъ и одинъ кондукторъ, и этого совершенно достаточно. Контролеровъ не полагается, Васъ не беспокоятъ, просмотрѣвъ одинъ разъ вашъ билетъ, и вы спокойно устраиваетесь на своемъ мѣстѣ. Всякія удобства въ вагонѣ: и плевательницы, и графинъ съ водою, и стаканъ и проч. Поѣзда идутъ быстро. Остановки на станціяхъ незначительныя, минутныя. О продолжительныхъ, гдѣ имѣются буфеты, холодныя и горячія закуски, пассажировъ увѣдомляетъ оберъ-кондукторъ, на обязанности котораго лежатъ предупредительность и постоянная готовность услуживать пассажирамъ.

Право, при финляндскихъ порядкахъ и по желѣзной дорогѣ путешествіе неутомительно!

С. Васюковъ.

8.

Проф. М. Лебъ.

Жизненные явления безъ жизненной силы.

Вопросъ о возможности научнаго объясненія жизненныхъ явленій, по моему, сводится къ тому, что эта задача была бы выполнена, если бы удалось воспроизвести въ каждомъ данномъ случаѣ всѣ жизненные явленія на неживомъ матеріалѣ или же свести къ простымъ физическимъ и химическимъ законамъ. Въ настоящей статьѣ я на нѣсколькихъ примѣрахъ постараюсь показать, какихъ результатовъ добилось въ этомъ направленіи новѣйшее фізіологическое изслѣдованіе.

1) Къ однимъ изъ казавшихся необъяснимыми жизненныхъ явленій относился долгое время процессъ окисленія или сторанія въ нашемъ организмѣ питательныхъ веществъ при такой температурѣ, при которой химику получить стораніе не удавалось, особенно, если принять во вниманіе, что въ нашемъ организмѣ этотъ процессъ протекаетъ въ почти нейтральной средѣ. Если же химикъ и добивался окисленія, то при такихъ условіяхъ, которыя уничтожали самую жизнь. Но это казавшееся необъяснимымъ явленіе вполнѣ разъяснено работами Оствальда и Бредига. Неудачи же ихъ предшеественниковъ объяснялись тѣмъ, что они при своихъ опытахъ совершенно оставляли безъ вниманія цѣлую группу такъ наз. „катализаторовъ“, т. е. тѣлъ, ускоряющихъ химическія реакціи своимъ контактомъ, или поверхностнымъ соприкосновеніемъ.

И, дѣйствительно, оказалось, что въ присутствіи платины въ состояніи тончайшаго измельченія т. е. представляющей такимъ образомъ громадную поверхность соприкосновенія, можно воспроизвести процессы окисленія, свойственные живымъ тканямъ. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ намъ это. Такъ, уксусъ получается изъ спирта благодаря уксуснымъ бактеріямъ, но тоже самое окисленія можетъ быть получено при помощи платиновой черни. Далѣе извѣстно, что перекись водорода (H_2O_2) почти всеми живыми организмами разлагается на воду (H_2O) и кислородъ (O). Бредигъ же по-

казалъ, что платина (и другіе металлы), приведенная особымъ способомъ въ коллоидальное состояніе, обладаетъ тѣмъ же свойствамъ. Но аналогія можетъ быть проведена и далѣе. Было извѣстно, что нѣкоторые яды, какъ напр. синильная кислота въ незначительномъ количествѣ, останавливаютъ окислительный процессъ въ живыхъ тканяхъ; такое же дѣйствіе оказываетъ тотъ же ядъ на катализирующее дѣйствіе платины (Бредигъ). Наконецъ, удалось извлечь водой изъ живыхъ или убитыхъ спиртомъ клѣтокъ тѣ вещества, которыя вызывали характерное окисленіе въ клѣткахъ, и такимъ образомъ было еще лишній разъ показано, что вещества эти не связаны со строеніемъ и жизнью клѣтки.

2) Среди химическихъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ нашемъ организмѣ, одинъ могъ показаться на первый взглядъ проявленіемъ сознательной дѣятельности, а именно—стремленіе клѣтокъ накапливать жиръ во время обильнаго питанія, чтобы пользоваться этимъ запасомъ во время голоданія тканей. Такое стремленіе клѣтокъ приравнивали къ стремленію нѣкоторыхъ животныхъ дѣлать зимніе запасы. Однако, удалось и эту сознательную дѣятельность свести къ очень простымъ явленіямъ обратимости дѣйствія энзимовъ.

Въ нашихъ клѣткахъ содержится вещество, легко изъ нихъ извлекаемое, способное разлагать жиры. Это вещество—энзимъ л и п а з а. Если прибавить эту липазу къ жирамъ напр. этилбутирату, то наступаетъ разложеніе этого жира на этиловый спиртъ и масляную кислоту. Но, какъ показали Кастль и Левенгартъ, липаза способна не только разлагать жиры, но и синтезировать ихъ. Такъ, этиловый спиртъ и масляная кислота, подъ вліяніемъ липазы снова синтезируется до этилбутирата.

Этимъ свойствомъ объясняется способность клѣтокъ при обильномъ питаніи накапливать жиры, а при недостаточномъ разлагать ихъ. Пока мы принимаемъ въ пищу достаточное количество жира, и жирныя кислоты диффундируютъ изъ крови въ клѣтки, липаза клѣтокъ будетъ синтезировать жиры, и въ клѣткахъ будутъ отлагаться жировые запасы. При прекращеніи питанія прекращается и поступленіе жирныхъ кислотъ изъ крови, и тогда начинается разложеніе жира. Продукты разложенія переходятъ изъ клѣтокъ въ кровь, и этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока весь запасъ жира не будетъ использованъ. Такимъ образомъ, одинъ изъ процессовъ, казавшихся таинственными и необъяснимыми, сводится къ одному изъ случаевъ ученія о химическомъ равновѣсіи. Доказательство же того, что этотъ процессъ синтеза и разложенія жира не обусловливается жизненной силой липазы, служатъ опыты моего ассистента Нейльсона, показавшаго, что платиновая чернь, подобно липазѣ, способна производить не только разложеніе, но даже и синтезъ жировъ, и что яды, прекращающіе дѣйствіе липазы, въ той же мѣрѣ дѣйствуютъ и на платиновую чернь.

3) Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ чисто биологическихъ проблемъ.

Однимъ изъ твердо установленныхъ положеній біологіи былъ фактъ

полового оплодотворенія, т. е. необходимость для развитія яйцевой клѣтки вступленія въ нее сѣмянной нити. Такимъ образомъ, процессъ, протекавшій въ яйцѣ, объяснялся жизнедѣятельностью сѣмянной клѣтки.

Но въ настоящее время и это явленіе изъято изъ области виталистическихъ возрѣній и доступно простому физико-химическому изслѣдованію.

Три года тому назадъ мнѣ удалось путемъ незначительной концен-траціи морской воды, въ которой находились неоплодотворенныя яйца морскихъ ежей, получить изъ этихъ яицъ личинки. Личинки эти вполнѣ нормальны, и въ этомъ году въ моей лабораторіи мнѣ удалось показать, что, при достаточномъ питаніи эти личинки могутъ развиваться до стадіи плутеуса (личиночная форма). Яйца морскихъ звѣздъ развиваются безъ оплодотворенія оприбавленіи къ водѣ, въ которой они находятся, небольшого количества кислоты. То же самое можно получить и съ яйцами морскихъ аннелидъ.

Этимъ еще, конечно, не разрѣшается проблема естественнаго оплодотворенія. Но разъ мы при помощи простыхъ химическихъ и физическихъ агентовъ можемъ вызвать въ нѣкоторыхъ яйцахъ такія явленія, для воспроизведенія которыхъ раньше считалось необходимымъ вступленіе въ нихъ сперматозоида, то есть основаніе думать, что и дѣйствіе самого сперматозоида на яйцо, вѣроятно, можно будетъ свести къ простымъ физико-химическимъ явленіямъ.

4) Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя животныя способны регенировать отрѣзанные члены или же недостающія части тканей. Является вопросъ, какимъ образомъ цѣлый рядъ клѣтокъ, переставшихъ дѣлиться и расти во взросломъ организмѣ, обнаруживаютъ снова самый энергичный ростъ, лишь только онѣ оказываются на мѣстѣ порѣза или пораненія?

Объясненіе, предложенное мною для объясненія этой странности, основывается на явленіи, на которое до сихъ поръ биологи не обращали вниманія, а именно, на явленіи обратимости процессовъ развитія. Всегда высказывалось мнѣніе, что процессы развитія могутъ происходить лишь въ одномъ направленіи: изъ яйца развивается зародышъ, изъ него взрослое животное, которое старится и умираетъ. Казалось [недопустимымъ], чтобы процессъ развитія могъ бы быть на какой нибудь ступени развитія искусственно остановленъ или даже поведенъ обратно на болѣе низкую ступень.

Я же показалъ, что такое воздѣйствіе возможно. Я произвелъ напр. слѣдующій опытъ: гидроидный полипъ приводился въ соприкосновеніе съ какомъ нибудь твердымъ тѣломъ, и черезъ нѣкоторое время наступалъ регрессъ,—тѣло полипа превращалось въ недифференцированную зародышевую ткань. Проф. Лиліе независимо отъ меня нашелъ, что если заставить планарію нѣкоторое время голодать, то она не только уменьшается въ размѣрахъ, но вскорѣ принимаетъ всѣ особенности молодой личиночной формы.

Такая обратимость въ развитіи цѣлаго животнаго свойственна, вѣроятно, только опредѣленнымъ группамъ животныхъ, но она совершенно

подобна тому, что происходитъ при регенераціи отдѣльныхъ членовъ или частей тканей у взрослого животнаго.

Благодаря измѣнившимся вслѣдствіе пораненія условіямъ наступаютъ въ клѣткахъ, прилегающихъ къ мѣсту пораненія, физическія и химическія измѣненія, приводящія клѣтки въ болѣе эмбріональное состояніе, при которомъ дѣйствіе химическихъ агентовъ, вызывающихъ ростъ и дѣленіе клѣтокъ, становится болѣе энергичнымъ, чѣмъ у взрослого животнаго. Въ чемъ заключается измѣненіе условій и каковы химическіе процессы, вызывающіе болѣе быстрый ростъ и дѣленіе клѣтокъ, намъ еще пока не извѣстно. Однако, я не вижу основанія не разсчитывать на то, что дальнѣйшія работы въ данномъ направленіи заполнятъ этотъ пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ.

5) Я болѣе подробно остановился на біологической сторонѣ этого вопроса, потому что съ ней фізіологамъ менѣе приходится имѣть дѣла, а большинство зоологовъ еще не считаетъ своей существенной задачей стремленіе свести жизненные явленія къ физико-химическимъ процессамъ.

Теперь я вкратцѣ поговорю объ явленіяхъ «раздражимости» и сознанія. Движеніе протоплазмы и сокращеніе мускуловъ могутъ быть въ настоящее время вполне научно объяснены. Все болѣе и болѣе проби-ваетъ себѣ дорогу теорія, провозглашенная впервые Квинке и Бертольдъ, принимающая, что въ основѣ этихъ явленій лежитъ примѣненіе поверхностнаго натяженія. Что касается характера явленій въ нервахъ, то на этотъ счетъ не существуетъ еще такихъ опредѣленныхъ объясненій: во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ физико-химическими явленіями, познать которыя лишь вопросъ времени. Большія трудности встрѣчаемъ мы лишь тамъ, гдѣ наталкиваемся на представленія, унаслѣдованныя въ теченіе тысячелѣтій, касающіяся такихъ сложныхъ явленій, какъ проявленія «инстинкта» и «сознательной дѣятельности». Но, если мы постараемся отдѣлаться отъ той метафизической ассоціаціи идей, которая вызывается этими словами и обратимся къ физическому анализу, то мы дѣйствительно натолкнемся здѣсь на громадныя пропасти въ нашемъ знаніи, хотя во всякомъ случаѣ, не такого рода, чтобы можно было думать, будто онѣ не могутъ быть заполнены.

Въ прежнихъ моихъ работахъ я привелъ много промѣровъ того, какъ силовыя линіи (лучи свѣта, кривыя линіи диффузіи, линіи силы тяжести) заставляютъ животныхъ, подверженныхъ дѣйствию одной изъ этихъ формъ энергіи, устанавливаться опредѣленнымъ образомъ по отношенію къ источникамъ энергіи, а затѣмъ двигаться по направленію къ этимъ источникамъ или же отъ нихъ. Пока мы не понимаемъ этой зависимости, у насъ является склонность говорить о какомъ-то таинственномъ инстинктѣ. Такъ, напр., движеніе нѣкоторыхъ животныхъ къ источнику свѣта приписывалось особой любви этихъ животныхъ къ свѣту. Но въ сущности здѣсь происходитъ слѣдующее. У этихъ животныхъ сокращеніе мускуловъ находится въ зависимости отъ интенсивности освѣщенія тѣхъ свѣтвоспринимающихъ элементовъ кожи (большей частью глазъ), съ которыми эти

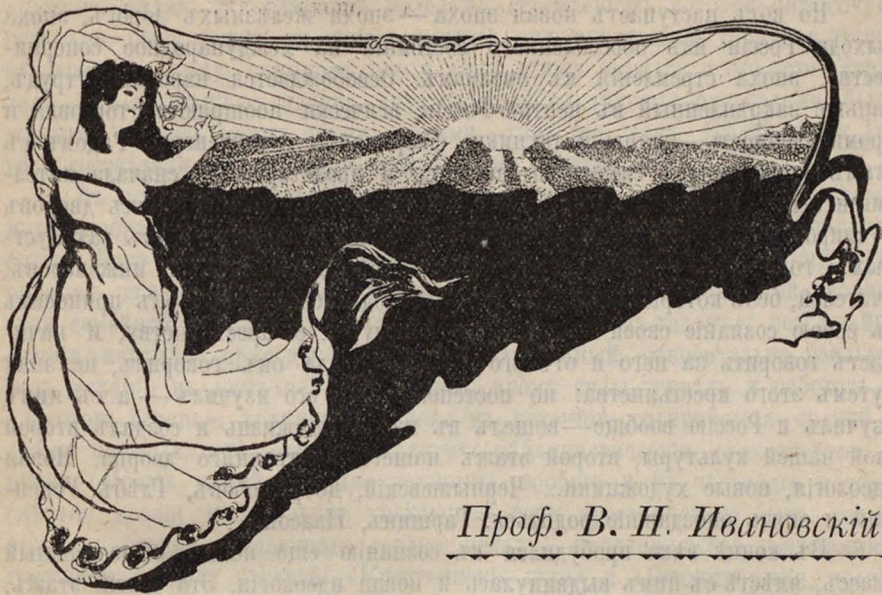
мускулы тѣснѣ всего связаны при помощи нервовъ. Если мускулы одной стороны тѣла сократились сильнѣе, чѣмъ на другой, то волевые импульсы, притекающіе обыкновенно въ равной степени къ обѣимъ половинамъ тѣла, могутъ вызвать движеніе не по прямой линіи, а лишь по кривой. Такое движеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока животное не установится такъ, чтобы симметричныя мѣста поверхностныхъ элементовъ, раздражаемыхъ свѣтомъ, получали свѣтъ одинаковой напряженности. Такое движеніе и производитъ впечатлѣніе, какъ будто животное движется по направленію лучей свѣта.

Итакъ, при безпристрастномъ физическомъ анализѣ инстинктъ теряетъ все таинственное и отходитъ въ область научно-объясняемыхъ явленій.

6) Физическій анализъ тѣхъ проявленій, которыя мы называемъ памятью, приводитъ насъ къ предположенію о присутствіи въ нашей нервной системѣ особаго механизма, способнаго не только, подобно фонографу сохранять слѣды одиночныхъ впечатлѣній, но также и соединять въ представленія одновременныя впечатлѣнія. Благодаря такому механизму, возможна ассоціативная дѣятельность памяти, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ тѣхъ проявленій, которыя мы называемъ физическими. Этотъ механизмъ расположенъ у высшихъ позвоночныхъ животныхъ, повидимому, въ большомъ мозгу, такъ какъ потеря этой части мозга влечетъ за собой потерю ассоціативной дѣятельности памяти. Въ самое послѣднее время работы Овертона и Ганса Мейера надъ изслѣдованіемъ явленій наркоза дали нѣкоторыя указанія для сужденія о томъ, изъ какого матеріала построенъ этотъ механизмъ. Эти авторы показали, что всѣ тѣ вещества дѣйствуютъ наркотизирующе, которыя легко растворимы въ жирахъ и имъ подобныхъ веществахъ, и они приходятъ къ заключенію, что причиной наркоза служить физическое измѣненіе жировыхъ составныхъ частей мозга, главнымъ образомъ лецитина и холестерина. Такимъ образомъ, весьма возможно, что и въ вышеупомянутомъ механизмѣ эти жировыя составныя части мозга играютъ большую роль. Кто близко знакомъ съ успѣхами физической химіи со времени Фарэдея, тотъ легко пойметъ, что болѣе глубокое изслѣдованіе этого механизма не можетъ представить непреодолимыхъ трудностей. Полное же познаніе этого механизма разъяснить намъ всѣ проявленія памяти—въ этомъ сомнѣваться можетъ лишь тотъ, кто затемняетъ себѣ физическій анализъ метафизической игрой словъ.

7) Итакъ, мы признаемъ, что громадная пропасть отдѣляетъ еще насъ отъ полнаго познанія всѣхъ жизненныхъ явленій, и что для біологовъ представляется громадный просторъ для новыхъ открытій, но мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что на пути къ этому познанію насъ встрѣтятъ какія бы то ни было непреодолимыя трудности. Къ такому воззрѣнію, думаю я, придетъ всякій, кто считаетъ такое познаніе существенной задачей естествознанія, и только такой взглядъ можетъ способствовать прогрессу науки. Пессимистическое же воззрѣніе можетъ оказать лишь задерживающее дѣйствіе.

Проф. В. Н. Ивановскій.

Мотивы поэзі Некрасова *).

Переживаемый русскимъ обществомъ процессъ культурнаго раскрѣ-
пощенія значительно своей частью легъ на XIX-й вѣкъ. Переплетаясь съ
собственно политическимъ процессомъ и съ соціальною борьбой обществен-
ныхъ классовъ, онъ сравнительно очень полно отразился въ нашей лите-
ратурѣ, оставивъ въ ней, съ одной стороны, рядъ идеологій, а съ другой—
давъ обильный матеріалъ для художественнаго воспроизведенія жизни—
для лирики, романа, сатиры, драмы.

Въ началѣ вѣка духовно раскрѣпощается высшій слой дворянства—
крупной, придворной и столично-военной знати. Культурное броженіе,
представленное въ литературѣ Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Рылѣевымъ и
опоздавшимъ родиться Лермонтовымъ, заканчивается и исчерпывается из-
вѣстными событіями въ началѣ царствованія Николая I. Черезъ десятокъ
лѣтъ поднимается новый слой—средняго, провинціальнаго дворянства; изъ
Петербурга, изъ сосѣдства съ дворомъ, дѣйствіе переносится въ Москву—
обътованную землю среднерусскаго дворянства первой половины XIX-го вѣка,
въ подмосковныя, а иногда и дальше въ глубь и глушь Россіи.

Лучшіе люди даютъ другъ другу клятвы литературной борьбы, борьбы
безпощадной и страстной съ дикостью, гнусностью рабства народнаго.
Даетъ „Аннибалову клятву“ Тургеневъ; тринадцатилѣтними мальчиками
клянутся другъ другу на Воробьевыхъ горахъ Герценъ съ Огаревымъ; вся
жизнь Бѣлинскаго есть великая клятва любви и проклятіе тому, что дѣ-
лаетъ жизнь въ Россіи невыносимой. Эти люди положили первый этажъ
той культурной постройки, въ которой живемъ и мы.

*) Рѣчь, сказанная на чествованіи памяти Некрасова въ Русской
Школѣ Общественныхъ Наукъ въ Парижѣ ⁵/₁₈ января 1903 года.

Но вотъ наступаетъ новая эпоха — эпоха желѣзныхъ дорогъ, эпоха выхода Россіи изъ обособленнаго состоянія на международное соперничество, эпоха стремленія къ океанамъ. Освобождается народный трудъ, раньше закрѣпленный въ центрѣ Россіи, всячески поощряются торговля и промышленность — купцы и техники, фабриканты и инженеры. Рядомъ съ этимъ буржуазнымъ слоемъ выдвигается и пролетаріатъ — сначала интеллигентный. Вызванный въ столицы съ широкихъ (монастырскихъ дворовъ и клиросовъ деревенскихъ церквей, изъ мѣщанскихъ избышекъ захолустныхъ городковъ, — чтобы дать контингентъ врачей, судей, инженеровъ, учителей, безъ которыхъ уже не могла обходиться жизнь, — онъ приноситъ съ собою сознаніе своей близости къ народу, т. е. крестьянству, и начинаетъ говорить за него и отъ его лица. Сначала онъ говорилъ, не зная путемъ этого крестьянства; но постепенно онъ его изучилъ — а съ нимъ изучилъ и Россію вообще — вошелъ въ народную жизнь и создалъ второй слой нашей культуры, второй этажъ нашего внутренняго дворца. Новая идеологія, новые художники... Чернышевскій, Добролюбовъ, Глѣбъ Успенскій и опять опоздавшіе родиться: Гаршинъ, Надсонъ...

Въ концѣ вѣка пробудился къ сознанію еще новый общественный классъ; вмѣстѣ съ нимъ выдвинулась и новая идеологія. Это третій этажъ, третій и послѣдній. Въ литературѣ онъ выразился далеко еще не полно. Горькій беретъ только одну часть его духовнаго содержанія — поэзію свободы; герои Горькаго — не рабочіе, а „босыяки“.

Въ литературѣ эти направленія, эти смѣны теченій заходятъ другъ за друга: не успѣли еще вымереть вожди старой рати, какъ идетъ на смѣну новая, опять готовая вступить въ бой. И часто прежніе борцы встрѣчаютъ своихъ замѣстителей враждой, — начинается борьба между самими смѣняющимися другъ друга волнами. Однако, извѣстное число представителей прежней правды оказывается въ состояніи понять и новую правду, — и они переходятъ изъ одной эпохи въ другую, оставаясь по прежнему духовными вождями общества.

Такъ перешелъ изъ эпохи перваго 25-лѣтія XIX-го вѣка въ эпоху николаевскую Пушкинъ; надо перечитать восторженные отзывы о немъ Тургенева, чтобы ясно понимать все значеніе Пушкина для 30-хъ годовъ. Такъ изъ 40-хъ годовъ перешли въ 50-е и 60-е Герценъ, Некрасовъ и другіе.

Некрасовъ принадлежитъ какъ 40-мъ, такъ и 60-мъ годамъ, занимая, однако, тамъ и здѣсь особое мѣсто. Онъ далеко не вполне подходитъ къ типу „людей 40-хъ годовъ“: тѣ были люди состоятельные и обеспеченные, — онъ ушелъ 17 лѣтъ отъ роду изъ родительскаго дома съ 150 рублями въ карманѣ и всю жизнь прожилъ за свой собственный счетъ; тѣ были самыми образованными людьми своего времени, — онъ не получилъ вовсе систематическаго образованія; тѣ только мыслили и писали, — онъ вель практическія дѣла по издательству. Все это выработало изъ него человѣка другого склада, и не даромъ Герценъ не любилъ Некрасова, называя его, за его практичность, „шуккой“ или „шуккой въ оперѣ“.

Съ другой стороны, Некрасовъ, будучи близокъ къ людямъ 60-хъ годовъ, не былъ, однако, вполне своимъ и въ ихъ средѣ. Начавъ самостоятельную жизнь еще въ 1839 году, онъ былъ гораздо старше ихъ охлаждающимъ

опытомъ жизни, и тогда какъ молодежь, стремленіемъ которой онъ сочувствовалъ, была готова на всякія жертвы, онъ чувствовалъ себя уже неспособнымъ къ этому, понималъ это и самъ этимъ мучился и отъ этого страдалъ. Это не мѣшало, однако, ему, на ряду съ другими писателями, быть живымъ мостомъ между двумя эпохами—такъ же, какъ Бѣлинскій и Гоголь составляли другой такой мостъ своими сочиненіями.

Въ поэзіи Некрасова прежде всего удивляетъ необычайное богатство и разнообразіе ея содержанія, широкій захватъ его опозитизированнаго опыта. Чего въ ней нѣтъ? Чистая субъективная лирика; окрашенные лиризмомъ грани жизненнаго ужаса; идиллическія сцены изъ той дворянской семейной жизни, которая готовила «людей 60-хъ годовъ»; необычайно свѣжія картины природы; народъ, изображенный относительно реально, безъ исканія въ немъ чего-либо иного, кромѣ силы терпѣть и работать и «золотого сердца», хранящагося пока въ потенціи; сатирическія сценки и драмы на подкладѣ сатиры; политико-публицистическія стихотворенія и пѣсни. Поэзія дѣтей, поэзія женщины вообще и въ частности матери, свѣтлая поэзія и за душу хватающее горе крестьянскаго быта, поэзія природы, стоны страдающаго сердца недавно народившагося гражданина, гражданина земли русской! «Крестьянскія дѣти» и «Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ», «Убогая и нарядная», «Парадный подъѣздъ», «Власъ», «Коробейники», «Орина, мать солдатская», «Кому на Руси жить хорошо»; такой перлъ, какъ «Морозъ красный носъ»; «Русскія женщины», «Дѣдушка», «Саша», «Мать», «Рыцарь на часъ», «Неизвѣстному другу» и многое еще,—если брать только одно лучшее... Тутъ какъ бы въ сжатомъ видѣ проходитъ передъ нами многое изъ того, что въ детальномъ изображеніи мы находимъ, съ одной стороны, у Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова и у другихъ сверстниковъ Некрасова, а съ другой—у позднѣйшихъ народниковъ. Некрасовъ есть краткая энциклопедія своей эпохи: въ двухъ томахъ его сочиненій отзывалось то отчетливѣе, то глуше почти все, о чемъ другіе говорили многими десятками томовъ,—говорили полнѣе, часто даже ярче, глубже и изящнѣе, чѣмъ говорилъ онъ.

Конечно, Пушкинъ былъ еще многостороннѣе: его все пониманіе, его гениальная чуткость и широкое образованіе позволяли ему воспроизводить жизнь далеко за предѣлами родины. Некрасовъ былъ ограниченъ предѣлами русской Россіи; но здѣсь онъ зналъ очень многое. Онъ видѣлъ и дворянскій бытъ—преимущественно въ самыхъ грубыхъ и дикихъ его проявленіяхъ—тамъ, гдѣ отъ одичалости дворянина приходится невыносимо не только крестьянину и дворовому, но и женѣ и дѣтямъ самого барина... Въ Петербургѣ онъ прошелъ школу крайней нужды: голодалъ, иногда не зналъ, гдѣ переночевать, всячески страдалъ морально... То квартирная хозяйка сильно беспокоится, что онъ умретъ и пропадутъ 40 рублей, которые онъ ей задолжалъ, и онъ, лежа больной въ своемъ чуланчикѣ, все время слышитъ ея разговоры съ мужемъ на эту тему; то, оголодавъ до крайности, онъ заходитъ въ ресторанъ, гдѣ позволялось читать газеты, и крадетъ тамъ съ тарелки куски хлѣба; то почуветъ съ нищими въ притонѣ на 15-й линіи Васильевского острова.

Ужасы деревенскаго насилія и безвыходность городской нищеты! А рядомъ университетъ, студенты, собравшіеся изъ всѣхъ классовъ общества...

Потомъ журнальная работа, становившаяся все шире и шире; сношенія съ властью имущими; знакомство—подлинное и живое—съ крестьянами во время лѣтнихъ поѣздокъ и охотъ; «новые люди»—люди движенія... Все это прошло по Некрасову, и онъ не могъ отстраниться отъ жизненныхъ впечатлѣній, какъ дѣлали нѣкоторые изъ его сверстниковъ по 40 годамъ—богатые дворяне: матеріальная нужда заставляла его быть работникомъ, во все входить, всѣмъ интересоваться.

Какъ я замѣтилъ, эта нужда сформировала и его характеръ: кто слишкомъ рано увидѣлъ жизнь съ ея изнанки, кто былъ слишкомъ мягокъ для этого тяжелаго зрѣлища, кто жаждалъ участія, ласки, поэзіи и больно наткнулся на самодурство и грубость, на голодъ и всякія лишения, тотъ ломается органически: онъ можетъ опять сродиться и имѣть видъ здороваго челоуѣка, но онъ никогда не забудетъ той ѣдкой злобы и чувства безвыходной обиженности, которыя сжимали его дѣтское горло такъ, какъ давили въ старое время испанцы желѣзнымъ ошейникомъ своихъ преступниковъ на эшафотѣ; онъ не забудетъ тѣхъ минутъ, когда онъ не сознавалъ уже себя, не сознавалъ своей личности, а только чувствовалъ, какъ какія-то жгучія капли падаютъ на его судорожно бьющееся сердце.

Этого Некрасовъ испыталъ совершенно достаточно! Прошедши такую школу, челоуѣкъ становится немного неуравновѣшеннымъ: яркіе лепестки расцвѣта молодости сразу опадаютъ; челоуѣкъ дѣлается суше, дѣловитѣе и въ то же время боязливѣе: онъ уже не герой, въ обычномъ смыслѣ слова, хотя бы онъ и сочувствовалъ героизму. Ему нуженъ нѣкоторый комфортъ: онъ уже не такой безоглядный работникъ, какъ другіе, принесшіе въ своихъ легкихъ, въ своей крови чистый воздухъ полей, воспитавшіеся на бодрящихъ картинахъ счастливой семейной жизни.

У Некрасова нѣтъ той мучительной обстоятельности, съ какою описываетъ челоуѣческое страданіе и челоуѣческую изломанность Достоевскій. Читая Достоевскаго, сначала удивляешься, отчего его герои не поступаютъ просто, когда это, именно, такъ просто; но мало-по-малу втягиваешься въ эту странную атмосферу, начинаешь за отсутствіемъ логичности различать другую логику—обиженнаго, поправнаго, лишеннаго всякаго утѣшенія челоуѣческаго достоинства,—и кончая книгу, шатаешься, какъ одурманенный, чувствуешь боль и разбитость въ тѣлѣ и не понимаешь, какъ можно «послѣ этого» пить, ѣсть или что-нибудь дѣлать. Достоевскимъ болѣешь. Некрасовымъ въ такой мѣрѣ не заболѣешь; однако, и въ его поэзіи этотъ элементъ силенъ... Вотъ, напр., фигура въ опоркахъ, въ сальномъ, оборванномъ пиджакѣ, съ грязнымъ шарфомъ на шеѣ, съ одутловатымъ отъ пьянства лицомъ, небритой съ просѣдью бородой. Вынырнувъ изъ-за угла, гдѣ она поджидала прохожаго, она хрипло и скороговоркой рекомендуется—не фамиліей, конечно, а своимъ соціальнымъ положеніемъ,—смотря при этомъ нѣсколько внизъ и въ сторону: «Частію по глупой честности, частію по простотѣ—пребываю въ неизвѣстности, пресмыкаюсь въ нищетѣ»... Это герой стихотворенія «Филантропъ» (53-го года); тема разработана Некрасовымъ довольно слабо; но психологія челоуѣка, погибавшаго, получившаго надежду выплыть, по ошибкѣ принятаго «благодѣтелемъ» за пьяницу и послѣ того окончательно погибшаго,—совершенно въ духѣ Достоевскаго.

А картина домашней жизни Саши изъ «Убогой и нарядной». «Отецъ ея—подъячій бѣдный», который запоемъ пилъ—и былъ буянъ,

Когда домой являлся пьянъ...
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведетъ,
Уложить наскоро въ кроватку
И двери поплотнѣй припретъ.
Но бѣдной дѣвчкѣ не спится!
Ей чудится: отецъ бранится,
Мать плачетъ. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучить въ ней сердце... гдѣ тутъ спать?

Глядитъ на двери запертыя,
Откуда слышится содомъ,
Не шевелится и не дремлетъ.

А вотъ, что пишетъ Некрасовъ о своемъ собственномъ дѣтствѣ въ поэмѣ «Несчастные»: Отецъ съ компаніей возвращается съ охоты:

... ночью свѣчи зажжены;
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ, у стѣны
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотреть жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою).
Что слышитъ? Пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;
Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустьбуютъ быстрой чередой,
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы.....

Смѣются гости надъ ребенкомъ
И чей то голосъ говоритъ:
„Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
Какимъ то травленнымъ волченокъ?
Поди сюда!“ Блѣднѣетъ мать;
Волченокъ смотреть,—и ни шагу!
„Ату его!“... Тяжелый сонъ...

Дальше въ той же поэмѣ Некрасовъ пробуетъ остановиться на юности... «Она всегда мила! всегда ясна! не бѣдняку!»—И онъ переходитъ къ описанію удручающихъ впечатлѣній своей столичной жизни.

Вспомнимъ еще картины горя и страданія въ стихотвореніяхъ «Въ больницѣ», «0 погодѣ» (гдѣ описаны злоключенія бѣднаго чиновника даже послѣ его смерти: сгорѣлъ домишко, гдѣ въ гробу лежало его тѣло; а повезли на кладбище, дроги столкнулись съ коляской и опрокинулись, гробъ упалъ на мостовую, и покойникъ изъ него вывалился)... Вотъ отецъ, живущій на счетъ разврата своей дочери (стих. «Папаша»); вотъ полная трагизма сцена, описанная въ стих. «Бду-ли ночью по улицѣ темной». Наконецъ, страшная трагедія «Холопа примѣрнаго, Якова вѣрнаго»—съ ея чудовищной, но въ сущности правдивой психологіей. Господинъ Поливановъ, купившій на взятки деревнюшку, въ зубы холопа примѣрнаго, Якова вѣрнаго походя билъ каблукъомъ... Только и было у Якова радости

барина холить, беречь, ублажать, да племяна малолѣтка качать... У барина отнялись подѣ старость ноги; «выросъ племянничекъ Якова—Гриша, барину въ ноги: жениться хочу!—Кто же невѣста?—Невѣста Ариша. Баринъ отвѣтствуетъ: Въ гробъ вколочу! Думалъ онъ самъ, на Аришу-то глядя: Только бы ноги Господь воротилъ! Какъ ни просилъ за племянника дядя, баринъ соперника въ рекруты сбылъ... Запилъ Яковъ, пропадалъ 2 недѣли; явился и сталъ по прежнему ухаживать за баринѣмъ. Поѣхали они развлечься къ сестрѣ барина.

Бдуть... Направо трущоба лѣсистая,
Имя ей изстари «Чортовъ оврагъ».
Яковъ свернулъ и поѣхалъ оврагомъ.
Баринъ опѣшилъ: Куда жъ ты, куда?
Яковъ—ни слова. Проѣхали шагомъ
Нѣсколько верстъ,—не дорога,—бѣда!

Яковъ, не глядя на барина бѣднаго,
Началъ коней отпрягать.
Вѣрнаго Яшу, дрожащаго, блѣднаго,
Началъ помѣщикъ тогда умолять.
Выслушалъ Яковъ посулы и грубо,
Зло засмѣялся; Нашелъ душегуба!
Стану я руки убійствомъ марать!
Нѣтъ, не тебѣ умирать!
Яковъ на сосну высокую прынулъ,
Возжи въ вершинѣ ея укрѣпилъ,
Перекрестился, на солнышко глянулъ.
Голову въ петлю—и ноги спустил!

«Виситъ Яковъ надъ баринѣмъ, мѣрно качается... Эги не видать! только совы снуютъ, о земь ширяясь крылами, слышно, какъ лошади листья жуютъ, тихо звеня бубенцами... Воронъ надъ Яковымъ каркнулъ одинъ... Чу! ихъ слетѣлось до сотни!.. И баринъ провелъ всю ночь, «стопами птицъ и волковъ отгоняя»,—разсказъ, отъ котораго шевелятся волосы на головѣ...

Однако, сквозь все это страданіе у Некрасова то и дѣло проглядываетъ живая человѣческая личность автора. Она выражается въ его любви къ дѣтямъ, въ его преклоненіи передъ женщиной и въ частности передъ матерью, въ искреннемъ и свѣжемъ чувствѣ природы...

Замѣчательно, что въ любви къ дѣтямъ Некрасовъ сходится опять съ Достоевскимъ. Мнѣ незачѣмъ напоминать, конечно, что писалъ Некрасовъ для дѣтей и о дѣтяхъ: всѣ знаютъ его „Крестьянскихъ дѣтей“, „Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ“ и многія другія, проникнутыя свѣтомъ и любовью.

Я не буду много говорить также и о сатирическихъ стихотвореніяхъ Некрасова. Здѣсь довольно полна галерея тѣхъ типовъ, которые съ такимъ талантомъ живописалъ своимъ калено-желѣзнымъ перомъ Салтыковъ: администраторы, биржевики, промышленники и дѣльцы всѣхъ ранговъ, цензоры и просто донощики изъ партикулярныхъ людей...

Но и здѣсь, какъ у Салтыкова, не разъ въ атмосферу сатиры врывается драма... Такъ, у финансоваго генія Заѣпина погибаетъ сынъ, уѣхавшій въ Москву нарочно, чтобы не видать отца, всю жизнь провед-

шаго въ мошенническихъ продѣлкахъ: сынъ этотъ убить на дуэли, дравшись съ кѣмъ-то изъ-за того, что при немъ назвали воромъ его отца. У отставного цензора также полный разрывъ съ сыномъ—„нигилистомъ“, не желающимъ идти въ университетъ, потому что тамъ, по его мнѣнію, ничему нельзя научиться, да къ тому же тамъ про него скажутъ, что онъ сынъ палача!

А вотъ разсказъ цензора о своей трудной работѣ:

Служба всю мою жизнь поглашала;
Иногда до того я вникалъ,
Что во снѣ благодать осѣняла,
И вскочивъ—я черкалъ и черкалъ!
Къ сочиненію ключъ понемногу,
Къ тайной цѣли его подберешь,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
И опять троекратно прочтешь.
Взвѣшенъ, пойманъ на каждомъ словечкѣ,
Сочинитель дрожалъ предо мной.
Повертится, какъ муха на свѣчкѣ,
И уйдетъ втихомолку домой.
Радъ-радехонекъ, если тетрадку
Я, похѣривъ, ему возвращу!
А то, еслибъ пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!

— Такъ, храня цѣломудріе прессы,
Не всегда былъ, однако, я строгъ.
Еслибъ знали вы, какъ интересы
Я писателей бѣдныхъ берегъ!
Да, меня не коснутся упреки,
Что я платы за трудъ ихъ лишалъ.
Оставляя я страницы и строки,
Только вредную мысль исключалъ.
Если ты написалъ: „равнодушно
Губернатора встрѣтилъ народъ“,
Исключу я три буквы: „ра—душно“
Выйдетъ... что же? три буквы не счетъ!
Если скажешь: „въ дворянскихъ имѣньяхъ
Нищета ежегодно растеть“,—
„Рѣчь идетъ о сардинскихъ владѣньяхъ“
Поясню—и статья пройдетъ!
Точно такъ: если страстную Лизу
Соблазнилъ русокудрый Иванъ,
Переносится дѣйствіе въ Пизу—
И спасенъ многотомный романъ“.
Незамѣтны эти поправки
Такъ измѣнять и мысли, и слоги,
Что потомъ не подточить булавки!
Да, я авторовъ много берегъ!

Но оставимъ область некрасовской сатиры. Полезно осмѣивать вредныя явленія общественной жизни; но еще болѣе важно слѣдить за рожденіемъ свѣжихъ силъ, обновляющихъ жизнь. На этомъ поприщѣ составилъ себѣ у насъ славу Тургеневъ. Отмѣтилъ процессъ обновленія жизни и Некрасовъ въ своей поэзіи. Героиня его повѣсти „Саша“ (написанной еще въ 1855 году)—это та самая интеллигентная русская дѣвушка, которая встрѣ-

чается въ каждомъ почти большомъ романѣ Тургенева. Даже вся фабула повѣсти необыкновенно близко совпадаетъ съ фабулой „Рудина“. Самъ Некрасовъ видитъ въ своемъ разсказѣ о Сашѣ только начало чего-то новаго и хорошаго; онъ заканчиваетъ свою поэму словами:

Въ добрую почву упало зерно—
Пышнымъ плодомъ отразится оно!

Какъ въ скромной провинціальной дворянской семьѣ растетъ будущая героиня-дѣвочка—Саша, такъ въ столичной богатой семьѣ, подѣ влияніемъ дѣда-декабриста, формируется одинъ изъ героевъ 60-хъ годовъ—тоже Саша (поэма „Дѣдушка“); изъ нея не знаешь, что выбрать,—до такой степени все въ ней цѣльно и связано.

„Тургеневскія“ типы, вообще, несомнѣнно, интересовали Некрасова. Въ „Медвѣжьей охотѣ“ цѣлый пассажъ посвященъ характеристикѣ тѣхъ людей, которыхъ почему-то называли и называютъ „лишними“ и къ которымъ гораздо правильнѣе Некрасовъ въ этомъ отрывкѣ прилагаетъ другое названіе „либераловъ-идеалистовъ“.

На некрасовской лирикѣ, а также на стихотвореніяхъ на политическія и публицистическія темы я останавливаться не буду. Я скажу теперь о томъ, какъ Некрасовъ изображалъ народъ и живописалъ природу.

Некрасовъ особенно извѣстенъ, какъ печальникъ горя народнаго. Дѣйствительно, онъ часто поетъ это горе; однако, онъ поетъ и здоровыя радости крестьянскаго быта, и просто описываетъ русское крестьянство, разсказываетъ о немъ то, что знаетъ. И эти описанія, эти его разсказы отличаются необыкновеннымъ для его эпохи реализмомъ. Конечно, и у Некрасова фигуры народа принимаютъ иногда колоссальныя размѣры; но въ поэзіи (а говоря о народѣ, Некрасовъ часто поднимался до истинной поэзіи) мы миримся съ такой идеализаціей: здѣсь она умѣстна. Кромѣ того, напр., свою поэму „Какъ на Руси жить хорошо“ Некрасовъ прямо обставляетъ фантастическими подробностями: тутъ и говорящая человѣческимъ голосомъ волшебница-птичка-пѣночка, тутъ и скатерть самобранка, къ которой, то и дѣло, прибѣгаютъ ходоки:

Глядь, скатерть развернулася:
Откуда не взялись
Двѣ дюжія руки;
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять.

У писателей-народниковъ крестьянинъ часто является отвлеченностью, олицетвореніемъ то стихійныхъ силъ народа, то тѣхъ или другихъ добродѣтелей. Поражаясь въ сущности количественной силой крестьянства, народники переводили въ своемъ творчествѣ это количество въ качество, напитывали коллективной силой крестьянства единичнаго крестьянина и рисовали плоды своего воображенія—схемы, гдѣ на одну, взятую изъ дѣйствительности черту, приходилось десять, придуманныхъ по требованіямъ народнической эстетики и философіи исторіи. Этого нѣтъ у Некрасова. Крестьяне не были для него людьми совсемъ другого, незнакомаго міра, которыхъ, именно, потому и можно безнаказанно идеализировать, что о

нихъ ничего достовѣрно неизвѣстно. Съ дѣтства онъ ихъ видѣлъ, съ ними сталкивался — сначала въ помѣстьѣ отца, потомъ прїѣзжая, лѣтомъ на родину или въ новгородскую губернію и исхаживая съ ружьемъ и собакой всѣ окрестныя уѣзды. Конечно, онъ сходилъ съ крестьянствомъ все-таки не на общемъ дѣлѣ; здѣсь не вырабатывалось никакихъ формъ «взаимодѣйствія интеллигенціи съ народомъ»; но, тѣмъ не менѣе, онъ узнавалъ хоть ту жизнь, какою крестьянство жило, когда было совершенно отдѣлено отъ другихъ классовъ общества; передъ нимъ — на волѣ, послѣ охоты, поѣвши и выпивши — крестьяне говорили свободно и откровенно. Баринъ-охотникъ — типъ, давно знакомый и привычный крестьянину; крестьяне давно встрѣчаютъ и любятъ ласковыхъ господъ, охотящихся въ одиночку и водящихъ компанію съ мужиками.

Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній сестры Некрасова:

«Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, онъ вернулся и засѣлъ за «Коробейниковъ», которыхъ потомъ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня, — и явились «Крестьянскія дѣти»... «Орина, мать солдатская» сама рассказывала ему свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ нею, а то боялся сфальшивить».

Это-то и дѣлаетъ Некрасовскія воспроизведенія крестьянскаго быта поразительно реальными. Вѣря въ народъ и любя его (понимая подъ «народомъ», вмѣстѣ со всей той эпохой, крестьянство), убѣжденный въ томъ, что

Въ рабствѣ спасенное

Сердце свободное—

Золото, золото

Сердце народное

что

Сила народная,

Сила могучая—

Совѣсть спокойная,

Правда живучая

Некрасовъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ рисуетъ крестьянство такимъ, каково оно было въ его время, не фальшивитъ, не раскрашиваетъ его рѣзкихъ контуровъ нѣжной субъективно-соціологической пастелью. Онъ пишетъ съ натуры, а не изъ головы,—и онъ видитъ, что только

Въ столицахъ шумъ: гремятъ витія,

Кипитъ словесная война;

А тамъ, во глубинѣ Россіи—

Тамъ вѣковая тишина!

И онъ заканчиваетъ это стихотвореніе прелестной картинкой природы,—за невозможностью отмѣтить что-нибудь новое въ жизни людей населяющихъ эту глубину Россіи. Тамъ, говорить онъ,

„Лишь вѣтеръ не даетъ покою

Вершинамъ придорожныхъ нивъ,

И выгибаются дугою,

Цѣлуясь съ матерью-землею,

Колосья безконечныхъ нивъ!“

Да, тамъ еще тишина въ томъ смыслѣ, въ какомъ живутъ столицы; тамошняя жизнь другая—органическая и незамѣтная, цѣпкая, хозяйственная.

Замѣчательно, что у Некрасова нѣтъ ни одного «носителя правды» изъ крестьянъ. Есть крупныя фигуры, какъ дѣдъ «Савелій, богатырь свято-русскій» («Кому на Руси жить хорошо»); Савелій величаетъ и вообще крестьянина—богатыремъ, но какимъ?.. Богатыремъ пассивнымъ, богатыремъ терпѣнія. Потому терпѣли мы, что мы богатыри, — говорилъ Савелій.

Правда, этотъ богатырь терпѣнія не до конца терпитъ...

„Осмынацать лѣтъ терпѣли мы...

Застроилъ нѣмецъ фабрику,

Велѣлъ колодезь рыть.

Вдвѣятеромъ копали мы,

До полдня...”

Слѣдуетъ извѣстная сцена закапыванія живымъ въ землю нѣмца-управляющаго; Савелій попадаетъ за это подѣ плети, потомъ на каторгу на 20 лѣтъ, бѣжить съ нея, опять получаетъ плети и, отбывъ еще 20 лѣтъ поселенія, возвращается на родину.

Вообще, такіе исходы крестьянской борьбы за существованіе нерѣдки у Некрасова.

«Вотъ памятное мѣсто», говоритъ ямщикъ графу Гаранскому («Отрывки изъ путевыхъ записокъ гр. Гаранскаго», писано въ 1853 г.):

„Тутъ славно мужички расправились съ однимъ...

„А что?“...

Невольнo я вздрогнулъ“...

прибавляетъ гр. Гаранскій.

А въ сказаніи странника Іоноушки «О двухъ великихъ грѣшникахъ» борьба со старой неправдою принимаетъ уже мистическія формы:

Господу Богу помолимся,

Древнюю боль возвѣстимъ:

Мнѣ въ Соловкахъ ее сказывалъ

Инокъ, отецъ Питиримъ.

Было двѣнадцать разбойниковъ,

Былъ Кудеяръ-атаманъ,

Много разбойники пролили

Крови честныхъ христіанъ,

Много богатства нагнали;

Жили въ дремучемъ лѣсу;

Вождь—Кудеяръ изъ-подъ Кіева

Вывезъ двѣицу-красу;

Днемъ съ полюбовницей тѣшился,

Ночью набѣги творилъ...

Вдругъ у разбойника лютаго

Совѣсть, Господь пробудилъ.

.....

И прегрѣшенья отмаливать

Къ гробу Господню идетъ.

Странствуетъ, молится, кается...

Легче ему не стаетъ.

Старцемъ, въ одеждѣ монашеской,
Грѣшнымъ вернулся домой.
Жиль подъ навѣсомъ старѣйшаго
Дуба, въ трущобѣ лѣсной.

Денно и ночью молилъ разбойникъ Всевышняго объ отпущеніи грѣховъ; сжалился Богъ и указалъ ему путь къ спасенію. Во время молитвеннаго бдѣнія предсталъ ему нѣкій угольникъ и сказалъ: «срѣжь дубъ, подъ которымъ ты живешь, тѣмъ же ножомъ, которымъ ты разбойничалъ. Только-что рухнется дерево, цѣпи грѣха упадутъ»... Долго рѣжетъ разбойникъ дубъ, начинается отчаиваться: нужны тутъ силы желѣзныя, нуженъ не старческій вѣкъ! Какъ вдругъ пріѣзжаетъ къ нему панъ Глуховскій — богатый и знатный, первый въ той сторонѣ. Ему рассказываетъ отшельникъ повѣсть своей совѣсти. Панъ усмѣхается: «Спасенія я ужъ не чаю давно! Въ мѣрѣ я чту только женщину, золото, честь и вино. Жить надо, старче, по моему: сколько холоповъ гублю: мучу, терзаю и вѣшаю!.. А поглядѣлъ бы, какъ сплю!» Чудо съ отшельникомъ сталося: бѣшеный гнѣвъ ощутилъ; бросился къ пану Глуховскому, ножъ ему въ сердце вонзилъ. Только-что панъ окровавленный палъ головой на сѣдло, рухнуло древо громадное, эхо весь лѣсъ потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
Съ инока бремя грѣховъ!..
Господу Богу помолимся:
Милуй насъ, темныхъ рабовъ“...

Однако, рядомъ съ дворянскимъ грѣхомъ—мученія, пытанія и вѣшанія холоповъ—тутъ же рядомъ стоитъ и «крестьянскій грѣхъ»—грѣхъ Іудинъ: староста уничтожаетъ за деньги завѣщаніе «аммирала-вдовца», по которому 8 тысячъ крестьянскихъ душъ получили вольную.

Рядомъ съ этимъ «Іудой» сколько другихъ грѣшниковъ изъ крестьянъ! Злодѣй-лѣсникъ, предательски убивающій «Коробейниковъ»... сцена убійства прямо трагична!

Есть у Некрасова еще одно стихотвореніе, которое я, однако, не рѣшаюсь ввести въ некрасовскую характеристику крестьянства. Несомнѣнно, Некрасовъ не выдумалъ изъ головы фактъ, онъ не хотѣлъ клеветать на крестьянина,—что-нибудь подобное онъ слышалъ; но все же надо признать этотъ фактъ исключительнымъ. Это рассказъ зоологически-патріотическаго мужика, хвастающагося передъ солдатомъ своимъ участіемъ въ войнѣ 12-го года (стих. «Такъ, служба»), когда крестьяне, поймавъ «одну семью, — отца да мать съ тремя щенками», убиваютъ отца, а за нимъ «изъ жалости» мать и дѣтей...

Но отойдемъ отъ тяжелыхъ картинъ. Полюбуемся на природу въ изображеніи Некрасова. Описанія ея принадлежатъ къ лучшимъ перламъ его поэзіи. Есть разные способы относиться къ природѣ... Одни въ природѣ видятъ самихъ себя; они дробятъ то цѣлое впечатлѣніе, какое они получаютъ отъ картинъ природы и иллюстрируютъ свои чувства отдѣльными элементами этого цѣлага. Часто это зависитъ, вѣроятно, отъ того, что поэты этого типа—горожане, издавшіе природу преимущественно на выставкахъ плодовъ и хризантемъ, орхидей и кактусовъ. Каждый цвѣтокъ, каждая отдѣльная форма приводится здѣсь въ связь съ чувствованіями человѣка.

Другіе видятъ въ природѣ ее самое—видятъ цѣльныя картины, потому что они созерцали природу въ лѣсу, въ степи, на берегу широкой рѣки, п. ч. они бывали ею охвачены, жили ею, всецѣло забывая на время о своихъ личныхъ чувствахъ.

Такъ понималъ и описывалъ природу Некрасовъ. Тутъ не знаешь, что взять для образца: такихъ картинъ у Некрасова цѣлый рядъ. Много съ любовью описываетъ онъ Волгу; въ поэмѣ «Саша» — чудная картина рубки лѣса. Возьму для примѣра конецъ стихотворенія «Тишина»:

...«Ямщикъ свиститъ
И выѣзжаетъ на приволье...
Луговъ... Родной, любимый видъ!
Тамъ зеленъ ярче изумруда,
Нѣжны шелковыхъ ковровъ,
И какъ серебряныя блюда
На ровной скатерти луговъ
Стоять озера! ночью темной
Мы миновали лугъ поемный,
И вотъ ужъ ѣдемъ цѣлый день
Между зелеными стѣнами
Густыхъ березъ. Люблю ихъ тѣнь
И путь, усыпанный листьями!
Здѣсь бѣгъ коня неслышно тихъ,
Легко въ ихъ сырости пріятной,
И вѣетъ на душу отъ нихъ
Какой то глушью благодатной!

Послѣ полной жизни картины весны и ея шума въ стихотвореніи «Надрывается сердце отъ муки» — Некрасовъ выдаетъ и тотъ мотивъ, который заставляетъ его все вновь и вновь возвращаться къ природѣ: она спасаетъ его отъ того отчаянія, въ какое его погружаютъ царящіе въ человѣческомъ обществѣ «звуки барабановъ, цѣпей, топора». Онъ говоритъ, слыша шумъ весны:

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный имъ
Мать-природа! иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ:
Заглуши эту музыку злобы!
Чтобъ душа ощутила покой,
И прозрѣвшее око могло бы
Насладиться твоей красотой!

Иногда Некрасовъ писалъ выдержанныя параллели душевныхъ чувствъ съ явленіями и образами изъ жизни природы. Какого изящества достигаетъ онъ здѣсь, можно оцѣнить по второй пѣснѣ изъ «Медвѣжьей охоты», извѣстной многимъ, конечно. Молодая жизнь не хочетъ ограничиваться узкими предѣлами того существованія, какое ведетъ ея «родная», и рвется на волю, на просторъ, ищетъ борьбы, предпочитаетъ погибнуть «у моря», чѣмъ завянуть въ глуши.

Особое мѣсто среди произведеній Некрасова занимаетъ поэма «Кому на Руси жить хорошо». Это самое крупное по размѣрамъ изъ всѣхъ его сочиненій. Замыселъ поэта очень оригиналенъ: на немъ видна эпоха великой всероссійской анкеты — земско-статистическихъ изслѣдованій. Семеро

мужиковъ изъ Подтянутой губернии, уѣзда Терпигорева, Пустопорожней волости, изъ смежныхъ деревень:

Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горьлова, Неѣлова,
(Неурожайка тожь),
Сошлись и заспорили,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси.

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу!
Купчинъ толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю гляючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю.

Если бы весь замыселъ поэта былъ осуществленъ, то передъ нами еще разъ прошли бы отношенія Некрасова ко всѣмъ общественнымъ проблемамъ. А въ отвѣтъ на вопросъ: кто же всѣхъ счастливѣе на Руси, былъ бы и ключъ къ его общему мировоззрѣнью. Однако, поэма далеко не полна.

Въ первой части, напечатанной полностью, допрашиваются попъ и помѣщикъ. Ни тотъ, ни другой не считаютъ себя счастливыми. Попутно объясняется и то, что понимаютъ семеро мужиковъ подъ счастьемъ:

Въ чемъ счастье по вашему? спрашиваетъ ихъ попъ
и продолжаетъ: —
Покой, богатство, честь,
Не такъ ли други милые?
Они сказали: такъ...

Мимоходомъ передъ семичленной комиссией проходить рядъ другихъ претендентовъ на «счастье»: уволенный дьячекъ, заявляющій, что счастье во благодушествѣ; старуха одноглазая и рябая объявила, кланяясь,

Что счастлива она,
Что у нея по-осени
Родилось рѣпъ до тысячи
На небольшой грядѣ...

Послѣ нея пришелъ солдатъ съ медалями: его претензія на счастье въ томъ, что онъ голодалъ, нещадно битъ былъ палками,—

А хоть пощупай: живъ!

Послѣ солдата приходитъ еще цѣлый рядъ претендентовъ, одинъ другого несчастнѣе и безпомощнѣе.

Изъ дальнѣйшихъ частей поэмы мы знаемъ только отрывки, въ которыхъ нѣтъ ни слова о заявленныхъ въ началѣ поэмы членами комиссіи кандидатахъ на счастье: ни о чиновникѣ, ни о купцѣ, ни о министрѣ-вельможѣ, ни о царѣ.

Изъ второй части есть только одинъ отрывокъ («Послѣдышъ»), рассказывающій о паденіи крѣпостного права. Изъ третьей—(«Крестьянка»), исторія губернаторши Матрены Тимофѣевны—великолѣпная эпопея, блещущая жизнью и свѣжестью. Передъ нами проходитъ юность Матрены, исторія ея любви и замужества, біографія Савелія—дѣда ея мужа, трагическая смерть ея первенца Демущки, котораго скормилъ свиньямъ задремавшій Савелій, и раздирательная сцена диссекціи трупa младенца и т. д. Рассказывая о страданіяхъ крестьянства, Некрасовъ не скрываетъ отъ насъ и его дикости: вотъ приговорили міромъ драть Матренина сына, 8-лѣтняго Ѳедота, за то, что онъ, будучи одинъ при стадѣ, хотъ и отбилъ у волчицы овцу, по потомъ опять ее предоставилъ хищницѣ, п. ч. овца была уже мертвая. Матрена жалуется барину и, по его приказу, Ѳедота освобождаютъ отъ наказанія и сѣкутъ самое Матрену. Далѣе, въ тотъ же годъ случился неурожай и голодъ,—и свекровь сообщила сосѣдкамъ, что бѣду на народъ накликала Матрена:

А чѣмъ? Рубаху чистую
Надѣла въ Рождество.
За мужемъ, за заступникомъ
Я дешево отдѣлалась;
А женщину одну
Никакъ за то же самое.
Убили на смерть кольями!
Съ голоднымъ не шути!...

заканчиваетъ Матрена, — хотя дѣло въ этомъ случаѣ, конечно, не въ одномъ голодѣ.

Въ четвертой части, тоже далеко не полностью напечатанной, является передъ нами, наконецъ, и тотъ, кому дѣйствительно живется весело, вольготно на Руси. Это интеллигентный пролетарій, бѣдный разночинецъ—дьячковъ сынъ Григорій—печальникъ страданій народныхъ съ своими знаменитыми цѣсиями, полными горя, страстной вѣры и непочатой силы:

Нейди просторною
Дорогой торною:
Страстей раба,
По ней громадная.
Къ соблазну жадная,
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выпренней
Тамъ мысль смѣшна,
Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
Вражда - война
За блага бренныя...
Тамъ души плѣнныя.
Въ цѣпяхъ умы.
Ключомъ кипящая,
Тамъ жизнь мертвящая,
Тамъ царство тьмы.

* * *

Иные чистые
 Пути тернистые
 Обрѣтены—
 Иди къ униженнымъ—
 Иди къ униженнымъ,
 По ихъ стопамъ,
 Гдѣ трудно дышится,
 Гдѣ горе слышится.
 Будь первый тамъ!

Итакъ, вотъ кто всѣхъ счастливѣе на Руси. У Гриши «Краше прежней пѣсенка въ полуснѣ слагается.

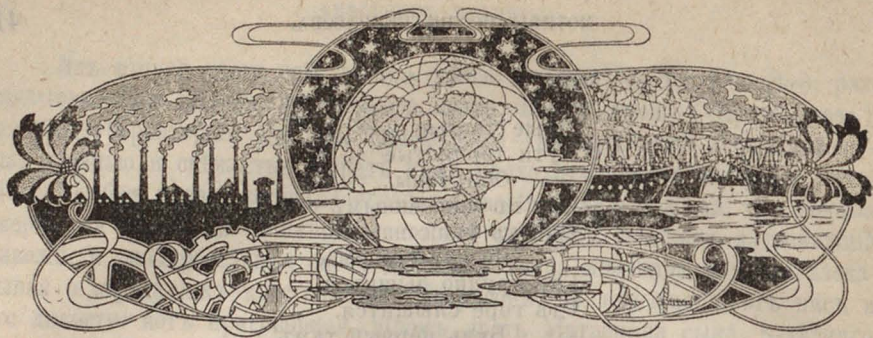
Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
 Если бъ знать могли они, что творилось съ Гришею.
 Слышаль онъ въ груди своей силы необъятныя,
 Услаждали слухъ его звуки благодатныя,
 Звуки лучезарные гимна благороднаго.
 Пѣлъ онъ воплощеніе счастья народнаго!

Очевидно, однако, что это счастье вовсе не то, какое признали истиннымъ мужики семи деревень въ разговорѣ съ попомъ. Счастье Гриши—не покой, не богатство, не честь (въ смыслѣ почета и почестей). Усвоили ли себѣ мужики за время своего хождения другое представленіе о счастье, или же Некрасовъ здѣсь вообще устраняетъ ихъ рѣшеніе вопроса и апеллируетъ къ другому трибуналу? Мы этого не знаемъ. Однако, фактъ двухъ понятій о счастье—мужицкаго и интеллигентнаго—остается, и Некрасовъ—самъ народникъ—просто становится на сторону интеллигентнаго пониманія, не указывая, какъ можно съ нимъ примирить «народный идеалъ» покоя, богатства и почета.

Вл. Ивановскій.

Проф. А. А. Исаевъ.

По вопросу о колоніяхъ.

I.

Развитіе міровой торговли придаетъ колоніальной политикѣ особенное значеніе, дѣлаетъ ее одной изъ главныхъ вѣтвей хозяйственной политики тѣхъ народовъ, которые являются видными участниками мірового хозяйства.

Народы, пріобрѣтая колоніи, руководствуются побужденіями, подобными тѣмъ, которыя двигаютъ отдѣльныхъ лицъ, стремящихся увеличить свое благосостояніе,—подчинить своей волѣ возможно больше внѣшнихъ благъ и наибольшее число людей. Правительство страны, занимающей колоніи, рассчитываетъ создать для себя расширеніемъ территоріи новые источники богатства, а увеличеніемъ числа подданныхъ укрѣпить свое могущество.

Къ этимъ простымъ побужденіямъ, которыя руководятъ завоевателями и основателями колоній отъ самой далекой древности, присоединяются, по мѣрѣ усложненія хозяйственной жизни, и болѣе спеціальныя соображенія. Раздѣленіе труда между народами и міровой обмѣнъ развиваются все болѣе и болѣе. Предъ правительствомъ каждой страны выясняется выгодность полученія товаровъ изъ своихъ колоній. Правительство другого государства можетъ связать отпускъ тѣхъ или другихъ товаровъ съ условіями, которыя выгодны для него, но тягостны для первой страны. Продукты-же изъ колоній переливаются въ метрополию, такъ какъ изъ одного конца страны въ другой. Еще болѣе очевидно становится различіе условій, съ которыми связанъ вывозъ: вывозъ въ другія государства и своими размѣрами, и степенью выгодности для продавцевъ зависитъ отъ таможенного законодательства страны, куда направляются товары. Таможенная политика другихъ народовъ всегда можетъ причинить данной странѣ извѣстный ущербъ. Вывозъ же въ колоніи не связанъ съ этими затрудненіями: онъ является перемѣщеніемъ товара по территоріи даннаго государства. Возрастающая плотность на-

селенія, развитіе эмиграціи людей и капиталовъ обнаруживаютъ различіе между государствами, которыя имѣютъ колоніи и не имѣютъ таковыхъ. Люди и капиталы направляются изъ странъ второй группы за границу и становятся—таково, по крайней мѣрѣ, господствующее мнѣніе — потерянными для родины. Изъ странъ же, владѣющихъ колоніями, люди и капиталы могутъ направляться въ колоніи и поддерживать тѣсное сношеніе съ родиной, расширять ея народное хозяйство. А потому, цѣлостно-экономическія соображенія занимаютъ въ колоніальной политикѣ все болѣе видное мѣсто. Къ этому примыкаютъ второстепенные расчеты экономического характера и побужденія военно-политическія: нужно занять островъ *А* потому, что онъ можетъ служить отличной станціей для угля, для ремонта судовъ, землю *Б* потому, что это можетъ быть важно въ случаѣ войны съ такимъ-то государствомъ и т. п. Наконецъ, мы находимъ въ колоніальной политикѣ и общія побужденія, вытекающія изъ непрестаннаго соревнованія между государствами. Данная территория въ моментъ завладѣнія ею можетъ не имѣть для присоединяющаго ее государства никакого значенія; очень вѣроятно, что она обѣщаетъ на долгое время только расходы. Но правительство и вліятельныя общественныя группы страны *А* требуютъ занятія этой земли, такъ какъ „иначе ею не замедлитъ завладѣть государство *Б*“. Приобрѣтеніе Германіей ея колоній совершилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ того побужденія, что, не займи ихъ Германія, Англія не упустила бы случая распространить и на нихъ свое господство.

Основателями колоній являются болѣе или менѣе культурные народы. Страны, занимаемыя въ качествѣ колоній, населены народами низшей культуры или старой культуры, находящимися въ состояніи упадка (Остъ-Индіа), или же дикими племенами. Такое положеніе дѣлъ понятно: дабы народъ могъ основывать колоніи и, особенно, въ другихъ частяхъ свѣта, онъ долженъ достигнуть извѣстной степени благосостоянія и политическаго могущества. Распространеніе господства на страны съ многочисленнымъ населеніемъ требуетъ значительныхъ расходовъ по снаряженію судовъ, вооруженію войска, основанія крѣпостей въ покоренной землѣ. Пока колонія бездоходна, метрополія должна имѣть средства, чтобы покрыть расходы на управленіе. Теперь въ первомъ ряду колонизаторовъ стоятъ главныя государства Европы и Соединенные Штаты.

Итакъ, государство, приобретающее колоніи, имѣетъ въ виду вполне реальныя выгоды. Но занятіе земель, принадлежащихъ народамъ низкой культуры или дикарямъ, связано съ войною а упроченіе господства во вновь приобретенныхъ странахъ—съ

насиліями, а потому стараются прикрыть реальныя побужденія красивыми декораціями, пышными фразами о томъ, что культурное государство завладѣваетъ территоріей даннаго языческаго племени, дабы „просвѣтить его христіанствомъ“. Вмѣстѣ съ солдатами, чиновниками, купцами, искателями приключеній въ покоренную землю направляются и миссіонеры. Въ іюнѣ 1900 г. германскій евангелическо-соціальный конгрессъ занимался вопросомъ о томъ, какъ оправдать политику мірового насильничества съ точки зрѣнія христіанства. Проф. Адольфъ Вагнеръ развилъ на конгрессѣ мысль, что колоніальная политика не можетъ быть оправдана только соображеніями о торговыхъ выгодахъ: она можетъ быть одобрена, если покоренныя племена, не служа, какъ-то было прежде, предметомъ эксплуатаціи, будутъ подняты на болѣе высокую степень культуры. Всѣ эти медовыя рѣчи не мѣняють положенія: отдѣльныя лица—миссіонеры—могутъ быть проникнуты искреннимъ желаніемъ приобщить полудикое племя къ культурѣ; но масса людей, направляющихся въ колоніи, имѣетъ въ виду тѣ матеріальныя выгоды, которыя онѣ могутъ доставить новымъ поселенцамъ, или политическіе и хозяйственные расчеты, побуждающіе государство пріобрѣтать колоніи, которыя еще не обѣщаютъ выгодъ.

Въ направленіи колоніальной политики нѣтъ ничего случайнаго: географическое положеніе государства, которое пріобрѣтаетъ колоніи, имѣетъ рѣшающее значеніе. Большая часть Азіи должна была сдѣлаться мѣстомъ колоніальной политики русскихъ. Государство бѣдное, отдаленное отъ моря и рѣдко населенное, Россія стояла въ сторонѣ отъ движенія, которое еще въ концѣ среднихъ вѣковъ охватило народы западной Европы. Русскіе не могли играть никакой роли въ колонизаторскихъ начинаніяхъ испанцевъ, голландцевъ и англичанъ. Но передъ русскими разстилалась необозримая равнина: невысокій Уральскій хребетъ отдѣляетъ Восточную Европу отъ огромныхъ азіатскихъ пространствъ, открытыхъ до Великаго Океана. Эта равнина, вотчина немногочисленныхъ дикихъ племенъ, и послужила мѣстомъ колонизаціонной дѣятельности русскихъ еще въ 16-мъ вѣкѣ.

Захватъ этихъ пустынь совершился очень быстро: только въ 1582 г. Ермакъ подноситъ Іоанну Грозному западную окраину Сибири, а въ 1604 г. русскіе основываютъ Томскъ, въ 1632 г. Якутскъ, въ 1643 г. казаки проникають до Амура. Давнишнее завладѣніе этими обширными землями, захватъ, несвязанный съ какими-либо трудностями, — опредѣлили дальнѣйшее направленіе русской колоніальной политики. Средне-азіатскія области, составляющія болѣе одной шестой всей Россійской Имперіи,

примыкають къ Сибири. Превосходя послѣднюю качествомъ почвы и климата, онѣ послужили мѣстомъ захватовъ Россіи отъ 60-хъ годовъ XIX-го вѣка. Приобрѣтеніе этихъ земель, облегченное ихъ смежностью представлялось соблазнительнымъ не только потому, что присоединяло къ Россіи обширныя пространства съ большими естественными богатствами, но и потому, что дѣлало положеніе Россіи болѣе выгоднымъ относительно Персіи и Индіи, если бы когда-либо пришлось столкнуться съ англичанами. Выходъ Японіи къ Великому океану, политическій и хозяйственный ростъ этой страны опредѣлили русскую колоніальную политику послѣднихъ лѣтъ: прочное положеніе на восточномъ океанѣ и возможное отдаленіе Китая черезъ вліяніе на Манджурію. Въ географіи нашего отечества нужно искать причины, которыя сдѣлали Россію европейско-азиатскимъ государствомъ.

Соединенные Штаты находятъ въ предѣлахъ Америки условія, которыя необходимо приведутъ къ упроченію вліянія сѣверо-американцевъ на всемъ материкѣ. Этому способствуетъ богатство Соединенныхъ Штатовъ, ихъ высокая культура, энергія населенія и сплошная территорія отъ Аляски до Патагоніи. Но сѣверо-американцамъ предстоитъ гораздо большая работа, нежели та, которая сопровождала движеніе Россіи по безлюдной азіатской равнинѣ. Средняя и Южная Америки являются дѣтищами романской культуры. Соединенные Штаты достигли богатства и политическаго могущества лишь немного десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда на американскомъ материкѣ уже были полукультурныя государства. Какъ сѣверо-американецъ съ благоговѣніемъ посѣщаетъ родину Шекспира и разсматриваетъ старый пергаментъ Великой Хартіи, такъ мексиканецъ или гражданинъ Буэносъ—Айреса стремится побывать на мѣстѣ рожденія Сервантеса и взойти по высокимъ лѣстницамъ эскуріала. Пока южно-американскія республики боролись съ Испаніей, а Соединенные Штаты были государствомъ скромныхъ размѣровъ, первыя смотрѣли на нихъ, какъ на друзей. Достигнувъ самостоятельности, южно-американцы стали дружественно относиться къ бывшей метрополіи и постепенно охладѣвать къ Соединеннымъ Штатамъ. Во время Испано-американской войны 1898 года охлажденіе перешло во враждебное чувство: общественное мнѣніе Южной Америки было на сторонѣ Испаніи. Вотъ случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ боятся Соединенныхъ Штатовъ въ Южной Америкѣ. Въ апрѣлѣ 1902 г. правительство Боливіи заключило договоръ съ синдикатомъ „The Bolivian“, имѣющимъ мѣстопробываніе въ Нью-Йоркѣ. По договору синдикатъ получилъ на 60 лѣтъ въ аренду область Акры съ обширными полномочіями относительно развитія торговли, взиманія податей и проч. Южно-

американцы усмотрѣли въ этомъ договорѣ первый шагъ къ подчиненію всего бассейна Амазонки вліянію Соединенныхъ Штатовъ. Это извѣстіе вызвало въ Ріо-де-Жанейро такое негодованіе, что толпа разрушила вагоны электрической дороги, работающей на сѣверо-американскіе капиталы; газеты сравнивали это извѣстіе со взрывомъ бомбы, называли его ошеломляющимъ, упрекали бразильское правительство, что оно не помѣшало заключенію договора. Кромѣ враждебнаго настроенія со стороны туземцевъ, янки принуждены бороться въ Южной Америкѣ съ вліяніемъ англичанъ и нѣмцевъ, направляющихъ туда свои капиталы и вовсе не сочувствующихъ успѣхамъ сѣверо-американцевъ. Однако, въ распоряженіи Соединенныхъ Штатовъ есть данныя, которыя могутъ облегчить имъ успѣхи въ Средней и Южной Америкѣ: близость разстоянія, помогающая побѣдить соперниковъ дешевизною товаровъ, а главное, руководство судьбами Кубы и Филиппинъ. Если эти новыя области Соединенныхъ Штатовъ быстро подвинутся въ развитіи благосостоянія и политической свободы, то испано-американскій міръ будетъ свидѣтелемъ зрѣлища, способнаго примирить средне- и южно-американцевъ съ Соединенными Штатами. Остается родственная Канада; если бы Англія не надѣлила ее широкими правами, то она давно бы слилась съ Соединенными Штатами. Толчокъ къ этому можетъ дать малѣйшее недоразумѣніе съ метрополіей. Нѣтъ надобности понимать лозунгъ: „Америка для американцевъ“, какъ призывъ всѣхъ американцевъ подчиниться верховенству Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ лозунгъ имѣетъ большой смыслъ, если понимать его въ экономическомъ значеніи, т. е. что вся Америка представляетъ область, гдѣ капиталъ американцевъ (гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ самой богатой и развитой части Америки), ихъ рабочее искусство и предпріимчивость будутъ имѣть преобладаніе надъ европейскими трудомъ, капиталомъ и товарами. И къ этому придетъ все въ очень далекомъ будущемъ. Какъ скоро Соединенные Штаты ослабятъ враждебное къ себѣ отношеніе испано-американскаго міра, такъ капиталы, накапливаемые въ Соединенныхъ Штатахъ, будутъ искать для себя выгоднаго помѣщенія за предѣлами страны въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. Практичность американцевъ подсказываетъ имъ, что Средняя и Южная Америка открываютъ для предпріимчивости почти безграничное поле. Не уступая ни въ чемъ другимъ частямъ свѣта относительно естественныхъ богатствъ, Америка испанской культуры представляетъ для колонизаціонной работы тѣ выгоды, что рѣдко населена (въ отличіе, напр., отъ странъ древней культуры—Остъ-Индіи, Египта) и отстоитъ далеко отъ Европы, направляющей туда колонизаторовъ. Когда

сѣверо-американскіе капиталы и товары займутъ преобладающее положеніе на рынкахъ Средней и Южной Америки, то между Соединенными Штатами и другими государствами Америки будетъ возможно такое единеніе для экономическихъ цѣлей, которое будетъ дѣлать изъ всѣхъ народовъ Америки тѣсно сплоченный союзъ.

Африка представляла издавна наиболѣе удобное поле для колонизаціонной дѣятельности Испаніи и Франціи уже въ силу своей близости къ этимъ государствамъ. Однако, колоніальная политика европейцевъ обратила вниманіе на эту часть свѣта только за послѣднія десятилѣтія. Почти весь материкъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ древней культуры и береговъ, пользовался дурной славой; не было и рѣчи о естественныхъ богатствахъ Африки, какъ, напр., о дарахъ природы Азіи или Америки, а потому до Африки не было охотниковъ. Колонизаціонная дѣятельность европейскихъ народовъ получила другое направленіе. Даже присоединеніе французами Алжира въ 1830 г. не вызвало у другихъ народовъ стремленія расширить въ Африкѣ область господства. По западному берегу отъ Марокко до Капа разбѣжжали торговцы невольниками и закупали негровъ для американскихъ плантацій. Когда торговля невольниками была запрещена, то весь берегъ пришелъ въ полное запустѣніе. Значеніе Капской колоніи, которую голландцы поддерживали цѣлыхъ 150 лѣтъ, какъ главную станцію по пути въ Индію, было ничтожно: каждый годъ расходовали милліоны на управленіе. Только къ концу 19-го вѣка рѣзко измѣнился взглядъ на Африку. Исслѣдователи, проникшіе въ глубь материка, укрѣпили убѣжденіе, что Африка надѣлена разными естественными богатствами; отысканіе золота и алмазовъ имѣло рѣшающее значеніе: всѣ бросились къ Африкѣ въ расчетъ на обильную добычу.

Близкое сосѣдство Испаніи дѣлало именно ее тѣмъ государствомъ, которому было удобно развить въ Африкѣ колоніальную политику. Но за послѣднее время ея могущество такъ упало, что въ пору было заботиться о сохранившихся за нею колоніяхъ; не было силъ для приобрѣтенія новыхъ, а потому близкое сосѣдство оказывало услуги только Франціи. Завладѣніе Алжиромъ и обширными пространствами на западномъ берегу давало Франціи очень удобныя точки опоры для дальнѣйшихъ захватовъ. У нея могла явиться только одна опасная соперница — Англія. Издавна господствуя на моряхъ, Англія меньше, чѣмъ какая-либо другая держава, была ограничена въ захватъ отдаленныхъ странъ; она не упустила случая расширить свои владѣнія и въ Африкѣ. Раздѣлъ этой части свѣта

началь совершаться только съ 80-хъ годовъ 19-го вѣка. Къ этому времени Германія увеличила свой флотъ, расширила внѣшнюю торговлю и съ большою выгодною и блескомъ рѣшила настоятельный вопросъ европейской политики, а потому оживленный интересъ къ колоніямъ могъ получить удовлетвореніе. Но только часть Африки еще не была въ крѣпкихъ рукахъ. На долю Германіи тамъ выпала довольно большая добыча, хотя далеко уступающая приобрѣтеніямъ Франціи и Англіи. Наибольшую территорію захватила Франція, около 4 милліоновъ квадр. килом. при общей площади около 11 съ половиною милліоновъ. Независимыя государства Африки занимаютъ только до 1½ милліоновъ квадр. километровъ. Австралія, уже по отдаленности отъ Европы, должна была сдѣлаться достояніемъ народа, располагавшаго наиболѣе значительной морской силой. Къ концу 18 столѣтія, когда начиналось занятіе этого материка, такими средствами обладала только Англія, и Австралія сдѣлалась исключительно англо-саксонской колоніей.

Южная Азія издавна привлекала европейцевъ. Въ былое время въ ней дѣлали земельныя приобрѣтенія всѣ государства, имѣвшія значительный флотъ: испанцы, португальцы и голландцы. Съ 18 столѣтія только Англія могла рассчитывать на большіе захваты; только ей было по силамъ занять всю Индію. И, наконецъ, въ послѣднія десятилѣтія кромѣ частей Азіи, присоединенныхъ къ Россіи, могли дѣлать дальнѣйшія приобрѣтенія Англія и Франція, усиленно развивавшія колоніальную политику съ 80-хъ годовъ 19-го вѣка.

II.

Что сдѣлали и сдѣлаютъ европейскіе народы для колоній? Занимая новую страну, метрополія имѣетъ передъ собою двѣ группы людей: туземцевъ и своихъ поселенцевъ. По общему сознанію послѣдніе являются господами, а первые — рабами. Когда европейскіе выходцы образуютъ довольно многочисленное населеніе, то метрополія надѣляетъ ихъ самоуправленіемъ и создаетъ порядокъ, близкій къ тому, который господствуетъ на родинѣ. Англійская политика является въ этомъ отношеніи типичною: австралійскія колоніи Канады, Капская земля получили ту степень политической свободы, которая дѣлаетъ жизнь въ этихъ мѣстахъ не менѣе удобною и даже болѣе привлекательною, чѣмъ въ Англіи. Другіе народы не могутъ проводить эти начала по большому масштабу уже потому, что число ихъ выселенцевъ очень невелико: на милліоны и десятки милліоновъ туземцевъ приходится тысячи и десятки тысячъ европейцевъ. Въ 1897 г. во всѣхъ колоніяхъ Голландіи было больше 34 милліоновъ жителей, изъ нихъ голландцевъ—

съ небольшимъ 60 тысячъ, въ Кохинхинѣ на населеніе больше 2.300.000 было меньше 5.000 европейцевъ (1899 г.) въ Того— на 2½ милліона туземцевъ только 113 нѣмцевъ (1899 г.).

Но всѣ народы для развитія своей торговли и успѣшнаго пользованія естественными богатствами пріобрѣтенныхъ странъ производятъ нѣкоторыя работы, прежде всего сооружаютъ желѣзныя дороги, порты, телеграфъ и т. д. Англичане построили въ Остѣ-Индіи до 45.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Большая желѣзнодорожная сѣть сооружена англичанами въ Южной Африкѣ. То же дѣлаютъ русскіе, французы, нѣмцы и другіе народы въ своихъ колоніяхъ.

Старинный пріемъ—развивать колоніи посредствомъ частныхъ обществъ, которымъ предоставлены широкія публичныя права, получилъ за послѣднее время большое примѣненіе во Франціи.

Учрежденіемъ колоніальныхъ компаній по образцу англійскихъ и голландскихъ компаній 18-го вѣка французское правительство хотѣло усилить слабый среди французовъ духъ предпріимчивости. Въ 1897, 98 и 99 г. г. во Франціи изданы законы, опредѣляющіе права колоніальныхъ обществъ. Возьмемъ въ видѣ примѣра законъ для колоніи Конго (до 900.000 квадр. километровъ). Законъ надѣляетъ поселенцевъ участками земли до 1000 гектаровъ или даромъ, или за ничтожную плату; во временное пользованіе уступаются площади даже до 10.000 гектаровъ. Детально разработаннымъ лѣснымъ закономъ стараются охранить лѣса колоніи. Лѣсной участокъ больше 4000 гектаровъ не подлежитъ сплошной вырубкѣ безъ особаго разрѣшенія правительства. Въ лѣсахъ съ цѣнными породами предприниматель обязанъ насадить, по крайней мѣрѣ, вдвое больше деревьевъ, чѣмъ вырублено. Въ каучуковыхъ лѣсахъ должны быть введены подробныя записи о числѣ, величинѣ и цѣнности вырубленныхъ деревьевъ. За нарушеніе этихъ правилъ виновные наказываются крупными денежными пенями. Законъ ставитъ общества въ извѣстныя границы относительно разработки рудниковъ. Правила, далеко идущія въ детали, опредѣляютъ условія, при которыхъ участки земли переходятъ въ собственность концессіонеровъ: таковыми признаются участки, извѣстная площадь которыхъ застроена, засажена полезными растеніями и т. д. Концессіонерамъ вмѣняется также въ обязанность развивать пароходство хотя бы на одной судоходной рѣкѣ, перевозить почту, давать въ извѣстные сроки губернатору всѣ пароходы для военныхъ цѣлей и т. д. Каждая концессія теряетъ силу, если въ теченіе 2 лѣтъ со времени ея полученія не приняты серьезныя мѣры для пользованія уступленной территоріей. Не взирая на суровость законовъ, очень многіе бросились на это дѣло. Къ концу октября

1899 года въ распоряженіи 40 обществъ было уже слишкомъ 750.000 квадрат. километр., т. е. больше $\frac{3}{4}$ всего Конго. Общества располагають капиталомъ больше 50.000.000 франковъ. Столь живой интересъ къ новому дѣлу настраиваетъ многихъ французовъ оптимистически, ожидаютъ пышнаго расцвѣта присоединенныхъ странъ. Однако, плохія дѣла большинства обществъ на Конго заставляютъ относиться къ розовымъ надеждамъ очень скептически. По примѣру обществъ Конго предполагають создать общество въ старинныхъ французскихъ владѣніяхъ по западному берегу Африки.

Какъ же относятся колонизаторы къ туземцамъ? Насилія европейцевъ надъ туземнымъ населеніемъ такъ извѣстны, что излишне описывать ихъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что все это отошло въ область преданій. Правда, новѣйшіе законы требуютъ человѣчнаго отношенія къ туземцамъ. Ст. 10 приведеннаго мною закона о Конго гласитъ, что пользованію со стороны общества не подлежатъ селенія, поля и пастбища туземцевъ. Губернаторъ опредѣляетъ размѣръ этихъ угодій, а также пространствъ, которыя служатъ туземцамъ мѣстами охоты и рыболовства. Эти площади могутъ быть отчуждаемы только съ разрѣшенія губернатора. Предписывается гуманное отношеніе къ нравамъ и обычаямъ туземцевъ, ихъ религіи и учрежденіямъ. Однако, исполненіе гуманныхъ требованій закона не обезпечено, колонія отстоитъ отъ центра слишкомъ далеко, а туземцы безгласны и не могутъ защищать себя на почвѣ права. Будь соблюденіе законовъ хоть сколько-нибудь обезпечено, то были бы невозможны злоупотребленія, связанныя съ именемъ Петерса и другихъ. Небезпеченность положенія туземцевъ въ колоніяхъ доказывается тѣмъ, что среди всѣхъ явленій колониальной политики вопросъ о воспитаніи дикихъ къ правильному труду занимаетъ главное мѣсто.

Съ точки зрѣнія колонизаторовъ это вполне понятно. Какимъ капиталомъ ни располагало бы колониальное общество, какими льготами ни надѣлило бы ихъ правительство, какъ бы ни были велики естественныя богатства занятыхъ земель, пока нѣтъ на лицо достаточнаго числа рабочихъ не слишкомъ дорогихъ и сколько-нибудь старательныхъ, до тѣхъ поръ нельзя ожидать выгодъ. Европейскіе работники идутъ неохотно въ многія изъ этихъ областей частью уже потому, что тропическій климатъ дѣйствуетъ губительно на поселенцевъ. И вотъ, плантаторы обсуждаютъ вопросъ о томъ, какъ приучить туземцевъ къ правильному труду. Колонизаторы Африки стойко держатся взгляда, что въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ принужденія. Считаютъ образцовымъ порядокъ, введенный голландцами на Явѣ:

тамъ установлена барщина, которою правители Явы пользуются, будто бы, умѣренно. Въ 1900 г. барщина была понижена съ 52-хъ дней въ году на 42; въ 1901 г. правительство могло требовать по закону 71.548.000 рабочихъ дней, а взяло только 22.279000. Но припомнимъ негодующій вопль Мультипули и новѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя Ванъ-Колень о дѣлахъ на Явѣ (въ *Neue Zeit* за 1900 и 1900 и 1901 г.г.), и мы отнесемся очень скептически къ гуманности голландцевъ. Англійское правительство рѣшило облегчить африканскимъ плантаторамъ пріобрѣтеніе рабочихъ. Съ этою цѣлью въ округѣ на сѣверѣ отъ Замбези правительство предположило поднять подворный налогъ съ 3 шиллинговъ до 6 для тѣхъ туземцевъ которые не докажутъ, что въ теченіе года работали не меньше одного мѣсяца. Тѣ же, которые предаются праздности круглый годъ, должны платить 12 шиллинговъ. Плантаторы горячо одобряли этотъ проектъ. Среди племени Ангони къ сѣверу отъ Замбези англичане, подчинивъ вождей, предоставили имъ довольно широкія полномочія. Пользуясь этимъ вожди посылаютъ бѣдныхъ къ плантаторамъ на работы. Обсуждается также вопросъ о привлеченіи негровъ германскихъ колоній къ отбыванію воинской повинности; видятъ въ этомъ средство пріучить ихъ къ труду. Въ пользу мѣръ, способныхъ воспитать дикарей къ правильной работѣ, приводятъ разные аргументы. Ссылаются на то, что негры обременяютъ женщинъ тяжелымъ трудомъ; колоніальное правительство относится къ этому совершенно равнодушно.

Введеніе обязательнаго труда для негровъ можетъ ослабить надзоръ мужчинъ за женщинами и тѣмъ уменьшить тягость ихъ работы. Если въ Европѣ, говорятъ многіе, человѣка, просящаго милостыню, сажаютъ въ работный домъ, то можно со спокойной совѣстью принуждать негровъ къ работѣ. Если дѣтей обязываютъ посѣщать школу, если налагаютъ на молодыхъ людей обязанность служить 2=3 года въ солдатахъ, то есть основаніе принуждать негровъ къ работѣ. Часто слышатся голоса, что нежелательна излишняя гуманность относительно туземцевъ.

Колоніальная политика европейцевъ способствовала разработкѣ естественныхъ богатствъ въ странахъ, которыя еще недавно не были связаны съ міровымъ рынкомъ. Это положеніе не относится къ колоніямъ, гдѣ европейцы составляютъ всю массу населенія: Австралія и Канада. Эти страны, по благосостоянію почти сравнившіяся съ метрополіей, могутъ быть въ извѣстной степени названы странами старой культуры. Говоря только о колоніяхъ, гдѣ европейцы образуютъ ничтожное меньшинство, мы видимъ и здѣсь значительный успѣхъ промышленности. Кромѣ желѣзныхъ дорогъ и созданія нѣкоторыхъ

отраслей, особенно хлопчато-бумажнаго производства, заслуживаетъ вниманіе то, что сдѣлано Англіей въ Индіи для искусственнаго орошенія: въ 1882 г. во всей Индіи было орошено 11.443.000 акровъ, а въ 1898 г.—18.616.253. Если же этимъ успѣхамъ противопоставить ужасы голода, которые Индія переживала за послѣдніе года, то совсѣмъ блѣднѣютъ услуги, оказанныя индусамъ англичанами. Въ 1876—1878 гг. отъ голода въ Индіи страдало 58 милліоновъ жителей на площади въ 250.000 англ. квадр. миль. Къ концу 1896 г. голодъ захватилъ гораздо большую область: 504.000 англ. кв. миль съ населеніемъ около 97 милліоновъ. Десятки милліоновъ людей страдали отъ неурожая и въ послѣдніе годы. Конечно, правительство кормило милліоны голодающихъ (лѣтомъ 1900 г. не меньше 6.000.000). Нѣсколько милліоновъ были заняты общественными работами. Но многіе милліоны умерли отъ голода: въ тѣхъ провинціяхъ, которыя наиболѣе пострадали, было 66.050.000 жителей въ 1891 году и 63.181.000—въ 1901 г. Эти сопоставленія побуждаютъ сказать, что европейцы даже и въ малой мѣрѣ не выполнили своихъ обязанностей относительно Индіи. Если бы, скажемъ для примѣра, англичане употребили на Индію только половину суммы, которую поглотила война съ бурами, то площадь орошенія могла бы быть въ Индіи многократно больше, чѣмъ теперь, и неурожайи не могли бы принимать такіе размѣры: теперь орошеніе распространяется примѣрно на 10% всей засѣиваемой площади. Возможность такихъ неурожаяевъ и голодовъ въ странѣ, которая находится больше 100 лѣтъ во владѣніи культурнаго государства, доказываетъ, что колонизаторы дѣлаютъ для колоній возмутительно мало.

Въ странахъ, населенныхъ дикарями, темныя стороны колоніальной политики не выдѣляются такъ ярко; туземцы еще не привлечены къ правильному хозяйственному труду, а потому какія невзгоды ни постигали бы ихъ, европейцы могутъ сказать, что «они еще не имѣли времени привить дикарямъ зачатки гражданственности». Показныя стороны колоніальной политики выступаютъ въ этихъ мѣстахъ довольно рельефно. Не совсѣмъ полныя данныя, собранныя для Африки статистическимъ бюро въ Вашингтонѣ, опредѣляютъ для 1899 г. цѣнность ввоза и вывоза слишкомъ въ 741.000.000 доллѣровъ. Правда, больше $\frac{3}{5}$ этого оборота приходится на культурныя страны: Капскую колонію, Трансвааль и Оранжевую республику; однако, другія части Африки представлены довольно крупными цифрами: не говоря о Египтѣ, который достигъ за послѣднюю четверть вѣка значительнаго процвѣтанія, французскія колоніи, португальское Конго имѣютъ довольно большой ввозъ и вывозъ. Кромѣ

золота и алмазовъ Африка даетъ міровому рынку хлопокъ, пальмовое сѣмя и масло, кожи, шкуры и т. д. Разработка естественныхъ богатствъ, какъ слѣдствіе проникновенія европейцевъ въ глубь чернаго материка, выступаетъ здѣсь въ яркомъ освѣщеніи.

III.

Вопросъ о томъ, выгодно ли для государства пріобрѣтеніе колоній, можетъ быть рассматриваемъ съ трехъ точекъ зрѣнія. Ограничиваясь первой, самой общей точкой зрѣнія, мы должны придти къ утвердительному отвѣту. Государство выигрываетъ, если его территория увеличивается на столько-то тысячъ или десятковъ тысячъ квадр. верстъ, гдѣ природа разсѣяла разнообразныя дары. Съ такой общей точки зрѣнія народу выгоднѣе присоединить территорию, нежели остаться безъ этого прироста. Но подобный отвѣтъ совсѣмъ безсодержателенъ. Иногда народъ овладѣваетъ обширною страню раньше, чѣмъ можетъ извлекать изъ нея какія-нибудь выгоды; возможно, что позднѣе, когда онъ уже достигъ значительнаго развитія, когда онъ сталъ способенъ пользоваться естественными богатствами колоніи, ее отнимаетъ другое, болѣе могущественное государство. Въ этомъ случаѣ расходы, сдѣланные первымъ народомъ, оказываются потерянными безслѣдно. Таково было положеніе Франціи, Испаніи, Португаліи относительно многихъ старинныхъ потерянныхъ ими колоній.

Нужно, поѣтому, выдвинуть вторую точку зрѣнія: выгодно ли пріобрѣтеніе колоній для отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ то время, когда государство, присоединяющее колонію, уже можетъ извлекать выгоды изъ ея естественныхъ богатствъ? Нужно дать на это утвердительный отвѣтъ. Въ колонію могутъ отливать капиталы, которые не находятъ выгоднаго помѣщенія въ метрополіи. Нѣкоторыя отрасли промышленности страны, захватившей новую область, могутъ получить въ колоніи рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Колонія можетъ служить мѣстомъ водворенія извѣстной части городского и сельскаго пролетаріата метрополіи. Словомъ, среди каждой группы въ населеніи колонизирующаго государства найдутся люди (прежде всего, разумѣется, чиновники, получающіе въ колоніи увеличенное жалованіе и пенсію), для которыхъ основаніе колоній приноситъ существенныя выгоды.

Вопросъ усложняется, если смотрѣть на него съ третьей точки зрѣнія—интересовъ цѣлаго, туземцевъ, населяющихъ захваченную страну, и общихъ интересовъ государства-метрополіи.

Если бы колонизаторы занимали только часть области, которую издавна населяютъ дикія или полудикія племена, если

бы первые держались въ сторонѣ отъ послѣднихъ, то туземцы не теряли бы ничего: населеніе странъ, занимаемыхъ первобытными племенами, очень рѣдко, и захватъ культурнымъ народомъ части такой области еще не затруднилъ бы имъ добыванія средствъ продовольствія съ помощью грубыхъ приемовъ труда. Если бы колонизаторы могли воздѣйствовать на дикарей гуманно, устранять пагубные обычаи (людоѣдство, человѣческія жертвы, изнуреніе женщинъ работой), знакомить съ лучшими способами труда, то можно было бы признать вліяніе европейцевъ полезнымъ. На дѣлѣ до самаго послѣдняго времени выходило, однако, совсѣмъ иначе: европейцы проявляли въ колоніяхъ самый необузданный произволъ. Разъ будутъ въ широкихъ размѣрахъ удовлетворять требованіе, чтобы присылаемые изъ Европы чиновники приучали дикарей къ труду, то, несомнѣнно, будетъ много насилій. Европейскій чиновникъ считаетъ нормальнымъ рабочій день въ 10 часовъ и больше. Сроднившійся съ этимъ взглядомъ чиновникъ не можетъ такъ переродиться, чтобы возлагать на дикаря небольшую работу и воздерживаться отъ суровыхъ мѣръ при наблюденіи за этимъ трудомъ. А требованіе работы продолжительной и напряженной будетъ вести прямо или косвенно къ вымиранию дикарей: убѣгая отъ принудительнаго труда, они будутъ покидать насиженные мѣста, удаляться въ лѣсныя чащи и погибать большими массами.

Труднѣе выяснить вліяніе государства—метрополіи на колонию, туземное населеніе которой уже достигло извѣстной гражданственности, напримѣръ, вліяніе англичанъ въ Индіи. Я уже сказалъ, что англичане сдѣлали возмутительно мало для Индіи, если даже и признать, что индусамъ жилось бы хуже подъ господствомъ ихъ князьковъ, чѣмъ подъ властью Англіи и Россіи.

Вопросъ о выгодности колоній для государства—метрополіи долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ интересами государственнаго казначейства и большинства населенія. Если колонія требуетъ со стороны метрополіи крупныхъ приплатъ въ теченіе долгаго времени, то приходится считать ее невыгодной, такъ какъ приплаты увеличиваютъ податныя тягости населенія въ государствѣ—метрополіи. Конго, поставленное въ 1899 году подъ верховенство бельгійскаго короля, еще не можетъ обойтись безъ приплатъ изъ бельгійской казны. Одинъ Тонкинъ стоилъ Франціи сотни милліоновъ франковъ, Германскія колоніи въ Африкѣ также требуютъ со стороны метрополіи большихъ расходовъ. Но мы признаемъ несомнѣнно выгоднымъ основаніе такихъ колоній, гдѣ поселенцы находятъ незанятые пространства и вводятъ общественный порядокъ, подобный складу жизни на своей

родинѣ. Здѣсь колонія быстро достигаетъ гражданственности, какая господствуетъ въ культурныхъ государствахъ, а обиліе свободной и плодородной земли, благопріятный климатъ, разнообразныя естественныя богатства и, главное, отрѣшенность отъ многихъ предрасудковъ, дающихъ людямъ въ Старомъ Свѣтѣ, позволяютъ поселенцамъ обогнать метрополию. Такія колоніи имѣютъ еще и то значеніе, что множество гражданъ метрополіи находятъ долгое время свободный доступъ къ лучшимъ условіямъ жизни. Къ этому типу должны быть отнесены главныя англійскія колоніи — Соединенные Штаты, Австралія и Канада.

Оцѣнивая выгодность колоній для государства въ его цѣломъ, нужно имѣть въ виду не только издержки казны на основаніе и содержаніе колоній, не только продолжительность времени, въ теченіе котораго колонія составляетъ для метрополіи предметъ расхода, но и разныя другія назначенія, которыя могли бы получить суммы, затраченныя на колоніи. Если уровень образованія въ странѣ низокъ, если разныя учрежденія, важныя для развитія народнаго хозяйства, находятся въ зачаточномъ состояніи, то народъ въ цѣломъ больше выигралъ бы отъ затраты государственныхъ средствъ на школы, желѣзныя дороги, порты, осушеніе болотъ, орошеніе, нежели на приобрѣтеніе колоній. Здѣсь вполне примѣнимъ примѣрный расчетъ, который сдѣланъ мною („Вѣстн. Знан.“ 2 ст. «Развитіе промышленности на Западѣ и въ Россіи») относительно выгоды Сибирской желѣзной дороги и тѣхъ народныхъ школъ, которыя могли бы быть основаны на капиталы, уже затраченныя и еще предстоящіе къ расходованію на эту дорогу.

IV.

Именно, этотъ пунктъ и долженъ быть принятъ во вниманіе, когда хотятъ уяснить себѣ вопросъ о колоніяхъ. Въ парламентахъ Германіи, Франціи, Бельгіи нѣкоторые депутаты возставали противъ расходовъ на колоніи и, вообще, противъ колоніальныхъ предпріятій своего правительства. Здѣсь они рѣзко расходятся съ другими партіями. Какъ объяснить это?

Представители разныхъ партій, высказываясь за приобрѣтеніе колоній, скрываютъ за красивыми декораціями свои истинныя побужденія. А побужденія прямо вытекаютъ изъ личныхъ интересовъ этихъ партій. Чиновникъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, громко крича о необходимости колоній для страны, имѣетъ въ виду выгоды, которыя служба въ колоніяхъ доставляетъ должностнымъ лицамъ. Промышленники рассчитываютъ на новые рынки для сбыта; они смотрятъ съ большою боязнью, какъ

бы другія государства не захватили данной области. Сельскіе хозяева государства-метрополіи имѣютъ нѣкоторое основаніе опасаться новыхъ колоній, какъ ближайшихъ „своихъ“ соперниковъ по производству земледѣльческихъ продуктовъ. Но опасенія парализуются соображеніемъ, что колоніи, лежащія въ жаркомъ климатѣ, производятъ тропическіе продукты, отличные отъ воздѣлываемыхъ въ метрополіи, и сознаниемъ, что колоніи выгодны для чиновниковъ, а семьи землевладѣльцевъ вѣдь и служатъ главными поставщиками чиновниковъ для государства.

Соціологи, какъ выразители лучшихъ идеаловъ, которые живутъ въ современномъ обществѣ, не могутъ руководствоваться такими узкими расчетами: они отдають предпочтеніе той общественной работѣ, которая наиболѣе двигаетъ человечество впередъ. Они сопоставляютъ предметы государственныхъ расходовъ и говорятъ, что многіе расходы болѣе важны, болѣе полезны для страны, чѣмъ затраты на колонію. При этомъ они имѣютъ въ виду разные расходы, которые государство должно было дѣлать на матеріальное и духовное возвышеніе пролетаріата. Проводя мысль, что нѣтъ надобности въ приобрѣтеніи колоній, они опираются на многочисленные факты послѣдняго времени. Бельгія, Данія, Германія, Швейцарія далеко подвинулись въ развитіи промышленности за послѣднюю четверть 19-го вѣка. Товары, производимые въ этихъ странахъ, появляются на самыхъ отдаленныхъ рынкахъ. Ихъ успѣхи въ міровой торговлѣ гораздо болѣе велики, чѣмъ успѣхи Франціи; а между тѣмъ колоніи Франціи такъ обширны, что она почти заслуживаетъ названія мірового царства. Колоніи являются полемъ, гдѣ грубые инстинкты вступаютъ въ свои права, гдѣ склонность къ насильничеству обнаруживается особенно ярко. Чѣмъ усерднѣе заботится правительство о расширеніи территорій, тѣмъ чаще поводы къ произволу, тѣмъ болѣе беззащитности въ политикѣ, тѣмъ прочнѣе держатся въ людяхъ грубая влеченія. И это является еще однимъ аргументомъ противъ колониальной политики. Возставая противъ послѣдней слѣдуетъ придавать большое значеніе колоніямъ, которыя возникаютъ на незанятыхъ земляхъ по почину частныхъ обществъ, безъ вмѣшательства государственной власти.

Таково наше отношеніе къ колоніямъ; оно стоитъ на тѣхъ высотахъ, которыхъ достигли нравственные требованія лучшихъ людей современнаго общества.

А. А. Исаевъ.

Анри Беранжэ.

Геній.

Драма въ 3 актахъ.

АКТЪ II.

Декорации тѣ же, какъ и въ первомъ актѣ. Дѣйствіе происходитъ восемью днями позже.

Полдень давно уже прошелъ; въ воздухѣ душно. Сквозь открытыя окна лабораторіи на небѣ видны большія грозныя тучи, несущіяся надъ Парижемъ. По временамъ гремитъ громъ, сверкають молніи. Въ лабораторіи замѣчается нѣкоторый безпорядокъ.

СЦЕНА I.

Лефоръ, Дормейль, Вейсъ.

Лефоръ въ рабочемъ костюмѣ растираетъ въ ступкѣ стекляннымъ пестикомъ эвтоксинъ, предназначенный для послѣдняго впрыскиванія маленькому Морвану. Дормейль, растянувшись въ креслѣ, дремлетъ съ газетой въ рукахъ. Вейсъ изслѣдуетъ микроскопомъ какой то препаратъ.

Лефоръ (обращается къ проснувшемуся Дормейлю). Ну, что же, старина, теперь вы подкрѣпились; исчезли слѣды ночи, проведенной безъ сна?

Дормейль (подходить къ умывальнику и освѣжаетъ холодной водой лицо). Ахъ!.. Славно!.. въ такую жару...

(Вслѣдъ за тѣмъ онъ надѣваетъ воротничекъ, манжеты и шегольскій пиджакъ).

Вейсъ (поднимая голову, склоненную надъ микроскопомъ)—34 градуса въ тѣни... и это 8 іюня... ну, точно на зло!..

(Слышатся раскаты грома).

Дормейль—(подходить къ окну и смотреть на небо). Если бы, наконецъ, поскорѣе разразилась гроза! Это бы освѣжило бѣднаго ребенка.

Лефоръ.—Да, ваше дежурство сегодня ночью было тяжелое. Надо полагать, бѣдняжка сильно страдалъ?

Дормейль.—Да, очень страдалъ... Есть основанія предполагать, что это можетъ отразиться на мозгѣ... Въ особенности беспокоило меня повышеніе температуры. Вчера вечеромъ было 39°; а эту ночь она колебалась между 39°,6 и 40°,7.

Вейсъ.—При 41° происходитъ разложеніе крови... и шабашъ, всему дѣлу конецъ.

Дормейль. Ну, не всегда... Но досаднѣе всего то, что при примѣненіи автоксина нельзя прибѣгать къ эфиру и кофеину. (Обращаясь къ Лефору). Ну что, готовъ автоксинъ?

Лефоръ (продолжая размѣшивать). Да... готовъ.—Такой сильной дозы мы ему ни разу не давали... Если онъ это выдержитъ, тогда онъ спасенъ.

Вейсъ.—Я тоже того же мнѣнія... Такой дозы достаточно, чтобы убить быка.

Дормейль.—Такъ или иначе, но я полагаю, что нашъ патронъ черезчуръ смѣлъ.

Вейсъ.—Тотъ, кто сознаетъ себя великимъ жрецомъ науки, однако, не оставилъ себѣ ни малѣйшаго выхода...

Лефоръ.—День и ночь онъ твердитъ одно и то же... Слѣды бессонныхъ ночей ясно замѣтны, несмотря на его богатырскую организацію. Его, несомнѣнно, преслѣдуетъ сознаніе громадной отвѣтственности...

Дормейль.—Да; наступилъ кризисъ... У великихъ людей пятьдесятъ лѣтъ—это критическій возрастъ, нѣчто вродѣ второй молодости. Они удваиваютъ свои силы или гибнутъ. Во всякомъ случаѣ Лоріеръ защищается отважно... Раненный левъ страдаетъ, но смѣло идетъ впередъ, тѣмъ же шагомъ.

Лефоръ.—Побѣда останется за нимъ... Онъ, владѣетъ, добычей.

Вейсъ.—Или она его погубитъ...

Дормейль.—Но дѣло въ томъ, что его необычайно безмолвное, взволнованное состояніе, замѣчаемое въ эти послѣдніе

дни, безсонныя ночи, эти налитыя кровью жилы, неподвижный взоръ... Словомъ, все это вмѣстѣ взятое—плохой признакъ.

Вейсъ. — Сегодня утромъ, здѣсь въ лабораторіи, когда вы находились еще тамъ наверху у больного, онъ жаловался на странную боль, точно мурашки бѣгаютъ у него на всемъ лѣвомъ боку.

Дормейль. — Къ счастью дочь заботливо слѣдитъ за нимъ. Какъ она ухаживаетъ за нимъ; какъ умѣло успокаиваетъ его!.. Не будь ея, Лоріеръ послѣ смерти сестры погибъ бы для науки.

(Онъ опускается въ кресло и, зѣвая, просматриваетъ газеты).

Лефоръ. — Что новаго въ газетахъ?

(Снова слышатся раскаты грома).

Дормейль. Вотъ дьявольская музыка! (Перелистываетъ газету). Что новаго? Да ничего... Грязь парламентская, грязь академическая, грязь театральная... Да, положительно, ничего новаго... Ахъ, нѣтъ! Виновать... есть кое что и новое... Касается нашего патрона. •А вотъ послушайте... (Онъ разворачиваетъ газету: „Vraie France“ и читаетъ):

„Снова примѣръ несостоятельности науки. Ходятъ слухи, что на дняхъ въ лабораторіи одного изъ извѣстнѣйшихъ представителей новой науки произойдетъ крупный скандалъ. Не довольствуясь снабженіемъ молодыхъ анархистовъ усовершенствованнымъ динамитомъ, въ настоящее время химики придумали прививать смертельныя болѣзни несчастнымъ безотвѣтнымъ созданіямъ!..“

«Правда-ли, что одинъ изъ профессоровъ въ Collège de France, подъ вліяніемъ какой то научной мегаломаніи, задался задачей впрыскивать одинъ изъ изобрѣтенныхъ имъ ядовъ въ кровь больного ребенка, котораго довѣрила ему сумасбродная мать?»

«Правда-ли, что этотъ ребенокъ въ отчаянномъ положеніи, а его мать до нѣкоторой степени содержится чуть не подъ арестомъ у профессора, о которомъ идетъ рѣчь?»

«Полицейская власть, проявляющая свою особенную ревность, когда рѣчь идетъ о разслѣдованіяхъ по дѣламъ политическихъ противниковъ правительства, пожалуй, могла бы съ пользою для общества проявить свою дѣятельность по отношенію къ этимъ крупнымъ представителямъ современной науки.

«До чего доведутъ насъ увлеченія химіей?!»

«Вотъ налицо эта крайняя несостоятельность науки!...»

(Дормейль, закончивъ чтеніе, нервно комкаетъ газету и бросаетъ ее на столъ).

Дормейль. Какъ это все гнусно! А, между тѣмъ, нельзя съ этимъ не считаться! Не забывайте, что эта газета каждое утро расходится въ 200,000 экземплярахъ!..

Лефоръ. Вотъ это, да еще рюмочка, — вотъ что погубить Францію!..

Вейсъ. Самое важное и непріятное въ этомъ то, что, пожалуй, патрону эта газета попала въ руки и онъ прочелъ уже эту мерзость. Въдъ онъ придаетъ громадное значеніе печатному слову и чутко прислушивается ко всему!..

Дормейль. Ну, и что-же? Онъ совершенно правъ!.. Теперь печатное слово руководить всѣми и всюду!.. Но за спиною газетнаго писака не замѣчаете-ли вы руку свѣтила академіи, господина Мартена?

(Входитъ слуга и передаетъ пачку писемъ Лефору).

Вейсъ. Вотъ и послѣбѣдненная почта. Скоро прїѣдетъ патронъ. Вѣроятно, ему по случаю грозы плохо отдыхалось послѣ завтрака!..

Дормейль (обращается къ Лефору, перебиравшему письма и распечатывавшему одно изъ нихъ). Тамъ ничего нѣтъ для насъ?

Лефоръ. Нѣтъ, ничего; все для патрона!.. и одно мнѣ адресовано!.. (внезапно онъ дѣлаетъ порывистое движеніе). Леритѣ заболѣлъ желтой лихорадкой!..

Вейсъ. Да неужели?

Дормейль. Только этого еще не доставало!.. Ну, теперь кризисъ въ полномъ разгарѣ!

Лефоръ. Вотъ послушайте: «Мой дорогой Лефоръ! Сообщаю вамъ плохую вѣсть и даже очень непріятную. Я предпочелъ написать объ этомъ предварительно вамъ, такъ какъ мнѣ неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится теперь опытъ нашего патрона надъ маленькимъ Морваномъ.

Леритѣ заболѣлъ желтой лихорадкой. Съ утра мы усиленно работали въ лазаретѣ; все шло, какъ слѣдуетъ. Въ полдень, несмотря на сильный зной, мы немного прогулялись послѣ завтрака. Онъ отлично позавтракалъ и былъ веселѣе обыкновеннаго. Около перваго часа мы возвратились домой, намѣреваясь немного отдохнуть. Мы тотчасъ уснули!.. Но въ половинѣ третьяго онъ почувствовалъ себя нехорошо и вошелъ въ мою комнату, вскрикнувъ: «Мнѣ очень нездоровится!..» Не успѣлъ онъ проговорить эти слова, какъ тотчасъ упалъ на полъ. Я уложилъ его на кровать. Лицо его было очень блѣдно; на немъ выступилъ потъ, и руки были холодны, какъ у человѣка въ обморокъ!.. Вскорѣ онъ уснулъ, а я пошелъ немедленно за докторомъ Лафаржъ, который!..

(Въ эту минуту слышится голосъ Лоріера. Онъ говоритъ взволнованно и громко; дверь открывается съ шумомъ).

Лоріеръ (обращаясь къ слугѣ). Нѣтъ; говорю тебѣ, что никого не хочу принимать, хотя бы самого президента республики!

СЦЕНА II.

ТѢ-ЖЕ, ЛОРІЕРЪ и вскорѣ Жозефъ.

(Въ то время, какъ Лоріеръ въ крайне возбужденномъ состояніи, захлопнувъ за собою дверь, входитъ въ лабораторію, никого не замѣчая, Лефоръ прячетъ письмо, сдѣлавъ знакъ товарищамъ, чтобы они обо всемъ молчали, и дѣлаетъ видъ, будто оканчиваетъ растираніе эвтоксина. Лоріеръ нѣсколько секундъ ходитъ по комнатѣ, ни на кого не обращая вниманія. но, наконецъ, замѣчаетъ своихъ учениковъ и, пристально взглянувъ на нихъ, говоритъ:

Лоріеръ. Если-бы въ дѣйствительности мнѣ удалось открыть способъ излеченія нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней, до сего времени признаваемыхъ неизлечимыми, я увѣренъ, что въ двери моего дома не такъ бы часто стучались газетчики и журналисты!

Жозефъ (входя). Сударь...

Лоріеръ (взбѣшенно). Такъ вы, значить, не выпроводили за дверь этого назойливаго человѣка? Такъ, значить, вы хотите...

Жозефъ. Сударь, это не президентъ республики, а — префектъ полиціи. Онъ желаетъ тотчасъ поговорить съ вами...
(Движеніе удивленія со стороны трехъ учениковъ).

Лоріеръ (нѣсколько изумленный). Хорошо.. Пригласите въ красную гостиную и попросите обождать нѣсколько секундъ... Когда я позвоню, вы введите его сюда! (Съ горькой улыбкой). Теперь придется ихъ всѣхъ принимать въ этой лабораторіи, чтобы убѣдить, что я не занимаюсь черной магіей и не истребляю дѣтей. Двойная доза эвтоксина готова?

Лефоръ (показывая бокаль). Вотъ онъ; уже готово...

Лоріеръ. Прекрасно! Мы вскорѣ приступимъ къ выпрыскиванію. Это самая сильная доза, не такъ-ли?

Лефоръ. Да, патронъ; самая сильная.

Лоріеръ (задумчиво). Если температура понизится сегодня вечеромъ, тогда онъ спасенъ. (Обращается къ ученикамъ). Уйдите въ смежную комнату, мнѣ необходимо остаться наединѣ съ префектомъ полиціи. (Обращается къ Дормейлю). Милое дитя мое, вы вѣдь всю эту ночь безъ сна провели около постели больного, зачѣмъ же вы не отдохнули вмѣсто того, чтобы придти сюда? Да еще въ такой душливый день предъ грозой... Пройдите домой, милый мой, отдохните хорошенько!

Дормейль. Я уже отдохнулъ вполне. Три часа спать и больше мнѣ не нужно. А сегодня позвольте мнѣ ни на шагъ не отходить отсюда и быть около васъ...

Лоріеръ (крѣпко пожимая ему руки). Спасибо, другъ мой, спасибо! Сейчасъ увидимся...

С Ц Е Н А III.

ЛОРЬЕРЪ, ПРЕФЕКТЪ ПОЛИЦІИ.

(Префектъ, въ черномъ сюртукѣ съ орденомъ Почетнаго Легіона въ петличкѣ; ему на видъ сорокъ пять лѣтъ; производитъ впечатлѣніе осторожнаго и опытнаго чиновника).

Жозефъ (съ важностью). Господинъ префектъ полиціи (Жозефъ удаляется).

Лорьеръ. (подходить къ префекту, отвѣчая поклономъ на его поклонъ). Покорнѣйше прошу садиться, сударь... Чему я обязанъ честью, оказанной мнѣ вашимъ посѣщеніемъ?

Префектъ. Милостивый государь, я предпочелъ бы явиться къ вамъ съ визитомъ при совершенно иныхъ условіяхъ, Я давно уже восхищаюсь и преклоняюсь предъ вашей дѣятельностью. И мнѣ хотѣлось бы безъ всякаго стѣсненія высказать вамъ мое глубокое уваженіе... Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что это поможетъ мнѣ выполнить возможно приличіе и почтительнѣе обязанность, возложенную на меня правительствомъ по отношенію къ вамъ...

Лорьеръ. (немного раздраженно). Да въ чемъ же дѣло, сударь? Я вамъ весьма обязанъ, но, тѣмъ не менѣе, я ровно ничего не понимаю.

Префектъ. Неужели, сударь?

Лорьеръ. Могу васъ увѣрить, сударь. (Онъ смотритъ на часы). Такъ какъ у меня въ домѣ больной ребенокъ, жизнь котораго въ опасности, то я васъ покорнѣйше попрошу не терять времени.

Префектъ. Да вотъ, именно, я и явился сюда по поводу этого ребенка...

Лорьеръ (вскочивъ). Не ослышался ли я, милостивый государь? Какое отношеніе можетъ имѣть болѣзнь этого ребенка къ вашимъ обязанностямъ?

Префектъ (холодно). Меня весьма удивляетъ, милостивый государь, что мнѣ приходится вамъ это объяснять. Совѣтъ министровъ сегодня утромъ разсматривалъ этотъ вопросъ. Тотчасъ по выходѣ изъ совѣта г. министръ внутреннихъ дѣлъ пригласилъ меня къ себѣ... Вотъ почему я здѣсь у васъ въ настоящую минуту... Правительство полагаетъ, что къ такому великому ученому, какъ вы, необходимо отнести на сколько возможно почтительнѣе и принять сообразныя съ этимъ мѣры. Вотъ почему, милостивый государь, по крайней мѣрѣ съ нашей точки зрѣнія, мы хотѣли избавить васъ отъ всѣхъ непріятностей разслѣдованій, допросовъ...

Лорьеръ. Теперь я понимаю... Это вотъ эта статья... (Онъ указываетъ на газету „Vraie France“).

Префектъ. Совершенно вѣрно, сударь. Правительство республики обязано чутко прислушиваться и внимательно относиться къ общественному мнѣнію. Въ настоящій моментъ, вы не должны забыть это, общественное мнѣніе вполне противъ васъ... Не только газеты враждебно относятся. Жители этого квартала, взбѣшенные тѣмъ, что вы устроили у себя нѣчто такое, что они называютъ *«бойня отравителя»*, уполномочили своего представителя, члена муниципальнаго совѣта, обратиться на это вниманіе Сенской префектуры и грозятъ преслѣдовать насъ судомъ, васъ за то, что создали такое опасное дѣло, а меня за то, что я это допускаю.

Лорьеръ. Это все?

Префектъ. Нѣтъ еще... Вчера, въ вечернемъ собраніи въ Елисейскомъ дворцѣ, господинъ главный инспекторъ санитарнаго надзора, докторъ Лепарлеръ, жаловался на то, что васъ допустили совершать безконтрольно и противозаконно опыты надъ малолѣтнимъ.

Лорьеръ.—Противозаконно? На чемъ же, утверждая это, основывается эта почтенная каналья?

Префектъ (порывисто). На весьма простомъ аргументѣ. сударь; онъ обращаетъ вниманіе на то, что вы не медикъ.

Лорьеръ. Онъ, вѣроятно, забываетъ, что я членъ медицинской академіи?

Префектъ. Съ строго юридической точки зрѣнія это въ соображеніе не принимается... Законъ признаетъ только дипломы, выдаваемые медицинскимъ факультетомъ.

Лорьеръ. Слѣдовательно, вы ни во что не цѣните авторитетъ института?

Префектъ. Увѣрены ли вы въ томъ, что въ этомъ дѣлѣ институтъ на вашей сторонѣ? Префектъ полиціи имѣетъ возможность знать очень много вещей. Не признаете ли возможнымъ, что въ данную минуту поднять въ медицинской академіи вопросъ и идти голосованіе о выраженіи вамъ порицанія?..

Лорьеръ. Всякаго рода гнусности весьма возможны... Но при мнѣ остается мое глубокое убѣжденіе, какъ ученаго, и моя совѣсть, какъ человѣка...

Префектъ. Это очень много по отношенію къ вамъ самимъ и очень мало предъ лицомъ закона.

Лорьеръ. Законъ! Законъ! Да въ чемъ же, наконецъ, меня обвиняють?

Префектъ. Мнѣ поручено правительствомъ убѣдить васъ отказаться добровольно отъ вашихъ опытовъ относительно леченія эвтоксинамъ, а также пригласить васъ созвать извѣстнѣйшихъ медиковъ для составленія консилиума съ цѣлью опре-

дѣлать состояніе ребенка, находящагося у васъ въ домѣ въ положеніи, близкомъ къ смерти...

Лоріеръ. Но если бы даже этотъ ребенокъ умеръ, развѣ родъ его болѣзни заранѣе не грозилъ ему неизбѣжной и самой ужасной смертью?

Префектъ. Все это весьма возможно, милостивый государь; по закономъ право помилованія предоставлено исключительно и единственно только главѣ государства!

Лоріеръ (возбужденно расхаживая по лабораторіи). Въ сущности, милостивый государь, вы требуете отъ меня, чтобы я совершенно отказался отъ разрѣшенія дорогой мнѣ, завѣтной задачи; вы требуете, чтобы я забылъ о цѣли всей моей ученой дѣятельности въ теченіе жизни!...

Префектъ. Постараемся, сударь, разобраться въ этомъ, ничего не преувеличивая. Правительство обращается къ великому и глубокоуважаемому ученому съ просьбою не распространять вашихъ лабораторныхъ изслѣдованій далѣе предѣловъ, дозволенныхъ закономъ нашей страны...

Лоріеръ. Законы страны не препятствуютъ эпилептикамъ и паралитикамъ, рискуя смертью, погружаться въ рыбные садки и пруды въ Лурдѣ... Мы требуемъ для науки тѣхъ же правъ, которыя предоставлены закономъ и правительствомъ глубокому суевѣрію. (Говоритъ властно и съ достоинствомъ). Мать этого ребенка довѣрила мнѣ его. Уступить вамъ и исполнить ваше требованіе я добровольно не могу. Только тогда я могу быть вынужденнымъ отказаться отъ своего дѣла, если вы меня арестуете въ этой лабораторіи, удостоившейся посѣщенія президента республики и заслуживающей покровительства за десятки изобрѣтеній, принесшихъ пользу Франціи!...

Префектъ (вставая). Меня не уполномочивали и никто не имѣлъ намѣренія прибѣгать къ содѣйствію пытокъ... Но я убѣжденъ, что до завтра вы объ этомъ поразмыслите.

Лоріеръ (содрогаясь). До завтра, сударь, этотъ ребенокъ будетъ спасенъ или погибнетъ. Завтра, сударь, я не буду уже нуждаться въ общественной власти и не стану ее спрашивать, какъ надлежитъ поступать Лоріеру... Вотъ что вы можете передать отъ меня правительству.

Префектъ. Милостивый государь, говоря все это, я выполнялъ свой долгъ, какъ должностное лицо; но, повѣрьте, что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы данное мнѣ порученіе было иного рода...

(Онъ откланивается и направляется къ двери).

Лоріеръ (звонитъ и затѣмъ сопровождаетъ префекта до двери; появляется слуга). Проводите господина префекта полиціи!

С Ц Е Н А IV.

ЛОРЬЕРЪ, ТЕРЕЗА.

(Лорьеръ возвращается на середину сцены; пожимаетъ плечами, смотритъ на часы; въ немъ замѣтно необычайное внутреннее волненіе. Входитъ Тереза; на блѣдномъ лицѣ ея видны печаль и безпокойство. Она подходитъ къ отцу и беретъ его за обѣ руки. Онъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ лобъ).

Лорьеръ. Моя бѣдная Тереза!

Тереза (цѣлуя отца), Дорогой папочка! (наступаетъ довольно продолжительное молчаніе).

Лорьеръ. Въ какомъ положеніи ребенокъ?

Тереза. Все по прежнему сильный жаръ.... Страшная жажда... Но мать обезпокоиваетъ меня еще болѣе, нежели ребенокъ.

Лорьеръ (безпокойно) Что съ ней?

Тереза. Она начинаетъ терять къ намъ довѣріе. До сихъ поръ ты былъ для нея богомъ, но повидимому она вскорѣ будетъ смотрѣть на тебя, какъ на діавола. Ея старыя предразсудки и суевѣріе охватываютъ ее снова. Она все толкуетъ о Богородицѣ, о пожертвованіяхъ на церкви, молебнахъ и прочее....

Лорьеръ. Не доставало только этого!

Тереза. До сихъ поръ мнѣ удавалось ее успокоивать. Но тебѣ надо приготовиться сегодня къ горячей атакѣ передъ обѣдомъ, такъ какъ она получила утромъ вложенными въ запечатанный конвертъ много вырѣзокъ изъ этихъ пустыхъ газетъ.

Лорьеръ. Это тѣ, гдѣ говорятъ о насильственномъ задержаніи и о согласіи матери, полученномъ обманнымъ образомъ.

Тереза. Да!

Лорьеръ. Это Мартень.... или Лепарлеръ.... а можетъ быть оба вмѣстѣ.

(Онъ съ трудомъ ходитъ по комнатѣ; проводитъ рукою по лбу и опирается на столъ лабораторіи. Тереза подбѣгаетъ къ нему; поддерживаетъ его и усаживаетъ).

Тереза. Что съ тобою? Тебѣ дурно?

Лорьеръ. Ничего... такъ; головокруженіе.

Тереза. Тебѣ необходимо отдохнуть.

Лорьеръ. Это гроза разстроила мнѣ нервы.... Послѣ завтрака я легъ на кровать и несмотря на жару меня охватила холодная дрожь, и я не могъ уснуть.... Мысль объ этомъ ребенкѣ, которому быть можетъ придется умереть, неотступно меня преслѣдуетъ. (Онъ снова начинаетъ ходить по лабораторіи). Все равно! Я не отступлю и пойду до конца. Сейчасъ я употреблю эвтоксинъ въ послѣдній разъ....

Тереза. Я убѣждена, что ты уже излечилъ его отъ эпилепсіи.... У него ни одного припадка не было за все время; былъ

только одинъ разъ, въ первый же день его прибытія, до употребленія эвтоксина.... Теперь въ немъ замѣчается только чрезвычайное волненіе крови, происходящее, вѣроятно, отъ сильно нагрѣтаго воздуха и отъ избытка электричества въ атмосферѣ. (Она подходит къ окну и показывая на густыя, мрачныя тучи говорить). Еслибы поскорѣе разразилась гроза, полилъ дождь, освѣжилъ воздухъ.... Какое бы это было благодѣяніе для насъ всѣхъ!.... Неправда ли, папа?

Лорьеръ. Такъ ты серьезно полагаешь.... что я его излечилъ?

Тереза. Я въ этомъ твердо убѣждена.... Лефоръ, Дормейль и Вейсъ согласны съ моимъ мнѣніемъ.... Одно только что угрожаетъ этому ребенку, это воспаленіе мозга...

Лорьеръ. Повтори это еще разъ! Скажи снова то же самое! Ты освобождаешь мою совѣсть отъ ужаснаго бремени!

Тереза. Чѣмъ это объяснить отецъ, что ты, мысль котораго упорно преодолагаетъ всѣ препятствія, ты не замѣчаешь того, что мы всѣ видимъ ясно въ настоящій моментъ?...

Лорьеръ. Ахъ, моя дѣвчурочка! Это потому, что васъ такъ страшно не подавляетъ гнѣть, лежащій на мнѣ....

Тереза. Да какой же гнѣть, папочка?

Лорьеръ. Отвѣтственность!

Тереза. Въ чемъ же можетъ заключаться эта отвѣтственность? Развѣ этому ребенку не грозила неизбежная смерть? Твой методъ леченія развѣ не былъ сто разъ проверенъ опытами?

Лорьеръ. Несомнѣнно.... Но все же я ни разу еще не имѣлъ дѣла съ человѣческимъ организмомъ....

Тереза. Да развѣ до тебя Пастеръ не дѣлалъ того же самаго.

Лорьеръ. Конечно; онъ также проводилъ безсонныя ночи; онъ также изнывалъ и мучился сомнѣніемъ и выжиданіемъ.... Ахъ! Пока не сказано послѣднее слово, пока все окончательно не разъяснено и не представлено неопровержимое доказательство, имѣютъ ли право рисковать жизнью человѣка? Могъ ли я, долженъ-ли былъ я поручиться за это излеченіе?

Тереза. Отецъ, ты истомляешь себѣ душу и тѣло этой крайней щепетильностью.... Вотъ уже четвертая ночь, какъ ты почти совсѣмъ не спишь.... Кто изъ людей имѣетъ право дѣйствовать смѣлѣе тебя? Развѣ ты не посвятилъ все свое время, весь умъ, всѣ лучшія силы служенію наукѣ? Не той безплодной болтливой наукѣ академиковъ, но той благотворной, исходящей изъ нѣдръ лабораторій и озаряющей трудящихся и страдающихъ! Какой изслѣдователь упорнѣе тебя стремится къ истинѣ и знанію на пользу человѣчества?

Лорьеръ (глубоко задумавшись)—Да; этому идеалу я всёмъ пожертвовалъ.... Въ стремленіи къ нему я потратилъ силы, молодость, всю душу отдать этому дѣлу.... Я исторгъ тайны солнца.... проникъ въ тайники нервной субстанціи.... Моя страна и мои современники обязаны мнѣ нѣсколькими блестящими побѣдами въ области знанія, предсказывавшими безконечно болѣе значительныя побѣды.... Неужели все это разсыплется въ прахъ изъ-за неосторожнаго опыта? Допустимъ даже, что нравственно я неповиненъ предъ этимъ ребенкомъ и его матерью, но нахожусь ли я въ томъ же положеніи по отношенію къ моей теоріи и, вообще, къ наукѣ? Имѣлъ ли я право подвергать ихъ опасности, зависимой отъ всякаго рода случайностей и усложненій, наконецъ, навлекать на нихъ ироническіе намеки префекта полиціи и лай толпы?

(Онъ въ изнеможеніи опускается въ кресло. Голосъ его мало по малу ослабѣваетъ. Нѣсколько крупныхъ слезъ скатываются по щекамъ).

Тереза (подходить тихонько къ креслу и отираетъ его слезы).— Бѣдный папа! На какую Голгофу взвели тебя эти люди! Вѣдь ты на все имѣлъ полное право. Развѣ не стремился ты къ неизвѣстному? Какой же геніальный человѣкъ, хотя разъ въ жизни, не рискнулъ бы всёмъ и не поставилъ все на карту? Въ противномъ случаѣ наука была бы дѣломъ механическихъ выкладокъ и вычисленій и дѣйствовала бы всегда навѣрняка. Среди всѣхъ великихъ силъ человѣчества она была бы единственной, не имѣющей своихъ кровопролитныхъ битвъ, своихъ полетовъ къ таинственному неизвѣстному, надѣясь побѣдить и разъяснить невѣдомое. Она не имѣла бы такихъ часовъ, какъ тѣ, которые ты проводишь сегодня, какіе имѣлъ Христофоръ Колумбъ на своихъ корабляхъ, Дантонъ на трибунѣ и Викторъ Гюго наканунѣ созданія Эрнани? Послушай, папа! (Она начинаетъ говорить чрезвычайно одушевленно). Помнишь ли ты, папа, тѣ вечера, когда я была еще маленькой?... Сидя на балконѣ въ сумеркахъ, ты былъ погруженъ въ грезы, размышляя о своихъ открытіяхъ... Взглядъ твой блуждалъ неопредѣленно; онъ казался мнѣ такимъ же безконечнымъ, глубокимъ, какъ то неизвѣстное, къ изслѣдованію, познанію котораго ты страстно стремился; ты казался мнѣ такимъ же лучезарнымъ, какъ та истина, проблески которой ясно видны были тебѣ одному, ранѣе чѣмъ всему остальному міру... О, папа! Въ эти минуты, когда твои глаза блестѣли, какъ казалось мнѣ, таинственнѣе и ярче звѣздъ, тогда наука не была маленькой старушкой, трусливой, морщинистой, отдающей маленькія суммы на маленькіе проценты. Нѣтъ, это была величественная мечта, смѣло глядѣвшая орлинымъ взоромъ въ пропасти неизвѣстнаго... Ее то ты любилъ, а не ту другую! Ее ты

научилъ меня распознавать, она нами руководила; она сдѣлала тебя великимъ, а меня сильной и смѣлой!

(По мѣрѣ того какъ она все болѣе и болѣе увлекается, Лорьеръ поднимаетъ голову вверхъ, какъ бы прислушиваясь къ очаровательной музыкѣ. Его задумчивое лицо снова озаряется сіяніемъ вѣры и сознаниемъ генія. Онъ встаетъ, выпрямившись и цѣлуя дочь, говоритъ:

Лорьеръ. — Ты возстанавливаешь во мнѣ силу и волю! Необходимо спасти этого ребенка! Я спасу его!

(Входитъ г-жа Морванъ).

С Ц Е Н А V.

Тѣ же и г-жа Морванъ.

(Г-жа Морванъ одѣта такъ же, какъ въ первомъ актѣ. Ея истомленное лицо выражаетъ глубочайшее страданіе. Это *Mater dolorosa*, взятая изъ просто-народья, безъ красоты, но не безъ трагизма. Страхъ, печаль, нерѣшимость, недовѣріе видны на ея лицѣ, въ движеніяхъ и рѣчи. Она робко приближается къ Лорьеру, сдѣлавшему порывистое движеніе при видѣ ея).

Лорьеръ. — Вы здѣсь, милая женщина; значитъ, что-либо случилось?

Г-жа Морванъ. Мальчику все хуже... Онъ проснулся... потерялъ рассудокъ... говоритъ несообразное... безсвязно... Я очень опасуюсь; мнѣ кажется, онъ скоро умретъ.

Лорьеръ (строго). — И вы его оставляете одного?

Г-жа Морванъ. — Нѣтъ; тамъ у кровати сидятъ г. г. Лефоръ и Дормейль и ставятъ термометръ. У него сильный жаръ... Ну, такъ какъ они были около мальчика (она колеблется), вотъ я рѣшила сойти внизъ. (Все еще смотритъ нерѣшительно). Видите-ли, господинъ Лорьеръ, я не въ силахъ болѣе терпѣть...

Тереза (предвидя кризисъ, подходитъ къ г-жѣ Морванъ и беретъ ее за руку). — Успокойтесь, господа Морванъ: сегодня уже послѣдній день леченія; если маленькій Жанъ выдержитъ его хорошо, по всѣмъ вѣроятіямъ онъ будетъ спасенъ...

Г-жа Морванъ (освобождаетъ свою руку и говоритъ съ замѣтнымъ недовѣріемъ) — Опять его будутъ колоть этой противной спринцовкой. Да развѣ уже не довольно?

Тереза. — Конечно не довольно. Надо, чтобы леченіе было доведено до конца. Впрыскиваніе сегодня вечеромъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ; не правда-ли, папа?

Лорьеръ. (Все время не спускавшій властнаго и проникающаго взгляда съ г-жи Морванъ) Несомнѣнно. Если только онъ выдержитъ благополучно это послѣднее впрыскиваніе, онъ спасенъ.

Г-жа Морванъ. — Вотъ уже двѣ недѣли, какъ вы это говорите, между тѣмъ мальчику изо дня въ день все хуже и хуже (Движеніе Лорьера). Милый мой господинъ, я не для того это говорю, чтобы васъ огорчить, но я никогда не могу повѣрить,

что, вводя ядъ въ кровь моего ребенка, вы его можете излечить отъ припадковъ...

Лорьеръ. Вы предпочли бынапичкать его глазами раковъ или покормить яичницей изъ толченыхъ устричныхъ раковинъ, какъ это дѣлаютъ ваши деревенскіе знахари.

Г-жа Морванъ.—Однако, господинъ Лорьеръ, это леченіе иногда помогаетъ, тогда какъ ваша химія, если такъ будетъ дальше...

Тереза. Послушайте, г-жа Морванъ, вы совершенно потеряли голову.... А это потому, что вы совсѣмъ не спите.... Надо пойти уснуть: ваши нервы не въ силахъ выносить долѣе безсонныя ночи.

Г-жа Морванъ. Могу ли я думать объ отдыхѣ, когда мой бѣдный ангелочекъ съ утра до вечера терпитъ адскія муки. О, Боже мой! О, Сынъ Божій и Пресвятая Богородица, похоже-ли это на то, что вы мнѣ говорили, когда я пришла сюда? Вы меня увѣряли тогда, что вы спасете моего сына.

Лорьеръ (немного смущенно). Да, я выразилъ эту надежду.... Въ дѣлѣ науки, г-жа Морванъ, никогда нельзя безусловно что-либо обѣщать.... (говорить внушительно и властно). Вы не должны были забывать обѣщаніе ваше, данное мнѣ дней десять тому назадъ. Вы поклялись вполне довѣриться, положиться на меня и никогда ни въ чемъ меня не упрекать, еслибы случилось несчастье. Не такъ-ли?

Г-жа Морванъ. Да, это правда; конечно совершенно вѣрно, что я вамъ обѣщала все, что вы хотѣли... Но неужели вы полагаете, что меня не терзаютъ теперь угрызения совѣсти?

Тереза (возмущенно). Г-жа Морванъ, не хорошо съ вашей стороны, что вы говорите такія слова....

Лорьеръ. (Спокойно и печально). Нѣтъ, Тереза, нѣтъ! Оставьте ее, не мѣшай ей высказать все, что угодно. Ей тоже тяжело. Пусть облегчитъ свою душу.... Итакъ, добрая женщина, вы говорите, что раскаиваетесь, поручивъ моимъ попеченіямъ вашего сына? (Молчаніе). Прошу васъ отвѣтить мнѣ: полагаете-ли вы, что поступили дурно?

Г-жа Морванъ (смущенно). Надо мнѣ это извинить.... Бываютъ минуты, когда у меня все перепутывается въ головѣ, какъ только я подумаю, что ребенку придется умереть.... Я прекрасно знаю, что вы добры и что вы дѣлаете все, что возможно.... (Сказавъ это, она вдругъ замолкла).

Лорьеръ. Продолжайте, милая женщина; выскажите все, что у васъ на сердцѣ. Полезно высказаться, когда страдаешь....

Г-жа Морванъ. Да вотъ видите, г. Лорьеръ, если бы вамъ угодно было.... возможно было бы.... (Она снова умоляетъ).

Лорьеръ. Что же возможно было бы? Скажите не стѣсняясь, г-жа Морванъ?

Г-жа Морванъ. Можно было бы.... Вотъ видите ли, г. Лорьеръ.... Пожалуйста не обидьтесь тѣмъ, что я скажу.... Но вѣдь вы—не медикъ.... Вы изучаете для науки, но не для леченія.... Такъ вотъ, еслибы призвать самыхъ первыхъ, самыхъ лучшихъ докторовъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ лечить.... О! Да вы не думайте!... Я никакихъ денегъ не пожалѣю.... Можно пригласить самыхъ важныхъ, что ни на есть первѣйшихъ.... Для моего бѣднаго Жана я готова продать не одинъ, а два участка земли моей....

Лорьеръ (видимо разжалобленный, смотритъ на нее сострадательно). Но поймите, бѣдная моя женщина, что ни одинъ изъ самыхъ великихъ медиковъ не сдѣлаетъ больше того, что могъ бы сдѣлать я.... Онъ испортитъ, разрушитъ все то, что дѣлалъ я.... Спасти вашего сына онъ никогда не спасетъ, а только весьма возможно, что помѣшаетъ мнѣ спасти его.... Поймите, что каждый изъ первыхъ медиковъ, о которыхъ вы говорили, имѣетъ свой методъ, свои способы и приемы леченія, теорію, лѣкарства, противорѣчація всему тому, чего придерживается другой врачъ, сосѣдь его.... Вотъ потому то необходимо, чтобы вы довѣрились кому-либо одному, потому что, если вы обратитесь къ двумъ медикамъ, они будутъ спорить у постели умирающаго.

Г-жа Морванъ. Боже милостивый! Да неужели это вѣрно? Значитъ, если одинъ правъ, то другой ошибается? А кому же изъ нихъ вѣрить? Значитъ, они тоже самое, что наши деревенскіе знахари? Очень можетъ быть, что оба врача будутъ неправы, оба ошибаются?

Лорьеръ. Это очень возможно. Это тоже бываетъ.

Г-жа Морванъ. Такъ вотъ она, медицина! Такъ вотъ она, наука!...

Лорьеръ (мрачно). Г-жа Морванъ, медицина не наука. Да притомъ, какъ медицина, такъ и наука не могутъ обѣщать чудесъ.

Г-жа Морванъ. Слѣдовательно, только Милосердный Богъ и его святые дѣйствительно могутъ совершать чудеса. (Задумавшись). Ахъ! Какъ я раскаиваюсь, что не послушала добраго отца Экспедита, который на Пасху пріѣхалъ говорить проповѣди у насъ въ Серези! Онъ мнѣ совѣтовалъ отправиться съ сыномъ въ Лурдъ къ Пресвятой Богородицѣ.... Вотъ видите, г. Лорьеръ.... вотъ видите-ли, мадемуазель, что меня больше всего здѣсь у васъ огорчаетъ, это то, что здѣсь не молятся Богу.... Нигдѣ я здѣсь не видѣла распятія....

(Движеніе Терезы).

Лоріеръ. Милая женщина, никто не мѣшаетъ вамъ молиться, гдѣ и когда вамъ угодно... Если бы попросили у насъ Распятія, я бы приказалъ принести вамъ въ вашу комнату...

Г-жа Морванъ. До сихъ поръ я объ этомъ не подумала... Но теперь, когда несчастье уже такъ близко...

Лорьеръ. Да, теперь; въ особенности потому, что вы мнѣ больше не вѣрите.

Г-жа Морванъ. Вслушайте меня, сударь, и вы также, добрейшая мадемуазель... Вы были очень добры, такъ добры, что я даже не осмѣливаюсь вамъ сказать...

Тереза. Пожалуйста; не стѣсняйтесь, говорите...

Г-жа Морванъ. Домъ этотъ не освященъ. Позвольте мнѣ только (она молитвенно складываетъ руки) пойти за священникомъ... Быть можетъ, онъ въ состояніи будетъ молитвою произвести заклинаніе и изгнать бѣса изъ моего сына... Ему очень плохо, моему Жану... Священникъ его причаститъ и по крайней мѣрѣ онъ не попадетъ въ адъ, мой бѣдный, дорогой ангелочекъ! (Тереза взглядываетъ на отца. Лорьеръ проводитъ рукою по лбу, а затѣмъ, пристально смотря на г-жу Морванъ, говоритъ съ ней властно и убѣдительно).

Лорьеръ. Добрая женщина, я прощаю вамъ всѣ нехорошія вещи, которыя вы намъ высказали. Но, замѣьте то, что вы были вполне свободны въ этомъ домѣ. Если вы хотѣли выходить отсюда и молиться Богу и его святымъ, отъ васъ это вполне зависѣло... Если сыну вашему дѣйствительно будетъ угрожать смерть, зовите священника. Я съ уваженіемъ отношусь ко всякаго рода вѣрованіямъ, даже клеветущимъ на науку, которой я посвятилъ всю жизнь... Что касается настоящаго момента, я утвердительно говорю вамъ, что маленькому Жану Морвану пока вовсе не угрожаетъ смерть. Притомъ, я повторяю вамъ: до завтрашняго дня только я одинъ въ силахъ спасти его, если только ему суждено быть спасеннымъ. (Продолжаетъ говорить чрезвычайно внушительно). А потому, я запрещаю всякому, кому бы то ни было, медику или священнику, входить въ этотъ домъ, мнѣ принадлежащій, гдѣ вы помѣстились у меня, препоручивъ мнѣ излеченіе вашего сына... Жизнь его я беру на свою совѣсть; возлагаю отвѣтственность за его жизнь на себя одного... Если завтра, въ двѣнадцать часовъ, я вамъ не скажу: *«Маленькій Жанъ останется живъ»*, тогда вы можете дѣлать все, что вамъ угодно, призывать жрецовъ науки или чудесъ... Но до этого времени совѣтую вамъ быть довѣрчивой и быть вѣрной своему слову... (Точно чаруя и гипнотизируя ее глазами). Повинуйтесь мнѣ во всемъ и ради всего!

Г-жа Морванъ (точно загипнотизированная). Хорошо, хорошо, мой добрый господинъ!

Лорьеръ (съ достоинствомъ и торжественно). Минуть черезъ пять я приду сдѣлать послѣднее впрыскиваніе... Вы будете при этомъ. Будете молиться въ эту минуту Богу... Тереза, отведи эту женщину къ ея сыну!

(Тереза, въ свою очередь точно загипнотизированная властнымъ тономъ и видомъ отца, поддерживаетъ г-жу Морванъ и уводитъ ее изъ лабораторіи).

СЦЕНА VI.

ЛОРЬЕРЪ, затѣмъ ЛЕФОРЪ и ДОРМЕЙЛЬ.

(Оставшись одинъ, Лорьеръ смотритъ предъ собою блуждающимъ взоромъ и, схватившись рукою за сердце, точно желая его сжать, вскрикиваетъ:)

Лорьеръ. Нѣтъ! Я уже не въ силахъ! Я умру. Воздуха, воздуха! (Онъ направляется къ окну и открываетъ его. Теплый лѣтній дождь ливнемъ льетъ по улицамъ Парижа. Гроза, разразившись, повидимому прекращается. Грозовые тучи несутся далѣе. Лорьеръ жадно вдыхаетъ въ себя воздухъ). Теперь стало прохладнѣе... Если бы температура у ребенка понизилась... Гдѣ же эвтоксинъ? (Онъ звонитъ; приходятъ Лефоръ и Дормейль). Ахъ, это вы, друзья мои?... Гдѣ эвтоксинъ?

Лефоръ (взявъ вазу, показываетъ ее). Вотъ онъ.

Лорьеръ. А графика температуры?

Лефоръ. Вотъ и она... Повидимому, ребенку теперь лучше.

Лорьеръ (просматривая графику). Да, дѣйствительно... послѣдняя температура 39,1°... Ого! На одинъ градусъ болѣе вчерашняго вечера... И несмотря на бурю... Если эту ночь не послѣдуетъ никакихъ измѣненій, я отвѣчаю за жизнь ребенка!.. (Беретъ эвтоксинъ). Пойдемте, господа!

(Онъ идетъ къ двери, но вдругъ, какъ-бы внезапно осявненный какой-то мыслью возвращается къ отдѣльному пюпитру, на которомъ лежала какая-то громадная тетрадь. Онъ весь погружается въ чтеніе и по выраженію лица его видно, что онъ забылъ обо всемъ окружающемъ).

Лефоръ (шепчетъ Дормейлю). Пожалуй, это удобная минута для передачи ему письма Леро?

Дормейль. — Что вы! Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ этого дѣлать. Не мѣшайте ему. Смотрите, какъ онъ сосредоточился, весь погружившись въ разрѣшеніе какого-то вопроса. Въ этотъ торжественный моментъ не тревожьте его; ему необходима полная ясность и сосредоточенность мысли. Послѣ впрыскиванія, тогда можно, это будетъ удобнѣе.

Лорьеръ. (Оставившись еще нѣсколько секундъ въ напряженномъ размышленіи надъ тетрадью, поворачиваетъ къ нимъ голову). — Пойдемъ. Я хочу сегодня вечеромъ попытаться сдѣлать новое примѣненіе хеліума для пониженія температуры и подкрѣпленія нервовъ...

Лефоръ. — Мы идемъ вслѣдъ за вами, патронъ.
(Въ ту минуту, какъ они выходятъ изъ лабораторіи, входитъ Жозефъ съ телеграммой въ рукѣ).

Лорберъ (раздосадованный). Положите на столъ... доложите мадемуазель... Теперь пусть никто и ничто въ мірѣ меня не беспокоитъ! Я существую теперь только для операціи.

(Вмѣстѣ съ своими учениками онъ выходитъ изъ лабораторіи).

Жозефъ (оставшись одинъ, кладетъ телеграмму на столъ; приводитъ въ порядокъ мебель и открываетъ окна). Чѣмъ это все окончится? Да и когда? Какой тутъ беспорядокъ! Да и то сказать, какая странная мысль лечить эпилептика ядомъ! Куда ни шло, если бы это была собака или теленокъ, какъ прежде! какъ было покойно съ этими животными... Но этотъ малышъ и его мать, это дѣло бѣдовое... (Беретъ депешу, осматривая ее) Ну, а это что еще такое? Пойду, отнесу ее мадемуазель.

(Въ эту минуту входитъ Тереза).

Тереза.—Жозефъ, отецъ мнѣ сказалъ, что прислана какая то телеграмма. (Увидѣвъ ее въ рукахъ Жозефа). Не эта ли?

Жозефъ. Она самая, мадемуазель.

Тереза (беретъ телеграмму).—Хорошо, благодарю. Если будутъ звонить, ни кого не впускайте за исключеніемъ доктора Жуванта и его сына.

(Жозефъ удаляется).

С Ц Е Н А VII.

Тереза, вскорѣ затѣмъ д-ръ Жувантъ.

(Тереза оставшись одна идетъ къ окну, держа депешу въ рукѣ).

Тереза.—Это не городская депеша. Откуда же она? (Вскрываетъ депешу) „Леритѣ хуже. Сильная желтая лихорадка. Положеніе очень опасно, но надежда еще остается. Леро“ (Она проводитъ рукою по лбу). Ничего не понимаю; совсѣмъ съ ума схожу. Леритѣ хуже! Да развѣ онъ былъ боленъ? Вѣроятно отъ Леро сегодня получено письмо. Отецъ мнѣ ничего не сказалъ. А между тѣмъ сегодня утромъ онъ ждалъ письма... Ахъ! Теперь я догадываюсь... Лефоръ знаетъ. Онъ долженъ знать! Онъ вѣроятно все скрылъ отъ отца. Спрошу его! (Она умолкаетъ и остается въ размышленіи). Но нѣтъ... теперь они всѣ вмѣстѣ... Заняты мальчикомъ... Невозможно узнать... Если отецъ ничего не знаетъ, слѣдуетъ-ли мнѣ показать ему эту депешу?.. Что тутъ дѣлать?

Жозефъ (входя). Мадемуазель, господинъ Жувантъ...

Тереза (инстинктивно сжимаетъ телеграмму въ рукѣ).—Просите пожаловать. (Входитъ докторъ Жувантъ и подойдя къ Терезѣ, цѣлуетъ ее въ лобъ. Поль кланяется и пожимаетъ ей руку).

Докторъ Жувантъ. Ну, что у Васъ слышно?

Тереза. Плохо. Ребенокъ въ сильномъ жару... Отецъ страшно волнуется... Въ настоящий моментъ онъ дѣлаетъ послѣднее впрыскиваніе...

Докторъ Жувантъ. Тяжелыя испытанія! Я тоже принесъ плохія извѣстія...

Тереза.—Что еще случилось?

Докторъ Жувантъ. Обѣ академіи уступили вѣянію подлости и обскурантизма. Онѣ даже оказались болѣе жалкими, чѣмъ назначенная ими комиссія... Тщетно Суччинію и я старались имъ наломнить о нашемъ великомъ и славномъ прошломъ; наконецъ, намекали имъ, что слѣдовало постыдиться, имѣть въ виду, что скажетъ о насъ потомство. Но ничего не помогло. Собирали голоса и, хотя незначительнымъ большинствомъ, но все же они постановили выразить порицаніе тѣмъ своимъ коллегамъ, которые *«производятъ опыты надъ человѣческими существами, не согласно съ истинными принципами научной этики»*. Какъ вамъ это понравится? Лепарлеръ и Мартенъ толкуютъ о научной морали!... Мало того, тѣмъ же ничтожнымъ большинствомъ было выражено пожеланіе, чтобы *«на будущее время лабораторіи были регулируемы ученой комиссіей, состоящей подъ предсѣдательствомъ префекта полиціи»*... Что вы на это скажете? Вѣдь это позоръ! Ужасный позоръ? Дожить до того, чтобы увидѣть подобныя вещи, творящіяся во Франціи!...

Тереза. Не говорите ему ничего, но пойдите къ нему; это будетъ ему пріятно!

Докторъ Жувантъ. Бѣдное дитя мое! Да онъ самъ захочетъ знать всю истину и не допуститъ, чтобы скрывали отъ него... Его могучая натура возбуждается подъ огнемъ противодѣйствій и противорѣчій... Существуютъ такого рода вспышки гнѣва, которые возстановляютъ, укрѣпляютъ, но не въ силахъ подавить энергичнаго человѣка...

Тереза. Конечно, но чрезмѣрно сильныя порывы бури могутъ разбить его... Никогда еще мнѣ не приходилось замѣчать въ немъ такого усиленнаго напряженія мозговой дѣятельности. Теперь онъ испытываетъ кризисъ принятой имъ на себя тяжелой отвѣтственности... Онъ, который всю жизнь, занимаясь научными изслѣдованіями, шелъ намѣченной дорогой впередъ, всегда спокойно и невозмутимо, какъ какой-нибудь богъ, теперь волнуется и сомнѣвается въ своихъ силахъ, какъ какое-нибудь дитя... Онъ дошелъ до того, что упрекаетъ себя, досадуетъ на себя. Кто же? онъ, Лорьеръ!.. Пойдите къ нему: вы его учитель; возвратите ему его увѣренность къ себѣ и къ своему методу!

Докторъ Жувантъ. Бѣдное дитя мое! А что вы скажете, если я сознаюсь, что и во мнѣ что-то рушилось; со мною также происходитъ нѣчто необычайное. Если бы не я, онъ бы не рискнулъ на это дѣло...

Тереза. Какъ, докторъ! Неужели и вы въ свою очередь отступаете, страшась отвѣтственности?

Докторъ Жувантъ. Я предъ ними не отступаю, но отвѣтственность тяготитъ, подавляетъ меня...

Тереза (опуская глаза). Мы всѣ ее переносимъ въ такомъ же родѣ. Это бремя заставитъ опустить голову самаго неподвижнаго человѣка! (Снова горделиво поднимаетъ голову). Но, докторъ, теперь наступилъ часъ дѣйствія, а не колебаній и размышлений. Идите, докторъ, поддержите, придайте бодрости моему отцу!

Докторъ Жувантъ. Ты права, дѣвчурка. Придать ему энергію—это значитъ избавить себя самого отъ упрека въ слабости!..

(Онъ уходитъ).

СЦЕНА VIII.

ТЕРЕЗА, ПОЛЬ ЖУВАНТЬ.

(Они въ теченіе нѣсколькихъ секундъ безмолвно смотрятъ другъ на друга, какъ-бы сознавая торжественность настоящаго момента, угрожающаго ихъ взаимной любви. Оба прекрасны, какъ мужчина, такъ и женщина. Широкая и трагическая полоса свѣта озарила фонъ темнаго неба послѣ пронесшейся грозы надъ шумнымъ Парижемъ, виднѣющимся изъ оконъ).

Поль Жувантъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь меня.. Вамъ, вѣроятно, необходимо быть тамъ, наверху... Я подожду здѣсь результата операціи.

Тереза. Нѣтъ, не надо. Напротивъ: я именно имѣла намереніе поговорить съ вами наединѣ. Я имѣю показать вамъ нѣчто весьма важное... (Передаетъ ему депешу). Прочтите это.

Поль Жувантъ (читаетъ). Леритье! Желтая лихорадка! Бѣдный малый! Какое сщипленіе печальныхъ пророчествій... Отецъ вашъ знаетъ объ этомъ?

Тереза. Онъ знаетъ, что депеша получена, но не знаетъ, откуда она и въ чемъ ея содержаніе.]

Поль Жувантъ. Это извѣстіе можетъ роковымъ образомъ на него подѣйствовать... Вамъ извѣстно, какъ онъ сильно привязанъ къ Леритье!..

Тереза. Если онъ узнаетъ, что Леритье угрожаетъ смерть, онъ непременно поѣдетъ извѣщать его отъ грозящей участи...

Поль Жувантъ. А его маленькій больной? Не можетъ же онъ его покинуть!..

Тереза. Я хорошо знаю отца... Ради Леритье ничто его не можетъ остановить!

Поль Жувантъ. Это было бы безразсудство... Такъ вы предполагаете, что онъ способенъ сегодня же вечеромъ отправиться въ Марсель?

Тереза. Несомнѣнно поѣдетъ.

(Молчаніе).

Поль Жувантъ. Нельзя допустить его ѣхать... Вы не должны передавать ему эту телеграмму сегодня.

Тереза (обдумывая). А если онъ ее потребуетъ?

Поль Жувантъ. Не трудно придумать какой-либо предлогъ и не дать депеши. Вы скажете, что это было передано по телефону и не имѣло никакой важности. Ну наприимѣръ, допустимъ Мегостеры спрашивали о чемъ-либо.... Въ такомъ нервномъ возбужденіи, въ какомъ вашъ отецъ находится теперь, онъ не обратитъ на это ни малѣйшаго вниманія...

Тереза. Однако Лефоръ долженъ былъ уже получить и имѣть въ рукахъ письмо.

Поль Жувантъ. Если онъ его не передалъ, значить онъ раздѣляетъ мое мнѣніе.... Скажите ему, чтобы онъ не передавалъ этого письма вашему отцу.

Тереза. Но мой отецъ уже спрашивалъ, почему еще нѣтъ извѣстій изъ Марсея.... Онъ пожелаетъ телеграфировать....

Поль Жувантъ. Это весьма мало вѣроятно.... Во всякомъ случаѣ можно будетъ его увѣдомить объ этомъ только тогда, когда будетъ уже слишкомъ поздно ѣхать въ Марсель. Дѣло въ томъ, чтобы выиграть время.

Тереза (что то обдумывая очень сосредоточенно). А если несчастный малый умретъ сегодня вечеромъ и мой отецъ внезапно получитъ объ этомъ извѣщеніе?

Поль Жувантъ. Прикажите Жозефу передавать вамъ всякія телеграммы и вообще всякаго рода корреспонденцію. Это очень просто.

(Тереза смотритъ на Жуванта чрезвычайно грустно).

Тереза. Я не могу! Я не въ силахъ! Такъ глать я никогда въ жизни себѣ не позволяла.

Поль Жувантъ. Но вѣдь дѣло касается здоровья вашего отца, а можетъ быть сохраненія его разсудка.

Тереза. Но тамъ находится умирающій, котораго онъ любилъ. Если этотъ смертельно больной почувствуетъ себя забытымъ и покинутымъ единственными людьми, которые его когда то любили.... Не будетъ ли безсовѣстно обмануть предсмертныя надежды умирающаго?

Поль Жувантъ. Все это химеры, сто противъ одного, что злополучный малый находится теперь въ безсознательномъ состояніи. Въ такихъ болѣзняхъ безсознательное состояніе наступаетъ много ранѣе агоніи.

Тереза (какъ будто не разслышавъ сказаннаго). Можно ли призна-

вать себя вправѣ обманывать умирающаго.... при томъ такого, котораго вы сами обрекли смерти?

Поль Жувантъ (смотря на Терезу съ ужасомъ) Тереза! Да что вы? кажется вы потеряли разсудокъ?

Тереза (точно сама испугалась своихъ словъ). Что я сказала?... Извините меня.... Я должна была молчать... Но я была не въ силахъ.... Вы знаете.... Ну, по крайней мѣрѣ, вы должны были подозрѣвать, что онъ меня любилъ.... Я вынуждена была лишить его надежды.... Разочаровать его.... Меня совѣсть упрекла въ томъ, что онъ слышалъ мой разговоръ съ вами, мое признаніе наканунѣ своего отъѣзда.... Помните ли вы.... Онъ внезапно появился за этой дверью.... Вотъ поэтому онъ уѣхалъ. Онъ уѣхалъ въ Марсель точно такъ же, какъ другіе, намѣреваясь застрѣлиться, берутъ въ руки револьверъ.

Поль Жувантъ. Тереза! Тереза! Да вы же не подавали ему ни малѣйшей надежды, на какомъ же основаніи вы можете быть отвѣтственной?

Тереза. Я любила его, какъ брата.... Быть можетъ вначалѣ онъ заблуждался.... За тѣмъ моя красота, эта красота, которую не разъ я рада была бы совершенно уничтожить, не виновата ли она настолько же?... Поль, лгать не слѣдуетъ! Надо подумать о блѣдномъ лицѣ человѣка, лежащаго теперь тамъ въ конвульсіяхъ, и нѣтъ ни матери, ни сестры у его изголовья....

Поль Жувантъ. Но такое тонкое вниманіе и такая нѣжная заботливость оказались бы бесполезными.... Вы пріѣдете черезъчуръ поздно. Вы не спасете вашего друга, но рискуете пожертвовать отцомъ....

Тереза (возбужденно). Мой отецъ.... Мой отецъ.... Онъ меня, выучилъ никогда не лгать.... Нѣтъ, нѣтъ!... Я этого не сдѣлаю.... Только правда можетъ мной руководить!

Поль Жувантъ. Мой другъ, возлюбленная моя, вы намѣрены поступить безразсудно.... Вы слишкомъ все принимаете близко къ сердцу и черезъчуръ строго относитесь къ своимъ обязанностямъ.... Вы не должны туда ѣхать и рисковать, какъ своей жизнью, такъ и жизнью своего отца.... Подумайте о нашихъ надеждахъ, о нашемъ будущемъ!...

Тереза. — Развѣ мы могли бы пользоваться счастьемъ, еслибы въслѣдствіи насъ преслѣдовало подобное воспоминаніе?

Поль Жувантъ. Наконецъ, подумайте о наукѣ! Геній Лорьера для нея несравненно дороже, нежели успокоеніе какого-нибудь Леритъ....

Тереза. — Ради науки Леритъ жертвуетъ жизнью...

Поль Жувантъ. — Нѣтъ! Васъ не убьдишь! Вы истая дочь науки! Вы такая же, какъ и вашъ отецъ; для васъ выше

всего истина... Берегитесь; кончится тѣмъ, что она васъ ослѣпитъ вмѣсто того, чтобы осѣлѣть вамъ путь!

Тереза. А вотъ мой отецъ вмѣстѣ съ вашимъ.

(Она прячетъ депешу).

С Ц Е Н А IX.

ТѢ ЖЕ, ЛОРЬЕРЪ, Д-РЪ ЖУВАНТЬ, ЛЕФОРЪ,
ДОРМЕЙЛЬ, ЖОЗЕФЪ.

(Лорьеръ входитъ съ веселымъ лицомъ и даже нѣсколько восторженно).

Лорьеръ.—Да, друзья мои; жаръ въ ребенкѣ уменьшается быстро... Пульсъ почти нормальный. Бреда уже нѣтъ... Все идетъ хорошо; не правда-ли, патронъ?

Докторъ Жуванть.— Несомнѣнно, устранены всякія основанія бояться воспаленія мозга. Изобрѣтенное вами примѣненіе хелиума для охлажденія крови дѣло изумительное, поражающее!.. Это прямое доказательство вашей геніальности, дорогой мой... Затрудненія, препятствія васъ только подстрекаютъ. Если только леченіе ваше окажется успѣшнымъ, это будетъ двойной ударъ обухомъ, какъ для института, такъ и для Академіи.

Лорьеръ.— Перестанемъ говорить объ этихъ тупицахъ.. Напрасно, милый патронъ, вы подали прошеніе объ отставкѣ... Мы давно уже воюемъ съ академіями, да и со многими другими. Я подниму перчатку; я явлюсь въ ближайшее засѣданіе и выступлю противъ этихъ враговъ науки... Вы возьмете обратно ваше прошеніе объ отставкѣ, а они откажутся отъ принятыхъ ими рѣшеній...

(Воспользовавшись одушевленіемъ отца. Тереза подошла къ Лефору)

Тереза (шопотомъ) Вы получили сегодня утромъ письмо отъ Леро?

Лефоръ (удивленно) Да, мадемуазель получила.

Тереза.— Оно было вамъ адресовано?

Лефоръ (смущенно) Но... да... плохія извѣстія о Леритѣ...

Тереза.—Такъ что вы не рѣшились сообщить ихъ отцу?

Лефоръ. Конечно не рѣшился... такой день какъ сегодня...

Тереза (показывая ему телеграмму). Леритѣ сдѣлалось хуже... Леро прислалъ эту телеграмму моему отцу... А я также не рѣшаюсь...

Лефоръ (беретъ депешу и читаетъ ее) Ахъ!...

Лорьеръ (въ этотъ моментъ повернувшись въ ихъ сторону, увидѣлъ депешу и замѣтилъ, что Лефоръ и Тереза старались скрыть ее). Что это значитъ? Это депеша недавно полученная! Зачѣмъ вы старались ее спрятать? Дайте сюда (Онъ не беретъ, а почти вырываетъ ее изъ ихъ

рукъ. Прочтя ее онъ, громко вскрикиваетъ.) Ахъ! Леритье!... Леритье! (Всѣ присутствующіе подбѣгаютъ къ Лорьеру, падающему въ кресло) дитя мое, другъ мой! Это я виноватъ, я погубилъ его!

Поль Жувантъ (обращается къ отцу). Леритье при смерти; заболѣлъ въ Марсели желтой лихорадкой.

Докторъ Жувантъ. Ахъ! Это ужасно! (обращается къ Лорьеру). Успокойся, мой другъ... Вспомни, что онъ самъ настаивалъ на поѣздкѣ въ Марсель...

Лорьеръ (встаетъ и кажется страшно взволнованнымъ). Онъ хорошо поступилъ! Это герой! Вотъ такихъ людей намъ нужно! Но да не будетъ сказано, что я покинулъ его тамъ на произволъ судьбы бороться со смертью! (Онъ смотритъ на часы). Десять минутъ седьмого... Скорый поѣздъ изъ Парижа въ Марсель отходитъ въ сорокъ пять минутъ девятаго... (Лорьеръ звонитъ). Я ѣду.

(Всѣ присутствующіе встрепнулись и взволновались).

Тереза. Папа, да что ты вздумалъ?

Лорьеръ (обращаясь къ вошедшему Жозефу). Приготовьте мнѣ чемоданъ и къ восьми часамъ наймите карету. Обѣдать будемъ черезъ полчаса. Идите, распорядитесь скорѣе.

Тереза. Если ты поѣдешь, такъ и я поѣду...

Лорьеръ. Нѣтъ, не надо: это тяжелая поѣздка...

Тереза. Менѣ тяжелая для меня, нежели для тебя.

Лорьеръ. Ты здѣсь необходима...

Тереза. Ты здѣсь гораздо необходимѣе меня... Наши друзья сдѣлають за меня все необходимое... Не правда-ли, господинъ Лефоръ? (Онъ склоняетъ голову въ знакъ подтвержденія, но выраженіе лица его очень печально) Что касается ребенка, то при немъ мать.

Лорьеръ. Тебя не допускать въ лазаретъ.

Тереза. Нѣтъ; я давно уже членомъ госпитальныхъ обществъ, имѣю право входа во всѣ госпитали.

Лорьеръ. Ты истая дочь моя... Въ такомъ случаѣ ѣдемъ вмѣстѣ...

Докторъ Жувантъ. Друзья мои, вы ужасно увлекаетесь... Послушайте совѣта стараго друга и стараго учителя... Лорьеръ, эта поѣздка будетъ бесполезна... Ты черезчуръ истомлень... Ты долженъ оставаться около больного ребенка.. Вмѣсто тебя я поѣду... Я лучше тебя помогу Леритье...

Лорьеръ. Поѣзжайте, если вамъ угодно, но и мнѣ необходимо ѣхать... (Съ глубокой горечью въ голосъ). Тамъ также можетъ быть полезенъ эвтоксинъ. (Смѣется точно сумасшедшій) Ха! ха! ха!

Поль Жувантъ. Учитель, это путешествіе можетъ погубить васъ окончательно...

Лорьеръ. Опасность! Такъ пусть же она обрушится на меня! Я не бѣгу отъ нея, а иду ей навстрѣчу. (Онъ снова горько смѣется). Опасность! Мать обвиняетъ меня въ убійствѣ ребенка! котораго я спасаю, коллеги обвиняютъ меня, будто я безчещу науку, тогда какъ я ее прославляю; человѣчество, которое я такъ любилъ, оскорбляетъ меня, плюетъ мнѣ въ лицо и вотъ, наконецъ, смерть готовится похитить у меня дорогое сердцу моему дитя, котораго я направилъ къ славѣ... Фатализмъ! Эвтоксинъ! Ха-ха-ха!

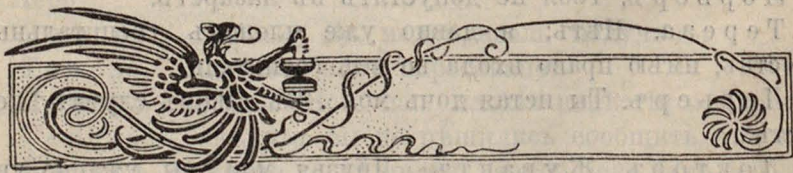
(Онъ хохочетъ громкимъ трагическимъ смѣхомъ; быстро кружится по комнатѣ и наконецъ падаетъ около своего письменнаго стола, пораженный апоплексическимъ ударомъ.)

Тереза (съ громкимъ крикомъ бросается къ отцу). Воды! Эфиръ! (Всѣ суетятся).

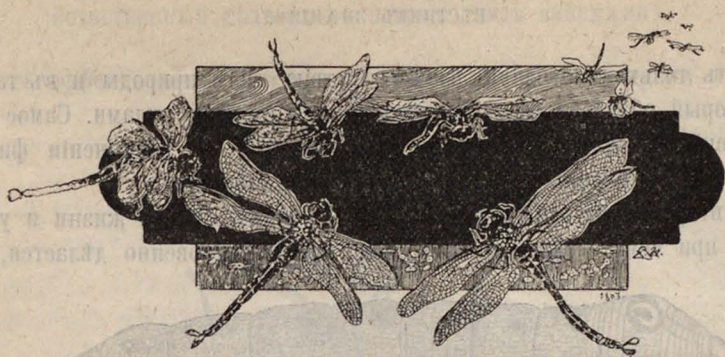
Докторъ Жувантъ (повелительно). Отступите всѣ! (Онъ наклоняется надъ Лорьеромъ и прислушивается къ біенію сердца). Онъ не умеръ! (Обращается къ молодымъ людямъ). Возьмите его за плечи и перенесите сюда. (Молодые люди исполняютъ его приказаніе и помѣщаютъ Лорьера на длинное кресло. Жувантъ его оскультируетъ и затѣмъ обращается къ Терезѣ) Дитя моя, вашъ отецъ останется живъ, но онъ разбитъ параличемъ. За жизнь его я вамъ отвѣчаю.

Тереза (обращаясь къ отцу). Я не допущу, чтобы ты умеръ! Папа! Папа! Ты долженъ жить!

(Занавѣсъ опускается).

И. Стародубъ.

Естественный подборъ въ новомъ трудѣ Вейсмання.

Послѣ довольно большаго перерыва знаменитый фрейбургскій зоологъ, проф. Вейсмання, снова выступилъ съ двухтомнымъ трудомъ, посвященнымъ учению о наслѣдственности *). Заслуги Вейсмання въ этомъ направленіи слишкомъ извѣстны, чтобы надо было о нихъ распространяться, а потому трудъ этотъ, являясь очень цѣннымъ вкладомъ въ современную біологическую литературу, заслуживаетъ особаго съ нашей стороны вниманія.

Выступивъ много лѣтъ тому назадъ со своей теоріей въ роли убѣжденнаго дарвиниста, «ультра-дарвиниста», какъ его называли, Вейсмання съ тѣхъ поръ молчалъ, въ то время какъ вокругъ него шла борьба между защитниками и сторонниками дарвинизма. Поколебались ли его взгляды, или же онъ снова провозглашаетъ ихъ, подкрѣпивъ еще большимъ количествомъ фактовъ, — на это намъ отвѣтитъ разборъ его труда. Написана книга со свойственной Вейсмання ясностью изложенія, а масса рисунковъ способствуетъ еще большому ея уясненію.

Изъ введенія, посвященнаго историческому очерку развитія эволюціонной теоріи отъ Эмпедокла до Дарвина, мы приведемъ лишь нѣсколько положеній, въ которыхъ Вейсмання коротко, но ясно указываетъ на значеніи эволюціонной теоріи. «Она позволяетъ намъ, — говоритъ онъ, — изъять изъ нашего знанія о природѣ все чудесное и признать, что всѣ жизненные явленія происходятъ подъ вліяніемъ тѣхъ же силъ и подчиняются тѣмъ же законамъ, какъ и другія явленія физическаго міра. Мы видимъ въ молніи уже не проявленіе гнѣва Зевса, обрушивающаго ее на главу виновнаго, а простой разрядъ электричества въ томъ мѣстѣ, гдѣ электрическое напряженіе легче всего находитъ себѣ выходъ. Мы знаемъ уже теперь, что въ органической жизни ничто не происходитъ произвольно, что живыя существа не могли никогда возникнуть по одному слову, но что они могли

*) A. Weismann. Vorträge über Descendenslehre. 2 B-de Jena G. Fischer 1902 г.

возникнуть только благодаря взаимодействию силъ природы и въ такомъ видѣ, который обусловливался находившимися на лицо силами. Самое важное значеніе эволюціонной теоріи и заключается въ подчиненіи физическимъ силамъ и законамъ также и органической жизни!»

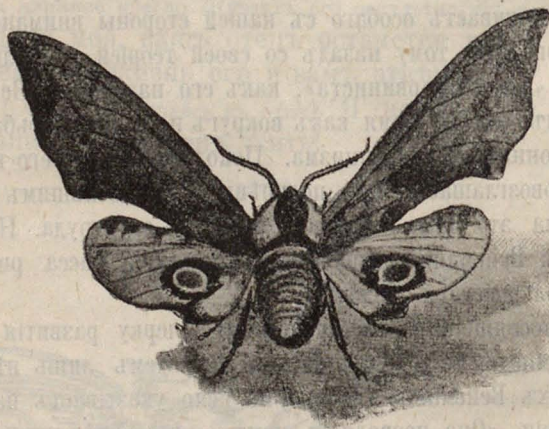
Во второй и третьей главахъ Вейсманнъ даетъ очеркъ жизни и ученія Дарвина, при чемъ разсматриваетъ, какъ это обыкновенно дѣлается, сна-

1.—Гусеница винограднаго бражника (Chaerocampa Elpenor) въ возбужденномъ состояніи.

чала искусственный, а затѣмъ естественный подборъ. Въ слѣдующихъ главахъ ученый говоритъ о такихъ явленіяхъ приспособленности, которыя не могутъ быть объяснены по Ламарку, но объясняются единственно естественнымъ подборомъ, если отрѣшиться отъ метафизическаго воззрѣнія.

Вейсманнъ напираетъ на то, что вліяніе естественнаго подбора не можетъ быть непосредственно наблюдаемо, такъ какъ оно дѣйствуетъ слишкомъ медленно, неуловимо для нашихъ органовъ чувствъ. Доказательство

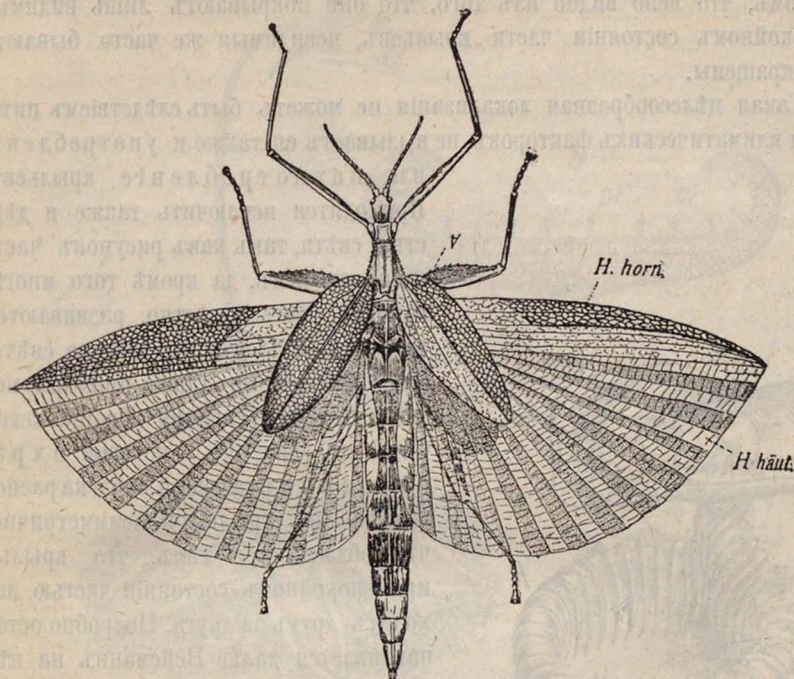

2.—Бабочка—ночной павлинѣй глазъ.

правильности теоріи подбора заключается въ томъ, что она объясняетъ безчисленные, часто непонятныя явленія и не противорѣчитъ ни одному извѣстному факту. Онъ попутно возражаетъ Эймеру и др., приписывавшимъ гармоническую окраску особаго рода цвѣтной фотографіи, и указываетъ на то обстоятельство, что не всѣ животныя принимаютъ окраску окружающей ихъ среды, и эта окраска какъ разъ отсутствуетъ у тѣхъ, которыя не нуждаются въ ней, какъ въ орудіи защиты. Приводя массу примѣровъ гармонической окраски птичьихъ лицъ, животныхъ полярныхъ странъ и пустыни, онъ говоритъ далѣе о болѣе сложныхъ случаяхъ такой окраски,

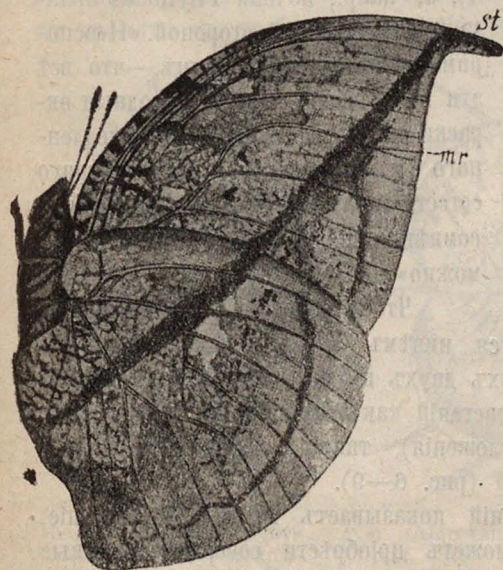

гдѣ этотъ эффектъ достигается различными цвѣтными узорами и рисун-

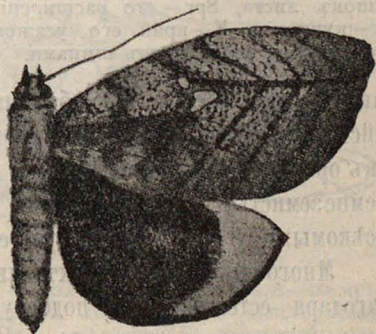
3.—*Tropidoderus Childreni* при полетѣ. V—переднія крылья, H—заднія крылья (кожистая часть) H₁—заднія крылья (роговая часть).

ками. Сюда относятся, напр. служащія цѣлямъ защиты или устрашенія, напоминающія глаза, пятна на груди у гусеницы винограднаго бражника

4.—*Coenophlebia Archidona*, изъ Боливіи, въ сидячемъ положеніи: mr—срединный нервъ листа, st—черенокъ листа.

(рис. 1) и на заднихъ крыльяхъ у ночного «павлиньего глаза» (рис. 2). окраска подъ цвѣтъ коры у пяденицъ и совъ, или, наконецъ, земляная окраска на нижней сторонѣ крыльевъ нѣкоторыхъ днев-

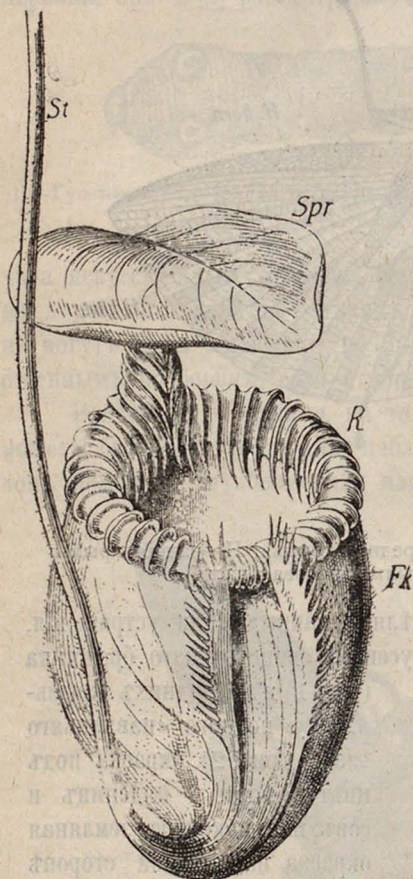

5.—*Phyllodes ornata*, изъ Ассамы ($\frac{2}{3}$ естеств. вел.).

ныхъ бабочекъ. Такая окраска и рисунки могутъ быть только объяснены подборомъ, что ясно видно изъ того, что они покрываютъ лишь видимыя въ спокойномъ состояніи части крыльевъ, невидимыя же часто бываютъ ярко окрашены.

Такая цѣлесообразная локализція не можетъ быть слѣдствіемъ питанія или климатическихъ факторовъ, не вызываетъ ее также и употребленіе

6.—Кувшинъ *Nepenthes villosa*. St—чешуя листа, Spr—его расширение, Fk—кувшинъ, K—край его, усаженный идущими внизъ шипами.

или неупотребленіе крыльевъ. Приходится исключить также и дѣйствіе свѣта, такъ какъ рисунокъ часто очень сложенъ, да кромѣ того многія куколки, какъ извѣстно, развиваются въ землѣ безъ всякаго доступа свѣта.

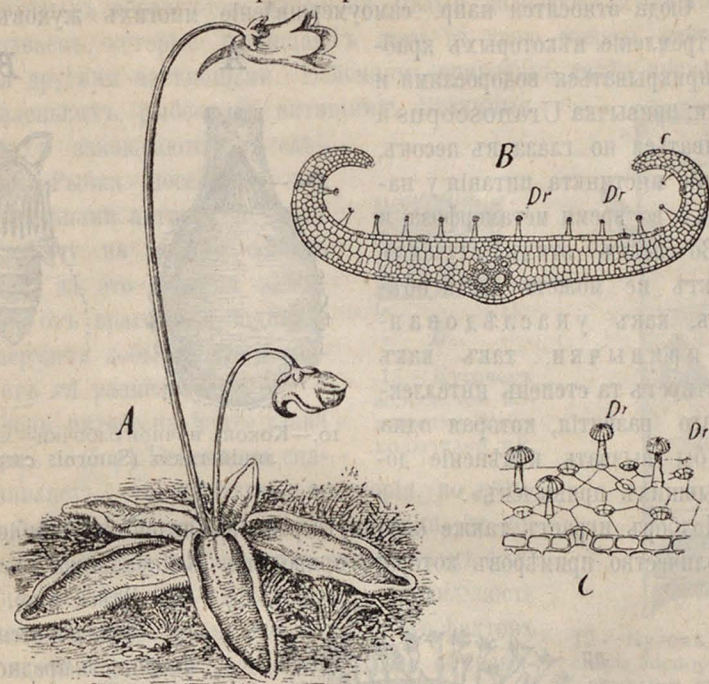
Интересенъ также примѣръ новоголландской саранчи *Tropidoderus Childreni* (рис. 3), у которой охранительная зеленая окраска расположена на крыльяхъ асимметрично, что объясняется тѣмъ, что крылья при спокойномъ состояніи частью заходятъ другъ за друга. Подробно останавливается далѣе Вейсманнъ на нѣкоторыхъ замѣчательныхъ случаяхъ копирования бабочками сухихъ листьевъ. Дневныя бабочки копируютъ нижнюю сторону своихъ крыльевъ (рис. 4), а, напр., ночная *Phyllodes ornata* (рис. 5) верхней стороной. «Неоспоримо,—говоритъ Вейсманнъ,—что всѣ эти въ высшей степени выгодныя окраски являются слѣдствіемъ медленнаго и постепенно дѣйствующаго естественнаго подбора, такъ какъ, безъ сомнѣнія, иначе объяснить ихъ невозможно».

Чтобы показать, какое множество фактовъ приспособленія объясняется ничѣмъ инымъ, какъ подборомъ, Вейсманнъ приводитъ въ слѣдующихъ двухъ главахъ цѣлый рядъ примѣровъ органовъ, приспособленныхъ у растений какъ для защиты (яды, шипы, кремнеземистыя и известковыя отложенія), такъ и для перевариванія насѣкомыхъ у плотоядныхъ растений (рис. 6—9).

Многочисленность этихъ явленій показываетъ намъ, что «растеніе, благодаря естественному подбору, можетъ пріобрѣсти совершенно новые органы полнымъ перерожденіемъ старыхъ, какъ, напр., кувшинъ у *Nepenthes villosa* (рис. 6.), что они могутъ измѣнить даже свои физиологическія свойства, иногда совершенно напоминая функціи животнаго организма».

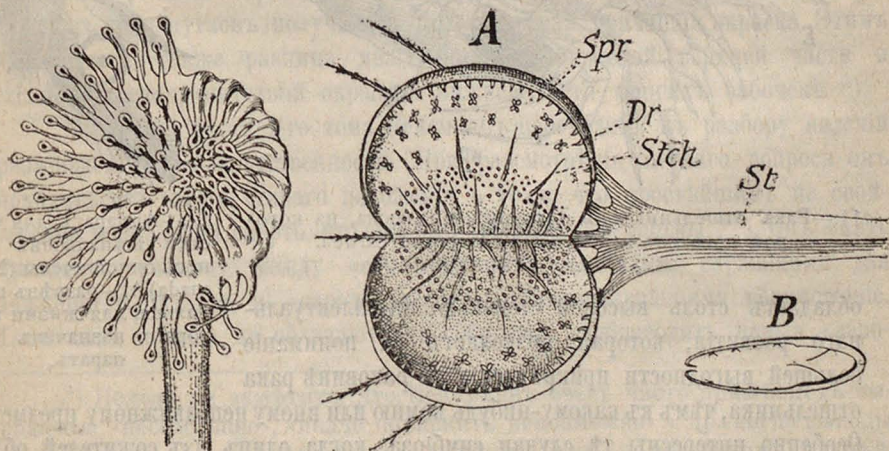

Инстинкты животныхъ разсматриваются обыкновенно, какъ «унаслѣ-

7.—*Pinguicula vulgaris*—(Сальная трава). А—цѣлое растеніе, края листьевъ завернуты; на листьяхъ нѣсколько насекомыхъ увязли въ слизи. В—поперечный разръзъ листа (50 разъ увеличен.): Dr—двойкаго рода железы. С—тѣ же железы, въ 180 разъ увеличенныя.

дованныя привычки». Вейсманнъ возстае противъ такого взгляда, заявляя, что принятіе его требуетъ признанія очень высокой степени интеллектуаль-

8.—Листъ росянки со шупальцами, частью покрывающими пойманное насекомое (увелич. 4 раза).

9.—*Aldrovandia*—хватательный аппаратъ. А—раскрытый, St — черешокъ листа, Stch — чувствительныя иглы, шипы, Dr — железы, В—закрытый (продольный разръзъ).

наго развитія. По его мнѣнію, и здѣсь играетъ большую роль подборъ,

ванія листьевъ Сесгоріа находятся маленькія подушечки изъ волосъ, среди которыхъ образуются маленькія, бѣлыя колбочки, служащія пищей для муравьевъ, которые защищаютъ зато въ свою очередь растение отъ поѣданія другими насекомыми. Вейсманнъ приводитъ далѣ примѣръ симбіоза маленькихъ рыбокъ съ актиніями. Взаимныя услуги ихъ заключаются въ слѣдующемъ. Рыбка поселяется между щупальцами актиніи и добываетъ добычу на пользу обоимъ сожителямъ, за это актинія защищаетъ ее отъ враговъ и щупальцами держитъ добычу, чѣмъ способствуетъ ей размельченію.

Очень интересна далѣ глава о половомъ подборѣ. Вейсманнъ сначала заявляетъ, что, дѣйствительно, теорія, по которой самки дѣлаютъ выборъ между самцами, не можетъ быть подкрѣплена большимъ количествомъ фактовъ, но все же онъ доказываетъ правильность ея, исходя изъ положенія, что очень много фактовъ въ достаточной степени удовлетворительно объясняются ею, а безъ нея совершенно непонятны.

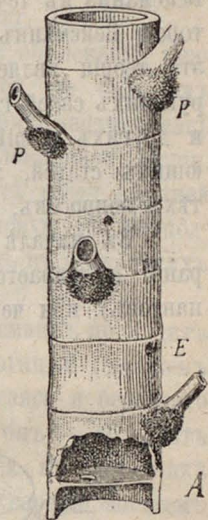
«Вмѣсто того, говорить онъ, что бы сомнѣваться въ выборѣ самками самцовъ, гораздо правильнѣе признать, что самки, дѣйствительно, чувствительны ко вторичнымъ половымъ признакамъ самцовъ и, въ самомъ дѣлѣ выбираютъ».

Принявъ такую теорію, мы поймемъ, почему исключается одновременное обладаніе красивой окраской и хорошимъ голосомъ (соловей), и какимъ образомъ у попугаевъ получилась такая пестрая, кричащая окраска. Этимъ объясняется также разница между пестрой окраской верхней части и сложной предохранительной окраской нижней части многихъ бабочекъ *).

Во второй части I-го тома Вейсманнъ переходитъ къ разбору явленій размноженія и наслѣдственности. При разсмотрѣніи перваго вопроса онъ исходитъ изъ своего стараго положенія о томъ, что простѣйшимъ не свойственна нормальная смерть, что они потенциально бессмертны **). Онъ опять проводитъ разницу между «соматическими» клѣтками, служащими для движенія и питанія, и «зародышевыми», обуславливающими размноженіе. Такъ какъ первыя не обладаютъ способностью производить новыя «заро-

13.—Кусочекъ волосистой подушечки (Р) съ колючками nk.

12.—Кусокъ вѣтки Сесгоріа adenopus со срѣзанными листьями.

*) Нельзя не замѣтить, что Вейсманнъ очень часто примѣняетъ выраженія: «несомнѣнно», «иначе объяснить невозможно» и др., когда выводы и объясненія его, именно, далеко не несомнѣнны, и, во всякомъ случаѣ, вполне возможно и иное объясненіе. Такъ, разница въ окраскѣ нижней и верхней сторонъ крыльевъ дневныхъ бабочекъ, какъ показали Уоллесъ и др. ученые, вполне объяснима и безъ полового подбора.

Редакція.

**) Это утвержденіе по меньшей мѣрѣ необосновано. (См. примѣч. къ слѣд. статьѣ).

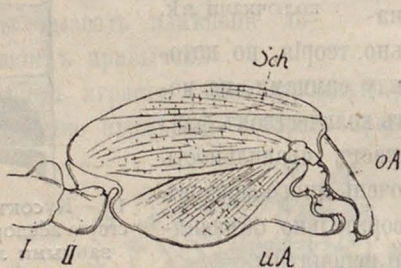
Ред.

дышевыя» клѣтки, то ихъ дальнѣйшая жизнь является излишней и такимъ образомъ появляется смерть, какъ «приспособленіе».

Послѣднія три главы перваго тома посвящены теоріи зародышевой плазмы. Здѣсь мы вступаемъ въ область сложныхъ вопросовъ, занимавшихъ Вейсмanna въ теченіе десятковъ лѣтъ—это тайна наслѣдственности, съ которой Вейсманнъ хотѣлъ сорвать покрывало. Въ настоящемъ его трудѣ эта теорія является въ видѣ цѣлаго зданія гипотезъ, невольно импонирующихъ своей грандіозностью и стройностью. Разсмотрѣніе ея, равно какъ и другихъ теорій Вейсмanna, мы надѣемся сдѣлать въ одной изъ слѣдующихъ статей, здѣсь же пока ограничимся лишь краткимъ обзорѣніемъ тѣхъ вопросовъ, которые затрагиваются Вейсманномъ.

Въ началѣ второго тома ученый разсматриваетъ явленія регенерации и старается объяснить ихъ своей теоріей опредѣлителей (детерминантовъ); при чемъ онъ остается вѣренъ своимъ прежнимъ взглядамъ,

15.—Ножницы на ногѣ одного рака
Orchestria.

16.—Роящая нога медвѣди
Gryllotalpa.

считая, что явленія регенерации являются слѣдствіемъ приспособленія. Способность регенерации зависитъ отъ многихъ причинъ и даже у родственныхъ животныхъ проявляется въ различной степени. Чѣмъ болѣе животное подвержено дѣйствію среды, тѣмъ сильнѣе развита у него способность регенерации: свободно живущій тритонъ образуетъ быстро потерянную ногу, въ то время, какъ протей требуетъ для этого около одного года.¹⁰

Обыкновенный дождевой червь неспособенъ къ регенерации, если онъ разрѣзанъ болѣе чѣмъ на двѣ части, *Lumbriculus* можетъ быть разрѣзанъ на 10 и болѣе частей безъ потери способности регенерации. Далѣе, способность эта различна для разныхъ органовъ. Внѣшніе органы (жабры, конечности) возстановляются быстрѣе, чѣмъ внутренніе (легкія, сѣменные протоки). Такія сложныя наклонности, какъ ампутированіе животными собственныхъ органовъ (хвостъ ящерицы и др.) представляютъ собой, по мнѣнію Вейсмanna, только лишь проявленіе предохранительной приспособляемости.

Далѣе Вейсманнъ возвращается къ вопросу, о которомъ онъ много писалъ раньше, о наслѣдственности приобрѣтенныхъ свойствъ. Въ свое время вопросъ этотъ вызвалъ ожесточенную полемику и раздѣлилъ ученыхъ на два лагеря: одни признавали съ Ламаркомъ и Дарви-

номъ такую наслѣдственность возможной, другіе же съ Вейсманномъ отрицали ее. Однимъ изъ фактовъ, объяснявшихъ Вейсманномъ, какъ слѣдствіе подбора, а противниками его—какъ примѣръ унаслѣдованія приобрѣтенныхъ свойствъ, является присутствіе у нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ, напр., у пчелъ, особаго аппарата, служащаго для чистки щупальцевъ (фиг. 14).

Въ слѣдующихъ главахъ Вейсманнъ переходитъ къ объясненію присутствія рудиментарныхъ органовъ. Последніе находятся въ большомъ количествѣ у всѣхъ животныхъ, — у человѣка Видерсгеймъ насчитываетъ ихъ до 100,—и служатъ лучшимъ подтвержденіемъ эволюціонной теоріи. Для объясненія этого явленія Вейсманнъ отказывается отъ своей прежней теоріи панмиксии (остановка подбора) и выдвигаетъ новую теорію подбора (Germinalselection), о которой тоже нельзя сказать въ нѣсколькихъ словахъ *).

Переходя далѣе къ вопросу объ оплодотвореніи, Вейсманнъ приходитъ къ выводу, что теорія омоложенія, достигаемаго конъюгаціей (слияніемъ двухъ клѣтокъ) не вѣрна, такъ какъ явленіе партеногенезиса и безполого размноженія очень распространено. «Жизнь — говоритъ онъ, — обладаетъ способностью поддерживать самое себя и не нуждается въ источникѣ обновленія для того, чтобы бороться со смертью. Оплодотвореніе во всемъ животномъ царствѣ, начиная отъ низшихъ до высшихъ организмовъ, имѣетъ значеніе увеличенія способности приспособленія организма къ жизненнымъ условіямъ. Партеногенезисъ есть вторичное приспособленіе, служащее для болѣе быстраго размноженія...».

Въ главѣ, посвященной разсмотрѣнію измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ среды и то только такихъ, которыя одинаково вліяютъ на всѣ особи одного рода, Вейсманнъ признаетъ, что климатъ и питаніе могутъ повести къ измѣненію организмовъ, но что такія измѣненія не передаются по наслѣдству.

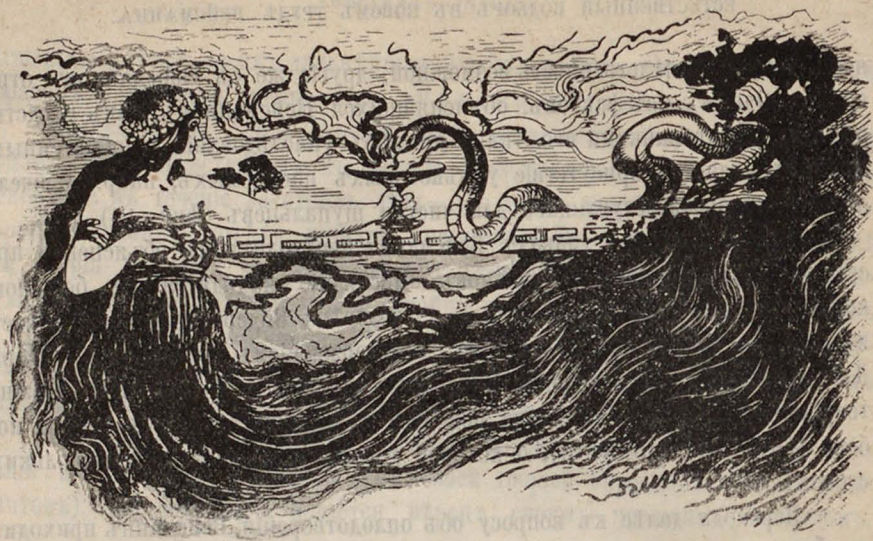
Въ своемъ капитальномъ трудѣ Вейсманнъ касается очень многихъ вопросовъ, — можно сказать, что ни одинъ болѣе или менѣе интересный вопросъ біологіи не остается не разсмотрѣннымъ имъ. Хотя во всей книгѣ онъ ни разу не упоминаетъ буквально о всемогуществѣ естественнаго подбора, но убѣжденность его въ этомъ всемогуществѣ сквозитъ повсюду. «Все покоится на приспособляемости и все управляется процессами подбора...»—вотъ основная идея Вейсмання, многолѣтнія изслѣдованія котораго только утвердили его въ прежнихъ воззрѣніяхъ на эволюцію органическаго міра.

И. Стародубъ.

*) О всѣхъ этихъ важныхъ вопросахъ намъ общана статья однимъ специалистомъ.

КУДА ВЕДЕТЬ НАСЪ НАУКА, И ЧЕГО НАМЪ ОЖИДАТЬ ОТЪ НЕЯ.

Подъ заглавіемъ «Этюды о человѣческой природѣ» вышла недавно въ Парижѣ книга знаменитаго бактеріолога проф. Мечникова; она носитъ еще и подзаголовокъ — „Опытъ оптимистической философіи“, — названіе, ближе и точнѣе выясняющее цѣли, руководившія авторомъ при выпускѣ въ свѣтъ его сочиненія.

О содержаніи этой любопытной, не лишенной общаго интереса книги мы и хотимъ поговорить съ читателями въ предлагаемой замѣткѣ.

Хотя проф. Мечниковъ и пишетъ въ предисловіи, что трудъ свой онъ предназначалъ для біологовъ, но изложеніе его настолько популярно, что для человѣка, мало-мальски начитаннаго, эта прекрасная книга никакихъ трудностей не представляетъ.

Подзаголовокъ довольно точно опредѣляетъ намѣренія автора. Встревоженный ростомъ мистицизма знаменитый бактеріологъ забылъ на время о своей специальности и изъ мирнаго кабинета ученаго выступаетъ на широкую и бурную арену боевой публицистики. Безпредѣльно вѣруя самъ въ силу науки, преклоняясь передъ ея всемогуществомъ, проф. Мечниковъ глубоко возмущенъ проповѣдью модныхъ пророковъ, неустанно *urbi et orbi* провозглашающихъ устарѣлость, несостоятельность науки для жизни. И вотъ, съ этими-то новоявленными рыцарями „самоновѣйшей истины“ онъ и вступаетъ въ борьбу.

Этюды распадаются на три части. Въ первой профессоръ останавливается надъ „противорѣчіями человѣческой природы“, рассматриваетъ факты и причины, рождающіе эти противорѣчія, а съ ними вмѣстѣ и пессимистическое настроеніе; во второй части авторъ выясняетъ, что дали человѣчеству религія и философія, какъ усилія мысли ослабить зло, вытекающее изъ указанныхъ имъ выше противорѣчій; наконецъ, третья часть касается вопроса, какія же, именно, средства можетъ предложить для той же цѣли въ свою очередь наука.

Вопли о банкротствѣ науки не новость въ исторіи человѣческой жизни, не новы и мотивы новѣйшаго похода на науку, которая якобы обманула надежды, возлагаемыя на нее изстрадавшимся человечествомъ.

Въ свое время и гораздо съ большимъ правомъ эти обвиненія выдвигались и противъ религіи, и противъ философіи. Они проявленіе того вѣчнаго недовольства общими условіями жизни, которое порождается лежащими въ самомъ существѣ человѣческой природы противорѣчіями. Но откуда же, однако, эти послѣднія?

Давно миновало то время, когда человѣкъ считался какимъ то таинственнымъ существомъ, отдѣленнымъ глубокой пропастью отъ прочихъ животныхъ. Для насъ онъ, оставаясь высшимъ продуктомъ эволюціи, подчиненъ, однако, тѣмъ же законамъ ея, какъ и все остальное, далеко отставшее земное населеніе. Тяготѣетъ надъ нимъ и жестокий законъ борьбы за существованіе, приспособленія къ условіямъ окружающей жизни. Но тамъ, гдѣ есть „приспособившіеся“, имѣются и неудачники и, притомъ, въ несравненно большемъ количествѣ.

Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уноситъ;
Даромъ ничто не дается, — судьба
Жертвъ искушительныхъ проситъ.

Толстой замѣтилъ какъ то, что раненый въ сраженіи всегда болѣе, чѣмъ скептически, относится къ исходу боя. То же можно сказать и о тѣхъ милліонахъ жертвъ прогресса, которыя своими боками извѣдали прелести борьбы за существованіе, — именно, они, эти „слабые“, и создаютъ глубоко пессимистическое настроеніе, царящее вокругъ; именно, здѣсь, въ этомъ станѣ, и раздаются печальные голоса о пустотѣ жизни, ея безцѣльности, банкротствѣ науки; отсюда и вышли современные мистики, ищущіе спасенія въ таинственныхъ, надзвѣздныхъ мірахъ.

Но ихъ такъ много, скажутъ, этихъ пессимистовъ, почти все человечество. Неужто же это такъ-таки все „неприспособленные“?

Вопросъ законченъ. Поэтому проф. Мечниковъ предлагаетъ проанализировать, какими же собственно преимуществами обладаетъ организмъ человѣка сравнительно съ животными, насколько совершеннѣе его чувства, инстинкты. И отвѣтъ получается, по мнѣнію автора, совсѣмъ не въ пользу царя природы. Обладая, напр., приблизительно 17-ю бесполезными рудиментарными органами, человѣкъ жестоко платится за самый ихъ фактъ существованія. То же самое въ области чувствъ, инстинктовъ, которые, подъ вліяніемъ измѣнившихся жизненныхъ условій, иной разъ совершенно у него извращаются.

Такіе органы, какъ коренные зубы, слѣпая кишка и hymen у женщины, такія ненормальности, какъ родовыя болѣзни, менструація, онанизмъ, — всѣ эти отклоненія отъ здоровой животной жизни далеко не способствуютъ благополучію человечества.

Что сказать о семейномъ инстинктѣ, объ извращеніи всей половой системы человѣка? Вспомнимъ только объ абортѣ, Zweikindersystem, распространенныхъ такъ широко и у дикарей Фиджи, и у культурныхъ французовъ, вспомнимъ о проституціи, легализуемой государствами.

Общественный инстинктъ, гордость человѣка, является подчасъ для него источникомъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. Пышный цвѣтокъ этой благодатной почвы—война, устранившая съ жизненной арены, быть можетъ, самый жизненный, самый дѣеспособный элементъ человѣчества. Но общественный инстинктъ — позднѣйшее приобрѣтеніе человѣка, и противорѣчія въ немъ насъ удивляютъ меньше, чѣмъ тѣ, которыя кроются въ инстинктѣ самосохраненія.

Уже въ животномъ мірѣ мы натакиваемся на полнѣйшее непониманіе явленія смерти, индифферентизмъ при видѣ ея. У человѣка эти противорѣчія выражены еще рѣзче и еще поразительнѣе.

«Старцы,—говоритъ Руссо,—цѣнятъ жизнь неизмѣримо выше, чѣмъ юноши». Страхъ смерти возрастаетъ, такимъ образомъ, пропорціонально возрасту и, разумѣется, это страшнѣйшая дисгармонія человѣческой природы, стоящая таинственной загадкой передъ нашимъ разумомъ.

На страхъ смерти основываются религія и философія, «Религія, говоритъ Гюйо,—есть главнымъ образомъ разсужденіе о смерти». — «Мало вѣроятно»,— замѣчаетъ съ своей стороны Шопенгауэръ,— «чтобы философія могла существовать безъ смерти».

Словомъ, говоритъ проф. Мечниковъ, «человѣкъ такъ исполненъ противорѣчій, что напоминаетъ намъ мотылька, который, инстинктивно стремясь къ свѣтѣ, сжигаетъ на ней свои крылья». Таковы послѣдствія прогресса, эволюціи человѣка, награждающей его наряду съ плодами высшей культуры менѣе желанными плодами регресса въ области его чувствъ и инстинктовъ.

Человѣчество всегда мучилось этими противорѣчіями и напряженно искало изъ нихъ выхода. Посмотримъ, въ чемъ же оно видѣло свое спасеніе, и какія средства можетъ предложить ему наука.

Уже мысль первобытнаго дикаря невольно останавливалась на «проклятыхъ вопросахъ», и понынь томящихся культурное челоѣчество.

Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка:

Въ чемъ состоитъ существо человѣка?

Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ?

Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Религія и философія пытались разрѣшить эту вѣчную «загадку жизни». Отъ первобытнаго анимизма до современной философіи, черезъ всю исторію человѣческой мысли красной нитью проходитъ гамлетовскій вопросъ: что тамъ за гробомъ?

Разно отвѣчаютъ на это религіозныя и философскія системы. Первобытный анимизмъ совершенно игнорируетъ смерть, онъ признаетъ, что тѣло усопшаго и по ту сторону бытія ведетъ образъ жизни аналогичный съ земнымъ. Отсюда культъ предковъ, отсюда вѣра въ воскресеніе мертвыхъ, безсмертіе души. Нѣкоторые матеріалисты, какъ Бюхнеръ и Геккель, пытаются доказать, что ученіе о безсмертіи души знакомо далеко не всѣмъ религіознымъ системамъ. Совершенно напрасныя усилія. И объективный разборъ Ветхаго Завѣта и новѣйшія изслѣдованія буддійской нирваны показываютъ ясно присутствіе этого понятія въ той и другой религіи. Наивное игнорированіе смерти, разумѣется, не

могло удовлетворить философію, и она пытается поэтому разложить жизнь на индивидуальныя и универсальныя элементы, изъ которыхъ первые могутъ приходиться въ упадокъ, отмирать, тогда какъ вторые безсмертны.

Въ «жизненномъ началѣ», (какъ, напримѣръ, идея рода), шопенгауеровскаго пессимизма уцѣлѣлъ тотъ самый элементъ безсмертія, на который указывалъ еще Спиноза. Поэтому-то Шопенгауеръ самъ признавалъ недостатки своего ученія, только и сильнаго своей чисто отрицательной стороной.

Такимъ образомъ, современная философія, хотя и отрицающая будущую жизнь и безсмертіе индивидуальной души, въ безсиліи останавливается передъ вѣковѣчной загадкой бытія, и человѣкъ, какъ гейневскій «дуракъ», тщетно ждетъ ея разрѣшенія.

«Какъ же рѣшается, однако, эту загадку наука?»—Проф. Мечниковъ предвидитъ этотъ нетерпѣливый вопросъ и прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, дѣлаетъ длинное отступление.

Констатируя громадное улучшеніе матеріальныхъ условій жизни, улучшеніе достигнутое исключительно благодаря наукѣ, нашъ авторъ задается новымъ вопросомъ—что такое смерть?—Есть ли она нормальное, фізіологическое явленіе, или же она, напротивъ, имѣетъ патологическій характеръ?

Работы Мопя, Деманжа и др., наконецъ, собственное изслѣдованіе Мечникова, подарившее біологіи фагоцитарную теорію, позволяютъ ему отнести старость къ области патологии. А разъ такъ, то съ нею возможна борьба, т. е. возможно, слѣдовательно, значительное продолженіе жизни, повышеніе ея, такъ сказать, въ рангъ фізіологическаго явленія. Здѣсь открывается широкое поле для серотерапіи, надлежащей, основанной на научныхъ данныхъ гігіены пищи, тѣла и т. д. Но фізіологическая ли, патологическая ли, какъ бы то ни было, смерть все же останется послѣднимъ врагомъ человѣка. Можно ли побѣдить ее или она является неизбѣжной, съ точки зрѣнія науки? По воззрѣніямъ Бютшли и Вейсмана, одноклѣточные организмы безсмертны. Инфузоріи, напримѣръ, могутъ размножаться посредствомъ дѣленія до безконечности, то же можно сказать и о нѣкоторыхъ высшихъ организмахъ *).

Если, такимъ образомъ, смерть не является фактомъ нормальнымъ, то неизбѣжность ея приходится признать только, какъ «уступку, сдѣланную вышнимъ условіямъ жизни» (Вейсманнъ), какъ результатъ естественнаго подбора, какъ необходимое условіе сохраненія вида. Для человѣка смерть всегда является насильственнымъ актомъ, и она такой и должна быть, ибо ста-

*) Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что безконечное дѣленіе инфузорій безъ правильно чередующейся конъюгаціи, являющейся процессомъ освѣженія, омоложенія, имѣющимъ много общаго съ явленіями слиянія сѣменныхъ телецъ и яйцевыхъ клѣтокъ у высшихъ животныхъ, какъ показали опыты, невозможно; безъ этого чередованія съ безполымъ размноженіемъ, т. е. дѣленіемъ, послѣднее не могло бы продолжаться безконечно, такъ какъ вскорѣ наступаетъ несомнѣнное вырожденіе: индивиды становятся все меньше, слабѣе, дѣленіе происходитъ медленнѣе. Послѣ конъюгаціи, дающей новыя силы, процессы дѣленія ускоряются и особи растутъ до болѣе значительной величины...

рость, какъ сказано, до сихъ поръ для насъ носить патологическій характеръ. Страхъ смерти, эта «отрава жизни»—по выраженію Доде, terrere,—какъ называлъ Золя, представляетъ собою вполне понятное, законное явленіе.

Эволюція снабдила человѣка высоко развитой нервной системой, вызвавшей съ своей стороны въ человѣческой природѣ массу противорѣчій, изъ которыхъ ужаснѣйшее для него—наша патологическая старость и ея послѣдствіе, насильственная смерть, недопускающая естественной нормальной смерти. Отсюда и всякіе страхи, отсюда и вѣра въ воскресеніе мертвыхъ, отсюда упорное стремленіе къ игнорированію смерти.

Только наука можетъ вывести человѣка изъ лабиринта всѣхъ этихъ ужасовъ, только она въ состояніи дать отчаявшемуся человѣчеству правильныя понятія о его природѣ и избавиться его, такимъ образомъ, какъ отъ меланхоліи и пессимизма, такъ и отъ наивныхъ нелѣпыхъ мечтаній. Наука намъ скажетъ, что смерть страшна только потому, что приходитъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда человѣкъ достигъ апогея своего физиологическаго развитія, когда онъ весь полонъ еще страстной жажды жизни.

Уяснимъ же себѣ причину постоянной растерянности человѣчества, растерянности, порождаемой вѣчно юнымъ и въ то же время старымъ вопросомъ—въ чемъ цѣль жизни? Словно ребенокъ, лишенный еще полового инстинкта и потому сомнѣвающийся въ цѣлесообразности половыхъ органовъ, человѣкъ, полный силъ и еще не насладившійся жизнью, завидѣвъ ужасный призракъ смерти, съ отчаяніемъ спрашиваетъ: въ чѣмъ же цѣль бытія и зачѣмъ оно?

Пессимисты, поучая, что цѣль жизни—смерть, не далеки отъ истины; но объ одномъ лишь забываютъ они: эта цѣль нашего бытія не должна для насъ являться какимъ-то ужаснымъ пугаломъ, нѣтъ, въ виду смерти, спокойно оглянувшись на пройденный жизненный путь, мы должны съ удовольствіемъ произнести: «нынѣ отпускаеш»; словомъ, цѣль жизни— нормальная, физиологическая смерть. Разумѣется, этой цѣли не достигнуть завтра; пока это идеаль, но идеаль, основанный на научныхъ данныхъ и потому достижимый въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. И заранѣе можно сказать, что въ тотъ день, когда идеаль этотъ будетъ достигнутъ, всякимъ «проклятымъ вопросамъ» о цѣли жизни наступитъ конецъ; человѣчество заживетъ бодрой, широкой жизнью. Такова оптимистическая философія нашего знаменитаго соотечественника.

Какою здоровою бодростью вѣетъ отъ этого міросозерцанія, проникнутаго безграничною вѣрою въ науку, и какая разница съ тѣмъ старческимъ брюзжаніемъ, какимъ являются горькія слова французскаго критика Брюнэттера, утверждающаго, что благотѣльная «серотерапія не спасетъ насъ совершенно отъ смерти и не объяснитъ намъ даже, почему мы умираемъ?» А г. Суворинъ, на дняхъ познакомившійся съ книжкой проф. Мечникова, съ грустью замѣчаетъ, что знаменитый бактериологъ ничего новаго и утѣшительнаго не сказалъ: смерть по прежнему, со всѣхъ точекъ зрѣнія, остается неизбѣжной.

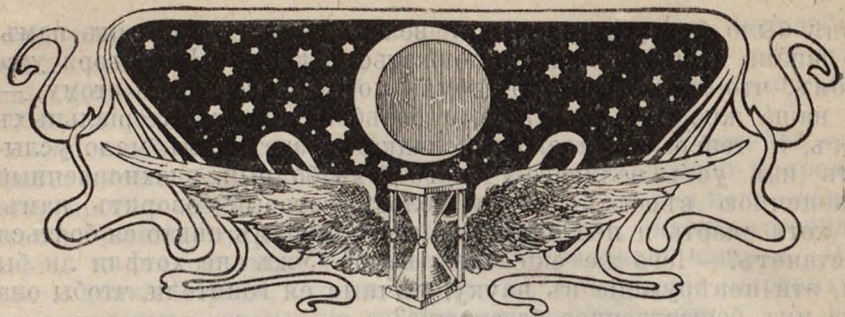
Однако, не странно ли было ожидать чего-либо большаго?

Развѣ было бы лучше, еслибъ великій ученый сказалъ намъ, что жизнь наша можетъ продолжаться вѣчно?— Не говоря уже о томъ, что врядъ ли кто-нибудь могъ бы повѣрить этому, — что наша жизнь, съ ея вѣчною борьбою изъ-за матеріальныхъ благъ, и теперь-то далеко не сладка — развѣ намъ мало услышать изъ устъ великаго ученаго тотъ бодрый, вдохновленный безконечною вѣрою въ науку, голосъ, который говоритъ намъ, что хотя смерть и неизбежна, но въ будущемъ никто ея бояться не станетъ?— Чего же еще имъ надо? Ужъ не хотѣли ли бы они, эти невѣрующіе въ науку, вѣчные ея гонители, чтобы она дала имъ божественное безсмертіе?

Вильгельмъ Бельше.

Сонъ Кеплера *).

Одинъ за другимъ проходятъ вѣка неудержимаго стремленія чело-вѣка къ познанію. На небѣ блеститъ фантастическій яркій дискъ луны, загадочной своими темными пятнами. Умъ, глазъ, оптический инструментъ бьются надъ ея загадкой. Все новыя толкованія—и все новыя заблужде-нія. И такъ понынѣ.

Кеплеръ хотѣлъ написать сказку о лунѣ, а въ сущности далъ выводы современной ему науки. Триста лѣтъ прошло послѣ него, мы также выска-зываемъ свои истины и философствуемъ... Неужели придетъ время, когда окажется, что въ сущности мы пишемъ сказки? Такъ бываетъ вѣдь съ большинствомъ нашихъ научныхъ изслѣдованій, и мысль приучается къ скромности. Луна—только единичный примѣръ, но особенно хорошій, осо-бенно цѣнный, чтобы позволить себѣ поговорить немного,—не о томъ, ка-кова она въ дѣйствительности, потому что, какъ при Кеплерѣ, такъ и теперь это все еще спорный вопросъ,—а о томъ, на сколько проникательны люди на землѣ, на разстояніи пятидесяти тысячъ миль отъ луны.

Въ нашихъ учебникахъ Кеплеръ изображается бѣднымъ человѣкомъ, который смотрѣлъ на звѣзды и голодалъ на землѣ. Внѣшнимъ образомъ это можетъ быть и вѣрно, хотя и преувеличено.

Съ внутренней же стороны Кеплеръ былъ однимъ изъ счастливѣй-шихъ людей, когда либо жившихъ. Онъ стоялъ на границѣ двухъ эпохъ,—и не страдалъ отъ этого. Избавительницей его была глубокая вѣра въ гармонию свѣтилъ. Но въ нѣдрахъ этой самой идеи о гармоніи боролись тогда два рода человѣческаго мышленія, два направленія.

---

*) Въ послѣднее время была найдена старая книга подъ этимъ за-главіемъ, написанная по-латыни. Ее перевели на нѣмецкій языкъ, и это даетъ поводъ автору настоящей статьи высказать рядъ интересныхъ мыслей.

Одно направлѣніе, начавшись въ халдейскихъ поляхъ, на далекой границѣ человѣческой культуры, дошло до двора Рудольфа II Габсбургскаго и Валленштейна.

Первую и важнѣйшую связь, обусловленную этой міровой гармоніей и доступную человѣческому разуму, оно видѣло въ мистическомъ гармоническомъ соотношеніи между свѣтиломъ и человѣкомъ. Здѣсь начинается астрологія. Судьба каждаго человѣка была связана съ судьбою свѣтилъ, сіявшихъ въ часъ его рожденія.

Должно признать, что въ этой теоріи была доля величія въ идеѣ о вѣчной, несокрушимой міровой гармоніи. Въ окончательномъ складѣ Космоса дѣйствительно все тѣсно связано: и отдаленнѣйшая, едва видная глазу неподвижная звѣзда, и человѣкъ, рождающійся на нашей планетѣ въ тотъ или иной моментъ. Но чтобы найти нити *этой* связи, нужно было бы неслыханное знаніе всего Космоса, нужно было бы расплести взоромъ цѣлую сеть безчисленныхъ золотыхъ нитей, которыя переплелись въ немъ въ миллионы вѣковъ въ миллионѣхъ точекъ. Такому безграничному взору весь видимый міръ представлялся бы, какъ необъятно раскинувшееся дерево. Одинъ побѣгъ—отдаленная неподвижная звѣзда, другой—дѣтя земли, впервые обращающее глаза къ солнцу.

Но какъ странно предположить такое міровоззрѣніе въ то время, когда были извѣстны не всѣ большія планеты солнечной системы, когда не подозрѣвали даже ни что такое звѣзда, ни что такое человѣкъ! Идея о гармоніи породила лишь болѣе или менѣе грубую игру словами и фактами, предвѣщавшую науку, которой въ дѣйствительности не было.

Блѣдная звѣзда этой незрѣлой вѣры въ астрологическую гармонію медленно погасала во времена Кеплера, несмотря на Рудольфа и Валленштейна.

Но Кеплеръ былъ еще поборникомъ этой идеи. Онъ соорудилъ гороскопъ, и толпа чествовала его, какъ виднѣйшаго изъ астрологовъ. Самъ же онъ въ минуты откровенности долженъ былъ сознаться, что его жаждущій гармоніи умъ воздѣлывалъ не поле, а сплошной камень и терніи. «Право, во всей моей астрологіи,—писалъ онъ однажды,—я знаю такъ мало достойнаго, что не могъ бы съ точностью предсказать ни единого specialнаго факта».

Все это начинало обостряться и грозить Фаустовскимъ сомнѣніемъ со всей его горечью и отчаяніемъ впереди.

Но, къ счастью для этой эпохи человѣчества, стремленіе къ гармоніи должно было вступить въ новую область, несравненно болѣе плодотворную, хоть и болѣе трудную.

Рядомъ съ астрологіей стала астрономія, только что вступившая, благодаря Копернику, на новый путь. Воображаемая гармонія между свѣтиломъ и человѣкомъ падала, но за то предъ взоромъ открылось новое и въ сущности столь же изумительное гармоническое соотношеніе движущихся членовъ солнечной системы.

Человѣкъ, хоть и сошелъ съ пути предсказанія своихъ маленькихъ

житейскихъ тайнъ, но теперь долженъ былъ почувствовать себя соучастникомъ величайшаго космическаго порядка. Въ его взорѣ горѣлъ новый божественный огонь. Гигантская часть міра оказывалась построенною закономерно, — часть міра, въ которой всѣ планеты, ихъ разстоянія и обращенія были только станціи, только ритмическія волны, только числа математическаго уравненія.

Въ этой новой гармоніи свѣтиль крылась истинная судьба Кеплера, и истинное счастье его было въ томъ, что онъ нашелъ гладкую дорогу сюда.

Сомнѣвающійся астрологъ открылъ несомнѣнные «Кеплеровскіе законы» планетной системы. Конечно, онъ долженъ былъ для этого изучить совершенно новые вспомогательные методы, и ему помогло въ этомъ опять таки его духовное величіе, та сила ума, которая сдѣлала его ученикомъ и наслѣдникомъ великаго наблюдателя, Тихо Браге, и подняла его до степени наиболѣе богатаго знаніями астронома этого времени, притомъ съ строго научной острой логикой.

А въ основѣ все та же идея: міровая гармонія!

Кеплеръ пересталъ быть астрологомъ. Но только потому, что нашелъ лучшую область для своего глубокаго художественнаго стремленія. Въ немъ погасла вѣра въ то, чтобы положеніе Марса въ томъ или другомъ мѣстѣ неба имѣло какое-нибудь отношеніе къ счастью или несчастью человѣческой души. Но все его пылкое, чисто художественное влеченіе нашло удовлетвореніе въ положительномъ знаніи, что квадраты временъ обращенія всѣхъ планетъ относятся, какъ кубы ихъ среднихъ разстояній отъ солнца.

Это знаніе, полученное благодаря соединенію смѣлой фантазіи съ точнѣйшимъ вычисленіемъ, основаннымъ на наблюденіяхъ, вполне успокаивало въ то же время и потребность въ гармоніи. Это былъ единичный случай, но точно обоснованный и, очевидно, «гармоничный». Кеплеру было достаточно его. За нимъ фантазія видѣла безчисленную цѣль такихъ же законовъ, вплоть до конечной золотой цѣли міра, гдѣ все связано въ блаженствѣ безконечно проникающихъ одна другую гармоній.

Нужно въ общихъ чертахъ возстановить въ памяти все это, чтобы правильно понять лучезарный характеръ жизни Кеплера, полной радости и непосредственности.

Фантазія и дѣйствительность, идеалы гармонически созидающаго искусства и медленно, шагъ за шагомъ, критически изслѣдующей науки, нашли полное примиреніе у этого великаго человѣка, прокладывавшаго путь на рубежѣ двухъ эпохъ. Это были для него двѣ скорлупы одного ядра. И фантазія, и научное изслѣдованіе стремились къ одной и той же конечной цѣли. И истина явилась не простымъ компромиссомъ, а встрѣчей ихъ обоихъ, подобно тому, какъ встрѣчаются два рудокопа, роющие съ двухъ концовъ туннель.

Въ нашемъ столѣтіи была родственная Кеплеру натура—Фехнеръ. Мнѣ кажется близко время, когда мы вообще будемъ больше чувствовать потребность возвращаться къ такимъ образамъ, какъ Кеплеръ или Фехнеръ, чтобы успокоиться на полномъ гармоничномъ идеалѣ.

Въ этой внутренней лучезарной жизни луна всегда играла значительную роль.

Коперникъ заново передѣлалъ міръ. Тихо еще не вѣрилъ въ новый міръ. Но для Кеплера теперь не оставалось колебаній. Вся духовная жизнь чело-вѣчества была озарена свѣтомъ новой великой мысли: земля движется, солнце поκειται, всѣ планеты обращаются вокругъ него. Одна луна оставалась по старому на томъ же пути. Послѣ Коперника она одна осталась вѣрна землѣ. Надо было подумать и о ней.

Переносясь къ ней фантазіей, воображая видъ, открывающійся съ нея на землю, планеты, всю систему, какъ надо было представлять себѣ все это? Для фантазіи имѣлось теперь совершенно новое основаніе, на которомъ она могла дѣлать свои построенія. Если на лунѣ есть жители—въ классической древности была уже такая мысль,—если эти жители занимаются астрономіей и наблюдаютъ звѣзды,—какими кажутся имъ тѣ отношенія и движенія, о которыхъ учитъ Коперникъ?

Въ такихъ мысляхъ Кеплеръ дошелъ до маленькой книжки, которую перевелъ Людвигъ Гюнтеръ: «Астрономія Луны», гдѣ астрономія Коперника излагается какъ бы изъ лунной обсерваторіи.

Въ настоящее время само по себѣ это не кажется чѣмъ-нибудь особеннымъ. Всѣ мы привыкли къ популярнымъ изданіямъ астрономіи, которыя изобилуютъ описаніями и изображеніями вида земли съ луны, или солнца съ Юпитера, или колецъ Сатурна съ самой планеты.

Но для того времени несомнѣнно была своеобразно-грандіозной мысль соединить выводы точной науки съ игрой пылкой, ни передъ чѣмъ не останавливающейся фантазіи.

Кеплеръ много лѣтъ работалъ надъ книгой. Первоначальный очеркъ онъ написалъ быстро, около 1609 года. Потомъ отложилъ, чтобы позже, въ зрѣлые годы, написать къ нему, какъ къ вновь найденной юношеской работѣ, нѣчто въ родѣ критическаго комментарія. Но и теперь онъ не могъ разстаться съ ней настолько, чтобы предать ее гласности. Въ 1629 году онъ писалъ о ней одному другу, какъ о чѣмъ то въ родѣ Бедекера для лунныхъ туристовъ. «Если насъ прогонять съ земли, то моя книга будетъ полезнымъ путеводителемъ на луну для эмигрантовъ и пилигримовъ».

Это было за годъ до его смерти, во время наибольшаго матеріальнаго стѣсненія, когда онъ тщетно ждалъ получекъ изъ пустой кассы Валленштейна. Въ послѣдній моментъ, когда ему самому предстояло путешествіе, еще болѣе длинное, чѣмъ на луну, онъ, повидимому, только еще начиналъ печатаніе. Появилась она лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, изданная его сыномъ въ 1634 году. Ее добросовѣстно просмотрѣли и забыли. И даже астрономы не поняли идеи Кеплера, посмотрѣвъ на книжку просто какъ на бесполезную шутку.

Съ внѣшней стороны она, дѣйствительно, написана шутливо, хотя и красиво и глубоко. Кеплеръ лежитъ въ постели и спитъ. Къ переводу

приложенъ чудный портретъ: въ впалыхъ щекахъ какая-то скорбь, какое-то смиреніе, и, очевидно, физическое страданіе; тугой воротникъ, модные усы, а въ глазахъ едва уловимая лукавая черточка, точно у него на умѣ слова изъ книжки о лунѣ. Вотъ хорошее мѣсто: «Во снѣ умъ свободно мыслить иногда даже о томъ, чего въ дѣйствительности не существуетъ».

И точно, спящаго начинаетъ охватывать сонъ. Ему грезится, будто онъ купилъ на ярмаркѣ книгу и читаетъ ее. Оказывается—сказка. Какой-то сынъ Исландіи приходитъ къ мудрому Тихо и посвящаетъ себя изученію астрономическихъ премудростей о лунѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвращается на свою суровую родину. Его встрѣчаетъ старушка-мать, занимающаяся собираніемъ травъ. И тутъ онъ съ изумленіемъ видитъ, что у нея гораздо болѣе глубокія познанія о лунѣ, чѣмъ у всѣхъ Тихо въ мірѣ. Что для нихъ вычисленіе и теорія, то для нея магъ и волшебникъ, который показываетъ ей во плоти тайну далекихъ міровъ. Волшебными словами: «Коперникова Астрономія» она закликаетъ не цифры, а настоящего духа. И духъ подаетъ голосъ и рисуется далеко въ голубомъ эфирѣ, за пятьдесятъ тысячъ миль, страну чудесъ, Леванію. Это луна. Названіе «Леванія» показываетъ, что мы покинули область систематизирующей холодной науки и летимъ на крыльяхъ фантазіи, которая все одушевляетъ собственнымъ живительнымъ тепломъ, все называетъ индивидуальными именами. Изложеніе до такой степени выдержано на границахъ символистики, что мыслящій читатель ни разу не теряетъ хорошаго настроенія и только кое-гдѣ за остроуміемъ не замѣчаетъ глубины мысли.

Духи Кеплера—воплощенные астрономическія идеи и наблюденія—весело порхаютъ между землею и луною, но все-таки по извѣстнымъ законамъ. Они боятся дневного свѣта, отъ природы ихъ истинное царство на ночной сторонѣ земли, въ томъ тѣневомъ конусѣ, который земля отбрасываетъ въ пространство. Когда эта тѣнь доходитъ до луны, т. е. при лунномъ затменіи, тогда весь путь свободенъ, и духи долетаютъ до луны, конечно, не безъ поспѣшности, такъ какъ это длится не долго. Возвращеніе назадъ возможно только тогда, когда луна сама становится между солнцемъ и землею, т. е. при солнечномъ затменіи, когда луна сама бросаетъ тѣнь на землю.

Символическое указаніе на главныя условія астрономическаго наблюденія луны ясно: вообще ночью и главнымъ образомъ во время затменій. Грубѣе уже шутка вступаетъ въ свои права, когда Кеплеръ прибавляетъ: хотя при всякомъ такомъ удобномъ случаѣ духи легко летаютъ взадъ и впередъ, но это становится ужасно трудно, если надо тащить за собою чадъ земли. Особенно много опасностей предстоитъ толстымъ и еще кое-кому. Съ юморомъ описано затѣмъ и само путешествіе: сначала духи возносятъ людей съ быстротой молніи до той точки, гдѣ, по выраженію Кеплера, «магнетическія вліянія» луны пересиливаютъ такія же вліянія земли, такъ что паденіе на луну совершается само собой, безъ посторонней помощи.

Эта картина далеко не въ шутку интересна своимъ отношеніемъ къ ученію о тяжести. То, что мы теперь называемъ тяжестью или массовымъ притяженіемъ (напримѣръ притяженіе земли къ лунѣ), представляется Кеплеру родомъ магнетизма. Надо замѣтить, что это было за полъ-вѣка до открытія Ньютона. Но Кеплеръ былъ такъ близокъ къ нему, что,—можно сказать,—Ньютонъ оформилъ только то, чѣмъ Кеплеръ часто пользовался, какъ чѣмъ-то само собою понятнымъ.

Очень комично и все въ томъ же смыслѣ поучительно Кеплеръ рассказываетъ непосредственно вслѣдъ за изложеннымъ, какъ тѣла съеживаются, «какъ пауки», въ этомъ критическомъ пунктѣ (т. е. въ тотъ моментъ, когда тяжесть земли и луны держать летящаго въ равновѣсіи); вотъ его характерныя слова: «Магнетическія вліянія земли и луны своимъ противоположнымъ притяженіемъ держать тѣла висящими все равно, какъ если бы ни та, ни другая не притягивали. Тогда само тѣло, какъ цѣлое, притягивается свои члены, какъ меньшую часть».

Достигнувъ луны, свѣтобоязливые духи немедленно прячутся въ глубокихъ лопщинахъ, чтобы укрыться отъ внезапно восходящаго солнца.

Здѣсь Кеплеръ дѣлаетъ прелестное примѣчаніе, что это—аллегорія на замкнутость ученыхъ, которые бѣгутъ отъ «солнечнаго свѣта» жизни, чтобы вычислить въ тиши астрономическіе результаты луннаго затмѣнія. «У меня въ Прагѣ,—прибавляетъ онъ,—была квартира, гдѣ не было болѣе удобнаго мѣста для наблюденія діаметра солнца, какъ пивной погребъ; изъ него я въ самые длинные дни и направлялъ сквозъ дырку въ потолокъ трубу на полуденное солнце».

Это мѣсто не лишено нѣкоторой щекотливости. Ибо добрейшій Кеплеръ вышелъ изъ школы Тихо, а о господинѣ Тихо въ свою очередь было хорошо извѣстно, что его плодотворныя изслѣдованія о лунѣ и Марсѣ не болѣе основательны, чѣмъ изслѣдованія дна бочки. У Тихо была еще одна особенность, которой могутъ позавидовать многія сочувствующія ему души: нельзя было опредѣлить естественнаго цвѣта его носа, потому что въ пылкой юности еще ему отрубили на дуэли весь носъ, замѣненный потомъ серебрянымъ протезомъ.

На этомъ обрываются шутки символическаго вступленія. Кеплеръ перенесъ насъ, куда хотѣлъ: прямо на луну. И тутъ сразу въ спящемъ подымается въ натуральную величину Кеплеръ—астрономъ, со всей его серьезной логикой, предъ солнцемъ которой духи сна дѣйствительно расползаются по своимъ норамъ.

Громадной панорамой плыветъ небесный міръ мимо луны. Луна оказывается,—что въ дѣйствительности совершенно вѣрно,—строго раздѣленной на двѣ половины: одна обращена къ землѣ, другая вѣчно отъ нея отвращена.

Для простыхъ смертныхъ сплосъ и рядомъ трудно сообразить, какъ это выходитъ, что луна обращена къ намъ, земнымъ жителямъ, всегда одной и той же стороною. Прямымъ выводомъ отсюда представляется, что

при такомъ условіи луна не можетъ вращаться вокругъ своей оси. А между тѣмъ она должна вращаться именно для того, чтобы намъ оставалась видна одна и та же сторона. Достаточно обвести вокругъ лампы или свѣчки собственную кисть руки, чтобы сейчасъ же замѣтить, что тутъ нужно. Если я, не поворачивая самой руки, обвожу ее вокругъ пламени, то по сю сторону ея орбиты къ свѣту обращена ладонь, по ту — тыль кисти. Пусть пламя будетъ земля,—ясно, что при каждомъ оборотѣ луны мы видѣли-бы послѣдовательно обѣ ея стороны, совершенно такъ же, какъ свѣча освѣщаетъ обѣ поверхности руки. Но въ томъ и штука, что луна движется не такъ, какъ не имѣющая осевого движенія рука. Она движется такъ, что внутрь смотреть всегда одна и та-же сторона, т. е. возвращаясь къ рукѣ всегда ладонью, а не тыломъ.

Продѣлаемъ это со свѣчкой и съ рукой;—чтобы ладонь смотрѣла постоянно внутрь, я долженъ, обводя руку вокругъ пламени, поворачивать руку вокругъ ея оси. Такъ и луна, вращаясь вокругъ земли, въ то-же время поворачивается и вокругъ своей оси, и вслѣдствіе этого намъ вѣчно виденъ одинъ и тотъ-же лунный ликъ, эта ладонь луны, тогда какъ тыла ея не видѣлъ глазъ земного жителя.

Въ грезахъ Кеплера все это было уже вполне ясно.

Противъ внутренней стороны луны плыветъ никогда не заходящее громадное свѣтило, названное по непрерывному поворачиванію вокругъ своей оси Вольва: земля. Зрителю съ центра внутренней стороны луны она кажется гигантскимъ шаромъ въ зенитѣ; кто-же смотреть съ краевъ луны, тотъ видитъ ее на горизонтѣ въ видѣ отдаленнаго раскаленнаго купола. Въ настоящее время можно оспаривать это «раскалываніе», такъ какъ, вѣроятно, луна окружена лишь очень небольшою воздушною оболочкой, которая едва-ли можетъ разливать огонь зари. Кеплеръ же, несмотря на нѣкоторое сомнѣніе, не видѣлъ прямого основанія отрицать эту атмосферу. Поэтому онъ допускаетъ, что на отвращенной отъ земли сторонѣ Леванія, пятнадцатидневная ночь которой не знаетъ ни солнечнаго свѣта, ни свѣта освѣщенной Вольвы, все сковано льдомъ и снѣгомъ подъ «свирѣпыми, ледяными вѣтрами».

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда впервые было принято мнѣніе, что луна лишена воздуха совсѣмъ, или почти совсѣмъ, категорично отвергли бы и ледъ. Безъ воздуха и безъ воды — гласилъ жесткій тезисъ. Но замѣчательно, что подобные догматы всегда качаются маятнικοобразно. Въ настоящее время опять имѣется цѣлый классъ астрономовъ, которые вѣрятъ въ ледъ на лунѣ. Иначе они не находятъ объясненія, почему нѣкоторые мѣста луны такъ предательски блестятъ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ другія. Отчасти это глубокія впадины почвы, т. е. мѣста, гдѣ вѣроятно всемо могла бы скопляться вода, если-бы она существовала на лунѣ даже въ незначительномъ количествѣ. Отчасти же это верхушки высокихъ горъ; само по себѣ трудно понять, почему они должны всегда содержать болѣе свѣтлыя вещества,—мраморъ, что-ли,—чѣмъ окружающія ихъ плоскія мѣ-

ста; между тѣмъ по земнымъ понятіямъ ближе всего было-бы предположить, что они просто одѣты въ снѣжныя шапки, какъ наши Чимборазо, Монбланъ. Такое наслоеніе льда, именно, на большихъ высотахъ, (а лунныя горы большею частью чрезвычайно высоки), опять-таки вызываетъ необходимость присутствія воздушной оболочки, которая одна только могла-бы обусловливать разницу температуры вверху и внизу. Но вѣдь въ настоящее время и не утверждается абсолютное отсутствіе воздуха на лунѣ: за «немного» воздуха говорить цѣлый рядъ признаковъ,—только его должно быть тамъ несравненно меньше, чѣмъ на землѣ, хорошо укутанной толстымъ воздушнымъ покровомъ.

Вернемся, впрочемъ, съ нашимъ сновидцемъ къ земной сторонѣ луны.

Вотъ оно, это яркое небесное свѣтило, — Вольва. Она вращается и показываетъ смѣняющіяся пятна своихъ странъ и морей.

Здѣсь, на землѣ, мы говоримъ про «фигуры на лунѣ», сказки всѣхъ народовъ рассказываютъ о нихъ. Теперь мы на самой лунѣ, и вотъ на землѣ тоже оказывается фигура. Земля двулична, конечно, такъ какъ въ теченіе сутокъ бываютъ видимы обѣ ея стороны. Кеплеръ показываетъ намъ, какъ выглядятъ эти лики.

Освѣщено восточное полушаріе. Видно «изображеніе человѣческой головы, отрубленной по плечи; къ ней склоняется съ поцѣлуемъ дѣвушка въ длинномъ одѣяніи и манитъ вытянутой назадъ рукой вскакивающую кошку». Западное полушаріе показываетъ колоколъ, висящій на веревкѣ и покачивавшійся къ западу. Южныя части при этомъ умалчиваются, «потому что Магелланова земля, которая тянется далеко на югъ, еще неизвѣстна и должна простираться на оба полушарія, какъ Новаго, такъ и Старога свѣта».

Между этихъ строкъ читатель видитъ нѣчто и изъ другого слоя человѣческихъ знаній того времени. Фантазія Кеплера водружаетъ ихъ знамя уже на лунѣ. Какъ на побѣжденное царство, онъ смотритъ сверху на старую землю, Вольву. Но тутъ-то и выступаетъ, вдругъ, слабость земной географіи,—не мало предстояло работы, чтобы точно опредѣлить хотя бы вѣншее очертаніе самой земли.

Изображеніе отрубленной головы даетъ, очевидно, сѣверная Африка: выпуклость темени приходится на западъ около Зеленаго мыса, лицо обращено къ Европѣ, кончикъ носа около Гибралтара, подбородокъ — Тунисъ. Бюстъ грубо очерченъ восточнымъ берегомъ за Мадагаскаромъ.

Потомъ, дѣвушка, прижимающая кончикъ носа великану — Европа: Испанія—голова, Италія—одна рука, Англія—другая; кошка—Скандинавскій полуостровъ.

Картину качающагося колокола давала конечно грубо очерченная Южная Америка. Въ землѣ Магеллана неявно сливались существующая въ дѣйствительности Австралія и сказочныя южныя области.

О величественныхъ сверкающихъ полярныхъ льдахъ Кеплеръ не упоминаетъ ни словомъ. А между тѣмъ это должны быть самыя яркіе об-

екты всей картины,—объекты, которые должны быть доступны для наблюденія при небольшомъ увеличеніи и весьма далеко въ планетныхъ пространствахъ. На Марсѣ, къ которому земля очень близко подходитъ по физическимъ свойствамъ, оказались, когда стали его наблюдать съ помощью даже не очень хорошихъ телескоповъ, поразительно отчетливыя полярныя бѣлыя пятна, измѣнчивыя по интенсивности.

Вотъ что видно съ луны. Что же дѣлается на ней самой?

Спрашивая такъ теперь, мы сейчасъ же воображаемъ себѣ какую-нибудь изъ нашихъ лунныхъ картъ во многихъ листахъ, объемомъ съ добрый атласъ, съ безчисленными подробностями,—кратеры, долины, горы, системы лучей, бороздки—плодъ безмѣрнаго усердія ученыхъ; во имя его скромные работники клали всю свою жизнь. За этими картами мы видимъ и ихъ необходимые атрибуты—кунолы обсерваторій, великолѣпные инструменты, ночь въ ночь стерегущіе луну цѣлымъ кольцомъ неослабно бдительныхъ осадныхъ орудій; тѣ, наконецъ, гигантскія пушки, которыя поставлены недавно американцами въ прозрачныхъ сферахъ высотъ Скалистыхъ горъ и Андовъ. Гдѣ все это было во времена Кеплера!

Были, правда, обсерваторіи, славившіяся во всемъ мірѣ. Кеплеръ учился, какъ сказано, у Тихо Браге. Это было въ Прагѣ. Но прежде чѣмъ старый Фаустъ, Тихо, пріѣхалъ въ Прагу, онъ велъ чисто сказочную для своего времени жизнь астронома высокаго полета. Фридрихъ II датскій подарилъ ему островъ Гуанъ въ Зундѣ, и на этомъ-то островѣ выросъ подъ руководствомъ Тихо всемірно извѣстный Ураниенбургъ, — наблюдательныя башни, лабораторіи, типографія, бумажная мельница, и наконецъ цѣлый астрономическій поселокъ, надъ которымъ нехмельющій датчанинъ съ серебрянымъ носомъ стоялъ, какъ маленькій король. Только въ 1597 году Тихо, оклеветанный и въ ссорѣ со дворомъ, уѣхалъ изъ Гуана въ Прагу, послѣ чего Ураниенбургъ распался въ романтическія руины. Ровно десять лѣтъ спустя былъ построенъ первый телескопъ.

Въ этомъ сказочномъ Ураниенбургѣ съ его двумя башнями высотой въ 75 футовъ, гдѣ были сдѣланы великолѣпныя наблюденія надъ Марсомъ, послужившія впослѣдствіи Кеплеру основой его первыхъ двухъ планетныхъ законовъ, — работали безъ увеличительной трубы! И даже первоначальный текстъ Кеплероваго «Сна» написанъ въ то время, когда Кеплеръ и не предчувствовалъ даже возможности телескопа.

Смотря простымъ глазомъ на луну, въ наши дни наблюдатель, даже не специалистъ, узнаетъ болѣе или менѣе заученную картину.

Въ пятнахъ и морщинахъ онъ видитъ ямы и зубцы обожженныхъ шлаковъ. Громадныя углубленія — морскіе бассейны, лишённые, однако, воды. Груды обломковъ, изборожденная и просверленная вулканами кора, переставшая теперь содрогаться. Все околѣло и мертво, всюду жуткое опустошеніе съ рѣзкими контрастами высоты и глубины. Мы «видимъ» все это потому, что всѣмъ намъ приблизительно извѣстно, какъ видна эта исторія въ телескопѣ. Для людей же, не имѣвшихъ никакихъ телескоповъ, дѣло было совсѣмъ не такъ ужъ очевидно.

Уже древнія изслѣдованія освободились отъ сказки о лунномъ дискѣ и признавали свѣтлый дискъ за вращающееся небесное тѣло. Но какъ попали пятна на это тѣло,—и тогда было спорнымъ вопросомъ.

По одному представленію, нѣсколько неопытному, считалось, что луна отъ природы зеркально блестяща, а пятна объяснялись, какъ настоящія грязныя пятна, какъ осадокъ копоти изъ земныхъ испареній, которыя тянулись вверхъ и тамъ осаждались. Древній Плиній, сдѣлавшій это сообщеніе, не зналъ, конечно, чада современныхъ большихъ городовъ; иначе онъ прежде всего счелъ бы его причиною загрязненія луны. Но тотъ же самый Плиній, къ концу своей жизни натуралиста, задохся во время сильнаго изверженія Везувія въ 79 году послѣ Р. Хр. въ пепельномъ дождѣ, которымъ была засыпана Помпея. На печальномъ собственномъ опытѣ онъ испыталъ колоссальнѣйшую форму развитія дыма на землѣ. Да и въ наши дни, напр., вулканъ Кракатау, вспыхнувшій вълѣдствіе притока морской воды, насытилъ частицами золы всю земную атмосферу до высочайшихъ ея слоевъ, что и вызвало нѣкоторыя оригинальныя явленія при зоряхъ.

Но, чтобы достигнуть луны, не достаточно страшной силы величайшаго вулкана, даже если бы онъ разорвался, какъ паровой котель. Земная зола и копоть не доходятъ до луны такъ же, какъ лунные вулканы не посылаютъ намъ своихъ камней. Последнее, впрочемъ, тоже допускалось въ то время когда впервые было удостовѣрено, что такъ называемые метеориты падаютъ съ неба. Теперь же мы знаемъ, что такіе метеориты въ безчисленномъ множествѣ носятся во всей планетной системѣ, образуютъ наши падающія звѣзды и, можетъ быть, главную составную часть кометъ,—словомъ совсѣмъ не играютъ роли какихъ-то продрозостныхъ бомбъ, выбрасываемыхъ изъ лунныхъ кратеровъ, а имѣютъ гораздо болѣе широкое значеніе въ міровой жизни.

Другая античная теорія лунныхъ пятенъ отличается какъ разъ, наоборотъ, нѣжностью и изяществомъ: она принимала, что сверкающій серебромъ дискъ свѣтила отполированъ абсолютно гладко,—такъ гладко, что *отражаетъ* землю, проходя мимо нея, въ видѣ пятенъ. Лунныя пятна должны быть просто отраженія земныхъ морей: Средиземнаго моря, Атлантическаго и Индійскаго океана. Но такъ какъ эти пятна, наблюдаемыя даже простымъ глазомъ, при самомъ пылкомъ желаніи не похожи на наши моря, то очевидно въ тѣ времена не очень то были свѣдущи по части земной географіи, разъ возникла такая мысль. И идея, будто луна служить туалетнымъ зеркаломъ для земли, исчезла задолго еще до Кеплера такъ же незамѣтно, какъ и та, которая считала луну ея мусорнымъ ящикомъ.

Третье, и несомнѣнно лучшее изъ античныхъ представленій о лунѣ, имѣется у Плутарха, т. е. отъ временъ Траяна.

Пятна объясняются отчасти, какъ настоящія тѣни высокихъ лунныхъ горъ, частью какъ сѣрыя морскія поверхности, слабѣе отражающія свѣтъ. Такъ же, какъ величественный мраморный конусъ Аѳонской горы бросалъ свою тѣнь черезъ всю лазурь греческаго моря до острова Лемноса, такъ

и тѣни лунныхъ горъ должны затемнять обширныя пространства. Случаю угодно было, однако, чтобы данное, въ высшей степени глубокомысленное сочиненіе Плутарха, было извѣстно Кеплеру въ тѣ времена, когда онъ писалъ свой «Сонъ», далеко не вполне. Мысль, что сѣрые области луны должны представлять собою моря, а свѣтлыя—гористыя мѣста, казалась ему даже не правильною, такъ какъ, поднимаясь въ Грацѣ на гору, онъ замѣтилъ, что при солнечномъ свѣтѣ суша кажется сверху темнѣе, а рѣки свѣтлѣе. Гораздо позже только онъ оставилъ это мнѣніе. Кстати замѣтить, этотъ спорный вопросъ вновь пріобрѣлъ значеніе при объясненіи свѣтлыхъ, красножелтыхъ и темныхъ, сѣроватосинихъ областей на поверхности Марса; хотя до сихъ поръ астрономы не могли ни на чемъ сойтись, но большинство считаетъ красноватыя пятна за сушу, а темныя или дѣйствительно за воду, или за густую растительность.

Во всякомъ случаѣ Кеплеръ никѣмъ кромѣ себя самого не руководствовался и, по крайней мѣрѣ, когда заговорилъ о лунныхъ горахъ, то это было не повтореніе Плутарха, а собственное новое открытіе. «Хотя всѣ Леванія,—читаемъ у него—имѣютъ въ окружности всего около 1400 нѣмецкихъ миль, т. е. всего четвертую часть земли, но на ней имѣются очень высокія горы, очень глубокія и крутыя долины, и въ смыслѣ округленности она стоитъ сильно позади земли. Мѣстами она совершенно скважиста и повсюду испещрена ямами и впадинами».

Дальше рѣчь идетъ о лунныхъ жителяхъ, — какъ они, особенно на отвращенной отъ земли сторонѣ, спасаются въ пещерахъ отъ ужаснаго контраста между пятнадцатидневнымъ непрерывнымъ солнечнымъ зноємъ и пятнадцатидневной ледяной ночью. Повидимому, эта послѣдняя мысль отчасти служила первымъ толчкомъ къ открытію повсемѣтнаго продыравленія лунной поверхности. Но какъ красиво подходитъ къ границамъ дѣйствительнаго это фантастическое представленіе — не о лунныхъ жителяхъ, проблематичныхъ какъ тогда, такъ и теперь, а объ этихъ «пещерахъ», съ которыми мы связываемъ теперь представленіе о безчисленныхъ кратерахъ.

На счастливую долю Кеплера выпало, хотя и *послѣ* окончанія «Сна» дожить до необычайнаго событія: *открытія телескопа*.

Въ книжкѣ разсказывается и объ этомъ, — и, по моему, это самое чудное мѣсто въ ней; читая его, чувствомъ переживаешь священный моментъ человѣческой культуры. Я уже упоминалъ, что первоначальный текстъ „Сна“, а слѣдовательно и тѣ мѣста, гдѣ говорится о ямахъ, въ которыхъ скрываются лунныя чудовища отъ стужи и жары, — были уже написаны около 1609 года. Гораздо позже прибавлены примѣчанія. Замѣтимъ это. Въ нихъ сдѣлано слѣдующее характерное признаніе: „Здѣсь (т. е. относительно обитаемыхъ лунныхъ пещеръ) умъ, лишенный всякихъ свидѣтельствъ глаза, руководствовался самъ собою. Но если бы я зналъ тогда, что на лунѣ такъ много глубокихъ полостей, какъ это обнаруживаетъ труба Галилея, или если бы я читалъ сказаніе Плутарха о гротѣ Гекаты, то, мнѣ кажется, я смѣлѣе написалъ бы эти слова“. Теперь, слѣ-

довательно, онъ прочелъ всего Плутарха. Но это не важно. Въ этотъ періодъ времени произошелъ болѣе великій, существенный—міровой переворотъ. Онъ связанъ съ именемъ Галилея.

1609 годъ, когда Кеплеръ кончалъ свой «Сонъ», приходился на лучшую часть жизни Галилея: такъ и не выясненная трагедія конца его жизни была еще далеко впереди. Глаза были сильны, духъ стремился къ высокому. Онъ занималъ катедру въ Падуѣ, гдѣ его охраняли венеціанцы, и съ этой то катедры вскорѣ пролился свѣтъ на весь образованный міръ. Одинъ изъ самыхъ яркихъ лучей,—тѣхъ лучей, которые появляются разъ въ нѣсколько столѣтій, вспыхнулъ весной 1610 года.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того Галилей получилъ черезъ Парижъ извѣстіе о какомъ то таинственномъ инструментѣ, который былъ изобрѣтенъ въ Голландіи. Это былъ телескопъ, появившійся внезапно и мистически, какъ бы съ того свѣта. До сихъ поръ точно неизвѣстно, кто первый сложилъ его. Легенда рассказываетъ, будто дѣти, играя, разставляли отшлифованныя стекляныя чечевицы одну за другой, и отецъ обратилъ вниманіе на это. Но все-таки неизвѣстно, кто такой этотъ находчивый отецъ. Достаточно того, что инструментъ былъ данъ. Но только въ рукахъ Галилея онъ открылъ новый міръ.

Такого извѣстія было достаточно для Галилея, искуснаго и въ ремеслѣ: онъ самъ установилъ въ свинцовой трубѣ рядъ стеколъ, и черезъ короткое время сенатская комиссія въ Венеціи могла убѣдиться съ колокольни св. Марка въ силѣ новой волшебной трубы.

Публика познакомила съ нею изъ драгоценной брошюры Галилея «*Sidereus nuncius*» (Звѣздный Вѣстникъ)—и весьма обстоятельно. Въ эти первыя ночи свинцовая труба совершила цѣлый небесный походъ, предъ которымъ скромно должны были отступить невооруженные глаза всѣхъ звѣздныхъ наблюдателей, отъ временъ халдейскихъ и до Коперника, Тихо и Кеплера.

Были открыты спутники Юпитера, — планетная система въ миниатюрѣ; это открытіе было чрезвычайно важно для юнаго ученія Коперника. Млечный путь превратился въ скопленіе тѣсно скученныхъ звѣздъ, и такимъ образомъ былъ разрѣшенъ спорный вопросъ, возникшій еще при Демокритѣ и Аристотелѣ. Въ созвѣздіи Плеядъ священное число семь замѣнилось сразу сорока отдѣльными звѣздами. Еще недолго—и Галилей увидѣлъ пятна на солнцѣ и доказалъ, что Венера имѣетъ такія же фазы (напр. въ видѣ серпа), какъ и луна. Наконецъ, онъ увидѣлъ нѣчто совершенно непостижимое, какіе то отростки, или ушки на изтари знакомомъ Сатурнѣ, — позже только выяснилось, что это была знаменитая большая система колецъ Сатурна. О лунѣ же и Кеплеръ, который долго переписывался съ Галилеемъ, и всякій, кто хотя бы косвенно интересовался въ то время астрономіей, прочли въ «Звѣздномъ Вѣстникѣ» разрѣшительное слово: дѣйствительно были лунныя горы, были бросающіе тѣнь зубчатые края надъ углубленіями,—словомъ, луна впервые явилась въ тѣхъ приблизительно очертаніяхъ, къ которымъ мы привыкли.

Ни одно открытіе не взволновало такъ Кеплера, до самой глубины его фантазіи, какъ это. Вскорѣ въ его рукахъ тоже была труба, и онъ могъ наблюдать. Онъ мучился и волновался, какъ искатель клада, который всю жизнь прожилъ одной мыслью—о кладѣ, который сотни разъ видѣлъ во снѣ блескъ золота и, вдругъ, глухою ночью, при блѣдномъ свѣтѣ, дѣйствительно стоитъ передъ кладомъ и видитъ воочию бывшія грёзы.

Послѣднія страницы книги, прибавленныя позже, иллюстрируютъ это въ живыхъ чертахъ.

Теперь дѣйствительность опередила всѣ теоріи. Нѣкогда умъ во снѣ «открылъ» на лунѣ убѣжища для сказочныхъ ея обитателей. Онъ представлялъ себѣ тогда змѣевидныхъ чудовищъ, то выползающихъ на солнце изъ своихъ норъ, то снова ускользящихъ въ прохладныя пропасти,—это была игра блуждающей мысли. Теперь, наоборотъ, онъ видитъ ямы въ дѣйствительности,—пропасть за пропастью, кругъ около круга, вся лунная поверхность продырявлена, какъ рѣшето, въ такой степени, какая казалась безуміемъ для самой безудержной фантазіи.

Ничего удивительнаго, что послѣ этого у Кеплера измѣнился ходъ мыслей. Съ полной серьезностью онъ поставилъ теперь вопросъ, не слѣдуетъ ли для научнаго объясненія возникновенія этихъ правильныхъ круглыхъ образованій допустить дѣйствительное существованіе лунныхъ обитателей. Теперь уже, впрочемъ, это были не драконовы пещеры, а произведеніе разумныхъ, челоуѣкоподобныхъ существъ.

Въ текстѣ «Сна» нѣтъ объясненій этого. Книга заканчивается просто порывомъ бури, которая будитъ спящаго. Разсказывавшій демонъ,—говорится тамъ,—и другіе, съ закутанными головами, превратились въ меня самого, и я очнулся съ головой на подушкѣ, закутанный въ одѣяло.

Новая же теорія одаренныхъ разумомъ, занятыхъ сознательной дѣятельностью лунныхъ людей, инспирированная подзорной трубой, была записана лишь въ двадцатыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія въ формѣ приложеннаго къ книгѣ письма и перечня твердыхъ положеній безъ всякой примѣси шутокъ.

Наиболѣе интересно слѣдующее мѣсто: «Тѣ впадины на лунѣ, которыя впервые наблюдалъ Галилей, соответствуютъ, какъ я доказываю, главнымъ образомъ пятнамъ, т. е. углубленнымъ мѣстамъ плоской поверхности, подобно нашимъ морямъ. Но по виду этихъ впадинъ я заключаю, что это мѣста болотистыя. И въ нихъ эндиміониды (лунные жители) отмѣриваютъ пространства для укрѣпленныхъ городовъ, для защиты какъ отъ болотной сырости, такъ и отъ солнечнаго зноя и, можетъ быть, отъ враговъ. Способъ сооруженія слѣдующій: въ серединѣ укрѣпляемаго мѣста они вколачиваютъ столбъ, къ столбу привязываютъ канаты,—длинные или короткіе, смотря по вѣстимости будущей крѣпости; длинный равняется пяти нѣмецкимъ милямъ. Съ прикрѣпленнымъ такимъ образомъ канатомъ они бѣгутъ къ окружности будущаго вала, обозначаемого концомъ каната. За-

тѣмъ они собираются массами для возведенія вала; ширина рва равняется не менѣ одной нѣмецкой мили; матеріалъ для насыпки вала они берутъ въ однихъ городахъ лишь съ внутренней стороны, въ другихъ же дѣлаютъ двойной валъ съ глубокимъ ровомъ посрединѣ. Каждый валъ смыкается, образуя кругъ, такъ какъ возводится на одинаковомъ разстояніи конца каната отъ столба. Такимъ образомъ получается не только достаточно глубокій ровъ кругомъ, но и родъ садка въ центрѣ города, а по всей окружности возвышается валъ изъ вырытаго матеріала; переносить землю изъ рва къ центру, разстояніе было бы слишкомъ далеко. Во рву скопляется влага болотной почвы, которая поэтому осушается; когда ровъ наполненъ водою, онъ становится судоходнымъ, когда онъ высыхаетъ, то имъ можно пользоваться, какъ дорогой. Такимъ образомъ, когда солнце становится тягостно для жителей, тогда находящіеся въ центрѣ стягиваются въ тѣнь наружнаго вала, а тѣ, которые живутъ внѣ центра, въ отвращенной отъ солнца части рва, возвращаются въ тѣнь внутренняго вала. Такъ они слѣдуютъ за тѣнью въ теченіе пятнадцати дней во время постоянной засухи и, переходя съ мѣста на мѣсто, переносятъ жару.

Какъ видно, это настоящіе лунные города, главная цѣль которыхъ, впрочемъ, направлена на нѣчто такое, чему мы на землѣ не придаемъ особаго значенія: на образованіе тѣни во время полумѣсячнаго, непрерывнаго зноя.

Современный читатель улыбается этому, какъ дѣйствительно забавной вещи.

А между тѣмъ, въ сущности, остроуміе Кеплера замѣчательно, и если мы обратимся къ его методу, то окажется, что онъ разсуждалъ почти такъ же, какъ разсуждали бы и должны были бы разсуждать нынѣшніе ученые, встрѣчаясь съ новыми фактами. Изъ его изложенія мы встрѣчаемъ слѣдующій въ высокой степени логичный ходъ мыслей.

Предъ нимъ была луна, покрытая чрезвычайно странными образованіями правильной круглой формы. Является вопросъ: могли ли эти образованія возникнуть «естественнымъ образомъ»? Кеплеръ спрашиваетъ: что мы называемъ «естественно возникшимъ»? Вотъ предметъ, въ расположеніи частей котораго мы замѣчаемъ извѣстную правильность. Возможны два случая: эта правильность могла возникнуть «естественно» (въ обычномъ смыслѣ слова) или же въ образованіи ея принималъ участіе разумъ. «Если», говоритъ Кеплеръ, «причина этой правильности не можетъ быть выведена изъ того, что столь правильнымъ образомъ организовано, ни изъ движенія составныхъ частей, ни изъ природы матеріала, то въ высшей степени вѣроятно, что своимъ возникновеніемъ правильность эта обязана причинѣ, одаренной разумомъ».

Примѣромъ естественно возникающей правильности могъ бы служить полетъ ружейной пули: «Прямая линія есть нѣчто правильное; свинцовая пуля, выбрасываемая изъ ружья, быстро движется по прямой линіи; это движеніе не зависитъ ни отъ какого разума, оно вытекаетъ

какъ слѣдствіе изъ неоспоримой матеріальной необходимости. Ибо матерія пороха, содержащая селитру, воспламенившись, сгораетъ и выталкиваетъ пулю, которая сопротивляется расширенію, и такъ какъ при томъ она сопротивляется на всемъ протяженіи желѣзной трубки, то этимъ насильственнымъ давленіемъ и вызывается прямолинейное движеніе. Въ органической жизни тоже имѣются такіе примѣры естественнаго происхожденія, думаетъ Кеплеръ, и приводитъ нѣкоторые примѣры изъ современной ему естественной исторіи.

Въ противоположность имъ, такіе органическіе факты, какъ повтореніе числа пять въ частяхъ цвѣтка, думаетъ онъ, нельзя уже считать «естественными» въ обычномъ смыслѣ, они не могутъ вытекать изъ «природы матеріала», они должны возникать съ помощью творческой силы, которой нужно приписать „понятіе числа и разумъ“.

Противъ этого примѣра современный дарвинистъ возразилъ бы. Но изъ него видно, чего Кеплеръ хочетъ. И совершенно понятно примѣненіе этого къ лунѣ.

«Въ главныхъ чертахъ,—говоритъ онъ съ прозрачною ясностью,—на поверхности луны господствуютъ при распредѣленіи высокихъ и низкихъ частей,—случай и обусловленная матеріаломъ необходимость. Земля отслаивается отъ подземныхъ твердыхъ породъ, долины вымываются, образуются горы, воды стекаютъ въ нижележащія области и удерживаются тамъ въ равновѣсіи вслѣдствіе стремленія всѣхъ частей къ центру луны. Но въ пятнистыхъ частяхъ луны, въ правильно круглыхъ впадинахъ и въ порядкѣ ихъ или въ извѣстной равномерности промежутковъ видно нѣчто искусственное, сдѣланное архитектурнымъ разумомъ. Ибо безъ его помощи, вслѣдствіе одного только элементарнаго движенія, такая форма круга не можетъ выйти... Слѣдовательно, мы можемъ, очевидно, заключить изъ вышесказаннаго, что на лунѣ имѣются живыя существа, настолько одаренныя разумомъ, чтобы создавать столь правильныя сооруженія, хотя бы размѣры ихъ тѣла были совершенно ничтожны въ сравненіи съ размѣрами лунныхъ горъ. Такъ же и на землѣ люди, хотя не дѣлаютъ горъ и людей, (Ксерксы и Пероны рѣдки, да и сооруженія ихъ нельзя сравнить съ натуральными горами и морями), но строятъ города и замки, въ которыхъ видны порядокъ и художественное чувство».

Что лунные жители, —если они существуютъ,—въ состояніи строить именно такія гигантскія сооруженія, подкрѣпляется еще однимъ соображеніемъ, прямо уже дарвиновскимъ: лунные люди точно соответствуютъ по силамъ своей планетѣ, совершенно такъ же, «какъ у насъ бываетъ обыкновенно, что люди и животныя приспособляются къ природѣ своей страны или провинціи!»

Кеплеръ стоялъ передъ луной. Мы стоимъ теперь передъ гораздо болѣе отдаленнымъ небеснымъ тѣломъ и примѣняемъ тотъ же до мельчайшихъ подробностей методъ. Я подразумеваю разгадку Марса.

Какъ извѣстно, красноватыя области Марса, т. е. по принятому мнѣ-

нію, его суша, испещрены удивительною сѣтью математически правильныхъ линій, такъ называемыхъ «каналовъ». Въ этихъ каналахъ все говоритъ противъ грубо «естественнаго» объясненія въ смыслѣ Кеплера. Все говоритъ за участіе въ сооруженіи интеллигентнаго существа, за правильность не въ смыслѣ полета пули, толкаемой пороховымъ газомъ, а въ смыслѣ дѣла мысли, исходящаго отъ думающаго мозга. Самые скептическіе изъ нынѣшнихъ астрономовъ указываютъ на людей Марса, устроившихъ эту сѣть кратчайшихъ соединеній и строго математическихъ линій (будь то дѣйствительно водные каналы или какого-либо рода воздѣланные участки въ пустынной области). Не разсужденіе ли это Кеплера, только перенесенное на Марсъ!

Величіе мысли Кеплера, представить которое мы сдѣлали попытку, не уменьшится, если мы скажемъ, что, несмотря на всю свою логику, въ данномъ случаѣ онъ ошибся.

Кольцевые валы видимой съ земли стороны луны по всей вѣроятности вовсе не города таинственныхъ человѣкоподобныхъ обитателей. Самая посылка Кеплера неправильна. Его «круглыя» образованія—все, только не математически совершенные круги, которые показывала его плохая труба. Что казалось ему идеально красивыми валами въ укрѣпленіяхъ, то оказалось въ сущности пустынными образованіями съ зубцами сверху и тысячами неправильностей съ боковъ.

Выводъ, къ которому мы должны неизбежно прійти относительно Марса, придерживаясь вполнѣ хода мысли Кеплера, по отношенію къ лунѣ не имѣетъ никакихъ основаній, разъ мы внимательнѣй разсмотримъ современную лунную карту.

При всемъ томъ надо сказать, что и теперь мы не знаемъ точно, что такое въ дѣйствительности эти кольцеобразныя образованія.

Дѣйствительно ли это погасшіе вулканы, какъ указывается категорически въ учебникахъ?

Кеплеръ сравниваетъ въ своемъ сочиненіи нѣкоторыя впадины на лунѣ съ жерломъ и приводитъ для сравненія кратеръ Этны. Такимъ образомъ онъ подошелъ довольно близко къ позднѣйшей теоріи. Эта теорія была несомнѣнно большимъ успѣхомъ. Она сводила странныя круглыя образованія не къ человѣческимъ сооруженіямъ, а къ несомнѣнно «естественному», къ извѣстной на землѣ формѣ вулкана. Но справедлива ли она?

Чѣмъ больше изучается форма луннаго кратера, тѣмъ дальше онъ отходитъ отъ вида земного кратера. Дѣйствительно, масса крохотныхъ конусовъ на лунѣ похожи съ виду на наши вулканы. Но за то большіе покатыя валы совсѣмъ не похожи. Эти покатоности переходятъ постепенно въ колоссальныя углубленія такъ называемыхъ «морей». Все это тоже вулканическаго происхожденія?

Земная, по крайней мѣрѣ, аналогія прекращается, а вѣдь отъ нея въ сущности зависитъ все.

Въ новѣйшей астрономіи встрѣчаются взгляды гораздо смѣлѣе. Не являются ли лунныя углубленія, отъ небольшихъ долинъ до гигантскаго

«Маре» (безводный бассейнъ вмѣстимостью въ море) слѣдствіемъ низверженія массъ, падавшихъ сверху,—массъ, обрушившихся, можетъ быть, въ то время, когда луна не дошла еще до полного затвердѣнія? Можно представить себѣ такую картину. Земля имѣла не одну луну, а кольцо изъ вращающихся на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи тѣлъ. Наблюдаемое въ настоящее время кольцо Сатурна, которое, какъ теперь почти достоверно извѣстно, состоитъ изъ множества маленькихъ частицъ, представляетъ примѣръ этого рода. Постепенно маленькіе спутники сливались. Первоначально образовался стойкій центръ—«Луна». Затѣмъ продолжались паденія на нее, пока она не забрала всѣхъ «маленькихъ спутниковъ», предполагая, что вокругъ насъ не вращается еще какой нибудь неоткрытый спутникъ. Послѣднія паденія на луну должны были произвести въ податливой массѣ луны видимыя теперь впадины. Этому могла способствовать и вулканическая дѣятельность луны внутри, производя маленькіе истинные «кратеры», какъ маленькія норки крота между гигантскими вдавленными полостями...

Достаточно, впрочемъ, иллюстрацій того, до какой степени мы еще не вошли на «гору».

На лунную гору!

Еслибы Кеплеръ былъ среди насъ, онъ улыбнулся бы,—той самой улыбкой и лукавства и смиренія. И сказалъ бы намъ, что хотя безусловной достоверности нѣтъ нигдѣ, но нужно одно: непоколебимо, смѣло идти впередъ, вооружившись логикой, этой Прометеевой искрой человѣческаго духа.

Къ этому я прибавлю: нужно и еще нѣчто, безъ чего всякая наука остается, по Фаусту, простымъ «животнымъ скелетомъ и мертвой костью». — примиреніе въ духѣ Кеплера, великій миръ между изслѣдованіемъ и фантазіей, «сонъ въ жизни», познаніе внутренней священной гармоніи во всей разрозненности «дѣйствительнаго».

Е. В. Анничковъ.

Новые образы и старыя мнѣнія.

„На днѣ“ Максима Горькаго и современная драма.

I. Возрожденіе трагизма въ современной драмѣ—„Нора“ на нѣмецкой сценѣ въ 1882 г.—«Дама съ камеліями» или «Элиза» Гонкура?—II. О скукѣ жизни и о театрѣ Станиславскаго.—Отъ „Мѣщанъ“ обратно къ „бывшимъ людямъ“.—Символизмъ или тенденція?—III. Развѣтіе дѣйствія въ драмѣ „На днѣ“.—Участіе въ немъ „утѣшительной лжи“ Луки.—Значеніе четвертаго акта.—Кто герои пьесы?—Міро-созерцаніе „голаго человѣка“ и теоріи трагизма Шоппенгауера.—IV. „Картины“, „сцены“ или трагедія?—Нитишанство Сатина и исканіе смысла жизни.

Среди толковъ и пересудъ, то восторженныхъ, то враждебныхъ, которыя вызвала новая драма М. Горькаго, какъ то совѣтъ почти и рѣчи не заходитъ о самомъ искусствѣ о чисто артистическомъ значеніи этого произведенія.

А между тѣмъ появленіе «На днѣ» прежде всего—событіе въ исторіи русскаго драматическаго искусства. Много ли пьесъ выдерживало у насъ подрядъ столько представленій? Часто ли случалось, чтобы новая драма вызывала одновременно и такой сильный, чисто литературный интерес? И мало этого. Драма «На днѣ» есть едва ли не первая русская драма, немедленно послѣ своего выхода въ свѣтъ поставленная и на западныхъ сценахъ. Русскій театръ жилъ вѣдь до сихъ поръ довольно замкнутой жизнью. На Западѣ имъ почти не интересовались. И это даже послѣ того, какъ русскій романъ отвоёвалъ себѣ огромное значеніе въ литературѣ всего міра, сдѣлался могучимъ двигателемъ въ художественномъ творествѣ и Германіи, и Франціи, и Италіи. Правда, «Власть Тьмы» Толстого уже давали кое-гдѣ въ передовыхъ театрахъ Запада. Но, именно, въ Германіи, гдѣ теперь съ такимъ успѣхомъ прошло не мало представленій «На днѣ», еще всего два, три года тому назадъ драматическіе дѣятели увѣряли въ одномъ опросившемъ ихъ на этотъ счетъ журналѣ, что драма вовсе не дѣло русскихъ, что ея законы чужды основнымъ принципамъ русской художественной литературы, что отнюдь не изъ Россіи надо ждать обновляющей струи въ театраль-

номъ искусствѣ. „На днѣ“ такимъ образомъ какъ бы пробила брешь въ твердынѣ недовѣрія нѣмцевъ къ русскому театру. Она проложила новый путь русскаго вліянія на Западъ. Съ нею вновь русская художественная мысль входитъ въ эволюцію международной литературы, ведетъ насъ на праздникъ общечеловѣческаго искусства.

Уже эти соображенія даютъ, мнѣ кажется, достаточное основаніе, чтобы подойти къ разсмотрѣнію новаго произведенія Максима Горькаго съ точки зрѣнія теории и исторіи современной драмы. Поставленная въ перспективѣ всего хода развитія современнаго театра, драма «На днѣ» обнаружитъ всѣ свои основныя, характерныя для нея особенности. И дѣло, конечно, не въ одной Technikѣ, не въ однихъ только приемахъ драматическаго творчества. Рѣчь также идетъ вовсе не о самыхъ подробностяхъ распредѣленія дѣйствія или объ особенностяхъ драматическаго діалога. Среди ихъ разбора широкій читатель естественно чувствовалъ бы себя совершенно чуждымъ. Ему, конечно, показалось бы, будто онъ присутствуетъ въ какой-либо лабораторіи при сложномъ научномъ опытѣ, значеніе котораго онъ не улавливаетъ. Такіе вопросы важны лишь для специалистовъ: историковъ литературы, сценическихъ дѣятелей, теоретиковъ искусства. Но дѣло въ томъ, что, при такомъ чисто артистическомъ отношеніи къ драмѣ ярче, выпуклѣе, отчетливѣе представится всегда и ея идейное содержаніе. Въ области искусства особенности формы неразрывно связаны съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ художественное произведеніе, а отсюда и съ его общимъ культурно-историческимъ или философскимъ значеніемъ. Разсмотрѣвъ драму «На днѣ» съ точки зрѣнія теории и исторіи современнаго театра, мы поѣтому гораздо глубже задумаемся въ истинное значеніе этого произведенія, въ тотъ общественный смыслъ, какой имѣетъ его небывалый успѣхъ.

1.

Для современныхъ драматурговъ — Ибсена, Гауптмана, Метерлинка и Чехова характерны не символизмъ, не своеобразность ихъ приемовъ творчества, не та туманность и осложненность выводимыхъ ими образовъ, которые, такъ сказать, бросаются въ глаза и вызываютъ еще до сихъ поръ столько недоумѣній и нападокъ. Въ созданной ими драмѣ всего важнѣе ея глубоко трагическій замыселъ. Новое искусство возродило трагизмъ въ наиболѣе соответствующей ему драматической формѣ. Трагическимъ замысломъ и отличается современная драма отъ буржуазнаго театра разныхъ Ожье, Дюма, Сарду и проч. властителей сцены въ 70-ыхъ и 80-ыхъ годахъ.

Эта особенность современной драмы сказалась съ самыхъ первыхъ ея шаговъ на сценѣ. Когда впервые въ 1881 году была поставлена въ Германіи «Нора» Ибсена, безысходный, мрачный трагизмъ ея послѣдняго акта показался помѣхой ея успѣху. Театральная дирекція колебалась; ее пугалъ этотъ уходъ Норы изъ лона семьи, эти гордые слова ея: «мнѣ еще надо рѣшить, кто правъ,—общество или я!» Что скажетъ зритель? Какъ приметъ эти слова робкая душа главнаго потребителя театра, зажиточнаго и почтеннаго обывателя? Вѣдь онъ усмотритъ здѣсь потрясеніе основъ, клевету на семейныя отношенія! Развѣ для того пришелъ онъ въ театръ, чтобы видѣть это мятежное возстаніе какой-то легкомысленной женщины противъ его обычныхъ воззрѣній на нравственность? Если даже все это и происходитъ такъ, какъ изображено у Ибсена, если въ обществѣ много лжи и тупого непониманія высшей морали, если жизнь вся пропитана косностью и условностью, то театръ вовсе не долженъ изображать жизнь такою, какъ она есть. Жизнь плоха; что и говоритъ! Но, какъ это справед-

ливо говорилъ теоретикъ драмы Фрейтагъ, нужно, чтобы зритель уходилъ домой «съ гордой радостью отъ сознанія, что міръ, въ который вводитъ насъ театръ, вполне соответствуетъ нашимъ идеальнымъ запросамъ». А вѣдь запросы эти требуютъ, чтобы бракъ былъ святъ, чтобы основы ходячей нравственности были непоколебимы.

И поэтъ «Бранда» согласился измѣнить послѣднюю сцену. Въ этой передѣлкѣ послѣ жестокаго приговора Нору надъ мужемъ онъ спрашиваетъ ее: „А дѣти?“ и открываетъ дверь въ дѣтскую. Нора видитъ кровати дѣтей, рѣшимость покидаетъ ее... И она остается. Бурный протестъ личности, возставшей противъ предвзятостей, дерзнувшей не отступить и передъ нарушеніемъ человѣческихъ законовъ, не привелъ такимъ образомъ ни къ чему. Все осталось по-старому. Нравственный кризисъ съ вѣшной стороны разрѣшился благополучно. Нехотя согласившись на такую замѣну въ катастрофѣ, Ибсенъ писалъ однако по этому поводу актрисѣ, игравшей Нору, что ему все-таки кажется болѣе правдивымъ его первоначальный замыселъ. И онъ оказался правъ. Трагическій конецъ Нору восторжествовалъ и въ театрѣ.

Этотъ маленькій эпизодъ изъ исторіи современной драмы кажется мнѣ въ высшей степени характернымъ; въ немъ такъ наглядно выразилось глубокое различіе этихъ двухъ борющихся до сихъ поръ, различныя школы драматическаго искусства второй половины XIX вѣка: написанной специально для театра, какъ коммерческаго предпріятія, французскія драмы Ожье, Дюма, Сарду и пр., съ одной стороны, и драмы Ибсена, Метерлинка, Гауптмана и Чехова съ другой. Нарожденіе современной драмы есть, именно, прежде всего возрожденіе трагизма. Потрясающій трагизмъ «Призраковъ», «Доктора Штокмана», «Розмергольма» съ неотвратимой силой приковываетъ къ Ибсену вниманіе зрителей. Если маленькія трагедіи Метерлинка, несмотря на предубѣжденіе противъ автора „*Seres chaudes*“, ударили по сердцамъ читателей затаенной жизненной правдивостью своихъ туманныхъ, чуть намѣченныхъ обликѣвъ, то причина этого коренится въ охватывающемъ при ихъ чтеніи ужасѣ жизни. Ужасъ жизни, этотъ основной и властный стимулъ, не позволяющій человѣку окончательно отвернуться отъ вѣчной проблемы о сущности бытія, трепетъ постоянного ощущенія смерти, жгучее и тихое горе человечества,—вотъ, что заставляло читателей съ такимъ жгучимъ интересомъ слѣдить за драмами Метерлинка. И когда предсмертныя галлюцинаціи Ганнеле и подавляющая, безысходная нищета «Ткачей» какъ-то сразу заставили признать въ талантѣ Гауптманна огромную, народившуюся новую силу, то и это объясняется трагизмомъ выводимыхъ имъ образовъ. И развѣ полная какого-то тупого отчаянія скука жизни въ драмахъ Чехова, постепенно, сама собою, преодолевая застарѣлыя литературныя привычки, не заполонила воображеніе читателей и зрителей именно своимъ своеобразнымъ трагизмомъ? Именно, съ той минуты, когда «ноющіе» герои Чехова были признаны фигурами трагическими, ихъ проникновенный, глубокий жизненный смыслъ, властно толкающій впередъ наши мысли и чувства, нельзя уже было замолчать, высмѣять, заглушить...

Трагизмъ въ искусствѣ всегда останется высшей цѣлью художественныхъ стремленій. По той же причинѣ, почему страданіе человѣка, все безконечное разнообразіе его горя и его несчастій будятъ наше сознаніе, бросають его впередъ въ невѣдомыя приключенія утопій, новыхъ системъ жизни, новыхъ нравственныхъ оцѣнокъ и новой правды, и въ области искусства изображеніе горя и страданія стоитъ въ самомъ центрѣ художественныхъ запросовъ, влеченій и исканій. Потому то истинно трагическій образъ всегда неминуемо будетъ говорить нашему воображенію, и траги-

ческий темпераментъ художника никогда не пройдетъ незамѣченнымъ. Образы, навѣвающие надежду и радость жизни, образы, убаюкивающие и благоуханные, очень часто болѣе общаются, чѣмъ даютъ. Въ нихъ нѣтъ того упоенія силой и мощью человѣческаго духа, которыя такъ цѣнили въ трагизмѣ Шиллеръ и Кантъ, и въ нихъ нѣтъ того мятежнаго влеченія къ «вещамъ и призракамъ», которыя обновляютъ усталое и измученное, старѣющее челоуѣчество. Горе «ближняго» заставляетъ ненавидѣть настоящее и полюбить до самоотреченія, до самопожертвованія, «вещи и призраки».

Но въ серединѣ XIX в. трагизмъ ютился укромно далеко отъ сцены въ реалистическомъ романѣ. «Г-жа Бовари» Флобера, его «Сентиментальное воспитаніе», «Assommoir», «Нана», «Débauche» Зола: все это созданія трагическаго генія. Его преслѣдовали на судахъ и въ прессѣ во времена нападокъ на всѣ эти произведенія. И самый общій замыселъ всей серіи Ругонъ Макаровъ, какъ это говоритъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи, есть замыселъ трагическій. Зола, по его словамъ, предчувствовалъ въ концѣ этой «драмы второй имперіи» необходимость паденія Бонапарта, какъ трагическую развязку, неудержимо вытекающую изъ преступленія 2 декабря 1852 г. Самой совершенной и стройной трагедіей, доведенной до полного сходства чуть ли не съ классическимъ театромъ, представляется и «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго, если только позволительно называть трагедіей произведеніе, написанное въ повѣствовательной формѣ. Напротивъ, драма оказалась въ серединѣ XIX в. въ рукахъ театральной антрепризы, и театръ, какъ афера, какъ предпріятіе, убилъ драму въ ея высшемъ трагическомъ проявленіи. Театръ, служившій забавой зажиточному среднему классу, стремился развлекать и нравиться. Онъ естественно долженъ былъ поэтому кроиться по плечу доброму буржуа и своимъ идейнымъ содержаніемъ. Онъ долженъ былъ убаюкивать мѣщанскіе вкусы, быть не умнымъ, а занимательнымъ. Потребитель и законодатель театра самодовольно заявлялъ, что всякое искусство хорошо кромѣ скучнаго, воображая, что вторитъ остроумію Вольтера. И мѣщанскіе вкусы остановили далѣе развитіе исконнаго нѣмецкаго трагизма, въ лицѣ Грильпарцера, Гюцкова и Геббеля шедшаго по пути, указанному Гете и Шиллеромъ. Тщетными остались и усилія Понсара и Казимира де-ла-Винь возродить старый классическій театръ во Франціи. Только совсѣмъ въ сторонѣ отъ широкаго потока обыденнаго лицедѣйства, то тамъ, то сямъ отъ времени до времени возникали попытки трагическихъ замысловъ. Таковы драмы Островскаго временъ «Грозы» и «Бѣдность не порокъ»; таковы драмы Анценгрубера и схожія съ ними нѣкоторыя пьесы нашего малорусскаго театра, вродѣ «Безталанной».

Вотъ почему такъ тщетны были вначалѣ усилія ворваться на сцену «натуралистовъ»: Зола, Гонкуровъ, Бека. Театральная антреприза и чистая публика не хотѣли и слышать о нихъ не только потому, что драма ихъ, какъ выразился Александръ Дюма—сынъ, «не построена, какъ таковая» (*leur drame n'est pas fait*); въ нихъ пугалъ прежде всего потрясающій трагическій замыселъ. И когда уже начнется возрожденіе трагизма, когда, наконецъ, станутъ играть «Коршуновъ» Бека, когда создастся даже трагическая шансонетка, лучшей представительницей которой стала Иветъ Гильберъ, это случится не на заправскихъ сценахъ, а вдаль отъ нихъ, въ особыхъ чисто артистическихъ театрахъ, въ разныхъ Theatre Libre, Independent, Freie Bühne и пр. Далеко отъ театра, какъ антрепризы, созданъ и современный театръ. Метерлинкъ такъ долго оставался вовсе не драматургомъ. Ибсена стали играть въ центральной Европѣ уже на склонѣ лѣтъ, Успѣхъ «Ганнеле» и «Ткачей» заставилъ

недоумѣвать театральныхъ завсегдатаевъ и театральныхъ критиковъ. Именно вліяніе французскихъ натуралистовъ и новой драмы Ибсена, Гауптмана и Метерлинка постепенно сказывавшееся все сильнѣе и сильнѣе, повлекло за собою успѣхъ такихъ трагическихъ драматурговъ, какъ Эрвье, Бріе, Мирбо, Франсуа де-Кюнель.

И чтобы яснѣе понять громадное различіе впечатлѣнія отъ трагического искусства отъ того впечатлѣнія, какое производитъ драма, сознательно избѣгающая трагического исхода, стоитъ только взять для сравненія «Даму съ камеліями» и «Fille Eliza» Гонкура, имѣвшую недавно такой успѣхъ въ театрѣ Антуана въ Парижѣ.

Много слезъ, и хорошихъ слезъ, пролито надъ судьбой Маргариты Готье. Особенно въ исполненіи Дузе эта драма казалась потрясающей и въ то же время задумчивой. Это самое сильное трагическое произведеніе, созданное французской драмой въ серединѣ истекшаго вѣка. Драма эта въ свое время казалась и смѣлой, написанной въ защиту несчастныхъ, требующей человѣческаго отношенія къ продажнымъ женщинамъ. Но только вдумайтесь въ нее поглубже, прослѣдите попристанѣ развитіе дѣйствія, и вы ясно увидите, сколько въ ней таится филистерской лжи, нехорошаго, жалкаго утѣшительнаго обмана, и вы позорно поймете тогда, что Левъ Толстой былъ совершенно правъ, отозвавшись о ней съ такимъ презрѣніемъ въ «Воскресеніи». Передъ событіями, разсказанными въ «Воскресеніи», драма Александра Дюма даже въ воспроизведеніи искренней и задумчивой Дузе кажется только слезливой и жалкой, а вовсе не трагической. Въ ней вовсе нѣтъ настоящей жизненной правды. Вѣдь продажная женщина изображена въ этой драмѣ съ показной, чисто внѣшней стороны. Она окружена всѣмъ блескомъ той мишуры, которая прикрываетъ убожество ея жизни; ни она не презираетъ своего потребителя, какъ Нана, не торжествуетъ надъ нимъ свою побѣду съ тайнымъ чувствомъ, если не мести то инстинктивнаго озлобленія. Напротивъ, въ сценѣ, когда Маргарита соглашается пожертвовать собою ради счастья семьи Армуна, она, эта раба и страдалица, эта зіяющая жертва сытаго общества, передъ лицомъ всѣхъ пришедшихъ умилиться надъ ея судьбою зрителей, буржуа, оказывается еще рабой самоотверженной. Въ жестокой и коварной мысли изобразить продажную женщину, жертвующую своей жизнью ради общества, общества оскорбившаго, унизившаго, растерзавшаго ее какъ человѣка, и заключается та ложь, на которой построена вся пьеса. И еще живѣе ея конецъ сцена смерти, гдѣ Маргарита умираетъ счастливой. Отецъ согласился на бракъ Армана. Буржуа также оказался добръ и благороденъ. Мы можемъ умилиться и надъ нимъ. Маргарита заслужила счастье, заработала его самоотверженностью, и въ этомъ счастьи ей не отказываютъ, ей позволяютъ приобщиться буржуазной жизни, ее поднимаютъ до себя, но замѣйте—вѣдь это наканунѣ ея смерти! И какъ удачно подвернулась эта смерть избавительница. Буржуа нечего дрожать, что онъ введетъ въ свою семью Олупре, какъ въ пьесѣ Ожье, или вторую г-жу Танкерей, какъ у Пинеро. Маргарита и тутъ оказалась на стражѣ интересовъ общества, она умерла во время вѣрной, и счастливой рабой. Ея смерть—исходъ, а не катастрофа.

Замысль Fille Eliza въ высшей степени похожа на замыселъ «Дамы съ камеліями». Элиза также полюбила и также ей хочется прочь изъ той жизни, которую она ведетъ. Но эта жизнь — работа, работа, которую она исполняетъ съ двѣнадцати лѣтъ, работа мучительная, ужасающая. Авторъ ея не прикрасилъ. Элиза бѣдна и проста. Любитъ она не графа а простого солдата. Но, когда она полюбила его, она не хочетъ, чтобы онъ требовалъ отъ нея того же, чего требуютъ всѣ мужчины. Она даже мечтаетъ, что онъ это

пойметъ. Ей хочется любви, совсѣмъ ничего не имѣющей общаго съ ея „работой“. И когда солдатъ не понялъ этого, когда онъ захотѣлъ ее, какъ прочіе, когда онъ оказался такимъ же потребителемъ ея ласкъ, тогда наступаетъ ужасная катастрофа. Любящая, живущая одной мечтой о своемъ возлюбленномъ и продолжающая любить его, Элиза въ порывѣ отчаянія и гнѣва, необдуманно и неудержимо кладетъ его на мѣстѣ ударомъ ножа и послѣ увидѣвъ, что она сдѣлала, она колетъ его мертвого еще и еще съ остервенѣніемъ, въ порывѣ отчаяннаго нравственнаго самоистязанія. И потомъ судъ, холодный, безразличный ремесленный судъ, не слушающій адвоката и присуждающій ее къ смертной казни... Эту казнь, правда, отмѣняютъ, но для чего? Чтобы замѣнить ее медленной, пожизненной уничтожающей казнью тюремнаго заключенія. И въ послѣднемъ актѣ Элиза читаетъ письмо своего возлюбленнаго, такъ-же наизусть повторяя его слова, какъ и Маргарита Готье, читаетъ и мучится воспоминаніями и считаетъ годы, длинные годы, которые ей остается еще жить этой потрясающей живой смертью.

Эта драма не вызываетъ вовсе умиленія и безмысленно добрыхъ слезъ. Она написана не въ «защиту продажныхъ женщинъ». Зло представлено, какъ зло, непримиримо и ужасно. Но образъ этой несчастной, сливаясь съ образами тысячъ ей подобныхъ, будетъ преслѣдовать зрителя и по выходѣ изъ театра, потому что онъ будетъ смутно чувствовать, что въ его тюрьмахъ томится эта Элиза, не та Элиза, которую онъ только что видѣлъ, а настоящая Элиза, засѣвшая въ его сознаніи и толкающая его на мрачныя, неотвратимыя, требующія отвѣта мысли о жизни.

II.

Возродившійся въ русской драмѣ трагизмъ естественно оказался совершенно особымъ, своимъ. Характеръ его объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ Чехова. Возгласъ: «Нужны новыя формы, новыя формы нужны», вырвавшійся у Треплева въ «Чайкѣ» передъ еще опущеннымъ занавѣсомъ той маленькой сцены, гдѣ должна была сейчасъ провалиться его «декадентская» пьеса, оказался возгласомъ символическимъ. «Чайка» опредѣлила собою тотъ путь, по которому пойдутъ дальше художественныя исканія и новой русской драмы, и новаго русскаго театра. Создатели этого послѣдняго, гг. Станиславскій и Немировичъ-Данченко, работавшіе еще исключительно надъ самымъ драматическимъ воспроизведеніемъ, игравшіе и «Царя Θεодора», и «Уріель Акосту», и «Горькую Судьбину», и «Плоды Просвѣщенія», съ появленіемъ «Чайки» почувствовали, что усилія ихъ имѣли цѣль, и цѣль близкую, дорогую, важную. Они почувствовали возможность того органическаго взаимодействія драматурга со сценическимъ дѣятелемъ, взаимодействія драмы и театра, которыя необходимы для созданія дѣйствительно сильнаго и самостоятельнаго искусства.

Со времени «Чайки», «Дядя Ваня» и «Три сестры» писались уже прямо для Художественнаго Театра. Постепенно театръ этотъ оказался той умственной средой, гдѣ вліяніе Чехова выразилось наиболѣе сильно, гдѣ вся атмосфера пропитана чисто чеховскимъ отношеніемъ къ искусству, чисто чеховскимъ міросозерцаніемъ. И въ этой то умственной атмосферѣ только и возникли обѣ драмы Горькаго: «Мѣщане» и «На днѣ»; именно, среда Художественнаго Театра, вѣдь, и сдѣлала Горькаго драматургомъ. Это обстоятельство надо твердо помнить, оно имѣетъ огромное значеніе для пониманія обѣихъ его драмъ.

Трагизмъ Чехова не есть трагизмъ паденія сильной личности, которую заѣла среда, какъ былъ понять Ивановъ; это не безысходный трагизмъ

любви съ ея жестокой, безжалостной несправедливостью, какъ въ метерлинковскихъ „Аладинъ и Паламидесъ“, „Аглавѣнъ и Селизетъ“; любовь Нины къ Тригориному, Маши къ Треплеву, Сони къ Астрову, стоящая въ центрѣ всего дѣйствія въ „Чайкѣ“ и „Дядѣ Ванѣ“, въ сущности и здѣсь кажется чѣмъ то случайнымъ. За этой любовью какъ будто что-то таится; любовь только выражаетъ собою что-то другое, болѣе важное. Трагизмъ жертвы чловѣка, вздумавшаго „жить ради другого“, какъ выражается скальдъ въ Ибсеновскихъ «Претендентахъ на корону», также точно проходитъ въ театрѣ Чехова, какъ временно заинтересовавшая его задача; она естественно возникла въ воображеніи автора въ наше время, когда значеніе личности выдвинуто на первый планъ. Но если вся жизнь дяди Вани, заѣденная ничтожнымъ и себялюбивымъ Серебряковымъ, кричитъ въ озлобленіи и отчаяніи о правѣ каждаго чловѣка занять мѣсто на праздникѣ жизни, то за этимъ ясно чувствуется, что есть еще что-то другое, какая-то болѣе глубокая и чисто русская, родственная намъ всѣмъ и насъ всѣхъ одинаково мучающая и давящая тягота жизни. Въ этой-то особой тяготѣ жизни коренная основная причина несчастій героевъ Чехова. Чеховъ — прежде всего поэтъ скуки, давящей, безнадежной, угнетающей скуки русской жизни. Эта скука выражается въ неподвижности всѣхъ стремленій выйти на про-свѣтъ какого-нибудь движенія, въ мертвящей атмосферѣ тоскливаго унынія, разочарованія, грусти. И эта скука наша чисто русская, своя. «Ея трагизмъ, трагизмъ самосознанія страны, гдѣ все тѣ-же болота, комары, бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары»..., гдѣ «разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано еще ничего».

И этотъ трагизмъ скуки все растетъ, развивается у Чехова, поглощаетъ постепенно всѣ другія проявленія ужаса жизни. Скучно было въ домѣ снившагося Лебедева и потерявшаго всякую энергію Иванова, и самъ Ивановъ «всюду вносить скуку, уныніе, недовольство». Въ «Чайкѣ» скучаетъ и Соринъ, въ шестьдесятъ лѣтъ «еще не жившій», и Тригоревъ, который хотѣлъ бы удить рыбу и описывать пейзажи, а принужденъ быть писателемъ-гражданиномъ, хотя отъ него «жизнь и наука уходятъ впередъ и впередъ, а онъ все отстаетъ и отстаетъ, какъ мужикъ, опоздавшій на поѣздъ». Если Треплевъ въ своей пьесѣ хотѣлъ изобразить свое родное озеро, когда «уже тысячи вѣковъ, какъ земля не носитъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно зажигаетъ свой фонарь», то это потому, что у него давно уже было глухое сознаніе отчаянія и пустоты жизни. И думающаго чловѣка вовсе не спасаетъ отъ этой скуки работа; даже Астрову къ «Дядѣ Ванѣ» кажется жизнь «скучной, глупой, грязной». Дѣло вовсе не въ томъ, что Соня и дядя Ваня работали только для Серебрякова и его жены, которые «куда бы не ступили, всюду вносить разрушеніе», потому что они пусты, праздно, надуты своимъ самодовольствомъ, Вовсе нѣтъ. Астровъ и дядя Ваня заскучали бы совершенно такъ же, еслибы поработали для истиннаго героизма; и въ нихъ сидитъ «бѣсъ разрушенія», и имъ не жаль въ сущности «ни лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ, ни другъ друга». Въ «Трехъ сестрахъ» эта теорія все уничтожающей и разрушительной скуки уже выражена во всю ширь и глубь таланта Чехова. Скука здѣсь уже что-то вродѣ дѣйствующаго лица. Она стоитъ въ центрѣ всей драмы. Работа тутъ не даетъ даже и той иллюзіи какого-то дѣла для «людей будущаго, которые будутъ жить черезъ сто — двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь проби-вали дорогу». Рѣчи Вершинина объ этихъ людяхъ и ихъ грядущемъ счастья, вызывающія такой трагическій полу-животный смѣхъ у Маши, эти рѣчи—и тѣ говорятся со скуки. И вѣдь самый крикъ: «въ Москву,

въ Москву!», вѣдь это также иллюзія, такая-же иллюзія, какъ временный постой батарей въ городкѣ, какъ временная любовь Маши и Вершинина, какъ предполагавшаяся свадьба Ирины и барона, какъ диссертация Андрея. Раздирающимъ трагизмомъ звучить это «не все-ли равно» Чебутыкина, и это «милыя, сестры, жизнь наша еще не кончена» Ольги! Да, не кончена ихъ жизнь, какъ не кончена жизнь Элизы, какъ не кончено, не истощено еще все человѣческое горе, не выплаканы всѣ человѣческія слезы...

Только безсердечной Аркадиной, Серебрякову, пошлой Наташѣ и «человѣку въ футлярѣ» Кулыгину живется не скучно. Они чувствуютъ себя бодрыми, потому что вся эта жизнь для нихъ, для ихъ гадкихъ радостей и ничтожныхъ успѣховъ.

Эту черту чисто чеховскаго трагизма намъ было въ высшей степени важно подчеркнуть. Она сразу подведетъ насъ къ обѣимъ драмамъ Горькаго. Именно, подходя къ Горькому съ точки зрѣнія чеховской теоріи скуки и тоски жизни, ясно увидишь ту несомнѣнную зависимость, въ какой находится авторъ «Мѣщанъ» и «На днѣ» отъ автора «Чайки» и «Дяди Вани». Эту зависимость или, вѣрнѣе, близость художественныхъ интересовъ намъ придется еще не одинъ разъ подчеркнуть въ этомъ очеркѣ. Она сказывается и во внѣшней констукціи и въ цѣломъ рядѣ подробностей. Но покаместъ остановимся именно на родственности въ настроеніи, во взглядѣ на жизнь, въ пониманіи ея трагизма.

Въ «Мѣщанахъ» чеховское вліяніе опредѣлило даже самый составъ дѣйствующихъ лицъ. Развѣ не чеховскіе герои дѣти мѣщанъ Петръ и Татьяна? Въ нихъ та же дряблость, нерѣшительность, угнетенность. Веселость пугаетъ ихъ; имъ скучно какъ-то органически, именно потому, что они—мѣщане, потому что они только и способны, что «переставить мебель» въ старомъ домѣ, страдать и съеживаться на своемъ страданіи, зло и несправедливо относиться къ чужой жизни и оставаться въ то же время безпомощными и жалкими для самихъ себя. И жизнь не кажется имъ вовсе трагической, а именно скучной. «Жизнь совсѣмъ не трагична,—говоритъ Татьяна, она течетъ тихо, однообразно, какъ большая, мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно... голова тупѣетъ, и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ?» Нѣсколько иначе то же самое говоритъ и Петръ. Онъ «хочетъ жить», «жить одинъ», какъ и его сестра, но въ то же время дѣлаетъ такое чистосердечное признаніе: «я, очевидно, слабый человѣкъ... эта жизнь не по силамъ мнѣ. Я чувствую ея пошлость, но ничего не могу измѣнить, ничего не въ состояніи внести»... и оттого въ его душѣ одна изъ тѣхъ драмъ, которыя терзаютъ душу человѣка, стоящаго между «хочу» и «долженъ».

Но чеховская скука для Горькаго только точка отправленія. Она дѣйствуетъ на него отъ противоположнаго; какъ драматургъ, онъ сразу выступилъ на борьбу съ этой тоской жизни. Если повесть «Скуки ради» была попыткой довести скуку до еще сильнѣйшаго трагизма, трагизма, какъ его понимаетъ Горькій, трагизма болѣе рѣзкаго, болѣе ошеломляющаго, не подавляющаго, а ужаснаго, то въ «Мѣщанахъ» дряблему желанію жить Татьяны и Петра противопоставлено это «увлеченіе процессомъ жизни» Нила, эта непосредственная бодрость и отзывчивость Пола. Самоувѣренное стремленіе Нила «вмѣшаться въ самую гущу жизни», отдать свои силы на устройство жизни, его разговоры о томъ, что онъ «любитъ ковать» «красную безформенную массу, злую жгучую», «сильными ударами съ плеча, дѣлая изъ нея все, что угодно», вся вообще неподатливая и смѣлая фигура Нила есть нѣчто иное, какъ противовѣсъ чеховской скукѣ, вещественная проповѣдь того, что пора сбросить эту тоску. И на-

дежда и веселіе жизни горитъ не въ одномъ Нилѣ: Шипкину и Цвѣтаевой и Еленѣ также «жить весело».

По мѣрѣ того, какъ мы подходимъ къ послѣднему акту „Мѣшанъ“, скука и давящая безсильная тоска даже какъ будто бы вовсе исчезаютъ. Бодрость побѣдила; бурнымъ взмахомъ рѣзкаго протеста она возстаетъ противъ и мѣшанства и его скуки. Даже Петръ, этотъ слабый и нерѣшительный Петръ, вѣчно ищущій компромисса съ отцомъ, которому хочется жить «умѣючи... осторожно», и который былъ «гражданиномъ на часъ», и того удается увести разбитной Еленѣ. Отцы остаются одни, и при нихъ будетъ только полуживая, тоскующая Татьяна.

Но этимъ концомъ своимъ, напоминающимъ и послѣдній актъ «Дяди Вани» и развязку «Габріэля Бормана» Ибсена, «Мѣшане» вышли совсѣмъ куда-то вонъ изъ направленія современной драмы. Возстаніе молодого драматурга противъ Чехова было слишкомъ наивно, слишкомъ не продуманно, и оно неминуемо отразилось и на чисто эстетической цѣнности драмы. Правдивости въ ней не могло оказаться. Въ ней многое искусственно придумано, предвзято. Сама фигура Нила вызываетъ скорѣе скенитическую усмѣшку, чѣмъ сочувствіе. По какой-то злой прони у него срываются слова, въ которыхъ коренится гораздо болѣе безсилія, чѣмъ бодрости и надежды. Вѣдь чего добивается Нилъ?—мѣста въ депо! Зачѣмъ объявляетъ онъ, что и онъ хозяинъ въ домѣ, потому что «хозяинъ тотъ, кто трудится», а потомъ все-таки уходитъ изъ дому и уходитъ неоплатнымъ должникомъ. И невольно думается, что въ жизни, если ему и удастся побѣдить, то это будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ достиженіемъ «жизни теплой, жизни сытой, жизни удобной», и ничего болѣе...

Портить «Мѣшанъ» и вся эта мишура внѣшнихъ эффектовъ, аккомпаниментъ словъ то на фортепьяно, то на уличной шарманкѣ, этотъ раздающийся иногда до надоедливости часто трескъ символическихъ словечекъ. Все это прямо недостойно таланта Горькаго и недостойно въ особенности его художественной искренности.

Именно, въ средѣ «художественнаго театра» онъ могъ-бы усвоить себѣ ту простую истину, что театръ настроенія и реальной правды, театръ, гдѣ прежде всего преслѣдуется всякая «театральность», всякая поза и всякая фальшь, что такой театръ не допускаетъ предвзятой извнѣ, вымученной изъ себя тенденціозности. Конечно, кое-гдѣ лиризмъ «Мѣшанъ» вообще и даже лиризмъ «героя» Нила подкупаетъ свой немного ребяческой непосредственностью, но въ общемъ въ этой пьесѣ гораздо болѣе подражанія чужимъ образамъ и аффектированной фразистости, чѣмъ истиннаго искусства. Символизмъ, какъ приѣмъ творчества, вѣдь ничего не боится такъ, какъ предвзятости. Художественный образъ вовсе не долженъ подлаживаться подъ холодно или даже въ увлеченіи задуманную идею. Напротивъ, уже давно никто болѣе не думаетъ, что, какъ нѣкогда говорилъ Поль Аданъ, «искусство—не что иное, какъ догматъ въ образѣ». Современный символизмъ ничего такъ не боится, какъ догматизма. Смыслъ образа, говоритъ символическій поэтъ Анри де Ренье, «въ немъ самомъ, но не явно, а скрыто, затаенно такъ, какъ дерево въ своемъ зернѣ уже носитъ плодъ, который родится отъ него. Символъ есть сходство и тождество отвлеченнаго и конкретнаго, сравненіе, одинъ изъ членовъ котораго остается скрытымъ. Соотношеніе отвлеченнаго и конкретнаго только чувствуется, и это соотношеніе должно быть создано». Въ «Мѣшанахъ», напротивъ, всегда на лицо оба члена сравненія, и соотношеніе между ними всегда сознательно подобрано, придумано, подстроено.

Одинокое положеніе „Мѣшанъ“ среди прочихъ пьесъ современнаго

театра выражается еще въ томъ, что замыселъ ея вовсе не трагическій. Въ этой пьесѣ нѣтъ и истинно трагическихъ фигуръ. Полуживая Татьяна далеко менѣе трагична, чѣмъ ея прообразъ, работающая Соня въ „Дядѣ Ванѣ“. Истиннаго трагизма нѣтъ ни у Петра, ни у отца его, мѣщанина Безсмѣнова. Но особенно анти-трагиченъ конецъ драмы. Въ сущности, „Мѣщане“ Горькаго—это драма утѣшительная, успокоительная. Зритель уходитъ домой, убаюканный красивыми обѣщаніями Нила, можетъ быть съ тайной увѣренностью, что и онъ кузнецъ будущаго счастья. Правда, въ «Габріелѣ Боркманѣ» тотъ же конецъ имѣлъ, напротивъ, глубоко трагическое значеніе; это былъ конецъ, именно, стараго грѣшника Боркмана. Наше вниманіе было все сосредоточено на немъ. Его сына мы почти не знали и когда сани, подъ веселый звонъ бубенчиковъ, уносятъ молодого Боркмана вмѣстѣ съ вдовушкой, мы не думаемъ ни о нихъ, и о томъ, что ждетъ ихъ за границей, мы поглощены самимъ Боркманомъ. Напротивъ, въ «Мѣщанахъ» Безсмѣновъ слишкомъ простъ, съ первой минуты дѣйствія понятно, что «образованныя дѣти» не будутъ вѣчно жить подъ его кровлей. Намъ можетъ быть и жаль старика, но насъ болѣе радуетъ надежда и бодрость, проснувшаяся вдругъ у насъ на глазахъ, и намъ хочется вѣрить, что эта бодрость и надежда, настоящая, существующая и въ жизни, что сила Нила не театральная, а истинно рабочая сила. И оттого при всемъ сходствѣ „Мѣщанъ“ съ «Габріелемъ Боркманомъ», эта пьеса не дѣлаетъ ни шагу въ сторону развитія основной черты драмы-трагизма.

Однако, при всѣхъ этихъ слабостяхъ «Мѣщанъ» въ нихъ содержится уже зародышъ быстрого успѣха Горькаго въ драматическомъ искусствѣ. Мысль Горькаго уже при обработкѣ «Мѣщанъ» невольно тянула его обратно къ „бывшимъ людямъ“. И тутъ рисовалась другая сила, не ниловская; это сила пѣвчаго Тетерева, который, хотя и говоритъ Нилу, что такіе люди, какъ онъ, нужны, но тѣмъ не менѣе, не можетъ не поиронизировать на его счетъ. Сила Тетерева—это какая то непримѣнимая къ жизни сила, и Тетеревъ остается въ жизни постороннимъ. „Я не въ родствѣ ни съ обвиняемыми... ни съ потерпѣвшими, самъ по себѣ вещественное доказательство преступленія!“ говоритъ про себя Тетеревъ. Ему жизнь не по росту, не по силѣ, не по уму. „Мѣщане, — жалуется онъ въ пьяномъ видѣ, сузили, окоротили жизнь, сдѣлали ее тѣсной... и вотъ я есмь вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, не зачѣмъ жить!..“ Здѣсь чувствуется уже совершенно другое мировоззрѣніе. Оно не выросло изъ борьбы съ чеховщиной; это новый, уже не мѣщанскій, не обывательскій этапъ того же безысходнаго чеховскаго мировоззрѣнія.

Горькій возвращается съ нимъ къ людямъ, освобожденнымъ или освободившимся отъ мѣщанства, онъ уже зазываетъ насъ въ постельку, чтобы тамъ показать намъ жизнь уже въ и принадлежащемъ лично ему, въ своемъ собственномъ трагическомъ освѣщеніи.

III.

„А скушно..., говоритъ и Васька Пепель въ первомъ актѣ „На днѣ“, чего это скушно мнѣ бываетъ? Живешь-живешь, все хорошо! И вдругъ—точно зябнешь: сдѣлается скушно“.

Пьянство, брань, сутолка, картежная игра въ пещерообразной постелькѣ Костылева для Васьки Пепла это обычная тягота жизни. Ничего другого онъ не видѣлъ и не знаетъ. Сынъ вора и самъ воръ, свое дѣтство онъ провелъ въ тюрьмахъ; тамъ научился онъ грамотѣ, тамъ научился и жизни. Убийца и шулеръ, Сатинъ, опустившійся баронъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за растрату, пьющій запоемъ Бубновъ, вотъ учителя Васьки

Пепла. Отъ нихъ узналъ онъ о томъ, что совѣсть хороша для богатыхъ.

Васька Пепель даже не „бывшій человѣкъ“, онъ никогда и не могъ быть человѣкомъ. членомъ человѣческаго общества. Онъ прирожденный и потомственный «голый человѣкъ». „На днѣ“ онъ чувствуетъ себя въ своей атмосферѣ и здѣсь онъ даже какъ бы аристократъ; у него всегда водятся деньги, отъ него ждуть выпивки или просто подачки. Но отъ него же ждуть чего-то другого, обычного «на днѣ», но все же страшнаго, отъ него ждуть преступленія. Для преступленія рожденъ былъ Васька Пепель, въ немъ онъ выросъ, имъ онъ живетъ и отъ него же и погибнетъ. И оттого сбита изъ досокъ, сѣрая коморка Васьки Пепла занимаетъ особое мѣсто подъ мрачнымъ сводомъ подвала. На нее постепенно обращается все большее и большее вниманіе. Костылевъ вѣдь спустился провѣдать своихъ жильцовъ только для того, чтобы увидѣть Ваську. И только что онъ начинаетъ стучаться въ коморку, какъ Сатинъ бросаетъ эти какъ бы безразличныя слова: «Онъ отворить, а она—тамъ!» Это «жену искать» приходилъ Костылевъ. Василиса любовница Васьки Пепла, а самъ Костылевъ покупаетъ у него краденныя вещи и покупаетъ умѣло, не только выгораживая себя, но отъ времени до времени еще заставляя Ваську посидѣть въ тюрьмѣ. Отношенія запутаны; Васька, этотъ властитель ночлежки, — въ сущности рабъ, слуга, послушное орудіе для преступленія въ рукахъ тѣхъ, кому это преступленіе нужно. Тотъ же Сатинъ спрашиваетъ Ваську про Костылева: «Чего ты не пришебешь его, Василій!» и еще совѣтуетъ: «А ты — умненько. Потомъ — женись на Василисѣ... хозяиномъ нашимъ будешь...» но онъ прекрасно знаетъ, что польза отъ убійства Костылева не достанется Васькѣ, совершенно такъ же, какъ и на краденыхъ вещахъ гораздо больше наживаетъ Костылевъ. Когда въ ночлежку въ концѣ того же акта спустится и красивая, властная, злая Василиса, когда она обойдетъ нары и также зайдетъ посмотрѣть, гдѣ Васька Пепель, тогда зрителю уже становится ясно, какіе руки толкаютъ этого вора на новое преступленіе, для кого это преступленіе нужно.

«Голый человѣкъ» житель ночлежнаго дома не знаетъ стыдливости. Обо всемъ, что здѣсь происходитъ, люди говорятъ прямо и просто, сообразно своему характеру. Съ злой проніей говоритъ Сатинъ, съ сумрачнымъ цинизмомъ вставляетъ свои замѣчанія Бубновъ и съ веселой беззаботностью болтаетъ типичный «босыякъ», разбитной малый, мастеровой, Алешка. И отъ Алешки мы узнаемъ, что самъ Пепель не любитъ больше Василисы, что его тянетъ къ ея сестрѣ Наташѣ. Это еще болѣе запутываетъ положеніе. Съ Пепломъ погибнуть должна и эта добрая привѣтливая дѣвушка, которая вводитъ въ ночлежку Луку и заботится объ умирающей Аннѣ. Что Наташа погибнетъ отъ Пепла, какъ Пепель отъ Василисы, что вѣдь говоритъ и знатокъ жизни Бубновъ. И 1-е дѣйствіе уже кончается криками этой Наташи; ее уже истязаетъ Василиса не то изъ ревности, не то изъ тайнаго желанія разжечь Пепла, возмутить его сумрачную душу, разбудить въ ней этого чернаго, кровожаднаго звѣря, который нуженъ ей, какъ она сама сознается, чтобы избавиться отъ стараго скряги мужа, чтобы выйти изъ этого омута, прихвативъ съ собой и мужнины деньги. Дѣйствіе идетъ быстро впередъ. Къ вечеру того же дня преступленіе Пепла уже назрѣло и должно было уже осуществиться. Василиса окончательно растравила Пепла. Когда придетъ за ней ея мужъ, ревнуя и ненавидя, дрожа всѣмъ тѣломъ и играя роль хозяина, Васька неминуемо, неотвратимо, помимо своей воли, незамѣтно для себя долженъ будетъ броситься на человѣка, котораго онъ такъ ненавидитъ, и въ одно мгновеніе онъ задушитъ этого дряхлаго чуть живого старикашку...

Но преступленіе не совершилось. Замысль Василисы не удался. Когда Пепелъ уже держалъ за горло Костылева въ пустой ночлежкѣ раздался шумъ... Въ Художественномъ Театрѣ этотъ глубоко драматическій эффектъ удивительно удается. Публика едва замѣчаетъ странника Луку, незамѣтно юркнувшего за печку. Когда Лука, конечно, нечаянно бросаетъ чайникъ въ зритель легко рождается тоже чувство, что и въ негаданно спасемся Костылевѣ, и въ едва владѣющемъ собою Пеплѣ, и въ жадно ждавшей развязки Василисѣ. Только спросить Луку вмѣстѣ съ Пепломъ: «Ты зачѣмъ на печь залѣзъ?» зрителю не пришло бы въ голову.

Съ самаго того времени, когда Лука воскликнулъ: «Эхе-хе! Погляжу я на васъ, братцы, — житье ваше оой!» зритель, уже чувствуетъ, что этотъ странникъ не пройдетъ спокойно мимо всего того, что происходитъ вокругъ него. Вотъ Лука уже подмелъ полъ за Настю, успокоилъ умирающую Анну рассказомъ о томъ, что за гробомъ она совѣмъ, совѣмъ успокоится и отдохнетъ, увѣрилъ и актера, что отъ алкоголизма можно вылѣчиться и начать жизнь снова; Лука, очевидно, привыкъ вмѣшиваться въ жизнь людей, съ которыми ему случается столкнуться. По его рѣзкимъ и мѣткимъ репликамъ видно, что онъ сумѣетъ также и заставить себя уважать; онъ не остается въ долгу ни передъ Костылевымъ, ни передъ городовымъ, ни передъ Василисой. И даже Бубновы, Бароны, и Васьки Пеплы его не смутятъ. Этотъ Лука совѣмъ особый странникъ; онъ искатель лучшей жизни; онъ направляется «въ хохлы, гдѣ новую вѣру открыли». Это—не пассивный Акимъ во «Власти Тьмы» съ его косноязычіемъ и наивной, почти первобытной вѣрой въ законъ и правду. Лука представитель передового, независимаго исканія правды въ народной средѣ. Вѣдь онъ побывалъ и въ «Томскомъ городѣ» и на вопросъ, гдѣ у него паспортъ, онъ уже давно знаетъ, какъ отвѣчать. Лука всего болѣе напоминаетъ того старика, съ которымъ въ „Воскресеньи“ Толстого встрѣтился Безуховъ на паромѣ въ Сибирь и котораго послѣ того онъ видѣлъ въ тюрьмѣ.

Ради лучшей жизни и спасъ Лука Ваську Пепла, предотвративъ его преступленіе. Хитростью, обманомъ, ложью онъ старается толкать людей на лучшую жизнь. И дѣлаетъ онъ это сознательно «И... чего тебѣ,—говоритъ онъ Васькѣ Пеплу,—правда больно нужна.... подумай-ка: она, правда-то, можетъ, обухъ для тебя....»

Въ третьемъ актѣ влияние жи и хитрости Луки и приноситъ какъ будто самые дорогіе плоды. Лука царитъ и властвуетъ въ началѣ этого акта. Пользуясь тѣмъ, что ни Костылева, ни Василисы нѣтъ дома, онъ собралъ около себя интересующіе его, живые элементы ночлежки и наговариваетъ имъ о лучшей жизни о возможности выпрямиться, искать счастья. Надежда, по его мнѣнію, вся въ иллюзіи. Тутъ рассказываетъ Лука и о тѣхъ, кто искалъ «праведной земли»—это очевидно рассказъ Короленки въ «Русскомъ Богатствѣ» о донесихъ казакахъ, искавшихъ на дальнемъ востокѣ истиннаго христіанскаго царства. И Лука не стоитъ вовсе на сторонѣ того ученаго, который показалъ, что на картѣ всего міра было бы напрасно искать этой воображаемой страны справедливости и добра. Онъ увѣряетъ даже, что ученый получилъ за свою мудрость въ ухо, а чело-вѣкъ, у котораго онъ отнялъ иллюзію, повѣсилъ. Особенно характерны слова Луки Наташѣ про Ваську Пепла: «ты только почаще напоминай ему, что онъ хорошій парень, чтобы онъ, значить, не забывалъ про это!». И рассказамъ Луки вторитъ и несчастная Настя. Ея вѣра — это романъ «Роковая любовь». Она поддерживаетъ ее, заставляетъ ее мечтать о Раулѣ и Гастонѣ, не то французѣ, не то студентѣ въ лаковыхъ сапожкахъ, когда то также страстно любившемъ ее, какъ она хотѣла бы страстно любить.

Вторить Лукѣ и переменѣна декораціи. Мы уже не въ подвалѣ, а подъ сводомъ весенняго неба. Свѣтло все настроеніе этого начала акта. Надежда, ожиданіе лучшаго, воскресшія чувства любви и примиренія торжествуютъ надъ злобой, надъ несправедливостью надъ порокомъ, чуть-чуть не доведшимъ до преступленія. Подъ влияніемъ этихъ-то грезъ вострепнулась и выжидавшая, оцѣпенѣвшая среди всего этого ужаса жизни любовь Пепла и Наташи. Еще въ прошломъ актѣ она должна была еще болѣе спутать отношенія, еще ускорить трагическую развязку. А теперь? Въ ней-то вся и надежда. Ради нея Пепель мечтаетъ о томъ, что онъ можетъ бросить воровство и взяться за работу. И Лука посылаетъ его добровольно въ Сибирь, гдѣ мѣста много и можно начать новую жизнь.

Но все это лишь мечты, иллюзіи и утѣшенія. Какъ только неожиданно раздадутся злобшія слова Василисы: «Вотъ и сосватались! Совѣтъ да любви!», и ихъ замѣнитъ правда жизни. И тогда катастрофа налетаетъ бурнымъ порывомъ скорѣе, чѣмъ можно опомниться, унося всѣ мечты и надежды, неотвратимая, грозная, роковая. Она не оставитъ ни одного луча просвѣта и вырветъ даже у несчастной Наташи вѣру въ искренность Пепла. Все исчезнетъ, все сгустится. Останется мракъ и ужасъ жизни...

И опять въ четвертомъ актѣ мы въ пещерообразномъ подвалѣ, гдѣ нѣтъ только коморки Васьки Пепла и гдѣ «все осталось по старому» какъ въ четвертомъ же актѣ «Дяди Вани». Вся жизнь бывшихъ людей льется вновь той же мутной, грязной струей полного отчаянія подѣ «любимую» тюремную пѣсню, гдѣ и «хочется на волю», да не порвать «своей цѣпи». Только актеръ «испортилъ пѣсню», повѣсившись отъ того, что вѣра въ возможность выльчиться и зажечь заново также исчезла у него. И только подтягиваютъ пѣсню безысходной тоски еще новые люди, новые товарищи людей «На днѣ». Клещъ, этотъ злой и гордый Клещъ, презиравшій «людей на днѣ», потому что онъ «рабочій человекъ», потому что у него «есть совѣсть», и вѣрившій твердо, что подымется усиліями своихъ рукъ, этого Клеща сломала теперь жизнь, и онъ не вѣритъ больше ни въ работу, ни въ совѣсть. Въ ту самую минуту, когда Пепель въ третьемъ актѣ чуть было не задушилъ Костылева, жена Клеща, Анна, тихо умерла, убаюканная ласковыми словами Луки. Клещъ нетерпѣливо ждалъ смерти своей жены, какъ избавленія, но и это была также иллюзія. На похороны ушли не только послѣднія деньги, ушла и убогая наковальня, на которой онъ скрипѣлъ надрываясь за работой. Теперь у него нѣтъ больше пристанища и нѣтъ и работы. Нѣтъ работы и у татарина съ отдаленной рукой. Оба и Клещъ и татаринъ, также «слиняли», также стали «голыми людьми».

Изъ этого разбора уже видно, что самое драматическое происшествіе занимаетъ собою лишь два среднихъ акта драмы «На днѣ». Главные герои его вовсе и не появляются въ четвертомъ дѣйствіи, они едва проходятъ и въ первомъ. Такое распредѣленіе дѣйствія, конечно, противорѣчитъ всѣмъ правиламъ обычнаго драматическаго творчества. Уже самое перенесеніе катастрофы изъ послѣдняго акта въ предшествующій, который позволилъ себѣ Чеховъ въ «Дядѣ Вани», и есть одно изъ новшествъ, введенныхъ, именно, новой драмой; и его мы встрѣчаемъ еще и въ «Михаилѣ Крамерѣ» Гауптмана; а въ «Fille Eliza» катастрофой и начинается собственно драма. Такимъ же новшествомъ современной драмы надо признать и это отсутствіе главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ четвертомъ актѣ. Оно совершенно параллельно тому, что, напр., въ «Ткачахъ» Гауптманна въ послѣднемъ дѣйствіи появляются передъ нами совершенно новыя дѣйствующія лица, и ихъ судьбой собственно и занятъ зритель, пока такъ безсмысленно и

случайно не погибнетъ Хильзе, и не опустится занавѣсъ раньше, чѣмъ мы узнаемъ о судьбѣ Ансorge и самого солдата, зачинщика возстанія «Ткачей». И современная драма несомнѣнно права, позволяя себѣ такого рода нововведенія. Въ «Ткачахъ» вѣдь, именно, эта смерть Хильзе за работой и выражаетъ глубокий трагизмъ всего событія, развивающагося передъ нами.

Чтобы понять, почему въ драмѣ «На днѣ» четвертый актъ вовсе не есть лишняя приставка, почему и въ первомъ дѣйствіи мы не теряли вовсе даромъ время слушая ругань людей «На днѣ» надо понять, каково участіе всѣхъ этихъ Сатиныхъ, Бароновъ, Бубновыхъ, Клещей и проч. постороннихъ дѣйствующихъ лицъ. Всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ называли бы эпизодическими личностями или резонерами. И въ театрѣ середины XIX в. всегда были такіе резонеры и эпизодическія личности. Они не принимали никакого участія въ дѣйствіи, подавая просто реплики или высказывая, то тамъ, то сямъ какое-либо общее сужденіе. Толпа людей «На днѣ» вовсе не есть толпа резонеровъ. Они не только органически связаны съ дѣйствіемъ,—они необходимы для усиленія впечатлѣнія, производимаго драмой на зрителя.

Если вдуматься въ то, кто, собственно, такіе эти посторонніе герои драмы, то участіе ихъ въ дѣйствіи станетъ совершенно очевидно. Что все это не «босыя», а именно «бывшіе люди», это, мнѣ кажется, достаточно бросается въ глаза. Оттого ихъ любимая пѣсня—пѣсня тюремная; оттого они дружатъ съ воромъ, презируютъ не только мужика, «у котораго есть земство» и который «жаденъ», какъ босыя въ прежнихъ повѣстяхъ Горькаго, но презируютъ и ненавидятъ еще и рабочаго Клеща: онъ раздражаетъ ихъ скрипомъ своей работы, мозолитъ имъ глаза. Они цинично зовутъ себя жуликами и безъ зазрѣнія совѣсти обыгрываютъ Татарина и Кривого Зоба. Честь и совѣсть они не ставятъ ни во что. Ихъ бьютъ и оскорбляютъ, и они, по видимому, къ этому привыкли. Это люди, что называется, потерявшіе человѣческій обликъ. Но у нихъ есть одинъ принципъ и отъ него они не отступаютъ: всѣ эти люди любятъ «правду». Эта правда своя, особенная, и высказать ее искренно только они и имѣютъ право. Долгими годами испытаній и паденій, они приобрѣли себѣ эту правду. Попали ли они «На дно» такъ «глухо» или вѣрнѣе «грустно», какъ Баронъ, или ихъ паденіе было результатомъ цѣлой драмы, какъ въ ихъ жизни, какъ у Сатина и Бубнова, люди «на днѣ» строятъ свое міровоззрѣніе на этомъ горестномъ опытѣ своей жизни. «Правда» ихъ заключается, именно, въ безысходномъ мрачномъ взглядѣ на жизнь. Ради этого они спорятъ съ Лукой. Они его прирожденные противники, какъ Тетеревъ въ «Мѣщанахъ», они «вещественныя доказательства» того, что «жизнь испорчена», и, какъ Тетеревъ, они называютъ ложью всякую попытку болѣе свѣтлаго взгляда на жизнь. Особенно характерно выставлено это противорѣчіе ихъ взглядовъ со взглядами Луки въ томъ третьемъ актѣ, гдѣ Лука было сталъ хозяиномъ положенія. Пока всѣ еще оставшіеся бодрыми жители ночлежки окружаютъ Луку, на этомъ маленькомъ дворикѣ, гдѣ все-таки свѣтло куда, отъ времени до времени нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ солнце, «въ окнѣ у земли—рожа Бубнова», какъ значителъ по ремаркѣ; мрачный картузникъ выглядываетъ на Свѣтъ Божій изъ окна ночлежки. И оттуда Бубновъ перечить Лукѣ, называетъ его лежекомъ, надсмѣхается надъ его поучительными разсказами. Смѣется и Баронъ надъ Настей и ея фантастической автобіографіей, взятой изъ романа «Роковая любовь». Правда, въ четвертомъ актѣ Сатинъ объяснитъ, что за человѣкъ Лука, онъ объясняетъ и то, зачѣмъ Лука вралъ. Лука вралъ изъ жалости къ людямъ, потому что ложь утѣшаетъ, примиряетъ съ жизнью, оправды-

васть ея ужасъ. И тогда даже оказывается, что собственно правъ-то былъ Лука, что ложь нужна и этимъ «бывшимъ людямъ». Послѣ того, какъ Лука пригрѣлъ ихъ своимъ добрымъ чувствомъ челоѣколюбія, и всѣ они воспрянули духомъ, и у нихъ изъ глубины души поднялась какая-то ложь, какая-то иллюзія, какой-то нравственный просвѣтъ, таившійся и въ нихъ, несмотря на потрясающую правду, которую повѣдала имъ жизнь. Эта ложь заставляетъ Сатина говорить свою тираду о челоѣкѣ и объ уваженіи къ нему; барона она заставляетъ преувеличивать свое минувшее богатство, а Бубнова запитъ запоемъ и пѣть пѣсни, чтобы не думать и не чувствовать жизни, мечтать объ общественномъ трактирѣ.

Но эта склонность и бывшихъ людей къ лжи, не мѣшаетъ имъ все-таки быть представителями правды, особой горькой, жестокой, безпросвѣтной правды, «вещественнаго доказательства преступленія». И ужаснѣе всего, что это—не отвлеченная правда, не какой-нибудь философскій законъ мірозданія, вродѣ тѣхъ мистическихъ законовъ, которымъ когда-то вѣрилъ Акимъ во «Власти тьмы», а теперь вѣритъ крочникъ-татаринъ. Такому закону нѣтъ больше мѣста, и въ ночлежкѣ Костылева его не признаетъ и Лука, ушедшій «въ хохлы» за новой вѣрой. Людямъ «на днѣ» некуда уйти за новымъ закономъ и не подѣ силу создавать какой-нибудь законъ, Законъ для нихъ это «Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ» и «Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями». Ихъ законъ дѣйствительность; его образно выражаетъ Клещъ, неопитъ этой философіи «голаго челоѣка»: «Вонъ князь... руку-то раздавилъ на работѣ... отпилилъ напирочъ руку-то придется, слышь... вотъ-те и правда?» И теперь понятно, почему и работа кажется ложью людямъ «на днѣ», почему «ложь—религія рабовъ и хозяевъ», а «голому челоѣку», «вещественному доказательству преступленія», остается только «правда». Голый челоѣкъ вѣдь, именно не хозяинъ и не рабъ; дорогой цѣной дерзновенія или паденія онъ купилъ себя жалкое право назваться среди современныхъ условій «свободнымъ» «свидѣтелемъ жизни».

И невольно вдумываясь въ эту своеобразную философію голаго челоѣка, вспоминаются тѣ слова Шопенгауера, какими онъ опредѣлилъ сущность трагедіи: «горе челоѣчества, господство случая и ошибки, паденіе честнаго, триумфъ злого», вотъ, что представляетъ собою, по мнѣнію Шопенгауера, трагическая катастрофа. Вѣдь, именно, такъ, объясняютъ катастрофу жизненной трагедіи и люди «На днѣ».

Философія голаго челоѣка, понятая въ такомъ смыслѣ, уже, конечно, не можетъ считаться лишней среди драматическаго дѣйствія. Это отнюдь не резонерство. Если отнять ее отъ самой драмы, то вѣдь что же останется? Останется тогда вѣдь одно преступленіе Васьки Пепла, это обыденнѣйшее «убійство въ дракѣ», а какъ выражается Сатинъ, «убійство въ дракѣ—только тюрьма». Гдѣ же тогда трагедія? Что бы могло тогда потрясающе подѣйствовать на сердца зрителей?

По старой теоріи драмы считалось, что трагическое происшествіе только тогда трогаеъ зрителя и способно вызвать драматическій эффектъ, когда герой самъ по себѣ интересенъ, когда въ немъ чувствуется величіе духа. Такъ думалъ Шиллеръ. Гегель видѣлъ въ трагическомъ искусствѣ воплощеніе борьбы различныхъ нравственныхъ началъ, «безвинную вину» героя. Въ пору господства реалистическихъ взглядовъ на искусство въ центрѣ драмы была поставлена психологія героя, и драма, по мнѣнію, напр., Фага, есть психологическая задача, заинтересовавшая зрителя въ началѣ дѣйствія и разрѣшаемая въ его катастрофѣ. Ясное дѣло, что ничего подобнаго нѣтъ въ драмѣ «На Днѣ». Убійство Костылева необходимо и не-

избѣжно, но не въ силу конфликта нравственныхъ стихій, не въ силу психологии Васьки Пепла. Оно наступаетъ, такъ сказать, по категоріи необходимости, а вовсе не долженствованія. Въ него никакъ нельзя вложить какое-либо нравственное содержаніе. Преступленіе Васьки Пепла есть, именно, то, что Шопенгауеръ называлъ «горемъ человѣчества, господствомъ случая и ошибки, паденіемъ честнаго и триумфомъ злого». Убить въ запальчивости человѣкъ, котораго «никто кромѣ чорта не любитъ», и убійца-воръ, а подстрекательница сама запуталась въ свои сѣти и привлечена къ отвѣтственности. Мы имѣемъ здѣсь катастрофу глубоко-аморальную, чисто случайную, хотя корни ея, можетъ быть, и входятъ глубоко въ человѣческую жизнь, снѣтаясь тамъ съ тѣми корнями, которыми питается все сущее. Убіиство Костылева это почти такой же случай, какъ то, что бѣдная Ганнеле бросилась въ прорубь или, какъ въ *Intérieur*'ѣ потонула дѣвушка, и ее должны принести въ домъ ея родителей. Но дѣло, именно въ томъ, что изъ такихъ уже совсѣмъ каждодневныхъ случаевъ умѣетъ современная драма создавать трагедіи.

Въ *Intérieur*'ѣ Метерлинка этотъ простой несчастный случай приковывается къ себѣ наше сознаніе и становится намъ «важнымъ для жизни», потому что между нами и дѣйствіемъ стоитъ старикъ, глубоко взволнованный этимъ происшествіемъ. И у него свои взгляды на жизнь: именно, случайность, обыденность, каждодневность и неожиданность горя кажутся ему ужасными. Этотъ старикъ говоритъ намъ, пристально вематриваясь черезъ окно того дома, куда внесутъ утопленницу: «Они думаютъ, что имъ ничто не угрожаетъ... Они заперли двери; и на окнахъ у нихъ желѣзные рѣшетки... Они укрѣпили стѣны стараго дома; три дубовыхъ двери замкнуты задвижками... Они все предвидѣли, что можно было предвидѣть». И эта простая смерть дѣвушки, о которой мы ничего не знаемъ, и намъ начинаетъ казаться не случайной, не простой; она и для насъ получаетъ ту же цѣну, что и для старика, и въ нашемъ сознаніи рождается то же желаніе, что и у дочери старика, Маріи, подождать, солгать, не сказать о горѣ и несчастіи, потому что это горе ужасно и мрачно, потому что это горе всѣхъ насъ, всего человѣчества, всей жизни.

Совершенно такъ же и «На днѣ» между зрителемъ и дѣйствіемъ стоитъ «голый человѣкъ», «вещественное доказательство преступленія», и черезъ его сознаніе воспринимаемъ мы убійство Костылева, окончательное паденіе Васьки Пепла, исчезновеніе Наташи. Лука, съ одной стороны, и Клещъ и Сатинъ — съ другой, какъ Грегерьсъ Верле въ «Дикой уткѣ», немного глубже и вдумчивѣе воспринимаютъ эту драму и руководятъ нашимъ вниманіемъ; и оттого ея внутренній мрачный смыслъ необходимости преступленія и ея каждодневный трагическій ужасъ будятъ наше сознаніе, толкаютъ, терзаютъ наши мысли и наши чувства и мучатъ насъ своей неотвратимой, потрясающей правдой.

IV.

Своихъ «Мѣщанъ» М. Горькій называлъ «драматическими эскизами», а на обложкѣ «На днѣ» значится: «картины». На афишахъ Художественнаго Театра пишутъ «сцены». Эта терминологія, конечно, не случайна. Очевидно и самъ авторъ и театральная антерприза колебались назвать эти пьесы драмами. Даже «Дядю Ваню» Чехова художественный театръ называетъ «драматическими сценами». Въ настоящемъ очеркѣ мы видѣли, однако, что по своему внѣшнему строю эти произведенія, несомнѣнно, принадлежатъ къ современной драмѣ, и что особенности ихъ, заставляющія только съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ примѣнять къ нимъ старую терминологію драма-

тического искусства, особенности драмы и Гауптмана и Метерлинка. Дѣло, конечно, не въ названіи. Какъ назвать какое-либо произведеніе искусства, къ какому роду поэзіи нужно отнести его, это, разумѣется, вопросы второстепенные. Но историкъ литературы невольно останавливается на этой сбивчивости терминологіи. Въ ней скрывается нѣчто весьма существенное. Она дастъ намъ точку отпавленія для того, чтобы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ современная драма въ общей эволюціи драматическаго искусства.

Въ серединѣ этого вѣка окончательно установилось выраженіе *драма* и оно стало одно только и примѣняться къ пьесамъ съ грустнымъ концомъ или что въ сущности то-же, съ трагической катастрофой. Терминъ трагедія совершенно вышелъ изъ употребленія. Подъ трагедіей стали разумѣть исключительно классическія произведенія и непременно, какъ говорилось, постановочныя, съ приподнятымъ надъ обычной жизнью возвышеннымъ содержаніемъ. Трагики—это Эсхиль, Софоклъ и Эврипидъ, Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Грильпарцеръ, Казимиръ де-ла-Винь. И въ современной драмѣ, самой трагической катастрофой нисколько не интересуются, это не болѣе какъ подробность; вовсе не въ ней видятъ сущность драматическаго искусства. Но вотъ теперь, какъ мы уже видѣли, вопросъ о трагизмѣ въ искусствѣ вновь ставится на очередь. Трагизмъ возродился; къ нему снова возникъ и интересъ. И что же? Теперь относительно такихъ произведеній, какъ „Ганнеле“ Гауптмана, какъ его „Ткачи“, какъ маленькія пьесы Метерлинка, какъ театръ Чехова и Горькаго, возникаетъ уже сомнѣніе въ томъ, можно ли ихъ вообще считать драмами. Они слишкомъ своеобразны и по замыслу и внѣшнему строю. Эти произведенія всякій согласится назвать трагическими, но имени *трагедія* имъ, конечно, уже не будетъ дано, разъ имъ отказываютъ даже въ названіи драмы. А между тѣмъ, какъ это уже показалъ историкъ современной драмы Штейгеръ, именно драма Ибсена, Метерлинка, Гауптмана соблюдаетъ такое условіе драматическаго искусства, которое во всѣ времена единогласно считалось основнымъ, наиболѣе важнымъ, опредѣляющимъ. И соблюдаетъ это условіе современная драма несравненно болѣе строго, чѣмъ вся предшествующая ей драма середины XIX в. Въ этомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ и въ отношеніи трагизма, современная драма какъ будто подхватила ту эволюцію драматическаго творчества, которую велѣдъ за Гете и Шиллеромъ вели дальше Грильпарцеръ и Геббель, которую послѣ провала, «Бюргеровъ» Виктора Гюго, хотѣли было продолжить Понсаръ и Казимиръ де-ла-Винь и которую прервали интересы театральной антрепризы, по своему сыгравшіе на реалистическихъ вкусахъ средняго класса современнаго общества.

Черта эта—единство дѣйствія и сосредоточеніе его на катастрофѣ. Современная драма вовсе не нуждается въ тѣхъ вертящихся сценахъ, позволяющихъ быстро мѣнять декорацию, которыми нѣмецкіе театры хотѣли достигнуть примиренія шекспировскихъ и лопедевеговскихъ пріемовъ драматической композиціи съ требованіями полноты современной декоративной обстановки. О томъ, чтобы мѣнять декорацию по нѣскольку разъ во время одного и того же акта, объ этомъ никто болѣе и не думаетъ. Дѣйствие зачастую происходитъ чуть ли не все время въ одной комнатѣ. Ганнеле не двигается даже съ своей постели. Въ той же самой гостиной г-жи Альвингъ развиваются „Призраки“. Никакой сложной постановки не требуютъ ни Чеховъ, ни Метерлинкъ. Въ «Моннѣ Ваннѣ» Метерлинка, единственной его пьесѣ, написанной прямо и откровенно для сцены, перемѣнить декорацию оказалось нужнымъ только разъ. И драмы эти идутъ быстро къ развязкѣ. Цѣлая сложная жизнь предполагается раньше перваго акта. Ти-

пичныя драмы—развязки, представляющія собою одну только катастрофу—представляютъ собою «Розмергольмъ», «Габріель Боркманъ», «Призраки», «Когда мы мертвые воскреснемъ» Ибсена, «Ганнеле» и «Михаиль Крамеръ» Гауптманна, «Intérieur» и «Монна Ванна» Метерлинка.

При всей своей осложненности въ діалогѣ и при множествѣ одинаково рельефно очерченныхъ героевъ, такимъ же строгимъ, почти классическимъ единствомъ отличается и «На днѣ». Тамъ нѣтъ ни одной лишней сцены, ни одного лишняго слова. И драма эта такъ же вся сконцентрировалась на катастрофѣ. Самое существованіе «облинялаго», «голаго» человѣка и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится считаться, уже есть катастрофа цѣлой жизни и цѣлаго ряда разнообразныхъ, столь же несчастныхъ, измученныхъ и истерзанныхъ жизнью личностей. Въ послѣднемъ, четвертомъ актѣ эта катастрофа только приняла характерную для новой драмы длительную и тѣмъ еще болѣе трагическую форму. Это сосредоточеніе на катастрофѣ и явилось необходимымъ, ощущаемымъ всякимъ художникомъ условіемъ трагическаго впечатлѣнія. Именно, здѣсь на одномъ примѣрѣ ясно видно, какъ неразрывно связана съ содержаніемъ форма художественнаго произведенія. И мало того, можетъ быть, форма—то и опредѣлила его основное «важное для жизни» значеніе. Она-то и вызываетъ то впечатлѣніе ужаса жизни, къ достиженію котораго стремится авторъ.

И впечатлѣніе отъ трагической катастрофы еще усиливается зловѣщими предсказаніями «людей на днѣ», которые слышатся съ самаго поднятія занавѣса. Оно нисколько не ослабляется и полными гордой бодрости, немного книжными ничшеанскими тирадами Сатина. На мѣстѣ Сатина, я признаюсь предпочелъ бы видѣть Тетерева изъ «Мѣщанъ» или Петра изъ «Троихъ» послѣ того, какъ его осудили бы за убійство мѣнялы. Ловкое шулерство можно было бы поручить и барону, а лицу, которое замѣнило бы Сатина, можно было бы дать и какое-нибудь другое болѣе сумрачное, темное дѣло. Тогда «ничшеанство» было бы болѣе органическое, менѣе вычитанное, родившееся также естественно и свободно, какъ родилось и само ничшеанство. Такіе взгляды, какъ «человѣкъ выше сытости», «человѣка не надо унижать жалостью», вѣдь знаютъ и знали сотни и тысячи людей раньше и помимо Ничше. Но это только къ слову, и это не важно. Ничшеанство Сатина, выражено ли оно удачно или не удачно въ драмѣ «На днѣ», само по себѣ толкаетъ зрителя на размышленія глубоко трагическія. Если и «На днѣ» слинявшій человѣкъ «не хочетъ, чтобы его жалѣли» и «продолжаетъ считать себя выше сытости», такъ же какъ умирающій рабочій въ „Парижѣ“ Зола, предпочитающій умереть съ голоду, озлобленный и дикій, тѣмъ перенести униженія Рабочаго дома или богадѣльни, то, очевидно, есть что-то въ глубинѣ человѣческаго сознанія, что царитъ надъ закономъ простой необходимости, есть что-то такое, что даетъ мужество не лгать и смотрѣть прямо на ужасъ жизни.

И этотъ прямой взглядъ на міръ необходимости, на его горе, на его жгучую безпощадную тяготу не есть только взглядъ тѣхъ, кому уготованы сытыя яства на пиру бытія. Тотъ, кому не хватило мѣста на этомъ пиру, или кто не успѣлъ отстоять свое право на это мѣсто, кто бы онъ ни былъ съ точки зрѣнія современныхъ подраздѣленій и распредѣленій людей, и тотъ затаенно, безсознательно, въ тайникахъ своего сознанія цѣнить не счастье, не довольство. Онъ не минуемо за этимъ довольствомъ чувствуетъ еще нѣчто другое. Это другое нерѣдко поглощается довольствомъ и чувствомъ сытости. И рядомъ съ этимъ, очень часто одинаково голоденъ и сытый и довольный участникъ праздника жизни и вовсе голодный, отверженный, прогнанный съ этого праздника или недопущенный до него.

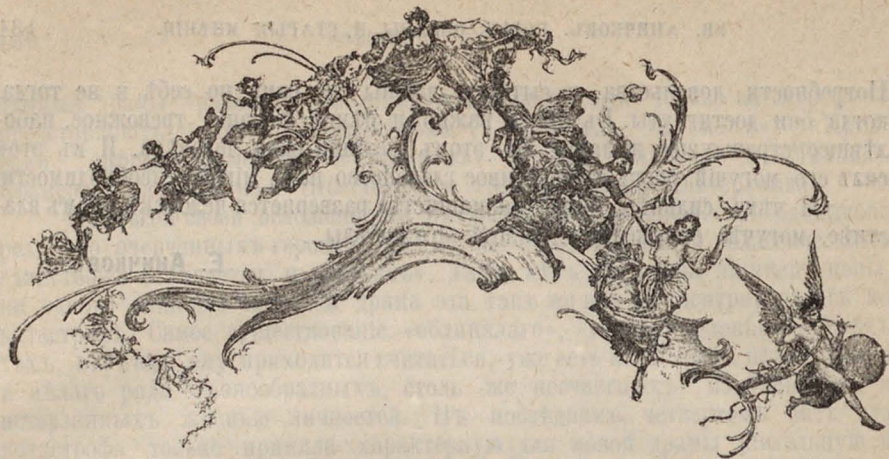
Потребности довольства и сытости важны не сами по себѣ и не тогда, когда они достигнуты. Въ нихъ важно и цѣнно желаніе, тревожное, наболѣвшее, страждущее желаніе. Въ этомъ желаніи сила человѣка. И въ этой силѣ его могучій ростъ и горделивое главенство надъ міромъ необходимости.

И чѣмъ сильнѣе, шире, размахистѣе развернется человѣкъ, тѣмъ властнѣе, могучѣе его желаніе, оплотъ его побѣды...

Е. Аничковъ.

Из литературы и жизни.

I.

Густавъ-Гейерстамъ — пѣвецъ супружества.

Однажды, въ минуту желчнаго настроенія, Стриндбергу пришло на умъ зло вышутить поэтическія мечты о любви, сразить идеальнаго бога любви ядовитою стрѣлою сатиры. Онъ нашелъ вѣрный способъ для достиженія этой цѣли: написалъ сатирическую поэму, сюжетомъ которой избралъ серебряную свадьбу... Ромео и Джульетты. «Безсмертные влюбленные», выведенные въ образѣ счастливыхъ супруговъ, справляющихъ свой семейный праздникъ въ кругу филистеровъ, — Ромео, — въ качествѣ шефа банкирскаго дома подъ фирмою «Ромео и сыновья», и Юлія, мать рослыхъ сыновей, — подъ перомъ Стриндберга стали какими-то неимоვნно пошлыми и прозаическими. Итакъ, что бы разсѣять золотые сны любви, погасить свѣтильникъ поэтической мечты, достаточно было Ромео и Джульетту посадить въ клѣтку супружества.

Поэты не любятъ супружества... Одни совѣмъ умалчиваютъ о немъ, другіе доводятъ влюбленныхъ только до порога алтаря, третьи издѣваются надъ прозой брачной жизни, четвертые интересуются супружествомъ только ради изображенія драмы вѣроломства; большинство стоитъ на сторонѣ сердецъ, томящихся въ узахъ нелегальной любви. Противоположный тонъ встрѣчается развѣ въ скучныхъ правоучительныхъ повѣстяхъ, предназначенныхъ для разныхъ «фамиліенбляттовъ».

Между тѣмъ, въ настоящее время нашелся истинный поэтъ, который не побоялся избрать темою для своего сочиненія любовь супруговъ. Онъ создалъ поэму супружества, не имѣющую ничего общаго съ правоучительною канителью «фамиліенбляттовъ», высокую по тону, трогательную и захватывающую. Тамъ, гдѣ другіе находили лишь пошлость, плоскость и прозу, норвежскій поэтъ Гейерстамъ открываетъ неожиданно для читателя новый и живой источникъ поэзіи. Какими чарами авторъ «Комедіи супружества» достигъ такого невѣроятнаго результата?

Эти чары кроются въ талантѣ Гейерстама, въ его необыкновенной сердечной чуткости и, главное, — въ своеобразномъ пониманіи любви.

Любовь есть страданіе, скорбь, — вотъ основной догматъ поэтической вѣры Гейерстама. Онъ говоритъ: «Любовь никогда не останавливается:

она либо растеть, либо уменьшается. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она приноситъ страданія, и эти страданія гораздо сильнѣе тогда, когда любовь растеть».

Этотъ взглядъ сразу обозначаетъ ту пропасть, которая существуетъ между Гейерстамомъ и авторами романовъ о счастливой супружеской жизни въ «семейныхъ журналахъ». У романистовъ нравоучительнаго пошиба супружеская любовь «лоснится» розовымъ блескомъ, раскрываетъ ротъ широкою улыбкой, садится въ кресла, покойная и довольная, одѣтая въ стеганный халатъ и расшитыя туфли, и «владѣеть». У Гейерстама, — какъ замѣчаетъ критика, — «любовь дрожитъ, боится, ходитъ на цыпочкахъ, чтобы не спугнуть очарованія, не обидѣть души, которая нашла себѣ у домашняго очага пристанище; забота объ удержаніи другого, близкаго сердца не стихаетъ здѣсь ни на одну минуту. Слова любви, хотя и не произносятся никѣмъ, все же звучать, просятся, поютъ, слышатся въ воздухѣ. Здѣсь люди знаютъ, что они приобрѣли заколдованный кладъ и напрягаютъ всѣ силы души, дабы его не потерять; знаютъ, что, живя, берегутъ святость, что цѣль и смыслъ жизни исчезнутъ, когда пропадетъ эта святость». «Въ такой атмосферѣ, — заканчиваетъ приведенную прекрасную характеристику польская писательница, г-жа Познеръ-Гарфейнъ — любовь можетъ жить и жить, какъ поэзія».

Для такой любви нужны, однако, необычные люди. Выведенный въ «Комедіи супружества» Робертъ Флодень дѣйствительно человѣкъ по характеру весьма своеобразный. Онъ слыветъ среди товарищей подъ названіемъ «веселаго Боба»; въ самомъ дѣлѣ, его всегда видѣли веселымъ, смѣющимся, поющимъ. Но когда онъ былъ одинъ, онъ не улыбался никогда. И чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ рѣже смѣялся, тѣмъ чаще искалъ одиночества.

Въ немъ лопнула какая-то струна. Онъ перемѣнился. «Я самъ не знаю, — говоритъ Бобъ, — что меня измѣнило. Быть можетъ, перемѣна произошла въ тотъ день, когда я сталъ замѣчать, какъ страшно много печали скрывается въ себѣ жизнь. Быть можетъ, я постыдился тогда собственной радости; а отъ этого стыда туча пала на мою душу... Знаю лишь, что пришелъ день, когда я пересталъ понимать, почему товарищи называютъ меня веселымъ».

Этотъ чрезвычайно мягкій человѣкъ говоритъ своимъ друзьямъ: «Я люблю васъ, потому что иногда мнѣ думается, что въ груди каждаго изъ васъ скрывается какая-нибудь рана». И онъ старается быть веселымъ, шутливымъ для нихъ, хотя его сердце плачетъ. Оно истекаетъ кровью въ одиночествѣ, ищетъ дружбы и любви. Робертъ Флодень не переноситъ мысли о томъ, что онъ на свѣтѣ одинокъ. Для кого-нибудь быть своимъ и имѣть кого-нибудь своего — вотъ его грезы о счастіи.

И вотъ, когда онъ женился, когда создалъ себѣ свой домъ, онъ каждую минуту заботится о томъ, чтобы увеличить количество тайныхъ нитей, соединяющихъ его съ другою душой; вѣдь когда сердца сроднятся, сольются, вращутъ другъ въ друга, — потеря того, другого сердца станетъ невозможной. Однако, несчастье приходитъ: является тѣнь, которая разлучаетъ его съ женой, — третій человѣкъ. Жена ушла съ любовникомъ, и Бобъ остался одинокимъ...

Что же? — онъ былъ неправъ?... Всѣ его заботы пропали даромъ?... Сердечная связь порвана навсегда?

Нѣтъ... Жена, выйдя за порогъ мужняго дома, въ чужихъ объятіяхъ ощущаетъ одиночество, боль, тоску... Она чувствуетъ, что заблудилась...

Нельзя представить себѣ чарующей простоты той сцены, когда заблудшая жена доверчиво и безъ испуга обращается къ прежнему мужу. «Я должна съ тобой поговорить, Бобъ,—произноситъ она, какъ ребенокъ, который раскаивается въ томъ, что напалилъ,—у меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы переговорить. Онъ... онъ совсѣмъ другой, чѣмъ ты и я»... И она возвращается въ свой домъ. Бобъ не убьетъ «вѣроломной» жены. Боль въ немъ жива, страшна, глубоко поранила сердце,—но любовь его выше, сильнѣе. Это любовь правдивая, искренняя. Она страдаетъ,—но, страдая, простить.

II.

Нитцше—новый Ла-Рошфуко.

О недавно появившемся въ свѣтъ сочиненіи «Nietzsche et l'im-moralisme» мы уже помѣщали отзывъ (см. «Вѣстникъ Знанія», № 2, стр. 172—173), теперь мы позволимъ себѣ ближе познакомить читателей съ заключительными главами этого сочиненія Альфреда Фулье.

«Слова Гейне о Шиллерѣ, — говоритъ авторъ, — находятъ себѣ еще большее приложеніе къ Нитцше: у него «умъ предается оргіямъ; отвлеченныя мысли, увѣнчанныя миртами, потрясають торсомъ и пляшутъ, какъ вакханки; это—пьяныя разсужденія».

Нитцше обладаетъ лирическимъ подъемомъ и широкимъ воображеніемъ, оставляющими Шиллера далеко позади себя. но, къ сожалѣнію, онъ направилъ свой талантъ на какое-то хроническое преклоненіе предъ самимъ собой. Онъ говоритъ о своихъ произведеніяхъ, какъ о пророческихъ, и въ то же время, какъ о перлахъ поэтическаго творчества, «Афоризмы, изреченія, которыя я первый ввелъ въ Германію, это формы въ чистотѣ; я горжусь тѣмъ, что сумѣлъ сказать въ десяти фразахъ то, что другой не выразилъ бы и въ цѣлыхъ томахъ. Я далъ человѣчеству самое глубокое сочиненіе — Заратустра; я вскорѣ далъ ему самое независимое». Сравнивая себя съ непризнаннымъ Христомъ, Нитцше предъ самимъ собой представляетъ себя имъ (въ «Ессе Номо») во всѣхъ отношеніяхъ и подписывается на послѣднемъ письмѣ къ Брандесу: «Распятый».

Какъ Ла-Рошфуко хотѣлъ всѣ умозаключенія вывести изъ самолюбія, такъ и Нитцше попытался объяснить «желаніемъ властвовать» всѣ поступки отдѣльнаго человѣка или общества. Всѣ эти «переоцѣнки» и перестановки основныхъ чувствъ всегда, конечно, возможны и содержать нѣкоторую долю истины, независимо отъ принятыхъ терминовъ. Для одного все кроется въ самолюбіи; для другого — въ желаніи жить; для третьяго — въ желаніи властвовать; для четвертаго — въ альтруизмѣ; для пятаго — въ сознательномъ или безсознательномъ мышленіи: страсть для Паскаля будетъ «стремительнымъ полетомъ мыслей», для нѣкоторыхъ нѣмецкихъ психологовъ «безсознательнымъ мышленіемъ» и т. д. Все это объясняется тѣмъ, что наши чувства заключаютъ въ себѣ насъ самихъ цѣлкомъ, и, исходя изъ какого-нибудь одного чувства, можно прійти ко всѣмъ остальнымъ.

Можно было бы остановиться на какомъ-нибудь главномъ недостаткѣ и утверждать, что отъ него исходятъ всѣ наши внутреннія побужденія, отъ сомнѣнія, напр., отъ сладострастія, отъ жадности, ненависти, лѣности и т. д. Но, конечно, можно взять и главные добродѣтели и ихъ поставить въ основу всего: какъ благоразуміе, храбрость, воздержаніе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ мѣрку для любого вкуса. Писатели и поэты могутъ до-

вольствоваться этими неопредѣленными парадоксами; философъ же долженъ указать всякому элементу его точное назначеніе и степень его участія.

Въ анализахъ Нитцше, конечно, справедливо то, что воля находится повсюду, и что она обладаетъ естественнымъ стремленіемъ распространить свою власть на окружающее. Благодаря этому извѣстному факту, Нитцше могъ найти во всякомъ поступкѣ индивидуальной воли борьбу съ окружающимъ и стремленіе къ ея развитію; но, переходя къ социальному порядку, онъ неправильно возвелъ отношенія человѣка къ ему подобнымъ въ желаніе подчинить, поработить, эксплуатировать другого. Даже въ любви онъ находитъ у любящей стороны развивающееся властвование, такъ что любить значило желать господства, желать быть могущественнымъ; у любимой же стороны онъ видитъ желаніе проникнуть въ душу другого, чтобы «украсть волю», чтобы эксплуатировать ее какимъ-нибудь образомъ. Задача Нитцше, какъ видно, нетрудна: всякій не можетъ легко выполнить, стоитъ только постараться раскрыть въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ обществѣ это желаніе властвовать.

Принявъ въ основаніе теорію воли Шопенгауера, Нитцше комбинируетъ ее съ всеобщей борьбой за существованіе Дарвина. Индивидумы суть центры воли, при чемъ каждый желаетъ быть всѣмъ, властвовать надъ всѣмъ, присвоить себѣ все. Но *bellum omnium contra omnes* (война всѣхъ противъ всѣхъ) Гоббса въ соединеніи съ самолюбіемъ Ла-Рошфуко становится, благодаря Нитцше и Дарвину, родомъ благотѣльного закона, закономъ прогресса. Страданія особей, исчезновеніе слабыхъ въ пользу сильныхъ, низшихъ расъ въ пользу высшихъ, все это надо принять съ радостью, съ распростертыми объятіями. Это безспорное право сильного, но Нитцше въ концѣ концовъ беретъ этотъ законъ въ его самомъ возвышенномъ смыслѣ и въ самомъ безпристрастномъ въ пользу болѣе высокой человѣческой расы или сверхчеловѣческой, которую произведетъ подборъ.

У Нитцше мы встрѣчаемъ всѣ слѣдствія, которыя обыкновенно ловко выводятъ изъ ученія Дарвина сторонниками силы, главнымъ образомъ, въ Германіи. Какъ и всѣ дарвинисты, стремящіеся просто приложить законъ Дарвина къ человѣческому обществу, Нитцше является аристократомъ и врагомъ демократіи. Онъ врагъ социализма, представляющаго собою коалицію слабыхъ и несчастныхъ противъ этого закона о сильныхъ; онъ не меньшій врагъ анархизма, ибо и здѣсь онъ видитъ враждебное отношеніе къ авторитету и управленію сильныхъ. И въ то же время онъ врагъ государства и общества, ибо и то, и другое управляются стадными законами и стремятся къ подавленію индивидуальности. Женское движеніе его возмущаетъ, какъ возстаніе слабого пола противъ сильного. Его раздражаетъ пессимизмъ, какъ стремленіе къ вырожденію и къ паденію. Наконецъ, состраданіе, мягкость, солидарность—всѣ эти злободневные кумиры, ему кажутся причиной паденія. По словамъ Заратустра, «война и храбрость сдѣлали больше подвиговъ, чѣмъ любовь къ ближнему; не изъ состраданія, а благодаря отвагѣ вы, воины, даруете жизнь покореннымъ». Нитцше, какъ примѣръ, указываетъ на Римскую имперію, предъ которой онъ преклоняется: онъ безъ размысленія заявляетъ, что Римская имперія держалась храбростью и войной, а не солидарностью и преданностью подданныхъ.

Нитцше непрерывно противопоставляетъ «благородное» «доброму».

«Благородный желаетъ создать нѣчто новое и нѣкоторую новую добродѣтель. Добрый стремится къ старымъ добродѣтелямъ и къ ихъ сохраненію».

Благодаря этому сомнительному аристократическому опредѣленію, Нитцше смѣется надъ добрыми и справедливыми, презираетъ ихъ и ставитъ имъ на видъ новыя достоинства, на которыя онъ претендуетъ. Синонимомъ морали у него является легальность и слѣпая рутина, спячка ума и сердца.

У Нитцше безусловно большой умъ, но, къ сожалѣнію, неправильный. что, впрочемъ, не помѣшало ему высказать массу истинъ или полустинъ. Что же слѣдуетъ удержатъ изъ этихъ анархистическихъ идей, доходящихъ до отрицанія всякаго моральнаго закона? Притомъ философскія ученія, каковы бы они ни были, представляютъ всегда опасности, потому что никакая система не справедлива со всѣхъ точекъ зрѣнія и потому не является абсолютной истиной. Слѣдовательно, надо избѣгать моральнаго догматизма, какъ и всякаго другого, тѣмъ болѣе, что онъ граничитъ съ моральнымъ фанатизмомъ. Всѣ ортодоксальныя ученія, повторялъ Гюйо, въ концѣ концовъ, приводятъ къ уменьшенію и способностей, къ осушенію сердецъ и къ фанатизму въ проявленіяхъ воли.

И тѣмъ болѣе неправъ влюбленный въ жизнь Нитцше, когда онъ сливаетъ всякую мораль съ христіанской, которая объявляетъ войну жизни. Мы соглашались съ Нитцше, и это поддерживалъ самъ Гюйо, — что христіанскій идеалъ далеко не единственный и не окончательный, что возможна еще масса измѣненій даже въ основахъ, не говоря уже о приложеніяхъ нашей этики. Гюйо тщательно позаботился «оставить всѣ двери открытыми». Онъ прислушивался ко всѣмъ мнѣніямъ и сторонился людей не только одной книги, но и одной мысли. Онъ не любилъ подвергать все анамнезу и не обратилъ бы никакого вниманія даже на проклятія какого-то Заратустры.

Другое заблужденіе Нитцше заключается въ томъ, что онъ въ морали видѣлъ только отрицательную сторону. Одинъ изъ его поклонниковъ, Вардъ, сравнивалъ всякаго моралиста съ тѣмъ инженеромъ, который сталъ бы изучать законы тренія въ машинѣ, не зная законовъ ея движенія и дѣйствующихъ силъ. Но истый моралистъ не можетъ удовольствоваться запрещеніями, предостереженіями и правилами воздержанія: онъ изучаетъ законы и дѣйствіе силъ въ отдѣльномъ лицѣ или въ обществѣ, чтобы вывести заключеніе объ истинномъ функционированіи механизма. Функционированіе требуетъ, какъ слѣдствіе, уменьшенія тренія, сведенія его къ минимуму, чтобы получить максимумъ живой силы, „воли“. И вотъ эту истинную волю важно опредѣлить; Нитцше же удовольствовался словомъ, не углубляясь въ суть его.

Изъ доктринъ Гюйо и Нитцше можно заключить, что идея морали вовсе не находится въ непримиримой враждѣ съ природою и съ жизнью. Для возможности примиренія цѣлей личныхъ и общихъ, что является предметомъ морали, оно не должно быть абсолютно противнымъ самой природѣ человѣка, противнымъ существенному стремленію человѣческой воли. Необходимо, чтобы идеалъ, который представляетъ собою гармонію личности со всѣмъ, имѣлъ нѣкоторую реальную почву въ себѣ самомъ; иначе это уже не будетъ законная идея, а чистая утопія, могущая быть исполненной лишь чудесами сверхъестественнаго милосердія. Возможность морали требуетъ такимъ образомъ, чтобы идеалъ отчасти уже былъ реализованъ у человѣка, чтобы у насъ въ дѣйствительности была точка соприкосновенія между идеаломъ и дѣйствительностью, откуда могла бы развиваться дальше зародившаяся гармонія, необходимо, чтобы сліяніе личной воли съ общей волей уже совершилось въ самомъ сердцѣ нашего существа, въ *punctum saliens* чтобы оттуда

оно могло расходиться лучами и мало-по-малу захватить все наше существо. Словомъ, необходимо, чтобы индивидуумъ имѣлъ, я не скажу, какъ Контъ, какъ Гюйо, „соціальную жилку“, но даже центръ чувства общественности. Мораль будущаго, по нашему, только тогда будетъ истинной моралью, когда она поставитъ внѣ сомнѣнія принципъ общаго вѣчнаго безпристрастія по отношенію къ самой личности, тождественно съ основнымъ желаніемъ человѣческаго существа.

III.

Гете и Нитцше.

Въ мартовской книжкѣ „La Revue“ Эмилъ Фаге, воодушевленный прекрасными и обстоятельными статьями Мишеля Арно, помѣщенными въ „l'Ermitage“, посвящаетъ небольшую статью разбору того вліянія, которое имѣлъ Гете на Нитцше.

„Чистый, олимпійскій эгоизмъ Гете, безспорно поразилъ умъ и сердце Фридриха Нитцше. Этотъ эгоизмъ, безусловно оригинальный, требуетъ нѣкотораго объясненія. Замѣтимъ прежде всего, что онъ былъ врожденнымъ, унаслѣдованнымъ и традиціоннымъ. Уже въ дѣтствѣ Гете старается миновать скотобойни, чтобы не видѣть крови, а позднѣе онъ не соглашается видѣть своихъ друзей предъ смертью, отказывается взглянуть на свою падчерицу, окровавившую себя какъ-то лицо; словомъ, онъ тщательно отстраняетъ отъ себя все, что напоминаетъ о смерти и что связано съ ужасной мыслью о ней.

Черта эта была въ глаза, и ее, къ глубокому своему сожалѣнію, при первомъ же знакомствѣ замѣтилъ Шиллеръ, сдѣлавшійся впоследствии столь близкимъ другомъ Гете. „Быть часто въ обществѣ Гете,—писалъ онъ Кернеру,—было для меня несчастіемъ; онъ ни на одну минуту не становится откровеннымъ даже съ самыми близкими друзьями; не знаю, съ какой стороны его можно взять, и я прихожу къ заключенію, что онъ первостатейный эгоистъ. Онъ обладаетъ способностью очаровывать людей, будь то мелкими или крупными, услугами; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда остается независимымъ. Свое бытіе онъ обнаруживаетъ благотворительными дѣлами, но дѣлаетъ онъ это, какъ Богъ, не участвуя въ томъ самъ. Этотъ образъ дѣйствій, кажется мнѣ, истекаетъ изъ строгаго плана, основаннаго на самолюбіи, находящемъ удовлетвореніе только въ себѣ самомъ. За это-то я ненавижу его, хотя люблю всей душой его умъ и ставлю его очень высоко. У меня по отношенію къ нему странная смѣсь любви и ненависти, чувство аналогичное тому, которое питали вѣроятно Брутъ и Кассій къ Цезарю“.

И въ самомъ дѣлѣ, у Гете мы видимъ не только возвышенный эгоизмъ, но и какъ будто бы умысленный: онъ держался въ отдаленіи отъ другихъ, чтобы тѣ держались въ такомъ же отдаленіи отъ него. Самъ Гете вполне откровенно заявляетъ по этому поводу, что „выдержка часто принимается за эгоизмъ“. По этому поводу Мишель Арно говоритъ, что „тѣ, которые живутъ для будущаго, должны казаться эгоистами тѣмъ, кто живетъ настоящимъ“; но Гете не жилъ только для будущаго: онъ жилъ для искусства, т. е. для всѣхъ временъ или вѣрнѣе внѣ времени.

Вотъ что говорилъ Гете Эккерманну: „Я всегда разсматривалъ каждого человѣка, какъ индивидуума, зависящаго только отъ себя самого. Я старался

понять его, опредѣлить тѣ особенности, которыми онъ отличается, не требуя взаимнѣ никакого участія“... „Высшее счастье, лучший даръ,— это эгоизмъ, обществу мы должны давать только результаты“ (а не душевное состояніе и всѣ думы, чрезъ которыя мы прошли до вывода извѣстныхъ заключеній)... „Свои мысли всегда хорошо держать про себя и обнаруживать лишь тѣ изъ нихъ, которыя необходимы, чтобы имѣть нѣкоторое преимущество предъ другими“.

Въ уста одного изъ своихъ героевъ Гете вкладываетъ слѣдующія прелестныя слова: „Я хотѣлъ быть въ сторонѣ отъ людей. Если они счастливы, то они требуютъ, чтобы относились съ уваженіемъ къ ихъ глупости; если они несчастны, то они желаютъ, чтобы вы имъ помогли, но не касались ихъ глупости. О томъ же, счастливы или несчастны вы, никому нѣтъ дѣла“.

Въ письмѣ къ Буассеръ онъ говоритъ съ олимпійскимъ величіемъ: „О многихъ вещахъ я могу говорить только съ Богомъ“.

Какъ видить читатель, эгоизмъ этотъ безусловно оригинальный, и отъ него остается тропинка къ альтриизму, которую и усмотрѣлъ самъ Гете; правда, надо сознаться, что эта тропинка столь узка, что, пожалуй, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ней можно застрять. Въ разговорѣ съ Эккерманомъ о собственности и коммуѣ, Гете заявляетъ: „Человѣкъ долженъ энергично отстаивать свою собственность (матеріальную, интеллектуальную и моральную); онъ долженъ стремиться стать центромъ, откуда могла бы образоваться община; ему необходимо дѣлать сбереженія, чтобы имѣть возможность расходовать...; онъ долженъ сдѣлаться эгоистомъ, чтобы имъ не быть“.

Будучи благотворительнымъ, другомъ—если и не нѣжнымъ, то во всякомъ случаѣ замѣчательно предупредительнымъ,—холодный и нѣсколько надменный, онъ иногда снисходительно пояснял, что его эгоизмъ напускной, и что онъ служить ему лишь защитой, охранительной стѣной противъ поплзновенія людей проникнуть въ территорію Гете: „мнѣ ничего не стоитъ,—говорилъ онъ,—быть мягкимъ; моя суровость, моя сухость дѣланыя: это лишь своего рода способъ защиты“.

Признавая за необходимое охранять свою личность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что не слѣдуетъ быть слишкомъ высокаго мнѣнія о своей персонѣ и не забывать, что даже и самый великій человѣкъ во многомъ обязанъ другимъ: „въ сущности мы всѣ существа общественныя. Мы всѣ въ силу необходимости связаны съ нашими предшественниками и современниками, и даже самъ гений не пошелъ бы далеко, если бы все черпалъ только изъ своихъ знаній... Въ моихъ трудахъ участвуетъ не только моя мудрость, но еще и многія лица и обстоятельства, независимо отъ меня... И развѣ, вообще говоря, эта способность, эта возможность обращаться за помощью къ внѣшнему міру и заставлять его служить нашимъ цѣлямъ,—не представляетъ собою благо“? Вотъ этотъ-то умѣренный эгоизмъ, или вѣрнѣе этотъ глубокий эгоизмъ, видящій за собой то, чѣмъ и самая сильная натура обязана другимъ, и—впереди себя, чѣмъ можетъ быть полезенъ другимъ, раціональный и разумный эгоизмъ; этотъ глубокий, но открытый эгоизмъ—и есть эгоизмъ Вольфганга Гете. Присмотритесь къ нему поближе, и вы увидите, что это—эгоизмъ Нитцше, что, именно, этотъ эгоизмъ проповѣдуетъ послѣдній и возводитъ въ научную доктрину.

Нитцше ставитъ основаніемъ право сильного. Сила даже и матеріальная—преимущественно интеллектуальная, ибо работа цивилизаціи состоитъ въ замѣнѣ матеріальной силы интеллектуальной и, особенно поздиѣ,

моральной, такъ какъ дальнѣйшая работа цивилизаціи будетъ состоять въ постепенномъ уравниеніи интеллектуальныхъ силъ, оставляя нетронутыми моральныя силы, которыя всегда будутъ рѣдкостью;— сила, каковой бы она ни была, имѣетъ, въ глазахъ Нитцше право развиваться и уничтожать то, что препятствуетъ ея развитію. Слѣдовательно, сильный долженъ заботиться о своей силѣ, развивать ее и въ особенности слѣдить за тѣмъ, чтобы на нее не наложили оковъ, чтобы ее не подчинили и тѣмъ самымъ, чтобы ее не парализовали. Въ этомъ заключается его долгъ по отношенію къ себѣ самому, ибо иначе слабые свяжутъ его, какъ лиллипуты Гулливера. Онъ самъ предастъ себя, если дастъ одурочить себя правиломъ „каждый для всѣхъ“ и моралью филантропіи и милосердія.

У слабого эгоизмъ—право, у сильного—обязанность, и потому-то, что у слабого онъ является обязанностью, у сильного долженъ быть правомъ.

Слабый, имѣющій силы какъ-разъ настолько, чтобы поддержать свою жизнь, этотъ бѣдняга, конечно, имѣетъ право быть эгоистомъ и думать только о себѣ. Сильный, уже по одному тому, что онъ представляетъ собою силу, несетъ на себѣ обязанность не позволять слабымъ уничтожить его силу, скупая, захватывая, раздѣляя и истощая ее.

Слабый имѣетъ обязанность бороться со смертію, слѣдовательно быть эгоистомъ, такъ какъ его маленькихъ силъ съ трудомъ хватаетъ для жизни, и ему приходится ревностно ихъ охранять. Сильный имѣетъ право также сохранить свою силу и не разслабитъ ее состраданіемъ, милосердіемъ, нѣжностью, ибо, во-первыхъ, она даръ природы и было бы противоестественно ее уничтожать, во-вторыхъ, она имѣетъ свое назначеніе для человѣчества и безспорно создана для того, чтобы управлять, руководить, владѣть, она является однимъ изъ главныхъ рычаговъ въ великой социальной машинѣ, въ машинѣ, именуемой „цивилизациею“.

Допустить уничтоженіе этой силы равносильно тому, что сдѣлалъ бы красивый человѣкъ, который умышленно изуродовалъ бы себя оспой изъ состраданія или участія къ некрасивымъ; равносильно тому, что сдѣлалъ бы здоровый человѣкъ, отрѣзавъ себѣ обѣ ноги въ угоду калѣкамъ и такимъ образомъ, невѣдомо по какому побужденію, лишилъ бы человѣчество одной изъ ея живыхъ и полезныхъ силъ.

Вотъ, право и обязанность силы, и надо сознаться, что, именно, эгоизмъ поддерживаетъ это право и дополняетъ эту обязанность. Эгоизмъ—добродѣтель, но въ этомъ сразу трудно убѣдиться, ибо у слабыхъ, т. е. у болѣе многочисленныхъ, онъ вовсе не представляетъ собою добродѣтели. Онъ является необходимостью, жалкой необходимостью и въ силу одного этого онъ не можетъ быть добродѣтелью. Но у сильного—это добродѣтель интеллектуальная и моральная. Она является добродѣтелью интеллектуальной, ибо сильному быть эгоистомъ—это сознавать суть силы ея права и обязанности, моральной,—ибо сохранять въ цѣлости свою силу не подавлять ее—требуетъ большого труда и воли.

Если сильный поддается добротѣ, то всѣ говорить, что это слабость; сильный не долженъ имѣть слабостей—это ясно изъ опредѣленія силы. Доброта у сильного—самоубійство, она можетъ быть лишь дѣломъ случая. Говорять, что доброта—это роскошь сильныхъ; такъ оно и должно быть, она должна быть только роскошью. Если вникнуть глубже, то доброта есть отреченіе, прелестное выраженіе „морали рабовъ“, которое по существу означаетъ добровольное ослабленіе, самоубійство, паденіе во всѣхъ смыслахъ этого слова.

Итакъ, существуютъ два класса людей: слабые, которые живутъ по мѣрѣ своихъ силъ, работаютъ въ потѣ лица своего, для которыхъ жизнь

грозить постояннымъ крикомъ „спасайся, кто можетъ“, и—сильные, на которыхъ лежить цѣлый рядъ обязанностей: во-первыхъ, они должны быть сильными и сохранять свою силу, ибо они созданы, очевидно, для этого; во-вторыхъ, они должны заботиться о благѣ человѣчества общими путями и общими желаніями, организуя его, давая ему прочную основу: такъ, чтобы увеличить сумму благъ, т. е. создать наилучшій порядокъ, и наконецъ, они могутъ, но не по обязанности, а изъ роскоши, творить добро лично отъ своего имени, частнымъ образомъ, по своей собственной инициативѣ. Это послѣднее не возбраняется, но надо всегда помнить, что оно очень опасно, ибо можетъ повести къ заблужденіямъ, къ излишеству и къ уничтоженію порядка.

Вотъ сущность ученія Нитцше. И если онъ основу своего ученія нашелъ въ изученіи греческой старины, если 1870 годъ и упоеніе нѣмцевъ правомъ сильного много способствовали упроченію въ умѣ Нитцше этого ученія, то весьма вѣроятно, что главнымъ образомъ труды и жизнь Гете послужили принципомъ и душой ученія недавно скончавшагося индивидуалиста.

IV.

Лига женщинъ „равнодушныхъ къ мужчинамъ“.

Такая лига, какъ можетъ быть, неизвѣстно нашимъ читателямъ, образовалась недавно въ Лондонѣ и имѣетъ цѣлю «развитія въ женщинахъ индифферентизма по отношенію къ мужчинамъ».

Критикъ этой лиги и ея цѣлей посвящаетъ извѣстный французскій ученый Эмиль Фагэ статью въ *Revue*, изъ которой мы и приведемъ болѣе характерныя мѣста.

«Если бы я былъ лѣтъ на тридцать моложе говорить Фагэ,—я былъ бы необычайно польщенъ образованіемъ такой лиги. Да и теперь я польщенъ за тотъ полъ, къ которому принадлежу. Развѣ не лестно, что женщины, называющія себя индифферентными, чувствуютъ (какъ показываетъ самое названіе этой лиги) необходимость соединиться въ общество, укрѣпиться, что бы противостоять неотразимому обаянію мужчинъ».

Что было бы, если бы онѣ были не индифферентны? Какая тогда организация нужна была бы имъ?

До сихъ поръ мы думали, что есть, дѣйствительно, женщины индифферентныя по отношенію къ мужчинамъ. Но теперь намъ начинаетъ казаться, что такихъ женщинъ нѣтъ, и, дѣйствительно, у насъ передъ глазами есть признаніе (можетъ быть и невольное) самихъ женщинъ въ ихъ слабости. Уже одинъ фактъ соединенія индифферентныхъ женщинъ въ общество показываетъ, что онѣ не совсѣмъ отвѣчаютъ за себя. «Поддержите меня, какъ бы кричить каждая изъ нихъ... а не то я за себя не отвѣчаю!» Что можетъ быть лестнѣе для мужчинъ?

Какъ бы то ни было, а такое общество существуетъ и имѣетъ уставъ, пункты котораго хотя и очень суровые, показываютъ эту слабость женщинъ и скорѣе страхъ передъ мужчинами, чѣмъ индифферентизмъ. Пунктъ первый этого устава гласитъ: Въ члены общества для развитія въ женщинахъ индифферентизма принимаются женщины, достигшія семнадцатилѣтняго возраста, посящія длинныя юбки и изящныя прически. Все это прекрасно! «индифферентки» хотятъ этимъ показать, что онѣ не отказываются отъ своего пола съ его прелестью. Все это очень разумно, и я ничего не могу возразить противъ этого пункта.

Пунктъ второй: Члены этого общества должны быть въ состояніи противостоятъ всеѣмъ обаяніямъ мужчинъ, презирать любовь и чувствовать отвращеніе къ браку, Выраженія, въ какихъ составленъ этотъ пунктъ, очень сильны, а потому обнаруживаютъ слабость. Не забывайте, mesdames, что вы индифферентны, а индиферетизмъ холоденъ и спокоенъ, а не пылокъ. Если онъ пылокъ, онъ перестаетъ быть индиферетизмомъ. Неужели вы не знаете, что между любовью и ненавистью меньше разстоянія, чѣмъ между любовью и индиферентизмомъ? Вспомните въ пьесѣ Сарду слова Федоры къ своему возлюбленному: «Ты меня оскорбляешь! Ты меня еще любишь!» Вы насъ оскорбляете вашимъ вторымъ пунктомъ; презреніе, отвращеніе, слѣдовательно, вы еще насъ любите. Нѣтъ, это не языкъ индиферентизма.

Пунктъ третій: Члены должны вести пропаганду среди женщинъ слабыхъ, поддающихся искушенію вступить въ бракъ, отвращать ихъ отъ этого намѣренія.

Конечно, прямой обязанностью всякой лиги является рекрутированіе, приверженцевъ. Но, въ данномъ случаѣ, оно только лишній разъ показываетъ вашу слабость. Индифферентныя должны были бы говорить такъ: Мы, „индиферентки“ вполне естественно, какъ люди однихъ убѣжденій, однихъ вкусовъ, соединяемся въ общество. Кто однихъ убѣждений съ нами, тотъ примкнетъ къ намъ. Вести пропаганду мы не будемъ, Пропаганда указываетъ на враждебность, а не на индиферентизмъ. Такая пропаганда была бы признаніемъ нашей слабости». И вотъ вашъ третій пунктъ, именно, и обнаруживаетъ этотъ страхъ слабости, а потому и самую слабость.

Пунктъ четвертый: Члены должны сами добывать средства къ жизни, для того, чтобы быть независимыми.

Я обѣими руками подписываюсь подъ такимъ пунктомъ,—конечно, женщина должна зарабатывать свой хлѣбъ или быть въ состояніи его зарабатывать.

Не обязательно, конечно, чтобы женщина работала, если она можетъ обойтись и безъ этого, но необходимо, чтобы она знала какое-нибудь ремесло, которое могло бы ей дать возможность добывать средства къ жизни. Несомнѣнно, что отсутствіе профессіи для женщины равносильно рабству. Если дѣвушка, несмотря на протежирующій ее законъ о совершеннолѣтіи, весьма часто принуждена вступать въ бракъ только по настоянію родителей, то это потому, что она не знаетъ никакого ремесла, которое ей бы позволило сказать своимъ родителямъ: «Я не нуждаюсь больше въ вашей помощи!» Въ этомъ отношеніи дѣвушка въ буржуазныхъ классахъ рабыня по сравненію съ дѣвушками рабочихъ классовъ.

Чтобы быть самостоятельной, женщина должна сама добывать средства къ существованію или быть въ состояніи ихъ добывать—такъ гласитъ вашъ четвертый пунктъ. Я могу лишь аплодировать вамъ за такія пожеланія.

Но за то дальше въ уставѣ у васъ есть два пункта, съ которыми я не согласенъ. Вы говорите съ одной стороны: Дружба съ лицами другого пола терпима, но подъ условіемъ, чтобы къ ней не примѣшивалось и намека на другое чувство; а съ другой: Всякое нарушеніе устава влечетъ за собою штрафъ минимумъ въ 125 франковъ.

Мнѣ кажется, что эти два пункта противорѣчатъ другъ другу.

Какіе же проступки влекутъ за собою штрафъ? Конечно, не дружба, разрѣшаемая вашимъ уставомъ, и не бракъ или свободная связь съ

мужчиной, такъ какъ всякая, вступившая въ бракъ, тѣмъ самымъ, очевидно, выходитъ изъ вашей лиги. За что же тогда налагается наказаніе? Вѣроятно, за отношенія среднія между дружбой и любовью, отношенія, оттънковъ которыхъ трудно уловить. Если это такъ, то вамъ придется въ каждомъ данномъ случаѣ призывать на помощь всю психологію и казуистику, чтобы распутаться среди сложныхъ отношеній женщины къ мужчинамъ. Это очень трудная задача, тѣмъ болѣе, что всѣхъ оттънковъ этихъ отношеній даже часто нельзя будетъ опредѣлить. И вотъ—вся ваша жизнь будетъ проходить въ разговорахъ о любви.

Вы видите, что этого вамъ никакъ не избѣжать. Вы основываете лигу для борьбы съ любовью, но главнымъ, если не единственнымъ занятіемъ этой лиги, будетъ анализъ вопросовъ любви.

Результатъ непредвидѣнный, но неизбѣжный! Непріятель ли онъ? Не думаю. Женщины могутъ отказаться отъ любви, бороться съ ней, объявить любви истребительную войну, но подъ условіемъ заниматься ею безпрестанно. Въ лигѣ для развитія индиферентизма будетъ враждебность, мстительность, все, что вы хотите, кромѣ индиферентизма!

Девизомъ ея будетъ: «Долой любовь!», а задней мыслью: «дѣйствительно, долой, долой, но лишь бы всегда трактовать о ней!»

И это вполнѣ естественно! Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!...

У.

Пессимическое теченіе въ современной японской литературѣ.

Въ настоящее время въ японской литературѣ господствуетъ пессимистическое теченіе, апостолами котораго являются Шопенгауеръ, Нитцше и Горькій. Ихъ произведенія изучаются, являются предметомъ лекцій, ученія ихъ развиваются и комментируются. Еще недавно д-ръ Осука въ одной изъ своихъ блестящихъ лекцій осуждалъ стремленіе японцевъ къ преклоненію передъ этими ученіями. Желая обевропенться, японцы съ жаромъ набрасываются на модныя въ Европѣ теоріи и изъ-за нихъ отказываются отъ своего національнаго характера. Въ настоящее время въ Японіи эти теоріи считаютъ многочисленныхъ фанатиковъ. Они убѣждены, что надо усесться у ногъ Заратустры, признать его учителемъ въ морали, религіи и философіи, воздвигнуть ему культъ, если хочешь вкусить прелесть идеала. Онъ переводится поэтоу и печатается народными изданіями, которыя и создаютъ ему самую дѣятельную пропаганду. Горячими сторонниками его являются д-ра Такайама и Куваки Генуёки. Первый въ своемъ произведеніи «Прекрасная жизнь» показываетъ, что у Нитцше художественное чувство на столько же глубоко, какъ и чувство религіозное. Второу занимается этикой нитцшеанства, и маленькій томикъ его, посвященный этому вопросу, расходится тысячами. Горькій не менѣе популяренъ... Стараются показать, какъ это сдѣлалъ Газегава Тонкей, что Горькій не проповѣдуетъ бродячей жизни, съ ея чисто животными инстинктами, но что, рисуя ее съ захватывающимъ реализмомъ, онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ осудить буржуазное общество.

Но, съ другой стороны, критики-эклектики, протестуя противъ слишкомъ сильнаго увлеченія Нитцше и Горькимъ, въ то же время порицаютъ тѣхъ, которые относятся къ нимъ враждебно. Эти критики видятъ въ Нитцше и Горькомъ прежде всего продукты психической и философской

эволюціи, познать которую можно только при условіи знакомства какъ съ тѣми теченіями мысли, которыя вызвали къ жизни этихъ двухъ гениальныхъ людей, такъ и съ той страной, гдѣ они развились.

Но въ то время, какъ происходитъ борьба между сторонниками и противниками Нитцше и Горькаго, создается и школа Байрона. Въ послѣднемъ хотѣтъ видѣть какъ бы предшественника Заратустры. Развѣ не сказалъ Байронъ: «Whatever is, is right» (все существующее справедливо), что равносильно основѣ ученія Нитцше: «Nichts ist wahr; alles ist erlaubt» (нѣтъ ничего истиннаго;—все позволено). Кимура Такатаро высказываетъ убѣжденіе, что введеніе байронизма въ Японію явится отличнымъ противо-ядіемъ противъ лицемерія, лѣстности и уметвенной слабости, которыя онъ считаетъ національными недостатками.

Интересны въ виду всего вышесказаннаго взгляды новѣйшаго историка японской литературы В. Астона. «Остается,—говоритъ онъ,—христіанству наложить свой отпечатокъ на литературу періода Токио (отъ 1868 года и до настоящаго времени). Нѣкоторые соображенія позволяютъ ожидать важныхъ результатовъ въ этомъ направленіи въ теченіе текущаго вѣка. Въ Японіи числится въ настоящее время около 113,000 христіанъ-туземцевъ; Японцы усвоили уже науку и философію европейскую и было бы странно, если бы христіанство не сдѣлало въ Японіи большихъ успѣховъ. Вѣроятно, оно будетъ принято съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ это было и съ буддизмомъ, въ духѣ болѣе рационалистическомъ, чѣмъ въ Европѣ».

Какъ бы отвѣтомъ на это предположеніе является романъ К. Токутами «Omoide No Ki» (Воспоминанія).

Романъ этотъ представляетъ собой автобіографію молодого современнаго японца. Авторъ хотѣлъ показать въ ней эволюцію души, ищущей пути среди различныхъ вліяній, оказываемыхъ на нее современной жизнью.

Молодой человѣкъ началъ жизнь безъ цѣли. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ онъ даже не испытывалъ любовныхъ увлеченій. Онъ продолжалъ бы эту праздную жизнь, если бы не мать, которая пробудила въ немъ сознаніе долга. У нея нѣтъ другихъ дѣтей и съ отчаяніемъ она видитъ, что съ нимъ прекращается родъ, о продолженіи котораго онъ и не заботится.

Слабый и пресыщенный онъ думаетъ только о себѣ и чуждъ всего того, что не касается его лично. Однажды мать ведетъ его на могилу отца и тамъ на колѣняхъ горячо упрекаетъ его за его пустую жизнь и наконецъ, выхвативъ ножъ, восклицаетъ: «Умри лучше, такъ какъ ты бесполезное существо! Умри и я послѣдую за тобой!» Шинтаро (имя японца) знаетъ, что многіе изъ его предковъ не отступали передъ самоубійствомъ; онъ знаетъ также, что самоубійство считается многими молодыми японцами очень пріятнымъ концомъ, что они идутъ на встрѣчу ему съ радостью. Онъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, но мать удерживаетъ его: «Трусъ,—восклицаетъ она, у тебя нѣтъ даже смѣлости жить». Тогда кровь его предковъ закипаетъ и пробуждаются чувства, спавшія до сихъ поръ. Онъ начинаетъ понимать смыслъ жизни и, заливаясь слезами, клянется сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ.

Такова развязка первой стадіи нравственной эволюціи души.

Шинтаро въ наукѣ ищетъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые теперь не даютъ ему покоя. По этому поводу авторъ знакомитъ насъ очень подробно съ университетской жизнью современной Японіи. Мало по мало наука и религія проникаютъ въ душу молодого японца. Но полное обращеніе сопровождается моментами колебанія, сомнѣнія и иногда полнаго отступленія. Неофита одинаково сильно привлекаютъ и вѣра, и пессимизмъ. Когда

Шинтаро видитъ своего друга Кенто, пораженнаго на его глазахъ молніей, онъ начинаетъ сомнѣваться въ дѣйствительной добротѣ Бога. Онъ отвращается отъ Него, чтобы затѣмъ вернуться къ Нему съ болѣе сильной вѣрой, усматривая въ Кенто своего искушителя, смерть котораго спасла его духовно.

Но этимъ романъ не кончается. Шинтаро—христіанинъ испытываетъ чувство любви. Исторія этой любви—прекрасная идиллія. Отношеніе молодого человѣка къ избранницѣ своего сердца, скромность молодой дѣвушки, ихъ рѣшеніе быть вдали другъ отъ друга и даже не переписываться до дня ихъ соединенія—все это описано съ такимъ мастерствомъ, котораго литература японская до сихъ поръ не имѣла примѣровъ. Сцены развиваются такъ естественно, такъ логично, что книга эта читается съ интересомъ, неослабѣвающимъ до послѣдней страницы.

Романъ этотъ, такимъ образомъ, появился какъ бы въ противовѣсъ все болѣе и болѣе распространяющемуся въ Японіи нитишеанству.

Вопросы народного образованія и — библиографіи.

А. А. Николаевъ.

Ближайшія задачи народно-популярной литературы.

Уже въ первомъ своемъ номерѣ „Вѣстникъ Знанія“ считалъ необходимымъ отмѣтить, какъ научный историческій фактъ даннаго момента—появленіе массового читателя—читателя изъ народа. Несомнѣнно, что читатель этотъ усиливъ спросъ на такъ называемую народную книгу и навстрѣчу этому спросу идетъ и соответственное предложеніе.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ ту огромную разницу которую мы можемъ констатировать въ концѣ даннаго десятилѣтія въ дѣлѣ предложенія книги „читателю изъ народа“, позвольте привести двѣ выдержки изъ рецензій, отдѣленныхъ какъ-разъ почти цѣлымъ десятилѣтіемъ. Вотъ что мы находимъ въ „Рус. Богатствѣ“ ¹⁾ по поводу одного дешеваго изданія г-жи Муриновой: „цѣна этого изданія, да и его внѣшность показываютъ, что оно рассчитано на большое распространеніе среди той невзыскательной публики, которая еще, можетъ быть, не разсталась съ „Францылемъ Венеціаномъ“ и „Милордомъ Георгомъ англійскимъ“. На оберткѣ книжки напечатанъ списокъ изданій той же фирмы и, повидимому, той же цѣны и того же назначенія, въ числѣ которыхъ есть рассказы Златовратскаго, Короленко и проч. Прежде всего надо порадоваться за эту невзыскательную публику, начинающую получать чтеніе, которое можетъ удовлетворить даже самую взыскательную“ (курсивъ нашъ). И такъ, нашъ рецензентъ не можетъ скрыть своего искренняго удовольствія по поводу того, что „невзыскательная публика“ *начинаетъ* получать, по доступной для себя цѣнѣ, доброкачественную умственную пищу.

А вотъ что читаемъ мы почти черезъ десять лѣтъ въ другомъ не менѣе почтенномъ журналѣ ²⁾. „За послѣднія пять лѣтъ въ области научной литературы „для народа“ произошли очень замѣтные и существенныя перемѣны. Появились народныя книжки по государственному праву какъ русскому, такъ и западно-европейскихъ державъ; по праву уголов-

¹⁾ „Рус. Бог.“, 93 г., № 10.

²⁾ „Рус. Мысль“, 1901 г., № 12.

ному, по политической экономіи, по социологіи и др... Сильно пополнился отдѣлъ исторіи русской, всеобщей и исторіи литературы и естествознанія. Не менѣе поразителенъ ростъ народной литературы и въ глубину... Въ народную литературу уже вошли такіе вопросы или, точнѣе говоря, научныя истины, какъ вѣчность энергіи; превращеніе и вѣчный круговоротъ вещества, единство состава вселенной, единство жизни, вѣчная борьба, идущая съ незапамятныхъ временъ въ обществахъ низшихъ и высшихъ животныхъ не только за существованіе, но и за лучшее существованіе; въ народной литературѣ появились отдѣльныя картины перипетій борьбы, идущей въ человѣческомъ обществѣ. То, что казалось вершинами науки, понемногу уже спустилось до низу, раздѣлилось на мелкіе вопросы, разсыпалось, размѣнялось и дошло до лубочной листовки, попадающей совершенно стихійно въ коробъ полуграмотнаго офени⁴.

Картина, дѣйствительно, измѣнилась рѣзко. Но для того, чтобы этотъ все возрастающій и усиливающийся потокъ книгъ, брошюръ и листовокъ, пробилъ себѣ твердое русло, исполнилъ тахіишм полезной работы и достигъ по кратчайшему пути до намѣченной цѣли, необходимо умѣть разбираться во всемъ этомъ матеріалѣ тѣмъ, кто думаетъ въ этомъ направленіи послужить задачамъ, выдвинутымъ самою жизнью. „Распространитель книгъ“,—говоритъ г. Рубакинъ³),—„тогда будетъ идейной силой, когда будетъ прилагать къ книжному содержанію идейную мѣрку“.

О такой „идейной мѣркѣ“ мы хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

II.

А поговорить объ этомъ стоитъ уже по одному тому, что къ популяризаціи предъявляются крайне разнообразныя требованія.

Да вотъ, напр., строчки изъ „Хроники внутренней жизни“, взятые нами изъ „Рус. Бог.“⁴). Рѣчь тутъ идетъ по поводу объявленія отъ Ученаго Комитета Мин. нар. пр. о конкурсѣ на составленіе „Исторіи Россіи для народа“. „Какъ бы въ отвѣтъ на это въ февральской книжкѣ „Рус. Вѣстн.“, замѣчаетъ хроникеръ „Рус. Бог.“, сотрудникъ этого журнала (т. е. „Рус. Вѣстн.“), г. Розановъ, совѣтуетъ бросить все существующіе учебники по исторіи и возвратиться къ Синопису XVII вѣка, написанному языкомъ Симеона Полоцкаго, неудобочитаемою и непонятной смѣсью испорченнаго славянскаго, польскаго, русскаго и латинскаго языковъ. Такую смѣсь г. Розановъ вмѣстѣ съ полусказочнымъ характеромъ изложенія Синописса находитъ изложеніемъ „строго культурнымъ“, даже художественнымъ. и болѣе всего подходящимъ для „крестьянскаго пониманія“.

Но Богъ съ нимъ, съ г. Розановымъ. Мы знаемъ истинную цѣну тѣмъ замысловатымъ колѣнцамъ, которыя любятъ откидывать этотъ публицистъ. И если мы приводимъ здѣсь его мнѣніе, то исключительно только, какъ образецъ того, до чего можно договориться, при желаніи, на данную тему.

Если съ одной стороны къ популяризаціи предъявляютъ, какъ только что мы видѣли, иногда требованія совершенно неразумныя, то съ другой стороны мы встрѣчаемъ здѣсь часто и требованія неосновательныя. Но опять-таки не будемъ голословны.

³) „Образованіе“, 1901 г., № 1.

⁴) 93 г., № 4.

„Исторія земли“ Неймайра, говоритъ „Научное Обзорѣніе“⁵⁾; „бесспорно наилучшее изъ популярныхъ сочиненій по геологіи и палеонтологіи. Мы намѣренно подчеркиваемъ слово популярный, такъ какъ наши взгляды на популяризацию нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, которые еще пользуются значительнымъ распространеніемъ. Само собою разумѣется, что чтеніе книги Неймайра требуетъ извѣстной подготовки и что книгу эту нельзя назвать элементарной; съ другой стороны, эта книга имѣетъ значеніе капитальнаго научнаго труда, изъ котораго черпали и черпаютъ даже присяжные ученые. Вообще, самыми лучшими популяризаторами оказываются ученые, пролагающіе новые пути, и къ числу такихъ ученыхъ несомнѣнно принадлежитъ Неймайръ. У него нѣтъ и тѣни того, что французы называютъ vulgarisation (вульгаризаціей) науки и къ чему нѣмцы быть можетъ, съ большимъ основаніемъ придали названіе populare Verflachung (популярное оплошваніе)“.

Мы безусловно съ этимъ несогласны. Если вѣрно то, что популяризаторъ долженъ быть хорошо вооруженъ наукой, то вѣрно также и то, что онъ долженъ знать свою среду, *спеціально* изучать ее. Популяризація науки становится, такъ сказать, особой спеціальностью, на которую выдающіеся ученые часто не имѣютъ ни времени, ни таланта,

Не можемъ не привести здѣсь свидѣтельства извѣстнаго популяризатора Н. А. Рубакина⁶⁾.

Въ одномъ изъ своихъ талантливыхъ „Очерковъ русской жизни“ Шелгуновъ, говоритъ г. Рубакинъ, очень мѣтко замѣтилъ, что извѣстный трудъ „Что читать народу?“ заключаетъ въ себѣ вопросъ, „какъ писать для народа, какъ съ нимъ говорить? какъ создать живую и нравственную связь съ нимъ, какъ установить непосредственныя отношенія?“ „Что читать народу? добавимъ мы,—продолжаетъ г. Рубакинъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ содержать отвѣтъ на этотъ вопросъ; если отвѣтъ не полонъ,—во всякомъ случаѣ, капитальный трудъ кружка Х. Д. Алчевской содержитъ много указаній словами самого народа, какъ писать книжки. Если тотъ, кто берется за трудъ составленія книжекъ для народа, не знаетъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ желаетъ бесѣдовать,—пусть онъ хоть дорожитъ указаніями, замѣчаніями, мнѣніями этихъ послѣднихъ и учится по нимъ. Эти мнѣнія безусловно необходимы (курсивъ г. Рубакина) составителямъ научныхъ книжекъ“.

Ту же ошибку, которую мы отмѣтили въ мнѣніяхъ „Научнаго Обзорѣнія“ о популяризаціи, повторяетъ и одинъ изъ рецензентовъ „Русскаго Богатства“, добавляя еще такую черточку въ требованіяхъ, предъявляемыхъ имъ къ популяризаціи, съ которой мы ни въ какомъ случаѣ опять-таки согласиться не можемъ, разъ эта добавка приводится въ безусловной формѣ.

Вотъ это мнѣніе⁷⁾. „Популярное изложеніе,—говоритъ г. рецензентъ „Русскаго Богатства“,—предназначается для тѣхъ читателей, которые не могутъ безъ помощи посредника-истолкователя ознакомиться съ извѣстными истинами, входящими въ кругъ общаго образованія. Популяризаторъ не обѣщаетъ дать что-нибудь свое по существу,—онъ берется, представить уже добытые результаты изслѣдованія въ такой формѣ которая сдѣлала бы ихъ доступными и неподготовленному читателю

⁵⁾ 97 г., № 6.

⁶⁾ „Этюды о русской читающей публикѣ“, стр. 150.

⁷⁾ „Рус. Бог.“, 1898 г., № 3.

Оригинальность популяризатора заключается въ умѣннѣи найти такую общепонятную и интересную форму для сложныхъ и трудныхъ истинъ; это нелегко, это предполагаетъ извѣстную степень духовной самостоятельности и глубокое знакомство съ матеріаломъ, поэтому-то хорошими популяризаторами бывають обыкновенно люди, сдѣлавшіе что-нибудь не только для распространенія, но и для приращенія богатствъ науки. Двухъ крайностей избѣгаетъ хорошая популярная статья: во-1-хъ, банальностей, потому что банальности скучны, во-2-хъ, парадоксовъ, попусту огорашивающихъ скромнаго читателя и въ дальнѣйшемъ не получающихъ никакого подтвержденія⁸⁾.

Мы уже установили, что хорошій популяризаторъ долженъ обладать специальными знаніями и особымъ талантомъ, а потому на этой сторонѣ дѣла мы теперь и не будемъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что г. рецензентъ „Рус. Бог.“ высказывается въ менѣе категорической формѣ, чѣмъ это дѣлаетъ г. рецензентъ „Научнаго Обзорнія“. Ну, а вотъ какъ насчетъ парадоксовъ? Дѣйствительно ли они оказываются безусловно вредными въ дѣлѣ популяризаціи? Конечно, парадоксъ на то и парадоксъ, чтобы въ дальнѣйшемъ не получать никакого подтвержденія. Конечно, говоря словами В. И. Савихина: „если человѣкъ подходитъ къ большой истинѣ постепенно, то онъ усвоить ее легко, будь онъ самъ Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ. Но когда эта истина поперетъ на него быкомъ, ни съ того, ни съ этого, онъ изумится и отодвинется въ сторону“. Конечно, все это такъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все яркое, необычайное, парадоксальное, употребленное съ тактомъ и умѣніемъ, должно производить впечатлѣніе, заинтересовывать, заинтриговывать, притягивать къ книгѣ. Это подтверждаютъ многіе наблюдатели народной жизни, и этотъ пріемъ особенно важенъ тамъ, гдѣ книгѣ приходится имѣть дѣло съ самымъ вкуснымъ элементомъ читателя, съ самыми его низами. Вотъ что, напр., мы находимъ у г. Дорошевича въ его, по нашему мнѣнію, замѣчательной книгѣ „Сахалинъ“⁸⁾.

„Тюрьма, какъ и все русское простонародье, очень цѣнитъ „точное знаніе“.

Именно точное.

— Сколько въ Бельгіи народу?

— Пять съ половиной миллионовъ.

Именно съ „половиной“. Это-то и придаетъ солидность знанію.

Народъ — мечтатель, народъ не утилитаристъ, народъ нашъ, а съ нимъ и тюрьма, съ особымъ почтеніемъ относятся къ знанію не чего-нибудь житейскаго, повседневнаго, необходимаго, а именно къ знанію чего-нибудь совершенно ненужнаго, къ жизни непримѣнимаго (курсивъ нашъ). И, кажется, чѣмъ бесполезнѣе знаніе, тѣмъ болѣе шире оно пользуется почтеніемъ. Это-то и есть настоящая „мудрость“.

Вращаясь среди каторжанъ, вы часто нарывааетесь на такіе вопросы:

— А сколько, ваше высокоблагородіе, на свѣтѣ огнедышащихъ горъ, то-есть вулкановъ?

— Да тебѣ-то зачѣмъ?

— Такъ, знать желательно. Потому, какъ вы ученый.

— Ей Богу, не знаю.

— Огнедышащихъ горъ, т. е. вулкановъ, на свѣтѣ 48.

Потомъ, одинъ на одинъ, вы можете ему сказать:

⁸⁾ Т. II стр. 148.

— Все-то ты, братец мой, врешь. Кто их всё считалъ?

А вотъ вамъ и другой еще болѣе компетентный свидѣтель. Это Г. И. Успенскій.

„Иногда кто-нибудь изъ „объегориваемыхъ“ имъ (Дрыкинымъ) приносилъ почитать газету. Дрыкинъ особенно интересовался описаніями церемоній и изображеніемъ сверхъестественныхъ происшествій: горящая мышь, дѣвица, проспавшая ровно пять лѣтъ и по пробужденіи вдругъ разрѣшившаяся отъ бремени и проч. Объ иностранныхъ земляхъ изъ тѣхъ же газетъ узнавалъ онъ тоже чудеса: упалъ камень съ неба, чунка подѣвъ водой и подѣвъ землей ходить и т. д. Нужно сказать правду, такіа извѣстія потрясали Дрыкина. Онъ ахалъ и вздыхалъ.— „Боже мой!—говорилъ онъ:—въ другихъ-то земляхъ что дѣлается? а!“⁹⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что и парадоксъ, если онъ употребленъ удачно, если затѣмъ разъяснено его истинное значеніе, можетъ сослужить немалую службу въ дѣлѣ популяризаціи.

III.

Популяризація — дѣло новое, и изъ того, что было нами приведено выше, мы видимъ, что принципы ея въ достаточной мѣрѣ не установлены. Не установлены до того, что одинъ изъ новыхъ и весьма вѣскихъ популярныхъ журналовъ¹⁰⁾ заявляетъ, что „способъ упрощенія — дѣло умѣнья, на которое нѣтъ правилъ“. Едва ли съ этимъ можно согласиться. Намъ кажется, что нѣкоторые общія правила и въ дѣлѣ популяризаціи установлены давно.

Вотъ что, напр., мы находимъ у Бокля¹¹⁾, который полагаетъ, что популярное изложеніе непременно должно быть индуктивнымъ: „прямое обращеніе съ перваго же раза къ осязательнымъ фактамъ производитъ немедленное дѣйствіе на массу, между тѣмъ, какъ обращеніе къ началамъ, выходитъ изъ круга ея понятій, и такъ какъ она не сочувствуетъ подобному приему, то она склонна поднять его на смѣхъ“.

У Конта также есть, на нашъ взглядъ, очень цѣнное указаніе для популяризаціи. Контъ¹²⁾ требуетъ для cadaго челоѣка не только знанія результатовъ, которому онъ за исключеніемъ практическихъ искусствъ, придаетъ второстепенное значеніе, но также и знанія тѣхъ способовъ, какими получены эти результаты, и доказательствъ, на которыя они опираются.

Знакомство съ психологіей массоваго читателя, изученіе ея особенностей, умѣнье расчлениить эту общую массу „читателя изъ народа“ на тѣ группы, на которыя она, въ дѣйствительности, дифференцировалась, для того чтобы подойти къ каждой группѣ со стороны, наиболѣе ее интересующей, все это несомнѣнно умножить число такихъ общихъ правилъ и вывести популяризацію на чистый путь.

Итакъ, первымъ шагомъ, который обезпечить дальнѣйшій успѣхъ популяризаціи, будетъ сознательное отношеніе къ тому требованію, что популяризація—дѣло специальное, требующее специальнаго изученія и специальныхъ талантовъ. А пока въ этомъ отношеніи мы нерѣдко встречаемъ чрезвычайное легкомысліе.

⁹⁾ Усп., т. I, „Разный Растеряевскій людь“, стр., 117.

¹⁰⁾ „Научное Слово“, № 1.

¹¹⁾ „Исторія цивилизаціи въ Англіи“, II т., 617 стр.

¹²⁾ Милль. О. Контъ и позитивизмъ стр. 70.

Если вамъ приходилось имѣть дѣло съ каталогами публичныхъ библіотекъ или присматриваться къ различнымъ обзорамъ литературы, то, несомнѣнно, вы невольно должны были остановиться на томъ фактѣ, что народныя и дѣтскія книги очень часто подводятся подъ одну и ту же рубрику, берутся, такъ сказать, въ одну скобку. Правильно ли это? мѣшаетъ или способствуетъ разобраться въ книжномъ богатствѣ, предлагаемомъ на рынкѣ, такая постановка дѣла? По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ глубоко коренится въ нѣкоторыхъ общественныхъ взглядахъ на русскую дѣйствительность и заслуживаетъ того, чтобы мы приглядѣлись къ нему повнимательнѣе.

Народъ—ребенокъ, эту мысль мы, къ сожалѣнію встрѣчаемъ не только у сторонниковъ „твердой власти и отеческаго попеченія“, но время отъ времени она проскальзываетъ и у такихъ лицъ, которые съ только что упомянутой общественной теоріей ничего общаго не имѣютъ. Чтобы далеко не ходить, остановимся на г. Пановѣ, недавно выпустившемъ интересный каталогъ наиболѣе цѣнныхъ книгъ для народнаго чтенія и для интеллигенціи¹³⁾. Г. Пановъ—фигура въ литературномъ отношеніи совершенно опредѣлившаяся и ничего общаго ни съ какимъ мракобѣсіемъ не имѣющая. Тѣмъ любопытнѣе встрѣтить въ его книжечкѣ слѣдующія строчки¹⁴⁾

У „интеллигентныхъ и богатыхъ родителей“,—говоритъ онъ—издавна существуетъ обычай—передъ праздниками Рождества Христова и Пасхи дарить своимъ дѣтямъ книжки, а у писателей—давать въ это время „обзоры дѣтской литературы“ съ цѣлью отмѣтить лучшія изданія,—обычай, конечно, весьма похвальный и заслуживающій всякаго поощренія. Жаль только, что онъ замкнутъ въ слишкомъ узкія рамки: интеллигентные родители и литераторы забываютъ объ одномъ ребенкѣ, который нуждается въ хорошей книгѣ не менѣе, чѣмъ любой „благовоспитанный Петя или разряженная Маня; мы разумѣемъ взрослаго младенца—народъ, эту стомилліонную массу простыхъ людей, по своимъ понятіямъ и развитію недалеко ушедшихъ впередъ отъ нашихъ „приготовишекъ“ и „первоклассниковъ“

Такъ ли это? Дѣйствительно ли народъ по своимъ понятіямъ недалеко ушелъ отъ нашихъ „приготовишекъ“ и „первоклассниковъ?“ И можно ли высказывать эту мысль въ такой категорической формѣ?

Думаемъ, что дѣло во всякомъ случаѣ обстоитъ далеко не такъ просто, какъ это представляется г. Панову.

Прежде всего вѣдь между ребенкомъ и жизнью своего рода буферомъ является семья, а народъ нашъ, „эта стомилліонная масса простыхъ людей“, живетъ дѣйствительной жизнью, жизнью суровой и тяжелые удары принимаетъ своею собственной грудью.

„Попробуйте-ка пропутешествовать изъ Курской губ. въ Сибирь или вокругъ Индіи, во Владивостокъ“—говоритъ Г. И. Успенскій¹⁵⁾ и потомъ увидавъ, что тамъ ничего подходящаго нѣтъ, воротиться назадъ,—и вы можете сами представить, какой огромный запасъ „знаній“ по всемъ отраслямъ русской дѣйствительности долженъ принести съ собою этотъ путешественникъ. Если мы, проѣхавъ въ вагонѣ тысячи полторы верстъ, можемъ накопить томику большею частью не совсемъ пріятныхъ впечатлѣній,

¹³⁾ «Домашнія Библіотеки» А. В. Пановъ. См. отзывъ въ № 1. «Вѣстн. Зн»

¹⁴⁾ «Домашнія Библіотеки», стр. 5.

¹⁵⁾ «Урожай» т. I-й стр. 990.

что же принесетъ съ собою этотъ путешественникъ, этотъ пѣшеходъ, промолотившій своими стопами тысячи верстъ, гдѣ Христовымъ именовъ, гдѣ работой, гдѣ голодомъ,—словомъ, человекъ, видѣвшій жизнь въ самомъ *подлинномъ* видѣ?.. Точно такой же огромный матеріалъ для „само-образования“, по истинѣ незамѣнимый никакими изъ существующихъ по части уясненія русской жизни книгъ и другихъ литературныхъ произведеній, всевластный случай дать и миллионнымъ массамъ рабочаго люда, идущаго только на заработки“.

Но этого мало. Не только закинутый на чужую сторону, выбитый изъ привычныхъ условій русской человекъ начинаетъ думать, вглядываться въ жизнь, работать головой за свой страхъ и рискъ. Нѣтъ, этотъ же самый процессъ пробужденія народной мысли съ стихійной силой протекаетъ и въ самой деревнѣ, подъ соломенной крышей.

„Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ“, замѣчаетъ тотъ же Г. И. Успенскій ¹⁶⁾,—тамъ, въ глубинѣ народной жизни, и съ каждымъ годомъ все больше и все шире разрастаются всевозможнаго рода осложненія. Новому поколѣнію приходилось и приходится разбираться въ пѣлой массѣ новыхъ, неожиданныхъ условій жизни, разбираться безъ указанія, безъ совѣта (старики ничего въ нихъ не понимаютъ), приходится „ломать голову надъ разрѣшеніемъ труднѣйшаго вопроса совѣсти и копейки, страдать за него, разрывать связи съ прошлымъ, переживать минуты горькаго сиротства, полной беззащитности и беспомощно гибнуть, или же, повинувшись хоть и неясной, но свѣтлой надеждѣ, идти искать новыхъ мѣстъ, новыхъ нравственныхъ связей, — новыхъ лучшихъ и справедливѣйшихъ условій“.

Все это, конечно, не проходитъ безслѣдно, все это заставляетъ сознательно отнестись къ дѣйствительности, выработать опредѣленное міросозерцаніе, выдвинуть тѣ или другія идеалы правды и справедливости. Опять-таки тотъ же самый Г. И. уже въ свое время, даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашей родины, отмѣчалъ наличность „небывалой доселѣ болѣзни“. „Эта болѣзнь, говоритъ ¹⁷⁾ онъ,—мысль. Тихими, тихими шагами, незамѣтными, почти не постижимыми путями, пробирается она въ самые мертвые углы русской земли, залегаетъ въ самыя неприготовленные къ ней души. Среди, повидимому, мертвой тишины, въ этомъ кажущемся безмолвіи и снѣ, по песчинкѣ, по крупинкѣ, медленно, неслышно перестраивается на новый ладъ запуганная, забитая и забывшая себя русская душа,—а главное, перестраивается во имя самой строгой правды“.

Сопоставьте эти взгляды, высказанные Г. И. Успенскимъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, съ вышеприведенной цитатой изъ книжечки г. Панова, и вамъ какъ-то невольно станетъ неловко за г. Панова. Въ самомъ дѣлѣ, какъ этотъ уже опытный публицистъ могъ просмотрѣть, что народъ, „эта стомилліонная масса простыхъ людей“, имѣетъ свой кругъ идей, свое знаніе жизни, свой опытъ. Правда, этотъ кругъ идей часто ограниченъ, это знаніе жизни односторонне, этотъ опытъ—неполонъ, но согласитесь, что все это не имѣетъ ничего общаго съ наивнымъ міросозерцаніемъ ребенка.

Для ребенка (особенно обезпеченнаго) весь міръ божій—новость, а народъ, какъ мы видѣли, знаетъ доподлинную, неприкрашенную дѣйстви-

¹⁶⁾ «Разговоры въ дорогѣ», т. I стр. 1063.

¹⁷⁾ „Неизлѣчимый“, т. I, стр. 628.

тельность, знакомится съ нею горькимъ опытомъ, пробуетъ бороться съ ней и передѣлать ее, тогда какъ эти элементы борьбы совершенно чужды уму и думѣ ребенка. Вотъ почему нельзя безъ разбору дѣтскую книжку нести народу и народную—ребенку.

Не забывайте далѣе того, что количество фактовъ, находящихся въ распоряженіи взрослого человѣка „изъ народа“ и у ребенка, хотя бы и изъ образованной семьи, далеко не одинаково: первому,—особенно земледѣльцу,—приходится наблюдать и запоминать массу фактовъ поневолѣ для того, чтобы такъ или иначе остаться побѣдителемъ въ трудной борьбѣ за существованіе. Приведу для примѣра опять-таки прекрасную страничку изъ Г. И. Успенскаго.

„Иванъ Ермолаевичъ ¹⁸⁾ (типичный земледѣлецъ) узнавалъ погоду вещь для него весьма важную,—по множеству собственныхъ наблюденій и примѣтъ.

— Что-то, говорилъ онъ, напримѣръ, въ ясный лѣтній день:—боюсь я, какъ бы дождя не было?

— Да почему же, день вѣдь ясный, ни тучки, ни облачка?

— Въ ухахъ что-то шумить... Вотъ чего я опасаюсь. Какъ ежели вокругъ ушей въ такой-то день начнетъ шуршать, шелестѣть—ужъ это нехорошая примѣта.

Практиковался имъ еще и другой способъ, другая система.

— Какой у насъ нониче мѣсяцъ идетъ?—спросить, бывало, Иванъ Ермолаевичъ:—октябрь?

— Какой октябрь—іюль...

— Я ихъ, мѣсяцовъ-то, не знаю, какъ ихъ прозывать-то... Много вѣдь ихъ... А вотъ, въ которомъ мѣсяцѣ крещенье, этотъ какъ мѣсяцъ называется?

— Январь.

— Ну вотъ, видишь, надо смотрѣть такъ: январь долженъ стоять противъ нынешняго мѣсяца.. какой ноне мѣсяцъ?

— Іюль, іюль, Иванъ Ермолаевичъ!

— Ну, январь стоитъ противъ іюля, вотъ и надо помнить погоду, которое сегодня число?

— Сегодня шестое...

— А Крещенье какое число?

— Тоже шестого.

— Видишь ты. Вотъ теперь надо знать... Михайло!—зоветъ онъ работника.—Что не въ примѣту тебѣ, шелъ снѣгъ подъ Крещенье, какъ мы въ Сябринцы хлѣбъ возили?

— Что-то не въ примѣту.

— А, кажись, что будто какъ курилъ снѣжокъ-то?

— Н... нѣтъ... не упомню.

— Авдотья!—обращается Иванъ Ермолаевичъ къ женѣ:—не въ примѣту тебѣ, какъ подъ Крещенье вѣзли мы съ Михайлой, бралъ я полшубокъ али нѣтъ?

Авдотья останавливается съ ведромъ въ рукѣ и думаетъ. Думаетъ серьезно и пристально. Полшубокъ? въ глубокомъ припоминаніи переспрашиваетъ она и, вспомнивъ что-то, говоритъ: „Н... нѣтъ... кажись...“

Авдотья замолчала, и Михайло замолкъ, и Иванъ Ермолаевичъ молчитъ, все вспоминая.

¹⁸⁾ „Иванъ Ермолаевичъ“, т. II, стр. 525 и 526.

— Чего ты—вдруг оживившись восклицаетъ Авдотья:—чай у Степныхъ полшубокъ-то взять... Вьюга-то къ ночи поднялась чай помнишь, какъ Агафья-то прибѣгала, еще телка въ ту пору и т. д.

— Такъ-такъ-такъ-такъ... твердитъ Иванъ Ермолаевичъ, и самъ припоминаетъ и телку, и Агафью, и еще что-нибудь.

Наконецъ, и работникъ присовокупляетъ какую нибудь подробность, такъ что въ концѣ-концовъ канунъ Крещенья, бывший полгода тому назадъ, возстановляется въ памяти Ивана Ермолаевича, его жены и работника во всей подробности. Весь день наканунѣ Крещенья припомнился, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, припомнилась не только погода, но весь обиходъ дня во всей полнотѣ.

— Ну, стало быть, заключаетъ это изслѣдованіе Иванъ Ермолаевичъ:—копны-то разваливать (для сушки) погоды надо... Пожалуй, какъ бы къ вечеру не собрались тучки, ужъ видно надобно повременить...

И такимъ образомъ копны не разваливались, и дѣлалось это на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій и наблюденій.

Пусть всѣ эти изслѣдованія и наблюденія ведутся неправильно и даютъ ложныя представленія о природѣ. Но какъ бы тамъ ни было, это цѣлая стройная система, на которую затрачиваются огромныя усилія ума и памяти, которой отводится важная роль въ вопросахъ практическаго характера.

„Если на Крещенье въ полдень синія облака“... приводитъ Г. И. одну примѣту и продолжаетъ¹⁹⁾; „можетъ быть эта примѣта равно ничего не означаетъ, но неужели же, чтобы создать эту примѣту, чтобы августовскій хлѣбъ привести въ связь съ цвѣтомъ облаковъ въ Крещенье, да еще въ полдень, не надо было много думать, и притомъ думать именно „земледѣльчески“? Одинъ ужъ этотъ примѣръ, — взятый повторяемъ, случайно, — а такихъ примѣтовъ мы могли бы привести по истинѣ великое множество,—одинъ онъ можетъ показать, до какой степени крестьянинъ тратитъ много вниманія на природу и землю и на все, что съ ними связано: мало отмѣтитъ день какой-нибудь примѣтой—отмѣчается даже часъ, полдень, отмѣчается цвѣтъ облаковъ, ночью отмѣчается цвѣтъ звѣздъ и т. д. И это на каждый день въ году“.

Такая система мышленія, очевидно, отличается огромной устойчивостью. Устойчивостью, она окажетъ сопротивленіе каждому новому научному взгляду прямо въ силу того, что она неоднократно примѣнялась къ дѣлу, что къ ней приспособился духовный аппаратъ человека. Ничего подобного по силѣ сопротивленія въ душѣ ребенка вы не встрѣтите, а потому опять-таки одинаковые приемы убѣжденія не приведутъ къ одинаковымъ результатамъ. И тутъ, слѣдовательно, далеко не всякая книга, пригодная для ребенка, окажется пригодной и для народа.

Насколько глубока пропасть, разделяющая здѣсь два міросозерцанія, видно бываетъ особенно на событіяхъ чрезвычайныхъ. Вы, вѣроятно, помните картинку у Короленко „На затменіи“.

— Владычица Святая, Господь-батюшка, помилуй насъ грѣшныхъ! —говоритъ какая-то старушка и бѣжитъ съ холмика ко мнѣ на встрѣчу.

— Куда ты, тетка?

— Домой, родимый, домой,—помирать, видно всѣмъ, помирать съ дѣтками малыми.

¹⁹⁾ „Земледѣльческій колендарь“ т. II стр. 616—617.

„Нѣсколько человѣкъ быстро идутъ вдоль берега: впереди, размахивая руками и мрачно сдвинувъ брови, шагаетъ атлетъ-рабочій.

— Нѣтъ, какъ онъ могъ узнать, вотъ что!—останавливается онъ, вдругъ, съ возбужденнымъ видомъ.—Говорили тогда ребята: раскидать надо ихнія трубы,—продолжаетъ онъ, прямо обращаясь ко мнѣ, такъ какъ я въ это время прямо подошелъ къ этой взволнованной кучкѣ.—Вишь нацѣпились въ Бога!... Отъ этого всей нашей странѣ можетъ гибель произойти. Шутка ли: Господь знаменіе посылаетъ, а они въ него трубами.. А какъ Онъ, батюшка, прогнѣвится, да вдругъ сюда, въ это самое мѣсто полыхнетъ молоньей?

— Да вѣдь это сейчасъ пройдетъ, говорю я.

— Пройдетъ, говоришь? Должны мы живы остаться?—Онъ спрашиваетъ, какъ человѣкъ, потерявшій планъ дѣйствій и тяготящій ко всякому, рѣшительно высказанному убѣжденію“.

Тутъ люди, очевидно, и думаютъ иначе, и чувствуютъ иначе, и, на конецъ, собственными глазами видятъ совсѣмъ не то, что видимъ мы. Вотъ вамъ еще картинка изъ періода недавнихъ холерныхъ бунтовъ.²⁰⁾

„—Да ты скажи, наконецъ, матушка, распускала ты слухъ про эту шмару, что пускали-де въ народъ?...—спрашивалъ окончательно терявшій терпѣніе предсѣдатель.

— Я, батюшка? Чтой ты, родной! Господь съ тобой!—почти вскрикнула старуха.

— Что жъ ты не отвѣчаешь?

— Да чего же? Я, чай, тоже крещена, чтобъ мнѣ шмару пущать.

— Да не ты, не ты, матушка, я не про тебя, про лѣкарей спрашиваю.

— А-а! Они? Это точно!—обрадовалась старуха. Они это— точно, батюшка, пушали.

— Да ты сама видѣла?

Лѣкарей-то сама не видѣла, грѣхъ сказать чего не видѣла, не видѣла. Я барина въ Софѣнкѣ видѣла“ и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на этой тяжелой сценѣ взаимнаго непониманія, мы приведемъ здѣсь только заключительныя слова г. Немировскаго. „Встрѣтились“,—говоритъ онъ, „очевидно, два совершенно разныя міровоззрѣнія; каждое говорило своимъ языкомъ, жило своими понятіями и вѣрованіями. И такъ безконечно далеко расходились эти два міра, на такихъ противоположныхъ полюсахъ жили они, что какъ ни старались, понять другъ друга, повидимому, не могли“.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что народная мысль проявляетъ устойчивость и силу только тамъ, гдѣ ей приходится вступать въ борьбу съ чуждымъ ей теченіемъ. Нѣтъ, народная мысль упорно работаетъ и надъ великой исторической созидательной работой. и въ этомъ она самостоятельна, и въ этомъ требуетъ къ себѣ вниманія.

„Самъ народъ,“—говоритъ²¹⁾ Г. И. Успенскій:—на средства, добытыя изъ собственной нищенской суммы, совершаетъ такое огромное, трудное, исполненное великаго подвига движеніе, какъ переселеніе и колонизація. Съ другой стороны тотъ же *самъ* народъ совершаетъ, опять-таки на свой страхъ, на свои нищенскія средства, другое важное и огромное дѣло духовнаго совершенствованія, стремится выработать принципы благообраз-

²⁰⁾ Немировскій „Напасть“ стр. 154—156.

²¹⁾ Т. II, стр. 1153, „Скучненько“.

ныхъ человѣческихъ отношеній. И вотъ эти-то народныя дѣла, совершаемыя народомъ во имя благообразія и справедливости человѣческихъ отношеній, совершаемыя „на самомомъ дѣлѣ“, къ глубокому сожалѣнію совершаются безъ всякаго участія тоскующей интеллигенціи“.

И такъ, первое требованіе, которое можно предъявить „народно-популярной“ литературѣ, требованіе, повидимому, естественное и ясное,— это знать своего читателя, понять его интересы, запросы, проникнуть въ его міросозерцаніе. Это не только поможетъ автору исполнить соответствующимъ образомъ принятую задачу, но позволить изъ массы научныхъ темъ выбрать ту, которая способна скорѣе привлечь къ себѣ интересы массы.

Конечно, мы признаемъ наличность такого читателя, у котораго вообще проснулась жажда знанія, и такой читатель изъ народа охотно пойдетъ на всякую популярную книгу, которая только дойдетъ до его рукъ.

Про токого, именно, читателя и говорилъ Плещеевъ:

Жадно.

Читалъ все, и ночью, и днемъ

И чтобы ни вычиталъ въ книгахъ,—такъ складно,

Бывало, расскажетъ потомъ;

Расскажетъ, какія на свѣтѣ есть страны,

Какіе тамъ звѣри въ лѣсахъ,

Какъ тянутся въ знойной степи караваны,

Какъ ловятъ акулу въ моряхъ.

Но во всякомъ, случаѣ такой читатель, съ такимъ, такъ сказать, различнымъ интересомъ встрѣчается еще не часто. И если вы хотите возбудить къ себѣ вниманіе, вы должны затронуть интимныя стороны народной души, а для этого прежде всего должны ее знать.

А. Николаевъ.

Л. Клейнборгъ.

Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ.

(28-10 декабря 1902 г.—6 января 1903 г.)

28-го декабря минувшаго года въ Москвѣ открылся съѣздъ представителей обществъ вспомошествованія лицамъ учительскаго званія. Идея созыва съѣзда принадлежитъ калужскому обществу.

Въ апрѣлѣ 1900 г. правленіе этого общества обратилось къ Обществу Попеченія объ Улучшеніи Быта Учащихъ въ начальныхъ училищахъ г. Москвы съ просьбой взять на себя инициативу устройства общей санаторіи для больныхъ учителей и учительницъ, при чемъ указало, что осуществленіе этого предпріятія возможно лишь послѣ совѣщанія уполномоченныхъ отъ учительскихъ обществъ взаимопомощи. Оно выразило желаніе, чтобы московское общество, какъ центральное, возбудило ходатайство о созывѣ въ Москвѣ съѣзда представителей учительскихъ обществъ для обсужденія не только этого, но и другихъ общеинтересныхъ вопросовъ. Общее собраніе московскаго общества, бывшее 10-го декабря 1900 г., одобрило представленный правленіемъ проектъ „Положенія о созывѣ и организациі въ Москвѣ перваго съѣзда представителей обществъ попеченія объ улучшеніи быта лицъ учительскаго званія и учительскихъ

обществѣ взаимопомощи“ и поручило правленію возбудить, гдѣ слѣдуетъ ходатайство о разрѣшеніи этого сѣзда.

Какъ водится, однако, ходатайство залежалось гдѣ-то и было удовлетворено лишь въ концѣ 1901 г., почему созывъ сѣзда пришлось отложить еще на годъ.

Въ проектѣ правилъ о сѣздѣ, внесенномъ московскимъ обществомъ для разрѣшенія, читаемъ слѣдующія дополненія министерства: „засѣданія сѣзда происходятъ въ присутствіи наблюдателей, назначенныхъ для сего попечителемъ московскаго учебнаго округа, которые входятъ въ составъ распорядительнаго комитета. Предсѣдательствующій въ засѣданіи обязанъ, по требованію наблюдателя, остановить рѣчь члена и лишить его права продолжать таковую“. „Попечителю московскаго учебнаго округа предоставляется право устранять должностныхъ лицъ сѣзда, избранныхъ общимъ собраніемъ. Постановленія распорядительнаго комитета, опротестованныя наблюдателями, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ согласія попечителя Московскаго учебнаго округа“¹⁾. Такимъ образомъ, изъ 33-хъ должностныхъ лицъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, попечителемъ округа было утверждено лишь 22.

Сѣздъ ставилъ своей цѣлью разработку, обсужденіе и разрѣшеніе вопросовъ по слѣдующимъ пунктамъ:

- 1) общіе вопросы по улучшенію быта учащихся;
- 2) матеріальное положеніе учащихся, способы выясненія его, ненормальности, въ немъ замѣчаемыя, и мѣры къ устраненію ихъ;
- 3) матеріальная помощь учащимъ въ случаяхъ нужды, виды этой помощи и желательныя формы ея проявленія;
- 4) доставленіе учащимъ и ихъ семьямъ болѣе дешевыхъ и удобныхъ условій жизни;
- 5) содѣйствіе учащимъ въ присканіи занятій и въ разныхъ видахъ ихъ труда;
- 6) помощь учащимъ въ дѣлѣ ихъ самообразованія и образованія лицъ, принадлежащихъ къ ихъ семейству;
- 7) попеченіе о поддержкѣ здоровья учащихся;
- 8) обезпеченіе учащихся въ случаѣ оставленія службы и инвалидности и семействъ ихъ въ случаѣ ихъ смерти;
- 9) другіе виды помощи учащимъ;
- 10) источники и способы изысканія средствъ для существованія и дѣятельности обществъ по улучшенію быта учащихся и учительскихъ обществъ взаимопомощи;
- 11) установленіе опредѣленныхъ отношеній между этими обществами путей къ объединенію ихъ дѣятельности.

„Правила написаны такъ, — по словамъ попечителя Московскаго учебнаго округа—что если бы сюда пожелали проникнуть незванными элементы отрицательные, то и этимъ элементамъ помѣхи не дѣлалось, лишь бы на самомъ сѣздѣ они заявляли себя въ границахъ одиннадцати вопросныхъ пунктовъ, всестороннее обсужденіе которыхъ столь желательно“²⁾. Но эти одиннадцать пунктовъ, какъ оказалось, не могли исчерпать всего того, что подлежало разсмотрѣть сѣзду. Пришлось выдѣлять комиссіи для разработки такихъ вопросовъ, которые въ первоначальный проектъ не вошли.

¹⁾ Дневникъ сѣзда, № 1, стр. 8 и 9.

²⁾ Русскія вѣдомости 1903 г. — № 8.

Но перейдемъ къ работамъ съѣзда.

Общее собраніе съѣзда утвердило слѣдующія секціи:

I—секцію общихъ вопросовъ по улучшенію быта учащихся;

II—секцію вопросовъ, касающихся матеріальнаго положенія учащихся, поддержанія ихъ здоровья и ихъ призывнія;

III—секцію вопросовъ, касающихся помощи учащимъ въ ихъ трудѣ и самообразованіи и образованіи лицъ, принадлежащихъ къ составу ихъ семействъ;

IV—секцію вопросовъ, касающихся критики учительскихъ обществъ и объединенія ихъ дѣятельности.

Часть докладовъ, рассмотрѣнныхъ въ первой секціи, касалась вопроса о необходимости общенія учителей между собою. Секція постановила: признать, что безъ организованныхъ способовъ общенія между собою учителей, особенно сельскихъ, невозможно правильно поставить школьное дѣло, такъ какъ въ тѣсномъ общеніи между собой учителя находятъ для себя нравственную поддержку, а при разобщенности они опускаются умственно и морально; ходатайствовать передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, чтобы со стороны правительства не встрѣчалось препятствій не только при организациіи курсовъ и съѣздовъ, но и при устройствѣ частныхъ приуправскихъ и другихъ собраній учителей, при организациіи кружковъ сосѣднихъ сельскихъ учителей и при учрежденіи въ городахъ учительскихъ клубовъ и библиотекъ; признать желательнымъ, чтобы общества взаимопомощи и улучшенія быта учащихся ходатайствовали передъ городами и земствами объ организациіи какъ вышепоименованныхъ, такъ и другихъ способовъ общенія учителей, а также будили бы въ этомъ направленіи и частную инициативу; признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы земство приходило возможно широко съ матеріальной помощью при организациіи собраній учителей и отдѣльных учительскихъ кружковъ какъ при управѣхъ, такъ и въ другихъ помѣщеніяхъ, а города—при устройствѣ учительскихъ клубовъ-библиотекъ; признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы городскія общества устраивали для учителей своего вѣдомства библиотeki-клубы, отводя съ этой цѣлью помѣщенія изъ нѣсколькихъ комнатъ въ центральной части города и ассигнуя ежегодно извѣстную сумму на пополненіе библиотeki, а чтобы сдѣлать починъ въ развитіи этого дѣла, ходатайствовать передъ московской городской думой объ устройствѣ такой библиотeki-клуба для учащихся въ московскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ³⁾.

Такимъ образомъ, намѣченъ строгій и послѣдовательный путь корпоративнаго сліянія учителей, схема котораго представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Желательно, чтобы, съ одной стороны, учителя были поставлены въ условія, благопріятствующія объединенію, а съ другой,—чтобы самъ учитель принималъ болѣе активное участіе въ улучшеніи своего положенія.

Начало объединенія учителей должно быть положено организацией порайонныхъ группъ, объединяющихъ учительскій персоналъ нѣсколькихъ школъ.

Второй ступеню объединенія является объединеніе поуѣздное, черезъ учрежденіе самостоятельныхъ уѣздныхъ обществъ взаимопомощи или

³⁾ „Дневникъ съѣзда“, № 4.

открытіе филиальныхъ уѣздныхъ отдѣленій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ губернское общество взаимопомощи.

Третьей ступеню объединенія должны быть губервскія общества взаимопомощи, объединяющія дѣятельность уѣздныхъ обществъ.

Губернскія общества объединяются во всероссійскій союзъ учительскихъ обществъ.

Каждая форма объединенія должна пользоваться полной автономіей.

Необходимо учредить постоянное бюро, гдѣ могли бы быть сосредоточены всѣ свѣдѣнія, касающіяся жизни и дѣяльности учительскихъ обществъ.

Учителю должна быть предоставлена возможность принять ближайшее участіе въ рѣшеніи вопросовъ школьнаго дѣла черезъ допущеніе его въ школьныя комиссіи земскихъ и городскихъ учреждений, а также въ земскія и городскія общественныя собранія, хотя бы съ правомъ совѣтательнаго голоса.

Необходимо изданіе періодическаго органа, посвященнаго интересамъ учительскихъ обществъ ⁴⁾.

Особенно волновалъ ораторовъ вопросъ о правовомъ положеніи учащихся. Для разработки вопроса о правовомъ положеніи учащихся собраніе образовало особую комиссію.

Вотъ главные основанія, предложенныя этой комиссіей: признать не совмѣстимость функцій руководителей учебной частью съ полицейскими функціями надзора за политической и нравственной благонадежностью учителей народныхъ школъ, такъ какъ первое требуетъ взаимнаго довѣрія руководителей и руководимыхъ, а второе подрываетъ и уничтожаетъ такое довѣріе; директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, руководя учебной частью, должны оказывать воздѣвствіе на учителей путемъ нравственнаго авторитета, а не путемъ авторитета, основаннаго на власти и вѣншнемъ положеніи; при назначеніи учителей инспекторъ долженъ руководиться не секретными свѣдѣніями, а только свѣдѣніями, подлежащими оглашенію; желательно, чтобы учитель начальнаго училища могъ быть уволенъ отъ должности только по суду; желательно, чтобы контроль за учебной частью въ училищахъ былъ переданъ особымъ совѣщательнымъ органамъ при земскихъ учрежденіяхъ, организуемымъ изъ земскихъ дѣятелей и учащихся; въ виду того, что въ школѣ воздѣвствіе учителя на дѣтей проявляется въ видѣ гуманнхъ мѣръ, а между тѣмъ, по окончаніи курса воспитанникъ ея можетъ быть подвергнутъ уничижительнѣйшему изъ наказаній—тѣлесному, налагаемому волостными судами, желательно освобожденіе бывшихъ воспитанниковъ школы отъ тѣлеснаго наказанія; безрезультатный обыскъ, произведенный въ квартирѣ учителя, не долженъ служить поводомъ къ его увольненію; желательно, чтобы всѣ свои сообщенія о школѣ и учащихся директора предварительно представляли училищнымъ совѣтамъ и земскимъ учрежденіямъ; признать неудовлетворительнымъ составъ училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ въ училищные совѣты назначаются по должности лица отъ разныхъ вѣдомствъ, часто не имѣющія никакого отношенія къ школьному дѣлу; желательно, чтобы предсѣдатель училищнаго совѣта избирался самимъ совѣтомъ; на основаніи заявленій мѣстнаго духовенства о неаккуратномъ исполненіи учителемъ церковныхъ обрядовъ учитель не долженъ быть увольняемъ отъ должности; желательно, чтобы на законоучителѣ лежала

⁴⁾ „Дневникъ съѣзда“, № 5.

только обязанность преподаванія Закона Божія въ школъ, и съ него снята была обязанность по наблюденію за нравственностью учителя; попечители школъ должны завѣдывать только хозяйственной частью; желательно, чтобы учитель въ учебное время бралъ отпускъ только отъ учрежденія или лица, содержащаго школу, а не отъ инспектора, а въ каникулярное время пользовался отпускомъ уже безъ всякаго разрѣшенія; желательно, чтобы чины инспекціи по дѣламъ школы сносились не непосредственно съ учителемъ, а съ земскими управами, которыя должны быть посредниками между инспекторомъ и школой ⁵⁾.

Посѣтителы второй секціи были немногочисленны. Очевидно, русскій учитель болѣе былъ озабоченъ улучшеніемъ своихъ духовныхъ потребностей, нежели матеріальныхъ.

Здѣсь, главнымъ образомъ, шла рѣчь о минимумѣ учительскаго жалованья и пенсіонныхъ правахъ начальныхъ учителей.

Если разница—говорили ораторы—въ жалованьи людей, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ общественнаго служенія, опредѣляется той пользой, которую человекъ приноситъ обществу или государству, то соотвѣтственное значеніе учителя огромно. Конечно, намъ, земскимъ учителямъ,—замѣтила г-жа Окорокова—говорить о нормѣ учительскаго жалованья неудобно по отношенію къ земствамъ: они дѣлаютъ страшныя усилія для улучшенія какъ дѣла народнаго образованія, такъ и быта своихъ учителей. Но сами земства связаны фиксацией, а ходатайствовать за земства объ отмѣнѣ ея мы не можемъ. Поэтому, нельзя ли ходатайствовать передъ правительствомъ о распространеніи на всѣ губерніи нынѣ случайной и весьма неравномѣрной субсидіи отъ государственнаго казначейства мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ въ такомъ расчетѣ, чтобы оклады жалованья учащихся доходили до той нормы (въ 500 или 600 руб.), которую не можетъ выполнить земство вслѣдствіе закона о предѣльности земскаго обложенія? Можетъ быть, давая субсидію, правительство пожелаетъ взять дѣло народнаго образованія въ свои руки и, такимъ образомъ, мы поставимъ земство въ нежелательное положеніе, но такое ходатайство возможно и при томъ условіи, что дѣло народнаго образованія останется въ рукахъ общественныхъ учреждений. Субсидія должна быть дана именно изъ общегосударственныхъ средствъ, такъ какъ учитель общегосударственный работникъ и имѣетъ право на доплату за свой трудъ изъ общегосударственныхъ средствъ ⁶⁾.

Не меньше оживленія вызвалъ вопросъ о пенсіонныхъ правахъ учителей.

Я противъ участія земскихъ учителей въ правительственной пенсіонной кассѣ, заявилъ г. Аникинъ. Она беретъ много, а даетъ слишкомъ мало. Между тѣмъ, земства учреждаютъ свои земскія кассы. Послѣднія, облегчая взносы, даютъ пенсіи въ 3—4 раза больше. Если жизнь обнаружитъ тѣ или иныя недочеты кассы, то учителю легче повлѣять въ желательномъ направленіи на земскую кассу.—20 лѣтъ платишь и, въ концѣ концовъ, получишь 80 руб. пенсіи, говорили учителя.—Я противъ того, чтобы учителя вносили въ кассу 6%.—Московское земство, платящее намъ по 500 руб. въ годъ, находитъ, что даже для насъ, получающихъ такіе

⁵⁾ «Русскія Вѣдомости», 1930 г.—№ 6. Заключение коммиссіи сведены въ 32 тезиса. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести эти тезисы полностью.

⁶⁾ Дневникъ съѣзда, № 6.

оклады, не только 6%, но даже и 2%—много. Какъ же будутъ платить другіе учителя?.. По уставу правительственныхъ кассъ допущены неравнобѣрные права учительницъ по сравненію съ учителями, выражающіяся въ томъ, что послѣ смерти учителя дѣти при матери получаютъ пенсіи, а послѣ смерти учительницы дѣти при отцѣ таковой не получаютъ. Необходимо права уравнивать.—Необходимо уравнивать всѣхъ учителей въ отношеніи къ пенсіонной кассѣ съ учителями школъ, содержащихся правительствомъ. Въ случаѣ же открытія въ губерніи земской кассы по уставу правительственной кассы всѣ взносы учителей, сдѣланные въ правительственную кассу, передаются въ земскую⁷⁾.

Сѣздъ постановилъ: желательно, чтобы нормальное жалованье для каждой мѣстности опредѣлялось въ соотвѣтствіи съ существующею стоимостью жизни, съ расчетомъ на семейнаго учителя, даже въ нѣсколько большихъ размѣрахъ, въ виду все увеличивающихся цѣнъ на продукты чтобы были установлены періодическія прибавки жалованья за выслугу лѣтъ; необходимо, чтобы учащіе во всѣхъ народныхъ школахъ пользовались готовой квартирой—въ противномъ случаѣ, чтобы имъ выдавались квартирные деньги въ соотвѣтствіи съ условіями той или другой мѣстности; ходатайствовать передъ правительствомъ о распространеніи на всѣ губерніи нынѣ случайной и весьма неравнобѣрной субсидіи отъ государственнаго казначейства мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ—въ томъ расчетѣ, чтобы оклады жалованья учащихся доходили до нормы, установленной для учителей министерскихъ начальныхъ училищъ, распространяя это увеличеніе на всѣхъ учащихся, какъ въ земскихъ, такъ и содержащихся обществами школахъ, развѣ только оклады эти ниже нормы, установленной для учителей министерскихъ начальныхъ училищъ⁸⁾.

Конечно, до достиженія такого положенія общества взаимопомощи должны взять на себя пріисканіе подсобныхъ занятій, для чего необходимо устройство справочныхъ бюро—центрального въ Москвѣ и частныхъ при каждомъ обществѣ вспомоганія.

Сѣздъ постановилъ ходатайствовать объ установленіи пенсіи для преподавателей всѣхъ начальныхъ училищъ (земскихъ, приходскихъ и пр.), независимо отъ устава 1900 г., по примѣру всѣхъ учителей, состоящихъ на государственной службѣ.

Много поработала надъ своей задачей и третья секція.

Задача начальной школы—говорилъ одинъ изъ ея членовъ В. П. Вахтеровъ—сводится не къ буквѣ ѣ, не къ оваламъ и полуоваламъ каллиграфіи, не къ таблицѣ умноженія и, вообще, не къ механическимъ навыкамъ, не къ исполненію экзаменаціонныхъ требованій, не къ натаскиванію дѣтей къ экзамену. Педагогика—это искусство, учитель—это художникъ, школа—художественная студія. Но если учитель художникъ, то долженъ быть представленъ извѣстный просторъ его самодѣятельности, извѣстная свобода его педагогическому творчеству. Если учитель художникъ, то это—такой художникъ, который воспитываетъ дѣтей по своему образу и подобию. Онъ самъ служить для нихъ нагляднымъ пособіемъ, притомъ наиболѣе важнымъ нагляднымъ пособіемъ. Но для этого надо, чтобы учитель самъ чувствовалъ себя образованнымъ и развитымъ человѣкомъ. Помочь его образованію могутъ и учительскіе курсы, особенно по общеобразовательнымъ предметамъ, но желательно, чтобы они устраивались при уни-

⁷⁾ Дневникъ сѣзда № 6.

⁸⁾ Русскія Вѣдомости 1903 г., № 4.

верситетахъ и другихъ высшихъ школахъ, потому что тамъ есть библіотеки, кабинеты, лабораторіи, тамъ есть и преподаватели въ лицъ профессоръ „Только тупыя головы могутъ бояться образованнаго учителя“ закончилъ ораторъ. Рѣчь вызвала долгіе единодушныя аплодисменты.

Оживленные дебаты вызвало и предложеніе Р. Д. Бурмистровой устроить въ Москвѣ, какъ центръ Россіи, педагогическій музей на подобіе заграничныхъ. Музей долженъ быть бесплатнымъ учрежденіемъ и открытъ во всѣ праздничные дни, а особенно въ зимнія и лѣтнія каникулы, когда могутъ сѣзжаться иногородніе учителя и учительницы.

Пренія открылъ А. А. Стаховичъ. Упомянувъ о составленномъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія проектѣ устава педагогическихъ музеевъ, онъ находилъ этотъ проектъ крайне стѣснительнымъ. Въ Саратовѣ—замѣтилъ Г. К. Ульяновъ—вопросъ объ устройствѣ педагогическаго музея возбужденъ былъ директоромъ народныхъ училищъ, который входилъ съ соответствующимъ предложеніемъ въ мѣстную думу и губернское земское собраніе, но какъ дума, такъ и земство, считая, что уставъ министерскій предоставляетъ мало участія въ дѣлѣ представителямъ общественныхъ учреждений и ставить ихъ въ подчиненное положеніе, отклонили это ходатайство. Ораторы предлагали избрать особую комиссію для разсмотрѣнія проекта нормальнаго устава педагогическихъ музеевъ... Тогда представитель министерства Е. П. Ковалевскій заявилъ, что министерствомъ составленъ не уставъ, а только проектъ устава педагогическихъ музеевъ, составленъ съ тѣмъ, чтобы узнать о немъ общественное мнѣніе. Конечно, сѣздъ можетъ высказать свои мнѣнія о проектѣ, и мнѣнія эти могутъ быть приняты министерствомъ во вниманіе ⁹⁾

Комиссія была избрана.

Наконецъ, докладъ комиссіи объ измѣненіи правилъ 1875 года о педагогическихъ курсахъ въ смыслѣ возможно широкаго и систематическаго введенія въ нихъ общеобразовательныхъ предметовъ. Комиссія, работавшая подъ предѣдательствомъ князя Дм. Долгорукова, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Учителя народныхъ школъ нуждаются въ пополненіи своихъ знаній по предметамъ какъ педагогическимъ, такъ и общеобразовательнымъ: соответственно этому, съ точки зрѣнія интереса учащихся, желательна организація двухъ родовъ курсовъ: педагогическихъ и общеобразовательныхъ. Общеобразовательные курсы соответствуютъ не только насущной потребности учительскаго персонала, но и цѣлаго ряда лицъ разнообразныхъ званій и профессій. Въ виду этого болѣе цѣлесообразнымъ является устройство курсовъ не спеціально учительскихъ, а общедоступныхъ. Право учрежденія курсовъ должно принадлежать какъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, педагогическимъ, просвѣтительнымъ и другимъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи учащихся. Для облегченія устройства курсовъ желательно устройство лекціонныхъ бюро во всѣхъ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія, ученые общества и тому подобныя учрежденія, по примѣру московскаго бюро при обществѣ распространенія коммерческихъ знаній. Желательно, чтобы земства и другія общественныя учрежденія, которыя почему-либо сами не могли устроить курсы, командировали учащихся на курсы въ другія губерніи по соглашенію съ ихъ учредителями, приходя имъ на помощь своими средствами въ видѣ постоянныхъ пособій. Кромѣ курсовъ

⁹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1903 г., № 2.

организованныхъ, какъ самостоятельныя учрежденія, желательно устройство общедоступныхъ курсовъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ обширными помѣщеніями, лабораторіями, библіотеками и наглядными пособиями. Желательно, чтобы разрѣшенія на учрежденіе курсовъ и утвержденіе лекторовъ давались своевременно безъ излишней регламентации и стѣсненій. Коммиссія считаетъ самымъ благопріятнымъ условіемъ для безпрепятственнаго развитія дѣла народнаго образованія явочную систему при учрежденіи общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и лекцій. Но такъ какъ необходимо пока считаться съ существующими въ учебномъ вѣдомствѣ традиціями, то коммиссія представила проекты положеній о курсахъ на случай, если бы явочная система не была допущена. По проекту выработанныхъ коммиссіей правилъ общеобразовательныхъ курсовъ, они устраиваются земствами, городскими и другими сословными учрежденіями, обществами взаимопомощи учащихся, просвѣтительными и другими обществами, а равно и частными лицами. Курсы находятся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, если они устраиваются, какъ самостоятельныя учрежденія, и разрѣшаются тогда властью попечителя учебнаго округа. Если же курсы организуются при учебныхъ заведеніяхъ, то они состоятъ въ вѣдѣніи того министерства, которому подчинено данное учебное заведеніе, и разрѣшаются тѣмъ порядкомъ, который будетъ установленъ въ данномъ вѣдомствѣ. Курсы предназначаются или для учащихся обоого пола, или вообще для лицъ, желающихъ приобрести познаніе по общеобразовательнымъ предметамъ. Ближайшее завѣдываніе учебной частью курсовъ возлагается на особаго завѣдующаго, избираемаго учредителями курсовъ и утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ избираются учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ, а равно и представители отъ учрежденій, составляяютъ педагогическій совѣтъ съ выборнымъ предсѣдателемъ для обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ. Педагогическіе курсы, по проекту коммисіи, устраиваются тѣмъ же порядкомъ, что и общеобразовательные. Выборъ учебныхъ предметовъ принадлежитъ учредителямъ курсовъ, программы же преподаванія составляются самими руководителями по соглашенію съ учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ секція выработала главныя основанія правилъ для устройства учительскихъ сѣздовъ. Учительскіе сѣзды могутъ созываться или: 1) самими учителями, при чемъ пока у учителей не будетъ организованнаго корпоративнаго устройства, извѣстная, опредѣленная часть всего количества учителей той территоріи, для которой созывается сѣздъ, подаетъ письменное заявленіе о созывѣ сѣзда или учительскому обществу взаимопомощи, или общественнымъ учрежденіямъ, содержащимъ школы, или же училищному совѣту, или учебному комитету; или 2) учительскими обществами взаимопомощи или другими учительскими организаціями; или 3) общественными учрежденіями, содержащими школы, если въ данной мѣстности нѣтъ учительскихъ обществъ; или 4) училищнымъ совѣтомъ или учебнымъ начальствомъ. Учрежденія, созывающія сѣзды, опредѣляютъ ихъ составъ, срокъ, продолжительность, программу и вырабатываютъ инструкцію, касающуюся порядка сѣзда. Открываются сѣзды явочнымъ порядкомъ посредствомъ заявленія попечителю учебнаго округа ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ „Дневникъ сѣзда“ № 10.

Наконецъ, послѣдняя секція, по выраженію предсѣдателя, старалась „построить тотъ мостъ для народнаго учителя, по которому онъ перейдетъ изъ области упованій и пожеланій въ лучшую дѣйствительность“.

Г-нъ Архангельскій предложилъ сѣзду обсудить вопросъ объ организации всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи съ цѣлью поднятія уровня духовнаго и матеріальнаго обезпеченія учителей, причемъ, входящія въ союзъ общества, дѣйствуя въ предѣлахъ района самостоятельно, должны быть по отношенію къ союзу какъ бы филиальными отдѣленіями. Во время преній по этому вопросу делегаты раздѣлились: одни признавали необходимымъ образованіе всероссійскаго союза, соглашаясь съ г. Архангельскимъ, другіе же высказывались за учрежденіе, взамѣнъ союза, центрального всероссійскаго общества вспомошествованія лицамъ учительскаго званія. Огромнымъ большинствомъ голосовъ собраніе приняло предложеніе г. Архангельскаго и поручило комисіи разработать главные основанія такого союза.

Вотъ эти основанія.

Въ союзъ входятъ самостоятельныя общества взаимопомощи учащихся и общества, однородныя по цѣли, безъ различія вѣдомствъ и учебныхъ заведеній. Общества, вошедшія въ союзъ, принимаютъ на себя обязательство своевременной уплаты установленнаго денежнаго взноса, доставленія отчетовъ и всякаго рода свѣдѣній по требованію союза. Что же касается своей дѣятельности на мѣстѣ, а также внутренняго распорядка этой дѣятельности, то всѣ общества, вошедшія въ союзъ, сохраняютъ за собой полную самостоятельность. Союзъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать объединенію дѣятельности учительскихъ обществъ взаимопомощи и исполненію тѣхъ функций, которыя непосильны отдѣльнымъ обществамъ. Для достиженія цѣлей союза служатъ: центрально-справочное бюро; періодическое изданіе, посвященное задачамъ учительскихъ обществъ; изданіе книгъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности педагогическихъ обществъ и, вообще, нуждамъ учителя; устройство общежитій, санаторій, учительскихъ домовъ, учебныхъ заведеній и тому подобныхъ учреждений для учащихся и ихъ дѣтей; устройство экскурсій и групповыхъ поѣздокъ; устройство центрального педагогическаго музея; содѣйствіе самообразованію учащихся, возникновенію новыхъ учительскихъ обществъ; устройство сѣздовъ учительскихъ и т. д.

Денежныя средства союза составляются изъ ежегодныхъ взносовъ обществъ, участвующихъ въ союзѣ, пожертвованій, субсидій отъ различныхъ учреждений, доходовъ отъ концертовъ, вечеровъ, лекцій, изданій и другихъ предпріятій союза. Размѣръ процентнаго отчисленія опредѣляется общимъ собраніемъ союза, которое составляется изъ делегатовъ учительскихъ обществъ, избранныхъ своими собраніями, въ количествѣ не болѣе трехъ отъ cadaго общества. Очередныя общія собранія союза собираются въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи по постановленію общаго собранія не менѣе одного раза въ годъ. Правленіе союза находится въ Москвѣ и избирается изъ членовъ обществъ общимъ собраніемъ на три года. Оно состоитъ изъ предсѣдателя и не менѣе девяти членовъ. Окончательный срокъ для представленія проекта устава на утвержденіе правительства назначенъ 1 мая 1904 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сѣздъ утвердилъ слѣдующія заключенія комисіи о центрально-справочномъ бюро учительскихъ обществъ взаимопомощи. Бюро находится въ Москвѣ. Оно даетъ нужныя справки всѣмъ учительскимъ обществамъ, а, по возможности, и отдѣльнымъ членамъ ихъ, а

также и другимъ учрежденіямъ и обществамъ по вопросамъ, касающимся учительскаго дѣла и взаимопомощи учителей. Для этого бюро слѣдитъ за всѣми выходящими законоположеніями, циркулярами и распоряженіями правительства, касающимися учителей, а также за постановленіями различныхъ общественныхъ учреждений, общества, за литературой вопроса, какъ русской, такъ и иностранной, издаетъ свой журналъ, въ которомъ печатаются всѣ матеріалы, могущіе быть полезными для учительскихъ обществъ, образуетъ справочную библіотеку по всѣмъ вопросамъ, касающимся учительскаго быта, подготавливаетъ матеріалы и дѣлаетъ всѣ нужныя подготовительныя работы къ сѣздамъ учительскихъ обществъ, а послѣ таковыхъ издаетъ матеріалы и приводитъ въ исполненіе порученія сѣздовъ. Передъ періодическими сѣздами бюро посылаетъ своего представителя для участія въ работахъ временнаго бюро въ томъ городѣ, гдѣ долженъ состояться сѣздъ. На содержаніе бюро каждое общество ежегодно вноситъ не менѣе 20 руб. Выполненіе функцій бюро до утвержденія подробнаго устава сѣздовъ призналъ необходимымъ возложить на правленіе Московскаго Общества Попеченія объ улучшеніи быта учащихся. Ему же поручена подробная разработка устава бюро и представленіе его на утвержденіе правительства. Ему же поручено, до осуществленія печатнаго органа при союзѣ учительскихъ обществъ, издавать „Ежегодникъ“—сборникъ нужныхъ для учителей свѣдѣній—и выпускать, по мѣрѣ надобности, отдѣльные листки со справочными свѣдѣніями.¹¹⁾

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе сѣзда.

На призывъ сѣзда откликнулось 76 обществъ, приславшихъ на сѣздъ до 120 докладовъ, касающихся всѣхъ сторонъ учительскаго быта и составляющихъ какъ мы видѣли, весьма обстоятельный матеріалъ по изслѣдованію положенія народнаго учителя въ цѣломъ. Къ сожалѣнію, открывшіе сѣздъ представители Министерства Народнаго Просвѣщенія слишкомъ настойчиво рекомендовали сдержанность, воздержаніе отъ „недоразумѣній, предвидимыхъ самими правилами о сѣздахъ и способныхъ помѣшать столь желанному успѣху“...

Сѣздъ закрылся 6-го января.

Л. Клейнборгъ.

Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и самообразованія.

Сергій Мечъ. *Альпы.* 4-е изд. М. 1897 г. Стр. 88. Ц. 30 к. **Его же.** *Австралія и Тасманія.* 3-е изд. М. 1898 г. стр. 150. Ц. 50 к. **Его же.** *Ирландія.* Географическій очеркъ страны и рассказъ о путешествіи Ф. Нансена. 3-е изд. М. 1898 г. Стр. 123. Ц. 50 к. **Его же.** *Кавказъ.* 5-е изд. М. 1898 г. Стр. 103. Ц. 50 к. **Его же.** *Палестина и Аравія.* Публичныя чтенія для учащихся. 4-е изд. М. 1899 г. Стр. 64. Ц. 30 к. **Его же.** *Сахара и Нилъ.* 4-е изд. М. 1898 г. Стр. 86. Ц. 30 к. **Его же.** *Финляндія.* 2-е изд. М. 1898 г. Стр. 128. Ц. 50 к.

Всѣ только что перечисленныя брошюры г. Меча допущены въ прошломъ году въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки для чтенія въ народныхъ аудиторияхъ. Такимъ образомъ кругъ читателей г. Меча значительно расширяется, онъ становится доступнымъ и читателю изъ народа; потому мы

¹¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1903 г., № 6.

и полагаемъ своевременнымъ поближе приглядѣться къ этому географу, пользующемуся уже давно широкой извѣстностью.

Первое, что бросается въ глаза, когда мы начинаемъ взвѣшивать достоинства и недостатки брошюръ г. Меча съ точки зрѣнія интересоваго небогатаго читателя изъ народа,—такъ это безбожная дороговизна этихъ брошюръ. Посмотрите, что за 30 и за 50 к. даютъ, положимъ, Павленковъ и Слѣпцова по сравненію съ г. Мечемъ, по сравненію съ его неиллюстрированными (за исключеніемъ „Гренландіи“) брошюрками небольшого формата! Ученый Комитетъ, пользуясь своимъ правомъ расширять для тѣхъ или другихъ авторовъ книжный рынокъ, находитъ нерѣдко нужнымъ указывать, что данная книга получаетъ доступъ туда-то и туда-то только подъ тѣмъ условіемъ, что цѣна ея при слѣдующихъ изданіяхъ будетъ понижена. На этотъ же разъ, открывая двери брошюрамъ г. Меча въ народные читальни и аудиторіи, Ученый Комитетъ, повидимому, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на чрезмѣрную дороговизну этихъ брошюръ. Но, быть можетъ, дороговизна эта окупается какими-нибудь необычайными ихъ достоинствами? Посмотримъ.

Г. Мечъ несомнѣнно знатокъ своего предмета. Это видно и по тѣмъ литературнымъ справкамъ, которыми обильно снабжены нѣкоторыя изъ взятыхъ нами брошюръ. Но самъ онъ не художникъ: нѣтъ наблюдательности, нѣтъ силы и красокъ въ описаніяхъ; и то и другое фальсифицируется какой-то слащавой сентиментальностью. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ его описанія поѣздки въ Финляндію,—поѣздки, которой онъ начинаеть свою брошюру, носящую названіе этой страны. „Сайма, Сайма!—восклицаетъ нашъ авторъ,—кто передастъ твою прелесть! Кажется такъ, бы и остался навсегда на этихъ крохотныхъ островкахъ, что во множествѣ разбросаны по зеркалу твоей чистой воды,—такъ хороши, такъ полны поэзіи эти островушки“ (стр. 28, „Финляндія“).

Далѣе, языкъ брошюръ г. Меча совершенно не имѣетъ въ виду публику малоподготовленную, каковая по преимуществу и пользуется народными читальнями и библіотеками. „Нигдѣ въ Сахарѣ,—пишетъ, напр., нашъ авторъ,—никто не нашелъ ископаемыхъ остатковъ недавняго морского происхожденія, какъ раковинъ, костей рыбъ и т. п. Мѣловыя и песчаниковыя скалы, гнейсы, порфиры и базальты, которые выступаютъ на неровной поверхности Сахары, не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ недавняго пребыванія воды; а если они и разрушены, расколоты и округлены, то это, очевидно, произошло отъ дѣйствія атмосферы и солнца. Какъ только каменные плиты хамады дадутъ хоть малѣйшую щель или трещину, въ которую можетъ проникнуть воздухъ, сейчасъ же процессъ разрушенія начинается: доломиты, гипсы или песчаники дѣлаются ломкими и постепенно дробятся въ песокъ или пылъ“ (стр. 13, „Сахара и Ниль“). Процессъ, атмосфера, гипсы, доломиты, порфиры, гнейсы, базальты... все это сыплется, какъ изъ рога изобилія, но не думайте, чтобы все это было разъяснено въ предыдущемъ изложеніи. Читатель г. Меча долженъ обладать всѣми этими свѣдѣніями, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ брошюрамъ г. Меча. Судите сами, насколько подобное изложеніе годится для народной аудиторіи или народной библіотеки.

Теперь далѣе. Мы очень высоко цѣнимъ всякую брошюру, которая помимо сообщенія точныхъ знаній, способствуетъ, такъ сказать, гуманизации читателя, а потому для насъ всегда чрезвычайно интересно бываетъ прослѣдить, какъ отражаются взгляды автора на человѣка и общество въ его работѣ. Въ этомъ отношеніи г. Мечъ завоевалъ всѣ наши симпатіи, онъ сторонникъ прогресса въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого

слова. „Прогрессивный налогъ,—такъ заканчиваетъ г. Мечъ свою брошюру „Финляндія“,—свобода промысловъ, широкая организація крестьянскаго кредита, изысканіе мѣръ къ приобрѣтенію безземельными батраками участковъ земли, улучшение быта рабочихъ путемъ обязательнаго страхованія, постройка жилищъ для рабочихъ и развитіе фабричнаго законодательства — вотъ задачи, стоящія теперь на очереди и настойчиво требующія рѣшенія отъ всѣхъ просвѣщенныхъ финляндцевъ. Въ этомъ долгѣ, въ этомъ смыслѣ и призваніе образованнаго общества. Зачѣмъ же и существуетъ оно, если не для того, чтобы заботиться о благѣ своихъ темныхъ и неимущихъ братьевъ?... Но...—къ сожалѣнію и здѣсь есть свое но — эта прекрасная точка зрѣнія не вездѣ выдержана и кое-гдѣ попадаютъ черточки, которыми здѣсь было бы не мѣсто. „Русскіе мужички-богомольцы собрались толпою возлѣ борта парохода и съ безконечно довольною, счастливой улыбкой степенно и спокойно созерцаютъ эту кишашую и кричащую азіатскую дрянъ, босоногую, полуголую, съ обезьяньими лицами, въ долгополыхъ бабьихъ балахонахъ, съ бабьими платками, намотанными на голову, будто для святочной потѣхи... Бѣдные чемоданы пассажировъ, выгруженные цѣлой кучей изъ глубокихъ нѣдръ трюма, расхватываются дерзкими руками, безъ спроса и торга, неистово тащатся къ борту и, словно неоспоримая законная собственность этихъ нагло напавшихъ на насъ губастыхъ обезьянъ, шлепаются оттуда внизъ на качающуюся лодка“... (стр. 6 и 7, „Палестина и Аравія“). А вѣдь это единственное мѣсто, гдѣ нашъ авторъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ мѣстнымъ населеніемъ Палестины. Едва ли былъ въ правѣ сдѣлать это авторъ. Красивые и трудолюбивые феллахи, населяющіе Палестину, достойны всякаго участія и симпатій, какъ народъ, угнетаемый произволомъ турецкихъ чиновниковъ.

Вамъ, конечно, бросилась и самимъ въ глаза въ вышеприведенной цитатѣ этотъ особенно подчеркиваемый контрастъ между степенными и величавыми „рускими мужичками-богомольцами“ и всей „азіатской дрянью“. Подобный квасной патріотизмъ мѣстами дѣлаетъ автора и вреднымъ, и смѣшнымъ. Вотъ перлы своего рода: „какъ непріятно рѣжетъ ухо диссонансъ между шепотомъ милаго лѣса и чуждымъ мнѣ говоромъ бѣлокураго, бѣлоглазаго финна“ („Финляндія“, стр. 4)... „Итакъ, я нанялъ чистый номерокъ. Впрочемъ, чисто-то здѣсь хоть и чисто, хоть обои и совсѣмъ новыя, хоть полъ какъ будто сейчасъ только вымыть, а окна и двери такъ и блестятъ лакомъ и бѣлизной, но въ красивой обивкѣ дивана я открылъ гнѣзда клоповъ, а въ одномъ углу комнаты лоснился „какъ черносливъ“, большой тараканъ. Пока это еще Россія!—подумаль я съ удовольствіемъ“ (стр. 7, тамъ же).... „Одинъ изъ мальчиковъ при первомъ моемъ желаніи сталъ предо мною неподвижно, какъ статуя, и стоялъ все время, пока я рисовалъ его. Такой славный! Съ виду и не узнаешь, что нерусскій“ (Тамъ же, стр. 11)... „Да, на душѣ такъ хорошо, такъ тихо. Я такъ чуждъ всему кругомъ, что могу спокойными глазами смотреть на бѣдность этихъ людей и на скудость ихъ природы. Что мнѣ до нихъ? (курсивъ нашъ). Я здѣсь, какъ человѣкъ, спустившійся на воздушномъ шарѣ; нынче сижу съ этими людьми и объясняюсь, какъ умѣю, завтра съѣзъ въ свою лалю и былъ таковъ“. (Тамъ же, стр. 12).

Съ научной точки зрѣнія брошюры г. Меча представляютъ различную цѣнность. Такъ, напр., мы очень высоко ставимъ „Финляндію“, которая даетъ очень полное представленіе и о природѣ, и о рельефѣ, и о геологическомъ прошломъ, и объ исторіи и этнографіи страны, и общественной жизни современныхъ обитателей ея, и совершенно отрицательно

относимся къ такимъ очеркамъ, какъ „Палестина“, гдѣ нѣтъ указаній ни на климатъ, ни на фауну и флору, очень интересную въ этой странѣ.

Итакъ, мы видимъ, что дорогая цѣна брошюръ г. Меча болѣею частью совершенно не окупается (съ точки зрѣнія интересовъ читателя народной библіотеки и слушателя народной аудиторіи) достоинствами ихъ. Не сомнѣваюсь, что всѣ эти брошюры будутъ вполнѣ у мѣста въ тѣхъ библіотекахъ, куда идетъ хорошо подготовленный читатель, но для народной библіотеки онѣ и дороги, и въ большинствѣ случаевъ не нужны. Безусловно можно рекомендовать „Финляндію“, недурны „Гренландія“ и „Кавказъ“, и только.

А. А. Н.

Библиотека для дѣтей и юношества подъ редакціей Горбунова-Посадова.

Профессоръ зоологіи М. Н. Богдановъ. „Скворцы и воробѣй“. Два разсказа съ 5 рисунками ц., 10 к., 31 стр. **Его же.** „Бѣдные звѣрьки:—ужъ и жаба“. Два разсказа съ 2 рис., ц. 8 коп., 17 стр. **Его же.** „Ласточка“, съ 4 рис., ц. 10 к., 27 стр. **Его же.** „Бѣдный звѣрекъ—летучая мышь“, съ 1 рис., ц. 8 к., 16 стр. **Его же.** „Мышка“, съ 5 рис., 18 стр., ц. 8 к.

Модестъ Богдановъ. Изданія К. И. Тихомирова. „Изъ жизни птицъ“. (1. О чемъ горевали птички. 2. Скворушко. 3. Орлиная дума. 4. Война сороки съ лисицами), ц. 10 к., 35 стр., съ рис. **Его же.** „Пасхальное яичко“, 24 стр., ц. 10 к., съ рис. **Его же.** „Какъ люди научились разводить рыбъ“, (Жозефъ Реми) 24 стр., ц. 10 к. съ рис.

Всѣ брошюры допущены въ народныя читальни; три послѣднія, кромѣ того, въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ. Почему первыя пять не удостоились этой чести, для насъ совершенно неясно. Онѣ, правда, написаны посерьезнѣе трехъ послѣднихъ, но тѣмъ не менѣе крайне желательны въ школь.

Имя покойнаго проф. Модеста Николаевича Богданова въ рекомендаціи, само собою, не нуждается. Какъ популяризаторъ, онъ достаточно извѣстенъ своими „Мірскими захребетниками“ и „Изъ русской жизни и природы“. Приведенные выше разсказы раньше входили въ эти сборники, давно уже распроданные. А потому появленіе ихъ, да еще въ отдѣльныхъ обложкахъ, можно только привѣтствовать. Оба изданія очень хороши, при чемъ брошюры Горбунова-Посадова выглядятъ даже щеголевато. Мы пока-что противъ этого. Нарядность книжки сейчасъ же сказывается на цѣнѣ, а хорошую книгу прежде всего необходимо сдѣлать дешевой, чего собственно нельзя сказать относительно приведенныхъ брошюръ, принимая во вниманіе ихъ крошечные размѣры.

На содержаніи брошюрокъ, изданныхъ въ „Библіотекѣ для дѣтей и юношества“, мы останавливаться не будемъ: оно ясно изъ самого титула каждой брошюрки. Всѣ онѣ стремятся или устранить недоразумѣніе, сложившееся по традиціи между человѣкомъ и тѣми или другими животными („Бѣдные звѣрьки,—ужъ и жаба“, „Бѣдный звѣрекъ—летучая мышь“, „Воробѣй), или осмыслить традиціонную же привязанность къ животному („Ласточка“), или устранить ненужную жестокость („Мышка“).

Изъ брошюрокъ, изданныхъ К. И. Тихомировымъ, первая написана безусловно для маленькихъ дѣтей, но она написана такъ красиво, такъ поэтично, что ее можно порекомендовать и для взрослого.

Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ уже ясно выступаетъ болѣе узкая практическая задача. „Пасхальное яичко“ посвящено куриному яйцу и курицѣ. Практическое значеніе куроводства авторъ самъ выясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Положимъ, что на каждого жителя приходится

только двѣ курицы, слѣдовательно, въ Россіи существуетъ около 200 милліоновъ куръ. Эти куры среднимъ числомъ дадутъ по пятидесяти яицъ и высидаютъ, кромѣ того, по пяти цыплятъ; тогда получимъ десять милліардовъ яицъ и одинъ милліардъ цыплятъ. Допустимъ, что сотня яицъ стоитъ 50 к., цыпленокъ 5 к., слѣдовательно 200 милліоновъ куръ даютъ доходъ Россіи въ 100 милліоновъ рублей. Вы, конечно, согласитесь, что всѣ эти расчеты ниже дѣйствительности“...

Брошюра „Какъ люди научились разводить рыбъ“ посвящена хозяйству будущаго, такъ какъ искусственное разведеніе рыбъ, по убѣжденію автора, должно занять со временемъ почетное мѣсто въ дѣлѣ использования человѣкомъ силъ природы. „Когда мнѣ случается переходить ручеекъ, я невольно вспоминаю Жозефа Реми, этого величайшаго изъ рыбаковъ, такъ какъ съ теченіемъ времени искусственное рыбоводство будетъ имѣть громадное значеніе. Мало ли у насъ ручьевъ и рѣчекъ, гдѣ вовсе нѣтъ рыболовства, потому что нѣтъ рыбы; теперь же, благодаря открытію Реми, населить эти пустые ручьи и рѣчки рыбами такъ же легко и просто, какъ разводить цыплятъ“.

Одно намъ (съ точки зрѣнія нашего читателя изъ народа) не понравилось въ нѣкоторыхъ брошюрахъ М. Н. Богданова. Авторъ въ своей работѣ имѣлъ въ виду несомнѣнно ребенка изъ достаточной семьи. Вотъ, напр: „Обратите вниманіе на вашъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ; часто ли бываютъ случаи, когда на столъ къ вамъ не попадетъ курочка или ея яичко? Вкусные булочки, сухарики, хлѣбцы рѣдко могутъ быть приготовлены безъ яичка. Безъ него не обойдется ни одинъ пирогъ или пирожное“ и т. д. („Пахальное яичко“, стр. 14). Все это хорошо говорить ребенку обезпеченному, а когда эта книжечка теперь придетъ въ деревню, хронически голодающую, тогда все это звучитъ какой-то профанаціей. Но Богъ съ нимъ, если бы все только и ограничивалось такимъ façon de parler. Но, къ сожалѣнію, авторъ, примѣняясь къ семьѣ болѣе обезпеченной, употребляетъ много словъ, которыя останутся непонятны деревенскому школьнику.

Книжечки тѣмъ не менѣе остаются цѣннымъ вкладомъ въ нашу народную литературу, и мы искренне желаемъ имъ всяческаго успѣха.

И. О. А—евъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Рыбье слово“. Повѣсти и рассказы А. А. Измайлова (Смоленскаго). Спб. Изд. П. П. Сойкина. 1903 г. Цѣна 1 р.

А. А. Измайловъ не новичекъ въ литературѣ, а писатель, составившій себѣ почтенное имя не только какъ прекрасный газетный работникъ, но и талантливый беллетристъ. Въ особенности онъ извѣстенъ своими рассказами изъ духовнаго быта, который ему очень хорошо знакомъ. Въ этой области А. А. Измайловъ часто не уступаетъ Лѣскову въ его лучшихъ произведеніяхъ. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ современныхъ реалистовъ, которые не увлекаются крайностью убѣжденій и взглядовъ въ изображеніи окружающей дѣйствительности. Онъ не шаржируетъ и не страдаетъ излишнею идеализаціей, но передаетъ рассказъ въ спокойномъ и ровномъ тонѣ, обогащая передаваемое, подобно Чехову, правдивымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ юморомъ.

Неподдѣльной простотою и правдою дышатъ рассказы „Рыбье слово“, изъ бытовыхъ апокрифовъ — „Три пункта“ и повѣсть „Енотова шуба“. Особенно характеренъ первый — „Рыбье слово“. Ничтожный маляръ по части художественныхъ вывѣсокъ и надгробныхъ эпитафій, Аеонька, ополчается въ пылу злобы противъ богатаго мѣстнаго купца, торгующаго рыбой. Дулина, и своею остроумною, метительною шуткою заставляя его покинуть любимый приходъ и перебраться въ другой околodокъ города. Рыбье слово, придуманное Аеонькой, и есть орудіе мести, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣда слабаго пьянчужки Аеоньки надъ сильнымъ въ городѣ купцомъ Дулинымъ. Въ рассказѣ изъ жизненныхъ встрѣчъ, „Вампиръ“, обстоятельно и интересно рисуется личность гениальнаго въ своемъ родѣ и неуваждаемаго репортера Сапожкова. Предъ читателемъ проходитъ тяжелая жизнь газетнаго труженика-репортера со всѣми злоключеніями и терніями на трудномъ пути. Въ совершенно другомъ духѣ рассказъ изъ бытовыхъ апокрифовъ, „Обида“. Развѣ не ужасная обида, когда отецъ дьяконъ и О. Сергій, второй священникъ мѣстнаго прихода, не свѣдѣвшіе предварительно между собою, преподносятъ по случаю двадцатилѣтняго юбилея пастырскаго служенія отцу протопопу Петру одинаковые подарки въ видѣ экземпляра проповѣдей Путятина. Не менѣе ужасно и обидно положеніе бѣдныхъ обывателей г. Зарѣченска въ рассказѣ „Корреспонденція“, когда они попадаютъ на столбы газеты „Родной край“ во всей неприглядной наготѣ своего соннаго бытія, благо-

даря неумѣстной шуткѣ одного изъ своихъ же собратьевъ. Яркими красками написана „Весенняя сказка“. Сколько поэзіи, чувства и трогательнаго умиленія въ воспоминаніи объ одной сказкѣ изъ ранняго дѣтства о романической исторіи, — „Танька“. Эта „весенняя сказка“ впоследствии оказалась не сказкой, не вымысломъ, а горькой правдой о молодой, обманутой любви. По духу морали эта сказка близко подходитъ къ разсказу „Обманъ“. Насколько увлекателенъ и заманчивъ флиртъ въ молодости, настолько тяжело, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе о завѣдомомъ обманѣ серьезно любящаго человѣка. Оригинальны по своему поэтическому складу разсказы „Сонъ въ Иванову ночь“ и „Навожденіе“. Нельзя не замѣтить здѣсь извѣстнаго несоотвѣтствія формы содержанію: прозаичная фабула разсказовъ и такихъ героевъ, какъ Гадей и Тома, передается въ высшей степени поэтичнымъ и художественнымъ по внѣшней формѣ изложенія повѣствованіемъ о нихъ. Въ послѣднемъ разсказѣ „Волшебный фонарь“ рисуется авторомъ вся неприглядная сторона быта темнаго люда глухой деревни „Богатиловка“. Читатель легко представитъ себѣ рисуемую авторомъ тяжелую, но правдивую обстановку глухой деревни и тѣ впечатлѣнія, какія могли получиться въ средѣ невѣжественной массы при появленіи въ школѣ волшебнаго фонаря. „Тѣма, царящая въ Богатиловкѣ, не рѣдѣетъ, — говоритъ авторъ, — и кажется, что разогнать ее безсиленъ не только слабый свѣтъ волшебныхъ фонарей, отъ которыхъ сюда долетаетъ только копотъ, но и яркій блескъ электричества. И хорошо дѣлаетъ авторъ, что не трактуетъ о причинахъ такого тяжелаго, невѣжественнаго состоянія нашего бѣднаго мужика, — пусть лишній разъ не омрачается чело отзывчиваго на чужія страданія читателя при мысли о бѣдствіяхъ и нуждахъ глухой, далекой и обширной провинціи.

П. Бук.

L'idée d'évolution dans la nature et dans l'histoire par Gaston Richard. Paris, Alcan 1903.—Эволюціонная идея есть какъ бы краткое выраженіе ученія, устанавливающаго законы происхожденія и развитія вселенной; это какъ бы концепція системы, которая должна лечь въ основу космогоніи. Но критикѣ этого ученія должно предшествовать изученіе отношеній между этой доктриной и тѣмъ методомъ, который примѣняется къ изслѣдованію тѣхъ отдѣльныхъ процессовъ, изъ которыхъ складывается жизнь.

Задача отыскать такой методъ предшествуетъ вопросу о самой доктринѣ, но ни критическая, ни научная философія не разрѣшаютъ этого вопроса. Выясненію этихъ важныхъ вопросовъ и посвященъ трудъ Гастона Ришара.

Само собой разумѣется, что резюмѣ такого изслѣдованія не можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ строкахъ. Но предупреждаемъ читателя, что предметъ, трактуемый не такъ отъвлеченъ, какъ это можно думать по названію книги, очень хорошо обработанъ и книга поэтому читается съ неослабвающимъ интересомъ.

Среди оригинальныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ этой книгѣ, мы встрѣтили очень интересную замѣтку, касающуюся мозга женщины въ связи съ теоріей подбора, которую мы и приводимъ цѣликомъ,

„Сравненіе мозга обоихъ половъ, говоритъ Ришаръ, для вопроса о подборѣ гораздо болѣе поучительно, чѣмъ сравненіе расъ“.

Школа Дарвина главнымъ образомъ способствовала тому, что было принято за аксіому положеніе, приписывающее мужчинѣ болѣе развитой мозгъ, чѣмъ жинщинѣ. Это утвержденіе тѣсно связано съ тѣмъ положеніемъ, которое видитъ въ умственномъ превосходствѣ результатъ

естественнаго и полового подбора. Это положеніе было бы поколеблено, если бы было установлено равенство обоих половъ въ умственномъ отношеніи, и было бы совершенно уничтожено, если бы оказалось, что въ среднемъ женщина стоитъ выше мужчины.

Дарвинъ утверждаетъ, что „въ среднемъ мужчина умственно превосходить женщину“ и приводитъ слѣдующее доказательство. „Пусть составить“,—говоритъ онъ, списокъ именъ мужчинъ и женщинъ, отличившихся въ поэзіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, наукѣ, филофіи—по 1/2 дюжины для каждой отрасли тѣхъ и другихъ—окажется, что эти имена даже несравнимы“.

Это превосходство мужчины является слѣдствіемъ той борьбы, которую ему приходилось вести. Мужчина долженъ былъ защищать свою жену и дѣтей отъ враговъ и охотиться, чтобы удовлетворить насущныя потребности свои и своей семьи. Но для того, чтобы побѣдить врага, чтобы ловить дикихъ животныхъ, нужна была совокупность всѣхъ высшихъ умственныхъ способностей: наблюдательности, ума и изобрѣтательности. Эти способности, все время упражняясь, привели къ превосходству пола и т. д.

Итакъ, мы видимъ, какъ упростилъ Дарвинъ эту задачу: высшія способности присущи мужскому полу—отсюда и превосходство средняго мужчины надъ средней женщиной. Принявъ первое положеніе, не трудно его и объяснить, отсюда вытекаетъ и теорія полового подбора.

Но можно ли отсюда заключать о геніальности въ среднемъ? Геній не есть уродство, но уклоненіе, аномалія, и тому, кто считается съ такой аномаліей не надо забывать и аномалій другого рода. Женщины, дѣйствительно, дали міру менѣе лицъ съ высшими способностями, но и дали менѣе сумасшедшихъ, идиотовъ и т. п. Если бы мы стали сравнивать оба пола съ точки зрѣнія вырождаемости, то намъ пришлось бы прійти къ заключенію не совсѣмъ выгодному для мужескаго пола. Если мы хотимъ поэтому избѣжать ошибокъ, то не должны считаться съ геніями, а принимать въ разсужденіе только средняго человѣка. Тогда неравенство половъ перестаетъ быть очевиднымъ. Кромѣ того надо откинуть изъ разсужденія и то превосходство мужчинъ, которое достигается искусственнымъ путемъ.

„Если обученіе женщины всегда стояло на второмъ планѣ, если мужчины, облеченные властью въ обществѣ, всегда подавляли проявленіе умственной дѣятельности женщинъ и поощряли покорность ихъ характера и пассивность ихъ ума,—то, конечно, всѣ эти обстоятельства будутъ неблагоприятны для женщины. Въ интеллигентныхъ классахъ культурныхъ обществъ долгая традиція обрекла женскій умъ на бездѣйствіе—у женщины тамъ развивали только память и вкусъ. Если же въ видѣ исключенія оба пола воспитываются и обучаются одинаково, какъ, напр.: въ Соединенныхъ Штатахъ, то тамъ факты говорятъ всегда въ пользу умственного превосходства женщины. (?) Что же касается низшихъ классовъ, то мы склонны думать, что въ среднемъ женщина этихъ классовъ стоитъ выше мужчины или, по крайней мѣрѣ, равна ему“.

Итакъ, психологія говоритъ (?) не за дарвинизмъ. Посмотримъ, что говорятъ данныя морфологіи. Пока объ организациі мозга судили по его вѣсу и примѣняли несовершенные методы для опредѣленія относительнаго вѣса мозга; пока приписывали лобнымъ долямъ мозга функціи болѣе важныя, чѣмъ теменнымъ,—дѣйствительно, можно было считать мозгъ женщины менѣе развитымъ, чѣмъ мозгъ мужчины. Но въ настоящее время антропологія устранила всѣ источники ошибокъ. Существен-

еть, какъ оказывается, весьма отдаленное соотношеніе между вѣсомъ мозга и его организацией. Извѣстно, насколько легкоъ былъ мозгъ Гамбетты, пламеннаго оратора и выдающагося государственнаго челоуѣка. Но изъ 6 выдающихся по своему вѣсу мозговъ, въ 1800 грм., лишь два принадлежатъ, дѣйствительно, выдающимся людямъ, какъ Тургеневъ и Кювье; изъ обладателей 4-хъ остальныхъ одни умерли въ безызвѣстности, другіе въ домѣ умалишенныхъ! Итакъ, абсолютный вѣсъ мозга не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Что касается отношенія вѣса мозга къ вѣсу всего тѣла, то и здѣсь, какъ показали изслѣдованія Тидемана и др., преимущество на сторонѣ женщинъ. У женщины теменные доли мозга развиты сильнѣе лобныхъ—и это обстоятельство истолковывалось неблагоприятно для нея. Но когда оказалось, что теменные доли для умственной жизни играютъ не меньшую роль, чѣмъ лобныя—и этотъ аргументъ потерять всякое значеніе.

Словомъ, и морфологія отказывается поставить женщину на болѣе низшую по сравненію съ мужчиной ступень развитія, какъ того требуетъ (?) дарвиновская теорія. Итакъ, женщина менѣе мужчины участвуетъ въ борьбѣ за существованіе и, тѣмъ не менѣе, мозгъ ея развитъ одинаково, если не больше (!) мужского мозга—вотъ самый убѣдительный доводъ протявъ теоріи полового подбора!

Безусловно вѣрно, однако, что женщины не проявляютъ умственной дѣятельности въ болшей степени, чѣмъ мужчины, и нельзя не сознаться, что мужчины превосходятъ женщинъ во всѣхъ видахъ дѣятельности. Какова же причина, мѣшающая превосходству женщины и обрекающая ее на болѣе низкое социальное положеніе? Не лежитъ ли она въ какой-нибудь функціи организма женщины? Воспитатели всѣхъ странъ поражаются раннимъ умственнымъ развитіемъ дѣвушекъ и ихъ превосходствомъ надъ молодыми людьми ихъ возраста. Это болѣе внимательные и способные ученики. Но замѣчательно то, что женщина замужняя рѣдко оправдываетъ надежды, которыя возлагались на нее, когда она была дѣвушкой. Умственные способности женщинъ какъ бы останавливаются въ развитіи, чего мы не замѣчаемъ у невыхедшихъ замужъ. Среди послѣднихъ почти всегда и встрѣчаются болѣе одаренныя представительницы этого пола.

Итакъ, мы уже знаемъ (?) причину, задерживающую развитіе умственныхъ способностей женщины: она лежитъ въ ея участіи въ продолженіи рода; умственное же превосходство мужчины обуславливается тѣмъ, что его участіе въ этомъ актѣ менѣе значительно.

Вотъ почему отношеніе между умственными способностями обоихъ половъ дѣлается обратнымъ въ зрѣломъ возрастѣ. Женщина до 20-ти лѣтъ достигаетъ полнаго расцвѣта своихъ умственныхъ способностей; умственная же зрѣлость мужчины наступаетъ лишь въ 30 лѣтъ.

Мы пришли такимъ образомъ къ извѣстному соотношенію между мозговой дѣятельностью и плодovitостью, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и вида. Мозгъ развивается въ обратномъ отношеніи къ производительности. Законъ, высказанный Спенсеромъ и Ломброзо объ антагонизмѣ между индивидуумомъ и производительностью, даетъ намъ то объясненіе, въ которомъ отказываетъ намъ законъ естественнаго подбора.

R. S.

Таковъ выводъ Гастона Ришара. Несмотря на оригинальность его точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что аргументація автора способна вызвать массу возраженій, уничтожающихъ всю убѣдительность его доводовъ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ критическое разсмотрѣніе этого труда; тѣмъ не менѣе, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя положенія автора, внушающія сомнѣнія со стороны выводовъ, дѣлаемыхъ имъ изъ фактовъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе довольно странное утвержденіе, что въ С. Штат. факты будто бы говорятъ въ пользу превосходства женщины, которая якобы стоитъ выше мужчины и въ низшихъ классахъ общества. Гдѣ эти факты, на какой статистикѣ они основаны—остается тайной автора, но существующія среди разныхъ народовъ пословицы, вродѣ, напримѣръ, упоминаній о длинномъ волосѣ и короткомъ умѣ и др. нелестныхъ для женскаго самолюбія выраженій «народной мудрости», далеко не согласуются съ заключеніемъ автора. Во всякомъ случаѣ, оснований, послужившихъ ему для выводовъ, не представлено.

Соглашаясь, что во всѣхъ родахъ дѣятельности мужчина превосходитъ женщину, авторъ пытается найти тому объясненіе въ остановкѣ развитія, якобы вызываемой половой дѣятельностью и материнствомъ. Опять таки данныхъ въ пользу этого заключенія абсолютно нѣтъ никакихъ, все это плодъ личныхъ наблюденій. Но не мѣшало бы почтенному автору обратить вниманіе и на факты, взятые изъ наблюденій надъ близкими къ намъ животными—обезьянами. Послѣднія, какъ давно замѣчено, въ молодости очень быстро развиваются умственно; потомъ наступаетъ остановка и даже регрессъ, и это безразлично, какъ у самцовъ, такъ и самокъ. Не проще ли наблюдаемое и среди дѣвочекъ быстрое интеллектуальное развитіе въ молодости съ послѣдующею остановкою развитія или даже регрессивнымъ ходомъ уподобить явленію, подмѣченному среди высшихъ обезьянъ? Не представляетъ ли собою это явленіе указанія на болѣе низкое мѣсто, занимаемое женщиною въ зоологической лѣстницѣ?

Что же касается вопроса о материнствѣ и половой жизни, какъ факторахъ, якобы влияющихъ на остановку развитія женщины, то опять таки никакихъ данныхъ въ пользу этого заключенія не имѣется, не говоря уже о томъ, что въ такихъ случаяхъ возможно дѣлать заключенія только съ цифрами въ рукахъ,—а статистики по этому вопросу не имѣется никакой,—минуя вопросъ о томъ, что установленіе факта отсутствія половыхъ сношеній среди дѣвушекъ часто лежитъ внѣ возможности, не говоря, наконецъ, о томъ, не менѣе распространенномъ наблюденіи, что материнство дѣлаетъ женщину болѣе „зрѣлою“ въ умственномъ отношеніи, болѣе вдумчивою, серьезною и уравновѣшенною,—не упоминая и еще о нѣкоторыхъ, просящихся подъ перо возраженійхъ,—нельзя не задать автору вопроса о томъ, почему онъ, считая старыхъ дѣвъ развитѣе, не обратилъ вниманія на довольно частыя среди нихъ случаи психопатіи и т. п. Куда отнести эти явленія,—въ область ли „уклоненій“, какими являются геніальныя натуры, или куда-нибудь въ иное мѣсто?

Нѣтъ. Несмотря на громадный интересъ, представляемый книгою Г. Рижара съ точки зрѣнія оригинальности взглядовъ, нельзя не признать, что едва ли не эта погоня за оригинальностью сдѣлала изъ его сочиненія не научное, а скорѣе публицистическое произведеніе, въ которомъ методы научной критики отходятъ на второй планъ. Не менѣе странно для ученаго также и задаваться довольно празднымъ вопросомъ, кто выше,—женщина или мужчина....

В. Б.

Энциклопедія промышленныхъ знаній. Книгоиздательство Т-ва Просвѣщеніе.

Томъ I. Исторія и современная техника строительна-го дѣла. Пер. съ нѣм. и доп. проф. В. В. Эвальдъ. Вып. 1—10. Цѣна 5 руб.

Томъ II. Силы природы и ихъ примѣненія въ промыш-ленности и technikъ. Пер. съ нѣм. подъ редак. проф. Н. А. Геае-хуса. Вып. 1—10. Цѣна 5 руб.

Томъ III. Электричество, его добываніе и примѣненіе въ промышленности и technikъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. В. В. Скобельцына. Вып. 1—10. Цѣна 5 руб.

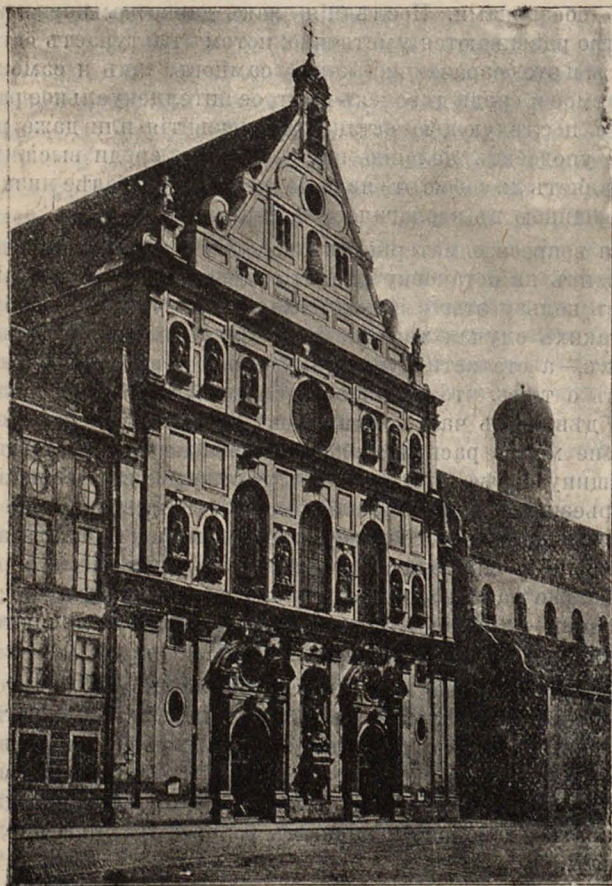
Томъ IV. Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. В. Я. Добровлянскаго и А. И. Ключорова. Вып. 1: Цѣна 50 к.

Томъ V. Горное дѣло и металлургія. Пер. съ нѣм. и доп. проф. И. В. Мухометова и В. А. Бауманъ. Вып. 1—10. Цѣна 5 р.

Томъ VI. Технологія металловъ. Пер. съ нѣм. и доп. проф. А. Н. Митинскій. Вып. 1—10. Цѣна 5 р.

Томъ VII. Обработка камней и земель и технологія химич. производствъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. В. Эвальда и мед. А. А. Байкова. Вып. 1. Цѣна 50 к.

Если присмотрѣться ко всѣмъ изданіямъ, выпущеннымъ на нашъ

Церковь св. Михаила въ Мюнхенѣ
(начата въ 1585 г.).

Изъ I т. «Промышленность и техника»
Т-ва «Просвѣщеніе».

книжный рынокъ за послѣднее десятилѣтіе, то нельзя не обратить вниманія на то множество всевозможныхъ энциклопедій, которыя предлагаются въ настоящее время читателю. Не вдаваясь, вообще говоря, въ критическую оцѣнку такого направленія, мы рассмотримъ, насколько «новое роскошно иллюстрированное популярное изданіе, — „Промышленность и техника,“ — удовлетворяетъ, съ одной стороны, поставленной изданіемъ задачѣ, а съ другой — дѣйствительнымъ потребностямъ читающей публики.

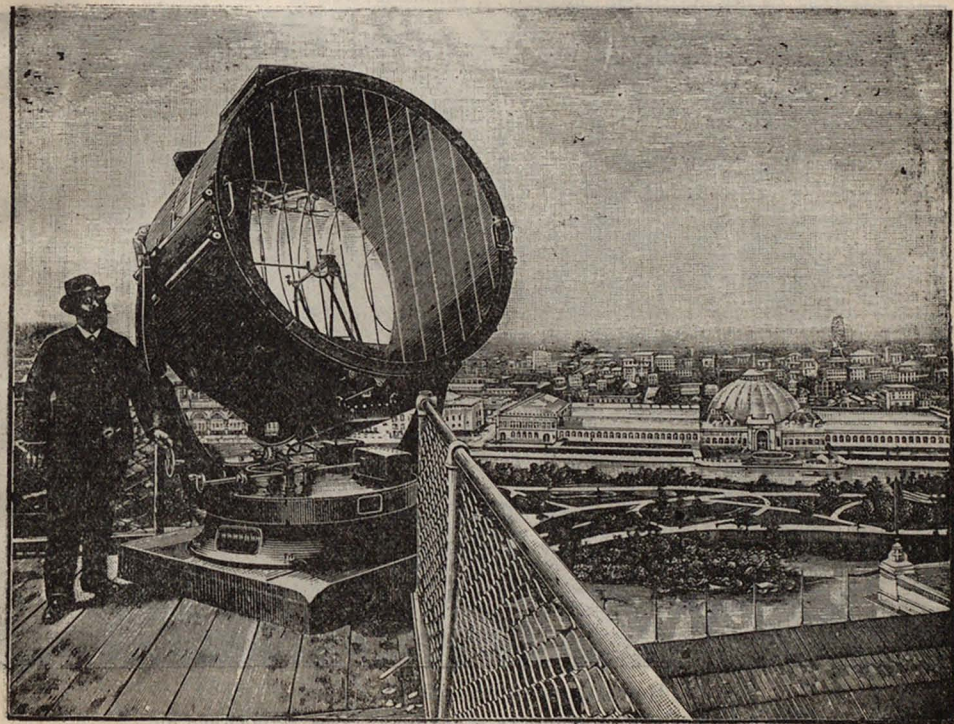
„Задача изданія, говорится въ объявленіи о подпискѣ на изданіе, распространить въ возможно болѣе широкомъ кругу свѣдѣнія о различныхъ отрасляхъ промышленности и техники, а равно и свѣдѣнія по тѣмъ основнымъ наукамъ, на

которые онъ опираются, ввести обыкновеннаго читателя въ кругъ вопросовъ, связанныхъ съ общей промышленной жизнью страны, дать ему основы для правильнаго пониманія развитія промышленности и тѣхъ грандіозныхъ успѣховъ, которые сдѣлала и дѣлаетъ техника за послѣднее время.

Содержаніе изданія представляетъ собой полную, строго научную и вмѣстѣ съ тѣмъ, популярную энциклопедію по вѣсѣмъ отраслямъ промышленности добывающей, обрабатывающей и распредѣляющей, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей современнаго культурнаго человѣчества“.

Кромѣ перечисленныхъ выше семи томовъ, изъ коихъ лишь пять закончены, имѣется въ виду выпустить еще томы: VІІІ — обработка волокнистыхъ веществъ, ІХ—пути сообщенія и Х—міровая торговля и хозяйство.

Прожекторъ Шуккерта и К^о на всемірной выставкѣ въ Чикаго 1903 г.

Изъ II т. «Промышленность и техника» Т-ва «Просвѣщеніе».

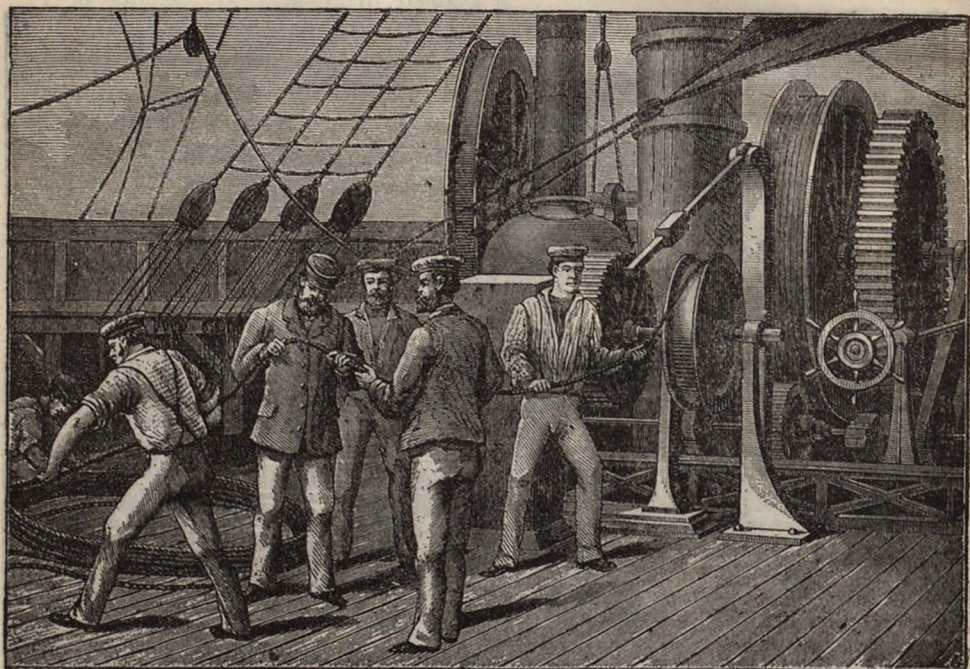
Предлагаемое изданіе представляетъ собою „переработанный и значительно дополненный для Россіи избранными русскими учеными, специалистами переводъ ІХ изданія извѣстнаго сочиненія: „Книга изобрѣтений, промышленности и ремеслъ“.

Цѣлый рядъ знаменитыхъ нѣмецкихъ и австрійскихъ профессоровъ, принявшихъ участіе въ этомъ трудѣ, и выходъ его въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ въ девятомъ изданіи—безусловно показываютъ, что настоящій трудъ, дѣйствительно, удовлетворяетъ насущной потребности читающей нѣмецкой публики и что имена профессоровъ пользуются у нихъ большимъ авторитетомъ. Такимъ образомъ и мы можемъ довериться компетенціи этихъ авторовъ, а имена профессоровъ Баумана, Гезеху-

са, Мушкетова, Эвальда и др. ручаются намъ за правильность перевода.

Безспорно, и у нашей читающей публики назрѣла потребность въ ознакомленіи съ вопросами промышленности и техники, еще такъ недавно известными лишь въ кругу специалистовъ и составлявшими предметъ ихъ профессиональной тайны. Да и самими специалистами по одной отрасли техники вопросы, затрагиваемые другой, были отчасти неизвѣстны. Слѣдовательно, съ этой стороны нельзя не порадоваться выходу въ свѣтъ этого изданія, но, къ сожалѣнію, приходится констатировать тотъ фактъ, что врядъ ли это изданіе доступно какъ по цѣнѣ, такъ и по изложенію „возможно болѣе широкому кругу читателей“; ибо, во первыхъ, все изданіе стоитъ 50 руб.—цѣна весьма высокая для большого круга читателей, а съ другой—способъ изложенія требуетъ довольно значительной подготовки и отчасти нѣсколько специальныхъ знаній. Изданіе это является „популярнымъ“ для специалистовъ, съ ихъ точки зрѣнія, но для

Поиски поврежденія въ кабелѣ.

Изъ III т. „Промышленность и техника“ Т-ва „Просвѣщеніе“.

неспециалистовъ оно далеко не популярно, а подчасъ встрѣчаются мѣста прямо недоступныя для пониманія широкаго круга читателей. Но если условимся подъ широкимъ кругомъ читателей считать лицъ, получившихъ среднее образованіе въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, среднихъ техническихъ школахъ, то для нихъ, дѣйствительно, это изданіе представитъ „полную, строго научную и популярную энциклопедію по всемъ отраслямъ промышленности“.

Ограничиваясь этими общими указаніями, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію cadaго изъ 5 вышедшихъ томовъ въ отдѣльности.

Первый томъ посвященъ исторіи и современной техники строительнаго искусства. Первую половину его занимаетъ исторія развитія строительнаго искусства въ связи со скульптурой и живописью съ небольшимъ

(72 стр.) введеніемъ, посвящаемымъ историческому ходу развитія культуры человѣчества. Одна глава, правда, небольшая, посвящена специально русскому зодчеству. Вторая половина касается вкратцѣ строительной техники (стр. 383—463), устройства городовъ и ихъ общественныхъ сооружений (водоснабженіе, канализація, бойни, рынки и т. д.), освѣщенія и, наконецъ, вентиляціи и отопленія. Томъ этотъ читается легко, съ большимъ интересомъ, даетъ очень много интересныхъ свѣдѣній и доступенъ обширному кругу читателей, конечно, потому, что трактуетъ о вопросахъ съ которыми, хотя и недетально, но все-таки болѣе или менѣе хорошо знакомы всѣ.

Второй томъ—силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и техники—раздѣляется на три части, изъ которыхъ двѣ (примѣрно равняясь $\frac{1}{2}$ всего тома) представляютъ собою популярно изложенный весьма распространенный курсъ физики, а третья касается чисто техниче-

Прогулка по Зинкверкамъ. Вагонъ для посѣтителей.
Изъ V т. „Промышленность и техника“ Т-ва „Просвѣщеніе“.

ской части и трактуетъ о двигателяхъ. Первые двѣ части составлены по обычной программѣ всѣхъ курсовъ физики, рассматривая сначала вопросы механики твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ и затѣмъ переходя къ физическимъ явленіямъ звука, свѣта, теплоты, электричества и магнетизма. Но въ изложеніи характерны двѣ вещи: отсутствіе какихъ бы то ни было формулъ и математическихъ выкладокъ и разборъ безконечнаго множества различныхъ употребляемыхъ въ промышленности и повседневной жизни инструментовъ съ объясненіемъ, конечно, принципа ихъ дѣйствія. Такого рода элементарность въ изложеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ широкая программа дѣлаютъ означенный томъ весьма цѣннымъ, и чтеніе его можетъ пополнить тотъ пробѣлъ, который остается послѣ гимназическаго прохожденія курса. Третья часть, посвященная двигателямъ, разбираетъ принципы устройства и описываетъ вѣтряные двига-

тели, гидравлическіе (водяные), касается исторіи развитія первыхъ двигателей, затѣмъ разсматриваетъ устройство современныхъ паровыхъ котловъ, паровыхъ машинъ и турбинъ, газовыхъ, керосиновыхъ и бензиновыхъ двигателей и, наконецъ, передачу работы и центральныя устройства по снабженію энергіей. Надо сознаться, что въ этомъ томѣ собраны рѣшительно всѣ новости по физикѣ и по тѣмъ вопросамъ техники, которые здѣсь затрагиваются.

Столовый приборъ въ формѣ корабля.

Изъ VI т. „Промышленность и техника“

Т-ва „Просвѣщеніе“.

Третій томъ специально посвященъ электричеству, его добыванію и примѣненію въ промышленности и Technikѣ. Такъ какъ во второмъ томѣ вопросамъ по магнетизму и электричеству удѣлено обширное мѣсто, то здѣсь физическая сторона разбирается лишь по столько, по сколько это необходимо для пополненія уже почерпнутыхъ свѣдѣній. И здѣсь приходится констатировать, что книжка составлена по шаблонному образцу курсовъ электротехники. Элементы, динамомашины, аккумуляторы, передача тока, освѣщеніе, примѣненіе тепловыхъ дѣйствій тока, электродвига-

тели, двигатели переменнаго тока, передача энергіи и наконецъ телеграфія—вотъ программа указаннаго тома. Отмѣчая, съ одной стороны, то отрадное явленіе, что мы встрѣчаемъ почти всѣ новинки по электротехникѣ, не исключая и беспроволочнаго телеграфированія, приходится отмѣтить одинъ весьма существенный, съ нашей точки зрѣнія, пробѣлъ. Дѣло въ томъ, что весьма большое количество электрическихъ приборовъ можно, конечно, сдѣлать домашнимъ путемъ съ самой малой затратой—и слѣдовало бы нѣсколько остановиться на этихъ приборахъ и указать, какъ смастерить ихъ дома. Вѣдь не надо забывать, что это популярное изданіе по технике, слѣдовательно въ его область входитъ и практическая сторона дѣла. Мало того, вѣдь въ настоящее время, по

крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ во многихъ домахъ мы встрѣчаемъ электрическое освѣщеніе, которое зачастую портится. Слѣдовало бы указать причины этого и дать нѣкоторые наставленія для исправленія неправильностей, когда онѣ настолько несложны и незначительны, что не требуютъ непремѣннаго содѣйствія монтера. Слѣдовало бы также указать и предѣлы, за которые не должны переходить „любители-монтеры“ во избѣжаніе еще большей порчи и несчастныхъ случаевъ. Наконецъ, не мѣшало бы дать хотя бы нѣсколько данныхъ о стоимости электрическаго освѣщенія, энергіи и установокъ. Последнее замѣчаніе касается и второго тома.—Я глубоко убѣжденъ, что указанія о цѣнѣ котла за квадратный метръ поверхности нагрева машины за эффективную лошадиную силу вмѣстѣ со стоимостью топлива и расхода его безусловно необходимо, иначе теряется одинъ изъ основныхъ критеріевъ для сужденія о выгодности механической энергіи.

Въ мастерской Дилдена и Бушъ въ Берлинѣ.

Изъ VII т. „Промышленность и техника“
Т-ва „Просвѣщеніе“.

Томъ V—горное дѣло и металлургія — „распадается на два самостоятельныхъ отдѣла, посвященныхъ одинъ—добывающей, а другой обрабатывающей горной промышленности“. Первый отдѣлъ знакомитъ читателя съ строеніемъ земной коры, съ горными работами, вообще, и затѣмъ даетъ цѣлый рядъ примѣровъ разработокъ: добычаніе золота, серебра,

мѣди, желѣзныхъ рудъ, цинка, олова и т. д., добываніе горючихъ веществъ, ископаемыхъ, солей, камней, драгоценныхъ камней. Второй отдѣлъ даетъ полное описаніе процессовъ полученія металловъ изъ рудъ и переплавки ихъ. Приходится сознаться съ тѣмъ, что „особенно удачной является мысль дать описаніе каждаго способа разработки въ извѣстномъ реальномъ примѣрѣ, такъ какъ такой способъ изложенія при наличности большого числа рисунковъ, выполненныхъ по фотографіямъ, снятымъ съ натуры на данномъ рудникѣ, въ высшей степени облегчаетъ пониманіе данного отдѣла читателямъ“.

Томъ VI—технологія металловъ—даетъ понятіе о работахъ, инструментахъ и машинахъ, употребляемыхъ на желѣзодѣлательныхъ, прокатныхъ и машиностроительныхъ заводахъ. Разбираются здѣсь и описываются цеха кузнечный, прокатный, литейный и механический, а затѣмъ разныя отрасли технологіи металловъ. Много мѣста посвящено спеціальнымъ отраслямъ фабричнаго производства, по преимуществу массоваго, какъ то булавокъ, иглолокъ, гвоздей, цѣпей, разныхъ инструментовъ, оружейному дѣлу, приготовленію замковъ и шкафовъ; исторіи и современному положенію часоваго дѣла посвящены цѣлыя главы, такъ что въ результатѣ читатель врядъ ли выноситъ представленіе о томъ, какъ производится работа на заводахъ и фабрикахъ и что такое заводъ. Этотъ томъ, мнѣ кажется, составленъ наименѣе удачно, хотя все-таки даетъ не мало безусловно полезныхъ и весьма интересныхъ свѣдѣній.

Что касается четвертаго и седьмого томовъ, изъ которыхъ пока мѣстъ вышли лишь первые выпуски, то о нихъ мы поговоримъ тогда, когда выйдутъ остальные.

Отмѣченные нами недостатки изданія и нѣкоторые пробѣлы не мѣшаютъ, однако, считать его очень полезнымъ и достойнымъ возможно болѣе широкаго распространенія. Мы склонны думать, что у насъ въ Россіи оно выдержитъ не одно изданіе, и было бы весьма пріятно, если бы съ каждымъ новымъ изданіемъ этотъ трудъ нѣсколько пополнялся не только въ смыслѣ прибавленія новаго матеріала, а съ точки зрѣнія такой обработки, которая соответствуетъ потребностямъ и отвѣчаетъ знаніямъ нашей большой читающей публики; при этомъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на большую популярность изложенія и прибавить хотя бы приблизительныя примѣрныя цифры стоимости различныхъ машинъ, инструментовъ и производства.

М. П.

Научная хроника.

Новыя изобрѣтенія въ области электротехники, инженер-наго искусства и техники.

Новое изобрѣтеніе въ области телефоніи.— Мы позволимъ себѣ начать нашъ краткій обзоръ съ изобрѣтенія, которое въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ произвести полный переворотъ въ области телефонной практики.

Длина телефонной линіи, какъ извѣстно, колеблется въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, и, если телеграфъ нисколько не стѣсняется разстояніемъ, такъ что депешами могутъ обмѣниваться любые соединенные телеграфной проволокой пункты земного шара, то совсѣмъ иное приходится сказать о телефонѣ. Наибольшая длина телефонной линіи въ Европѣ (Берлинъ—Парижъ) достигаетъ всего-на-всего только 1.200 килом. Для кабеля и это разстояніе является невозможнымъ.

Дѣло въ томъ, что токъ, передающій разговоръ, уже самъ по себѣ весьма слабый, обладаетъ еще крайне непріятнымъ свойствомъ, если можно такъ выразиться, „испаренія“, которое возрастаетъ пропорціонально длинѣ телефонной линіи.

Все усиліе телефонныхъ техниковъ и направлено на ослабленіе этого „испаренія“, что достигалось до сихъ поръ утолщеніемъ телефонныхъ проводовъ; но за то увеличивается и довольно значительно въ такомъ случаѣ стоимость самой линіи. Приходилось искать иныхъ путей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ инженеры Томсонъ (S. Thompson) и Гивисидъ (Heaviside) предложили включить въ телефонную цѣпь самоиндукирующія катушки, дабы усилить такимъ образомъ электрическій токъ, а слѣдовательно и увеличить разстояніе, при которомъ возможно телефонированіе. Но опыты, производившіеся въ этотъ направленіи, никакихъ существенныхъ результатовъ не дали.

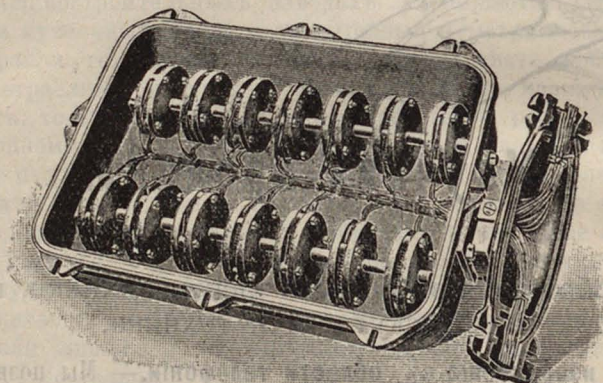
Недавно профессоръ колумбійскаго университета М. Пушинъ, занявшійся этимъ же вопросомъ, математически показалъ, почему сама по себѣ правильная идея двухъ упомянутыхъ инженеровъ на практикѣ потерпѣла полное фіаско. Онъ пришелъ къ выводу, что самоиндукторы не могутъ

быть включены въ цѣпь по желанію гдѣ угодно, но что для достиженія успѣха необходимо включить—1) строго опредѣленное число самоиндукторовъ и 2)—въ опредѣленныхъ пунктахъ линіи, разстояніе между которыми находится въ извѣстномъ отношеніи къ длинѣ волнъ возбуждаемаго звукомъ электрическаго тока.

Такова сущность изобрѣтенія Пупина, изобрѣтенія, давшаго такіе изумительные результаты, что нѣмецкая фирма Сименсъ и Гальске воспользовалась пріобрѣсти привилегію на него для Европы.

Опыты, произведенные этой фирмой при поддержкѣ имперскаго почтоваго вѣдомства, во всемъ подтвердили лабораторные изысканія и математическія выкладки проф. Пупина.

г.— Самоиндукторы Пупина, включенные въ кабель.

Для опытовъ этихъ имперское вѣдомство предоставило воздушную линію между Берлиномъ и Магдебургомъ и кабель Потсдамъ-Берлинъ.

Послѣдній содержитъ 28 паръ миллиметровыхъ проводовъ. Изъ нихъ 14 паръ были переустроены по системѣ Пупина, 14 же оставлены въ своемъ первоначальномъ положеніи. Кабель достигаетъ 32,5 килом. и самоиндукторы (фиг. 1) включались черезъ каждые 1.300 м. Оказалось, что, включая 5 паръ отдѣльныхъ проводовъ такимъ образомъ, чтобы общая длина линіи достигла 162 килом., телефонированіе можетъ совершаться съ той же ясностью, какъ и при 32,5 килом.

Можно было переговариваться послѣ даже при включеніи 13 паръ отд. проводовъ, т. е. даже въ томъ случаѣ, когда длина линіи достигала 422,5 килом. Правда, звукъ былъ очень слабъ, но все же довольно явствененъ.

Столь же благоприятные результаты получены и при опытахъ съ воздушной линіей Берлинъ—Магдебургъ (150 килом.)

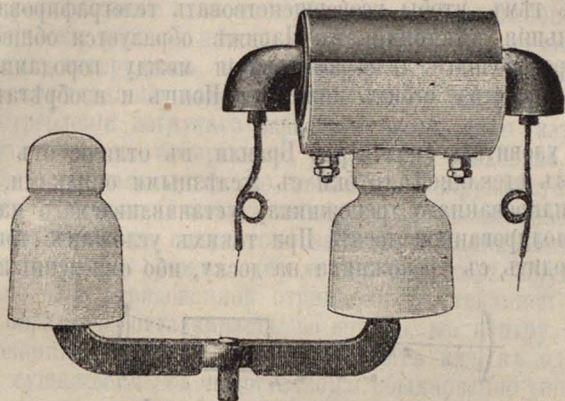
Самоиндукторы (фиг. 2) были включаемы въ этомъ случаѣ черезъ каждые 4 килом., и оказалось, что разговоръ по проволоцѣ гораздо меньшей толщины, чѣмъ употребляющаяся доселѣ въ телефонной практикѣ, передавался вполне отчетливо.

Изъ опытовъ ясно видно, что: 1) ясность разговора включеніемъ самоиндукторовъ увеличивается, по крайней мѣрѣ на существующихъ линіяхъ, вчетверо; 2) что въ будущемъ устройство телефонной линіи будетъ обходиться много дешевле, благодаря употребленію болѣе тонкой проволоки, и 3) что при примѣненіи проволоки извѣстной толщины длину телефонной линіи безъ ущерба для ясности разговора возможно увеличить въ 4—5 разъ.

Такимъ образомъ, любой пунктъ Европы можетъ быть включенъ теперь въ телефонную сѣть, ибо наибольшее разстояніе между европейскими городами не превышаетъ 6000 кило.

Въ будущемъ устройствѣ телефонной сѣти придется считаться лишь съ доходностью той или другой линіи; что же касается чисто технической

2.—Расположеніе самоиндукторовъ въ воздушной линіи.

стороны дѣла, то всѣ трудности этого рода теперь болѣе не существуютъ.

Сказанное относится лишь къ воздушной системѣ проводовъ. Обращаясь къ кабелю, приходится сознаться, что, несмотря на достигнутые и здѣсь успѣхи, все же телефонный кабель, напр., между Европой и Америкой вопросъ будущаго,—ближайшаго или отдаленнаго, на это отвѣтить намъ усовершенствованію молодого изобрѣтенія.

Беспроволочный телефонъ. Сенсаціонный успѣхъ беспроводнаго телеграфа, естественно, побудилъ электротехниковъ попытаться приложить принципы Маркони къ телефону, и нѣкоторые благоприятные результаты не заставили себя ждать.

Извѣстно, что электропроводность селена возрастаетъ пропорціонально степени его освѣщенія.

Этимъ замѣчательнымъ свойствомъ селена и воспользовался нѣмецкій электротехникъ Румеръ (Ruhmer), рассказывающій о своихъ попыткахъ телефонированія безъ проводовъ въ «Elektrotechnischer Zeitschrift».

Передачный аппаратъ (станція отправленія), устроенный изобрѣтателемъ, состоитъ изъ электрической дуговой, такъ называемой «поющей лампы», помѣщенной въ оптическомъ центрѣ параболическаго рефлектора діаметромъ въ 350-мм. Рефлекторъ передаетъ свѣтовые волны, (интенсивность которыхъ измѣняется подъ вліяніемъ звуковъ голоса говорящаго), въ желаемомъ направленіи на станцію назначенія, отстоящую отъ станціи отправленія на 7 километровъ.

Пріемникъ состоитъ изъ подобнаго же рефлектора, но въ его центрѣ помѣщенъ цилиндрическій селеновый элементъ, соединенный съ электрической батареей. Селеновая пластинка переводитъ свѣтовые волны «отправителя» въ электрическія пріемника, въ свою очередь воспроизводящія звуковыя волны «поющей лампы».

Токъ, силой въ 4—5 амперъ, достаточенъ для телефонированія на разстояніе 1—2 кило., 8—10 амперъ—для 3—4 кило.

12—16   „   „   „   5—7   „

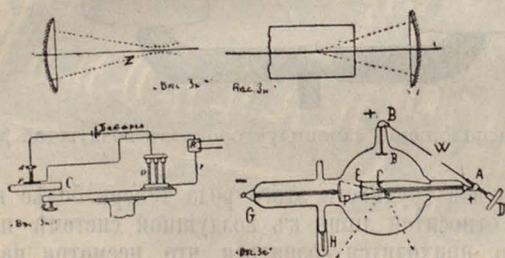

Беспроволочный телефонъ Румера дѣйствуетъ совершенно исправно какъ днѣмъ, такъ и ночью.

Совершенно излишне распространяться о значеніи новаго изобрѣтенія: оно ясно каждому.

Система беспроволочнаго телеграфированія Поппъ-Бранли.—Въ то время, какъ въ Англіи Маркони, и въ Германіи Слаби и Браунъ работаютъ надъ тѣмъ, чтобы усовершенствовать телеграфированіе безъ проводовъ на большія разстоянія, въ Парижѣ образуется общество для примѣненія беспроволочнаго телеграфированія между городами Франціи. Во главѣ этого общества стоитъ инженеръ Поппъ и изобрѣтатель кохерера, Бранли.

Новый уловитель (кохереръ) Бранли, въ отличіе отъ предыдущихъ, состоящихъ изъ стеклянной трубки съ желѣзными опилками, состоитъ изъ стального оксидированнаго треножника, устанавливаемого на стальной же, тщательно отполированной доскѣ. При такихъ условіяхъ токъ батареи не можетъ переходить съ треножника на доску, ибо окисленный слой не про-

3—6.—Новая рентгеновская трубка. 7.—Схема расположенія приборовъ при беспроволочномъ телеграфированіи по системѣ Поппъ-Бранли.

водитъ электричества; но если на аппаратъ попадутъ электрическіе волны, то они пройдутъ сквозь этотъ слой и пропустятъ токъ. Чувствительность этого аппарата къ электрическимъ лучамъ зависитъ отъ толщины слоя окиси и отъ той температуры, при которой производится оксидировка.

Послѣ каждого прохожденія электрическихъ волнъ необходимо приготовить аппаратъ для восприниманія слѣдующихъ волнъ; въ новомъ аппаратѣ для этого достаточно лишь слабый толчокъ, и поэтому нѣтъ надобности въ особомъ ударномъ механизмѣ; ударъ производитъ правое плечо якоря пишущаго аппарата. Соединеніе аппарата на приемной станціи схематически изображено на прилагаемомъ рисункѣ. *D*—новый приемникъ, *R*—релѣ, *V*—проводочный реостатъ и *C*—правый конецъ анкернаго рычага аппарата Морза. Полюсъ батареи соединенъ съ уловителемъ *D* и съ установительнымъ винтомъ *A*, который въ свою очередь соединенъ платиновымъ контактомъ *P* съ рычагомъ *C*. Кромѣ того контактъ *P* соединенъ съ релѣ *R*, а послѣдній съ доской приемника.

Благодаря присутствію слоя окиси въ приемникѣ, чрезъ релѣ *R* не проходитъ токъ, но какъ только появляются электрическія волны, токъ проходитъ чрезъ релѣ, морзовскій аппаратъ приходитъ въ дѣйствіе, его якорь *C* ударяетъ по винту *B*, благодаря чему приемникъ приводится въ начальное состояніе и прекращается прохожденіе тока чрезъ релѣ. Понятно, что этотъ новый аппаратъ быстрѣе приходитъ въ покойное состояніе, и слѣдовательно передача производится быстрѣе.

Улавливающія волны проволоки центральной станціи, равно какъ и подстанцій, располагаются на высокихъ мачтахъ, установленныхъ на крышахъ домовъ.

Новая рентгеновская трубка.—Какъ извѣстно, при весьма сильномъ разрѣженіи воздуха въ обыкновенныхъ Круксовыхъ трубкахъ изъ катода (отрицательный полюсъ) выходятъ лучи, которые, вступая въ другое тѣло, образуютъ такъ наз. рентгеновскіе лучи. Мѣста, на которыя попадаютъ катодные лучи, сильно нагрѣваются, и поэтому обыкновенно заставляютъ ихъ падать на платиновую пластинку, точка плавленія которой очень высока, такъ что рентгеновскіе лучи исходятъ изъ этой платиновой пластинки.

Фотографическіе снимки помощью рентгеновскихъ лучей тѣмъ удачнѣе, чѣмъ меньше поверхность, испускающая лучи, и, слѣдовательно, приходится собирать выходящіе катодные лучи въ одной точкѣ. Но, къ сожалѣнію, при употребленіи вогнутаго зеркала (обыкновенно изъ алюминія) оказывается, что лучи не собираются, какъ того слѣдовало бы ожидать, въ одной точкѣ, а располагаются по небольшой окружности, какъ будто бы они состоятъ изъ матеріальныхъ частицъ, одноименно наэлектризованныхъ (отрицательно) и въ силу этого взаимно отталкивающихся. Чтобы все-таки сконцентрировать лучи въ одну точку, Дессауеръ окружаетъ катодные лучи сильно наэлектризованной отрицательно стеклянной трубкой, которая, такимъ образомъ, отталкиваетъ во внутрь, къ центру, отрицательно же наэлектризованные катодные лучи и собираетъ ихъ въ одну точку.

Вторымъ существеннымъ недостаткомъ обыкновенно употребляемыхъ трубокъ является то, что трубка испускаетъ, вообще, одинъ родъ лучей въ зависимости отъ разрѣженія, а между тѣмъ всякій родъ лучей обладаетъ опредѣленной проходимостью и химическимъ воздѣйствіемъ. Такимъ образомъ одна и та же трубка непригодна для фотографированія различныхъ предметовъ.

Оба эти недостатка отсутствуютъ въ Дессауеровской трубкѣ, изготовляемой электротехнической лабораторіей въ Ашаффенбургѣ, въ Баваріи, представленной на рис. 3—6 А—анодъ (антикатодъ) съ платиновой пластинкой С, В—вспомогательный анодъ, G—катодъ съ вогнутымъ зеркаломъ F, E—стекляная трубка для собиранія лучей въ одну точку, H—платиновая трубка съ колпачкомъ для измѣненія вакуума въ трубкѣ, W—сопротивленіе, регулируемое винтомъ D. Соотвѣтственнымъ расположеніемъ вспомогательнаго анода и антикатада можно достигнуть, безъ измѣненія вакуума, полученія различныхъ лучей; употребляя только антикатодъ, мы получаемъ лучи высокой проходимости, употребляя же антикатодъ со вспомогательнымъ анодомъ, получаемъ лучи хотя и меньшей проходимости, но за то большаго химическаго дѣйствія. Устанавливая помощью винта D концы искрообразователя W на различныхъ разстояніяхъ, мы получаемъ рядъ лучей промежуточныхъ между двумя указанными крайними положеніями.

Стенографическая пишущая машина.—Всѣ появившіеся до сихъ поръ стенографы-автоматы, какъ ни расписывали ихъ достоинства въ своихъ безпардонныхъ рекламахъ г.г. изобрѣтатели, отнюдь не стояли на высотѣ своего назначенія. Но вотъ, недавно, судя по отзывамъ заграничной печати, французу Ж. Лафори (J. Lafaurie) посчастливилось избѣжать неудачъ своихъ предшественниковъ.

«Стенодактиль», предложенный имъ, оказался настолько практичнымъ, что парижскій муниципалитетъ поспѣшилъ ввести его въ своихъ засѣданіяхъ для записи депутатскихъ преній.

Принципъ, положенный Лафори въ основу стенодактиля, довольно оригиналенъ. Клавіатура аппарата состоитъ всего изъ 10 клавишъ, по 5 для каждой руки, всѣ клавиши перенумерованы въ такомъ порядкѣ:

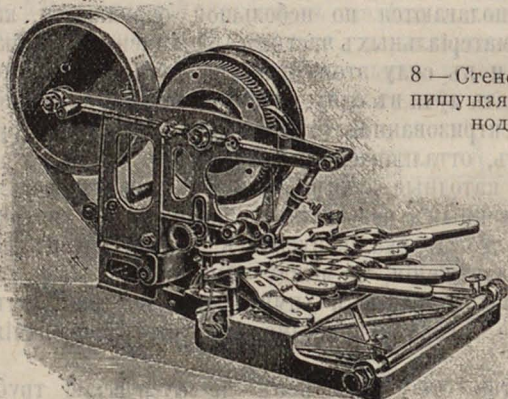

Лѣвая рука. — Правая рука.

5 4 3 2 1   1 2 3 4 5

При нажимѣ, каждый клавишъ, помощью рычажка, отпечатываетъ соответствующую цифру на бумажной лентѣ, накрутой на особое колесо, какъ у телеграфнаго аппарата; одновременное нажатіе нѣсколькихъ клавишъ даетъ на лентѣ оттискъ тѣхъ же цифръ, расположенныхъ въ одну строку.

Оригинальность системы Лафори заключается въ томъ, что каждый нажимъ воспроизводитъ одинъ слогъ, начинающійся съ согласной. Клавиши лѣвой руки служатъ для согласныхъ, правой — для гласныхъ. 5 цифръ обуславливаютъ 31 комбинацію, и, слѣдовательно, стенодактиль распола-

8 — Стенографическая пишущая машина (стенодактиль).

Вѣстн. Знанія

43	1
543	1 3
54	1 23
54	2 4
5432	1 2 4
4	1 4
4	1 4
32	3

гаетъ 62-мя отдѣльными значками, которыхъ вполне достаточно для воспроизведенія алфавита любого европейскаго языка и наиболѣе часто встрѣчающихся въ немъ окончаній.

Справа на прилагаемомъ рисункѣ можно видѣть стенограмму Лафори; значки 1 (согласныя) для лѣвой руки перевернуты (1), дабы не спутать ихъ со значками правой (для гласныхъ).

Преимущества стенографическаго воспроизведенія по системѣ Лафори, сравнительно съ существующими ручными, громадны: стенограмма легко читается не только самимъ писцомъ, но и каждымъ, знакомымъ съ алфавитомъ Лафори, слѣдованіе за обыкновенной свободной рѣчью, что было возможно до сихъ поръ лишь послѣ долгихъ лѣтъ практики, теперь достигается уже упражненіемъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ибо стенодактиль въ состояніи отиснуть до 300 слоговъ въ минуту, т. е. больше, чѣмъ нужно; трудъ стенографа значительно облегчается, такъ какъ ему незначѣмъ слѣдить за машиной — бумажная лента передвигается автоматически, а пальцы лежатъ всегда на соответствующихъ клавишахъ. Слѣдовательно, все вниманіе работающій можетъ сосредоточить на ораторѣ, и къ слуху такимъ образомъ присоединить еще зрѣніе, а это, конечно, много способствуетъ пониманію рѣчи.

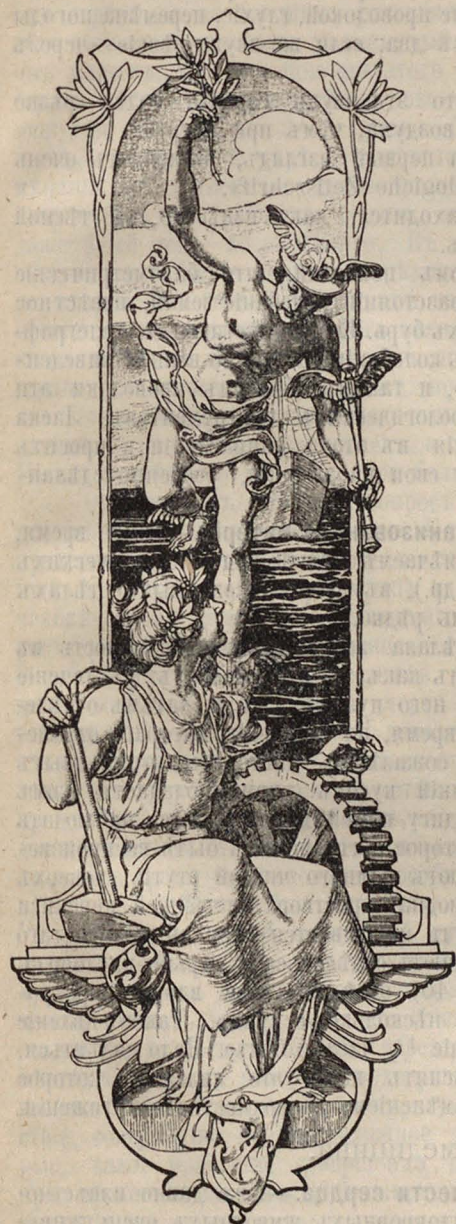
Наконецъ, при помощи стенодактиля могутъ работать и слѣпые.

Машина весьма проста и портативна, — объемъ ея незначителенъ, а вѣсъ достигаетъ всего лишь 1,2 килогр., работаетъ безшумно; стенограмма настолько удобочитаема, что при произнесеніи рѣчей вполне въ состояніи безъ перевода служить въ видѣ конспекта.

Словомъ, по увѣреніямъ компетентѣйшихъ стенографовъ, передъ стенодактилемъ лежитъ самая широкая будущность.

Желѣзная дорога между Европой и Америкой.—Въ послѣднее время много говорили о желѣзной дорогѣ, которая должна соединить Европу съ Америкой. Въ настоящее время, по словамъ «Scottish geographical Magazine» проектъ этотъ находится на пути къ осуществленію. Починъ принадлежитъ американцамъ, которые въ настоящее время хлопотуть о привилегіи на постройку азіатской части этой дороги отъ Владивостока до мыса Нумайно, у Берингова пролива.

Проектъ ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Начинаясь у Владивостока, дорога эта идетъ до мыса Нумайно, на азіатскомъ берегу Берингова пролива; отсюда она будетъ проложена подъ проливомъ до американскаго берега, гдѣ, пройдя Аляску, соединится съ канадской желѣзной дорогой.

Такимъ образомъ, вся Европа, большая часть Азіи и вся Сѣверная Америка будутъ покрыты однимъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ.

Самая интересная часть проекта, конечно, постройка подводнаго туннеля.

Если проектъ этотъ будетъ осуществленъ, будетъ вызванъ къ жизни цѣлый рядъ странъ, которые до сихъ поръ стояли совершенно въ сторонѣ отъ всякой культурной жизни.

Физика, химія, метеорология.

Фосфоръ въ метеоритѣ.—Фосфоръ, какъ извѣстно, въ свободномъ состояніи не встрѣчается въ природѣ. Поэтому громадный научный интересъ представляетъ собой сообщеніе. «Kirchhofs Technische Blätter» объ открытіи, сдѣланномъ Оливеромъ Фарингтономъ въ Чикаго. Когда этотъ ученый желая получить обломокъ метеорита, сталь

буравить его, онъ замѣтилъ, что изъ образовавшагося отверстія вырывается бѣлый дымъ, съ характернымъ для бѣлага фосфора запахомъ. Отдѣленіе дыма продолжалось коло двухъ часовъ, послѣ чего на днѣ углубленія отъ бурава видно было свѣтящееся пятно. Химическій анализъ показалъ также присутствіе чистаго фосфора.

Помимо указанія на присутствіе свободного фосфора въ метеоритѣ, открытіе это интересно еще и тѣмъ, что указываетъ на необходимость образованія метеорита въ средѣ, лишенной кислорода.

Телеграфныя проволоки и предсказаніе погоды.—Метеорологъ Эйдамъ (Eydam), на основаніи своихъ многолѣтнихъ наблюденій, высказалъ предположеніе, что звучаніе телеграфныхъ проволокъ предвѣщаетъ всегда дурную погоду. Когда звуки, издаваемые проволокой, глухіе, переменна погоды наступаетъ приблизительно дня черезъ два; если же звуки рѣзкіе—черезъ нѣсколько часовъ.

Интересно то обстоятельство, что эти звуки гораздо болѣе рѣзко выражены при спокойномъ состояніи воздуха, чѣмъ при вѣтрѣ.

Это явленіе, очень странное на первый взглядъ, объясняетъ очень удовлетворительно Ласка въ «Meteorologische Zetischrif».

Погода (дождь, снѣгъ, буря) находится, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ барометрическимъ давленіемъ.

Наблюденія же надъ маятникомъ показали, что барометрическіе минимумы вызываютъ на огромномъ разстояніи колебаніе земли, извѣстное въ наукѣ подъ названіемъ сейсмическихъ бурь. Если допустить, что телеграфныя проволоки принимаютъ участіе въ колебаніи почвы, то выше приведенное явленіе объясняется очень просто, и такимъ образомъ проволоки эти могутъ занять мѣсто среди метеорологическихъ инструментовъ. Ласка намѣренъ продолжать свои изслѣдованія въ этомъ направленіи и проситъ всѣхъ интересующихся сообщать ему свои наблюденія, особенно сдѣланныя въ тихую погоду.

Періодическія явленія въ неорганизованной матеріи.—Въ то время, какъ въ жизни органической мы замѣчаемъ цѣлый рядъ періодическихъ явленій (биеніе сердца, дыханіе и др.), въ неорганизованныхъ тѣлахъ такая періодичность наблюдается очень рѣдко.

Въ свое время много шума надѣлала замѣченная періодичность въ раствореніи хрома въ кислотахъ. Хромъ какъ бы пульсировалъ: въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выдѣлялись изъ него пузырьки газа, затѣмъ отдѣленіе газа прекращалось на нѣкоторое время, по истеченіи котораго отдѣленіе опять возобновлялось и т. д. Къ сожалѣнію, повторить этотъ опытъ не всегда удается, такъ какъ не всякій кусокъ хрома обладаетъ этимъ свойствомъ. Но въ недавнее время Бредигу и Вейнмайру удалось наблюдать еще одно проявленіе періодичности, которое легко можетъ быть воспроизведено. Въ пробирный стаканъ помѣщаютъ немного чистой ртути, поверхность которой наливаетъ около 10 куб. с. воднаго раствора чистой перекиси водорода. Черезъ нѣкоторое время ртуть покрывается пленкой золотистаго цвѣта, а изъ перекиси водорода начинаютъ отдѣляться пузырьки кислорода. Черезъ нѣсколько минутъ (отъ 5 до 40) отдѣленіе газа, вдругъ, прекращается и наступаетъ снова спустя нѣсколько секундъ. Такое явленіе продолжается съ перерывами въ теченіе $\frac{1}{2}$ часа и болѣе. Надо надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія объяснятъ намъ это явленіе, которое по видимому, находится въ связи съ измѣненіемъ поверхностнаго натяженія.

Биологія, медицина.

Новѣйшія изслѣдованія живучести сердца.—Уже давно извѣстно, что сердце представляетъ собою у теплокровныхъ животныхъ очень живучій органъ. Недавнія изслѣдованія д-ра Кулябко дали въ этомъ отношеніи поразительные результаты. Онъ пользовался особымъ растворомъ Лока, по содержанію минеральныхъ солей приближающимся къ кровяной плазмѣ. Въ вырѣзанное у животнаго сердце пропускался насыщенный кислородомъ раствора Лока, поддерживаемый при температурѣ тѣла, и сердце оживало. Пользуясь этимъ растворомъ, д-ръ Кулябко прежде всего убѣдился въ томъ, что лишенное крови сердце можетъ быть оживлено чрезъ 10—20

минуть, даже при самых неблагоприятных условиях внешней температуры. Сердце кролика, вырванное за $\frac{1}{2}$ часа передъ тѣмъ и перенесенное въ холодную погоду изъ одной лаборатории въ другую, отстоявшую отъ первой не на близкомъ разстояніи, снова забилося, какъ только чрезъ него стали пропускать упомянутый растворъ. Продолжая дальше опыты, онъ нашелъ, что при помощи этого искусственнаго кровообращенія, біенія сердца могутъ быть восстановлены и чрезъ еще болѣе значительные промежутки времени, до 3—5 сутокъ. Даже при естественной смерти животныхъ, — по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ болѣзней, — удастся, путемъ примѣненія искусственнаго кровообращенія, вызвать правильную и довольно энергичную дѣятельность сердца, вырваннаго изъ трупа на 2-й, 3-й и даже 4-ый день послѣ смерти. Въ самое же недавнее время ему удалось восстановить біенія сердца, вырваннаго изъ трупа 3-хъ-мѣсячнаго ребенка на второй день послѣ смерти отъ воспаления легкихъ. Сердце было перенесено въ лабораторію и чрезъ ввязанную въ аорту канюлю была пропущена нагрѣтая и насыщенная кислородомъ жидкость Лока. Долгое время сердце оставалось неподвижнымъ, но чрезъ 20 минутъ на немъ стали обозначаться слабыя, рѣдкія и медленныя сокращенія предсердій, перешедшія затѣмъ и на правый желудочекъ, а подъ конецъ, стало биться и все сердце. Біенія послѣдняго продолжались больше часа.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о практическомъ значеніи опытовъ, нельзя не согласиться съ д-ромъ Кулябко, что они, во всякомъ случаѣ, представляютъ большой теоретическій интересъ, какъ чрезвычайно наглядный примѣръ живучести сердца и какъ первая попытка примѣненія на человѣческомъ сердцѣ искусственнаго кровообращенія, въ формѣ солевыхъ растворовъ. Возможность оживленія и восстановленія самостоятельныхъ біеній сердца у людей и животныхъ, умершихъ отъ болѣзней — даже спустя довольно долгое время послѣ смерти — фактъ, несомнѣнно, новый, и интересный. Онъ можетъ служить доказательствомъ того, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественной смерти, остановка сердечной дѣятельности обуславливается не истощеніемъ органа, а накопленіемъ въ немъ продуктовъ обмѣна, по удаленіи которыхъ, посредствомъ промыванія сосудовъ сердечной стѣнки фізіологическимъ растворомъ соли, возможно будетъ на долгое время восстановить способность сердца къ біенію. («Scien. Med.» «Рус. Вр.», «Вѣст. Общ. Гигіены»).

Дѣйствіе лучей вольтовой дуги, какъ средство противъ плѣшвости. — Рядъ опытовъ, произведенныхъ въ Копенгагенѣ надъ дѣйствіемъ лучей дуговыхъ лампъ на плѣшивыя мѣста, показалъ, что такимъ путемъ можно вызвать вновь появленіе волосъ на лысинѣ. Даже послѣ короткаго сеанса замѣчалось, что дней черезъ 10 начинали расти волосы въ тѣхъ мѣстахъ лысины, которыя подвергались интенсивному дѣйствію электрическаго свѣта. Такимъ образомъ, лучи дуговыхъ лампъ производятъ дѣйствіе, совершенно противоположное дѣйствію рентгеновскихъ лучей, которые, какъ извѣстно, совершенно оголяютъ кожу отъ волосъ и даже при продолжительномъ дѣйствіи, производятъ труднозалѣчиваемыя изъязвленія.

Роль гипнотизма въ медицинѣ. — Учрежденная по почину прусскаго министра народнаго просвѣщенія и здравія комиссія по вопросу о значеніи гипнотизма въ медицинѣ недавно представила результаты своихъ занятій прусскому медицинскому департаменту.

Комиссія, состоящая изъ первоклассныхъ авторитетовъ въ медицинѣ, напр., проф. Мендель, Ашенборнъ и др., въ общемъ очень скептически относится къ пѣлительной роли внушенія.

Само собой разумѣется, что о гипнотическомъ лѣченіи органическихъ

заболѣваній не можетъ быть и рѣчи, и этотъ вопросъ комиссія заранѣе исключила изъ своей программы.

Но ученое собраніе оспариваетъ благотѣльное вліяніе гипноза и при лѣченіи, напр., даже эпилепсін, а примѣры исцѣленія отъ этой страшной болѣзни при помощи внушенія считаетъ мнимыми, основанными на неправильно поставленномъ діагнозѣ. Равнымъ образомъ, сомнѣвается комиссія въ возможности гипнотическаго лѣченія истеріи, т. е., какъ разъ отрицаетъ терапевтическое значеніе внушенія въ той области, гдѣ до сихъ поръ, по взглядамъ самихъ медиковъ, оно должно было дать наиболѣе значительные результаты.

Истерія была бы излѣчима, говорится въ докладѣ комиссіи, если бы было возможно освободить больного отъ вліяній повышенной восприимчивости къ внушенію; избавленіе же отъ внушенія помощью опять-таки новаго внушенія при такой болѣзни, какъ истерія, совершенно безцѣльно.

Наконецъ, что касается функциональных душевныхъ расстройствъ, то и о лѣченіи ихъ, по мнѣнію комиссіи, не можетъ быть рѣчи.

Совесть другое приходится сказать, если возникаетъ вопросъ о значеніи гипноза для устраненія различныхъ тяжелыхъ явленій, вызываемыхъ воздѣйствіемъ мѣстнаго заболѣванія на общее состояніе больного. Ни одинъ опытный врачъ не станетъ отрицать цѣлебнаго дѣйствія внушенія; что гипнотизмъ въ состояніи устранить болѣзненные симптомы—не исцѣляя самой болѣзни—несомнѣнно, но успѣхъ зависитъ, конечно, отъ умѣнія, опытности внушающаго, отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ восприимчивости больного къ внушенію.

Признавая, однако, за гипнотизмомъ извѣстное значеніе въ симптоматической терапіи, комиссія считаетъ необходимымъ въ то же время обратить вниманіе на то, что примѣненіе его отнюдь не всегда безопасно: иногда гипнозъ влечетъ за собой нѣкоторые душевные расстройства; иной разъ, устраняя симптомы болѣзни, онъ усиливаетъ самую болѣзнь.

Опасность растетъ, когда за дѣло берется дилеттантъ или новичокъ, не могущій предусмотрѣть всѣхъ непредвидѣнныхъ случайностей при гипнотизаціи.

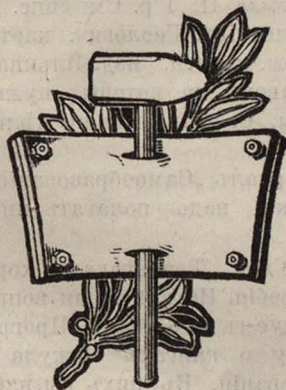
Впрочемъ, заключаетъ комиссія, чѣмъ больше знакомится публика съ методомъ гипнотическаго лѣченія, тѣмъ менѣе и менѣе его очарованіе. ибо успѣхъ гипнотизма заждется какъ разъ на вѣрѣ въ чудесное, сверхъестественное. У скептиковъ онъ почти неизмѣнно терпитъ полное фіаско. Поэтому несомнѣнно, что привычка къ гипнотизму, знаніе его тайнъ принесетъ съ собой и разочарованіе въ его могуществѣ.

Нельзя не замѣтить по поводу этого „рѣшительнаго“ приговора комиссіи, что она совершенно упустила изъ виду одинъ очень важный вопросъ, и это можетъ совершенно лишитъ всякаго значенія приговоръ почтенной комиссіи, и безъ того, впрочемъ, идущій въ разрѣзъ съ практикою гипнотизма. Я хочу сказать о недостаточно еще выясненной медициною роли самой природы, т. е. реакціи организма, его сопротивляемости болѣзни. Природа, говорятъ, лучший докторъ, и это настолько вѣрно, что, пожалуй, можно сказать: тотъ врачъ хорошъ, который только не мѣшаетъ природѣ бороться съ болѣзнію, а если онъ сумѣетъ помочь организму—безразлично путемъ ли внушенія или инымъ какимъ-нибудь,—то это будетъ все, чего мы вправѣ ожидать отъ его медицинскихъ познаній. Въ организмѣ, какъ свидѣлствуютъ о томъ изслѣдованія Мечникова и другихъ ученыхъ, имѣется такая масса средствъ борьбы съ болѣзнетворными аген-

тами, что намъ остается изучить лишь условія, благопріятѣ твующія дѣятельности разныхъ фагоцитовъ и т. п. дѣятелей... Въ какой мѣрѣ вліяетъ на сопротивляемость организма наше психическое состояніе, мы точно еще не знаемъ, хотя врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ громадности этого вліянія... Всѣ эти ученые коммисіи, строго говоря, ничего новаго сказать не могутъ, тѣмъ болѣе, что онѣ состоятъ изъ врачей, продолжающихъ до сихъ поръ смотрѣть на гипнотизмъ, какъ на синонимъ внушенія, и вращаться въ заколдованномъ кругу своего незнанія вліянія этого фактора на организмъ. Кромѣ того не мѣшаетъ замѣтить, что помимо очень плохого, крайне односторонняго знанія вопроса о гипнотизмѣ, среди врачей (въ особенности, нѣмецкой школы) до сихъ поръ господствуетъ довольно пренебрежительное отношеніе къ этой области, требующей на самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, громадной специализаціи, съ другой—широкаго образованія... Кромѣ специальной, довольно *редкой* гипнотической способности (большинство врачей держится того взгляда, что гипнотизировать можетъ всякій), чтобы быть *хорошимъ* гипнотизеромъ надо изучить вопросъ до тонкости, не только по новѣйшимъ источникамъ, но что важнѣе,—по стариннымъ. Еслибъ среди коммисіи были такія лица, и еслибъ она задалась цѣлью шире изучить основы натурального леченія; то заключеніе ея, пожалуй, не было бы столь категоричнымъ, а потому и легкомысленнымъ.

В. Б.

Подписч. В. П. из Москвѣ. На одинъ изъ вашихъ вопросовъ уже вы нашли отвѣтъ въ прошломъ № журнала. На другой—о книгахъ, рекомендуемыхъ, для чтенія по зоологiи, мы не можемъ дать отвѣта, не зная Вашей подготовки и цѣлей, преслѣдуемыхъ Вами; давать же списокъ книгъ въ видѣ цѣлой программы (общей) для чтенія, — на это здѣсь не имѣется мѣста и возможности. Въ приложеніяхъ, касающихся вопросовъ, Васъ интересующихъ, даются списки книгъ. Такъ, въ приложеніи къ наст. № вы найдете кое-что; будутъ даны также библиогр. указ. и къ другимъ приложеніямъ.

Подп. № 1667 — 374 П. П. К. Геологія Иностранцева цѣна каждого тома (ихъ 2)—по 4 р. 50 к. Учебн. минералогiи *Лебедева*. Руководство къ опредѣл. минераловъ. *Кобеля* Ц. 1 р. Смъ спис. книгъ къ нашему „Руководству для собир. коллекцій“. Геологич. карта Россіи *Гельмерсена*. Въ уменьш. видѣ она прилож. къ атл. изд. Ильина. Болѣе подробн. свѣд. требуютъ спецiальн. справокъ, на которыя нужно время; такія справки для насъ затруднительны. Сообщите ваши цѣли — мы постараемся отвѣтить.

Подписч. № 2295. Журналъ „Самообразованіе“ и др., изд. д-ра Рамма не выходятъ. Подписчики, надо полагать, ничего не получаютъ. Взысканіе безнадежно.

Подписч. № 1409. Учеб. Трачевскаго хороши. Соч. Рагозиной—не учебники, а полезныя пособія. На всѣ ваши вопросы отвѣтить нельзя въ нѣск. строкахъ; рекомендуемъ приобрести „Программы домашнего чтенія“ 4-е года (части), „Книгу о книгахъ“ Янжула и брошюрку Карѣва о книгахъ для самообразованія. Въ нихъ вы найдете отвѣты. Замѣтимъ, однако, что всѣ хорошія книги врядъ ли соответствуютъ программамъ для поступленія куда-либо.... Надо различать полученіе настоящаго образованія и полученіе извѣстныхъ правъ по образованію...

Нашимъ подписчикамъ, приславшимъ свои сочувствія и пожеланія. Большое спасибо! Только встрѣчая такую нравственную поддержку, и возможно работать. Но мы вынуждены просить и о распространеніи свѣдѣній о журналѣ, такъ какъ для покрытія громаднхъ расходовъ по изданію нужно большое количество подписчиковъ. Еслибы каждый изъ друзей журнала нашелъ хоть одного подписчика, тогда намъ было бы значительно легче вести свое трудное дѣло.

Отвѣты подписчикамъ современемъ будутъ болѣе полны и основательны, пока же просимъ простить за недочеты....

Къ свѣдѣнію авторовъ и подписчиковъ.

1) Присылаемые авторами и переводчиками подь *заказными бандеролями* рукописи должны быть *четко* написаны, только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціею страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы; если авторъ не желаетъ измѣненій, то долженъ упомянуть объ этомъ въ началѣ рукописи. Въ такомъ случаѣ, если, по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ—она возвращается автору. Рукописи менѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа и стихотворенія не возвращаются и по поводу ихъ редакція не ведетъ переписки.

3) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то для полученія ея обратно нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку *заказною* бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимость пересылки взыскивается наложеннымъ платежомъ.

4) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; на переводахъ-же кромѣ того нужно упомянуть названіе сочиненія въ оригиналѣ, имя автора и пр. Если оригиналъ данъ редакціею, переводчикъ долженъ возвращать все вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ сличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа.

5) Гонораръ выдается послѣ напечатанія одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. *Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.*

6) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ статьямъ, помѣщаемымъ въ приложеніяхъ къ журналу, если не было особаго соглашенія.

7) Редакція ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательство сохраненія порядка даваемыхъ приложеній и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, одно сочиненіе другимъ приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ.

8) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почт. марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р., а иногородного на городской—50 к.

9) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать адресъ бандероли, по которому высылается журналъ, или сообщить его №. Безъ этого условія наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адреса просить писать четко, иначе часто совершенно *невозможно* исполнить просьбу подписчика.

10) Жалобы на неисправность доставки, согласно почтовымъ правиламъ, направляются въ контору редакціи не позже полученія слѣдующаго № журнала.

11) Контора не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій жел. дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

12) Всѣ заявленія, касающіяся подписки, необходимо адресовать въ контору «Вѣстника Знанія», С.-Петербургъ, Кузнечный пер., д. № 2, кв. 1, уголъ Владимірскаго проспекта. По литературнымъ же вопросамъ непосредственно ред.-изд.—Вильгельму Вильгельмовичу ф.-Битнеру.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“.

Редакторъ-Издатель В. В. БИТНЕРЪ.

Иллюстр. „толстый“ ежемѣс. литературный, художественный и популярно-науч. **36 кн.** безплатн. ный журналъ съ приложеній для самообразования.

12 книж. „Общедоступнаго Университета“ являющагося систематическимъ курсомъ природовѣдѣнія, составленнымъ по знаменитымъ лекціямъ Буземанна (физика, метеорологія, механика въ связи съ другими естеств. науками, географ. астроном. и пр.) Изложеніе живое, вполне общедоступное. Масса рисун., табл. и картинъ въ краскахъ.

12 книж. „Энциклопедической Библиотеки для Самообразования“, состоящей изъ ряда самостоятельныхъ сочин. по разн. отраслямъ знанія: 1) *Веберъ*. Панорама вѣковъ. Очер. всемір. истор.—2) *Бельше*. Исторія міросозерцанія до Колумба.—3) *Бельше*. Ист. соврем. естествознанія.—4) Руководство къ собиранію коллекцій и наблюденію природы.—5) *Домъ*. Ист. всемірной литературы.—6) *Бреннеръ*. Астрономич. вечера.—8) *Бансель*. Кооператизмъ, съ доп. о рус. артеляхъ и др. коопер.—8) *Бельше*. Происхожденіе органич. жизни.—9) *Рю*. Прекрасное въ ист. человечества (Ист. искусство).—10) *Лассаръ-Вонъ*. Популярная химія, съ прилож.; *В. Битнеръ*. Общедост. хим. анализъ почвы.—11) *Бельше*. Основы развитія органич. міра.—12) *Бельмъ-Баверкъ*. Ист. полит. экономіи. Легкое, живое и популярное изложеніе избран. сочиненій, при массѣ рис., портр. и карт. въ краскахъ, отличаетъ эту бібліотеку отъ другихъ изданій для самообразов. легкою усвояемостью.

12 книж. „Читальни Вѣстника Знанія“, ряда состоящей изъ соч. для легкаго самообразоват. чтенія, имѣющаго въ виду широкое образованіе: 1) *Мультатуми*—Критико-біографическій очеркъ—2) *Мишо Д'Юмъ*—Великія легенды человечества (Брама, Кришна, Прометей, Психея, Мерланъ—очарователь, Вѣчный Жидъ, Фаустъ, Донъ-Жуанъ и пр.) съ рис.—3) Соціальныя утопіи—4) *Гюдри-Мено* Женщина и женскій вопросъ (полож. и роль ея въ ист. разн. народ.; дѣвушка, жена, мать; новая женщина, ея будущее) съ портр. знам. женщ. и красавиц.—5) *Бернацкій* Медицина, врачи и общество (къ вопр., поднят. Вересаевымъ).—6) Общественно-полит. жизнь Запада съ рис. и портр.—7) Литературные портреты (съ рис.).—8) *В. Битнеръ*. Гипнотизмъ и родств. явленія въ наукѣ и жизни (рис.).—9) Историческія загадки.—10) *Жинист*. Современный театръ, его жизнь, „звѣзды“, литература, публика (рис.).—11) *М. Нордау*. Избранные парадоксы.—12) *В. Битнеръ*. Колыбель русскаго державства (съ рис.) Главнѣе назнач. „Читальни“ будить мысль, способствовать развитію гуманности и любви къ знанію.

Въ 12 книгахъ самого „Вѣст. Знан.“, являющагося не специальнымъ, а общелитературнымъ и притомъ единственнымъ „толстымъ“ иллюстр. журналомъ, принимаютъ участіе лучшіе литераторы, профессора, популяризаторы и беллетристы, состоящіе сотрудниками уважаемыхъ журналовъ. Стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества всестороннее освѣщеніе вопросовъ дѣйствительности — составляютъ задачи „Вѣст. Знанія“, который, избѣгая доктринерства, явится строго прогрессивнымъ органомъ. Подписная цѣна (**48 кн.**) 7 руб., съ дост. и перес. 8 руб. Разсрочка по нѣ 1903 годъ 2 руб. за 1/4 года. За границу 11 руб. Подписная плата за одинъ первый мѣсяцъ 1 руб.

При подпискѣ черезъ книжные магазины послѣдніе могутъ удерживать въ свою пользу (комиссіонныхъ, пересылочныхъ) только 35 к. съ каждаго годового подписчика.

Адресъ редакціи „Вѣст. Знан.“ С.-Петербургъ, Кузнечный, 2, кв. 1.

2015595715

